

Учредитель и издатель: Пермский государственный
национальный исследовательский университет

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ван Кэвэнь, кандидат культурологии, зав. кафедрой русского языка,
директор Центра русского языка (Наньчанский университет, КНР)

Даниела Попович Николитч, доктор филологических наук, доцент философского факультета
(университет в Нише, Сербия)

Лопалева-Ристовска Наталья, кандидат филологических наук, доцент кафедры славистики
Университета им. святых Кирилла и Мефодия (Скопье, Македония)

Ху Сяосюэ, кандидат филологических наук, доцент Шаньдунского университета (Вэйхай, КНР)

Цао Юэхуа, кандидат филологических наук, декан факультета русского языка
Шаньдунского педагогического университета (Цзинань, КНР)

Ши Хуншэн, профессор, директор Центра по изучению России
Аньхойского университета (Хэфэй, КНР)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Кондаков Б.В. (гл. ред.), д. филол. н., проф.
Русинова И.И. (зам. гл. ред.), к. филол. н., доц.
Абашев В.В., д. филол. н., доц.
Арустамова А.А., д. филол. н., доц.
Баженова Е.А., д. филол. н., доц.
Бакланова И.И., к. филол. н., доц.
Белоусов К.И., д. филол. н., проф.
Боронникова Н.В., к. филол. н., доц.

Бурдина С.В., д. филол. н., проф.
Данилевская Н.В., д. филол. н., доц.
Ерофеева Е.В., д. филол. н., доц.
Ерофеева Т.И., д. филол. н., проф.
Мишланов В.А., д. филол. н., проф.
Подюков И.А., д. филол. н., проф.
Полякова Е.Н., д. филол. н., проф.
Шляхова С.С., д. филол. н., проф.

Адрес учредителя, издателя и редакции: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15
E-mail редакции: irusinova@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Социо- и психолингвистические аспекты функционирования языка

<i>Данилевская Н. В.</i>	Место и роль выразительности в научном тексте.....	6
<i>Павлова Д. С.</i>	Влияние возраста говорящих на среднюю зону и периферию семантической структуры устного спонтанного текста.....	13
<i>Цыгульская Л. Д.</i>	Актуализация значений многозначного слова <i>акт</i> в языковом сознании работников органов ЗАГС	19
<i>Яруллин Д. В.</i>	Комбинаторный аспект восприятия жанровой формы	24

Стилистика, грамматика, текст, дискурс.

Методика преподавания филологических дисциплин

<i>Баженова Е. А.</i>	Рекламный текст в юрислингвистическом аспекте	30
<i>Каджая Л. А., Салимовский В. А.</i>	Описание как илокутивный акт и тип речи.....	36
<i>Карпова Т. Б.</i>	Содержательные и методологические особенности научно-исследовательской работы с китайскими студентами	42
<i>Котюрова М. П.</i>	Изучение речевой индивидуальности ученого по принципу «от общего к частному».....	47
<i>Кыркунова Л. Г.</i>	Руководство научно-исследовательской работой (НИР) студентов как вид комплексной педагогической деятельности.....	53
<i>Медведева Н. В., Фоминых Л. С.</i>	Подготовка будущего учителя-словесника к работе в билингвальных условиях: лингвометодический комментарий учебного материала в современных УМК по русскому языку	59
<i>Мишланов В. А.</i>	Еще раз о манипулятивной и персуазивной коммуникации («либеральные» СМИ в современном политическом дискурсе)	67
<i>Ширинкина М. А.</i>	Об одном лингвистическом признаке бюрократической отписки	76

Современное коммуникативное пространство

<i>Крижановская Е. М.</i>	Особенности реализации диалогичности в текстах аккаунтов российских политических журналистов в социальной сети «Фейсбук».....	82
<i>Куличкина Г. В.</i>	Массовая работа с аудиторией как фактор устойчивого развития современной региональной прессы (на примере муниципальной прессы Пермского края)	88
<i>Лукиных А. С., Шумов К. Э.</i>	Журналистика в условиях чрезвычайных ситуаций.....	95
<i>Масальцева Т. Н.</i>	Литературные авторитеты региональной газеты 1930-х годов: по материалам пермской газеты «Звезда»»	100
<i>Мусина Э. Ю.</i>	Особенности невербального поведения Теодора Курентзиса во время телеинтервью.....	106
<i>Оносова К. О.</i>	Документальное кино в системе медиаобразования на Урале (опыт профессиональной подготовки студентов-журналистов в Перми и Екатеринбурге)	110
<i>Пустовалов А. В.</i>	«Пермский университет» в структуре филологического гипертекста.....	116
<i>Черепанова Л. Л.</i>	Влияние аудиторного фактора на медиапространство района	122

Язык и культура

<i>Бакланова И. И.</i>	Диалогичность как средство создания образов детей (на материале текста рассказа И. С. Тургенева «Бежин луг»)	129
<i>Боброва М. В.</i>	Лексика тематического поля «Растительный мир» в современных прозвищах коми-пермяков	135
<i>Гранова М. А.</i>	Есть ли дом у лешего? (на материале русских мифологических текстов Пермского края).....	142
<i>Зверева Ю. В.</i>	Метафорические названия в микротопонимии Пермского края	150

<i>Китаева М. А., Малькова О. В., Патокина Н. Ю., Шкурatok Ю. А.</i>	Годонимы микрорайона Южный города Перми: история и современность 156
<i>Кротова-Гарина А. В. Русинова И. И. Лобанова А. С.</i>	Функции и действия духа дома (на материале коми-пермяцких мифологических текстов) 162 Лингвокультурологический аспект метафоризации коми-пермяцких названий насекомых 172
<i>Пешина К. С.</i>	Топонимы, мотивированные именем или прозвищем человека, в преданиях Пермского края..... 181
<i>Подюков И. А.</i>	Русские заимствования в похоронно- поминальной обрядности коми-пермяков..... 187
<i>Савельева М. А.</i>	О некоторых проблемах описания народных названий растений в тематическом словаре 196
<i>Свалова Е. Н.</i>	Особенности образных оснований коми- пермяцких пословиц 202
Литература и культура	
<i>Антипина З. С.</i>	Поэты из народа в провинциальной газете 1860-х годов: о литературной биографии поэта- самоучки 209
<i>Гордеева Н. В.</i>	Мотив оборотничества в «Корейских сказках» Н. Г. Гарина-Михайловского 215
<i>Зырянова А. И.</i>	Пермская сказка в пространстве современной культуры 221
<i>Князева Е. А.</i>	Авторский сайт как способ формирования медиаобраза современного писателя (на материале сайта Виктора Пелевина)..... 227
<i>Кутдусов Р. В.</i>	«Ходит дурачок по небу»: поэтика Егора Летова..... 232
<i>Михайлов С. С.</i>	Гиваргиз Хошаба: к биографии самобытного ассирийского поэта..... 239
<i>Пешина К. С.</i>	«Рубиновый» мотив в лирике Н. С. Гумилева..... 244
<i>Полякова Н. А.</i>	Культурное пространство в современной пермской литературе..... 250

<i>Роготнев И. Ю.</i>	По краям сатирической поэтики: «История одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина.....	257
<i>Туманова О. С.</i>	«Скандинавский диптих» А. М. Майкова (поэмы «Бальдур» и «Брингильда»): диалог со старой Эддой	268
Книга в контексте эпохи		
<i>Баталова О. А.</i>	Пермские синодники как источник изучения родов XVII–XVIII веков.....	273
<i>Белова Л. А., Пупкова И. Ф.</i>	Антропонимы местного делового письма XVIII века в лингвокультурном контексте.....	279
<i>Бурдинская И. А.</i>	Прижизненные издания поэтов Серебряного века в фондах библиотеки ПГГПУ.....	285
<i>Власова Е. Г.</i>	Книга как часть кроссмедийного научно-популярного проекта: современное переиздание «Дорожных записок на пути из Тамбовской губернии в Сибирь» П. И. Мельникова-Печерского.....	289
<i>Каменских А. Н.</i>	«Репертуар пермской книги» как ресурс для изучения Пермского края: к постановке проблемы.....	294
<i>Курбанова Р. Ф.</i>	Мультимедийная книга: особенности формата и продвижения.....	299
<i>Пигалева С. В.</i>	Издания XVIII в Пермском крае: выявление и описание.....	303
<i>Шаврина А. М.</i>	Социологические исследования в Пермской краевой библиотеке им. А.М. Горького: библиотечное обслуживание и читательская аудитория	310
<i>Шпакова М. В., Косякина Ю. С.</i>	Прижизненные издания русских авторов конца XVIII века – первой трети XIX века в фонде Пермской краевой библиотеки им. А. М. Горького.....	316

СОЦИО- И ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЯЗЫКА

УДК 81'42

Данилевская Наталия Васильевна
профессор кафедры русского языка и стилистики
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
danil6@mail.ru

МЕСТО И РОЛЬ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В НАУЧНОМ ТЕКСТЕ

В статье рассматривается вопрос о роли средств выразительности в научном тексте. Обосновывается особая роль оценочных средств в научной коммуникации. Оценка определяется как аксиологический компонент познавательной деятельности, принимающий активное участие в процессе развертывания текста. Автор дифференцирует эмоциональную и экспрессивную разновидности оценки, рассматривает варианты их выражения. Утверждается, что эмотивный характер повествования присущ научному изложению онтологически, а выразительность пронизывает всю ткань научного произведения. Делается вывод о том, что в выразительность является одним из инструментов текстообразования в научной сфере.

Ключевые слова: научный текст, оценка, выразительность, научное знание, процесс текстообразования.

Функциональная стилистика, как научное направление, ориентированное на изучение закономерностей текстообразования, с самого начала своего развития (1960-1970-е года) уделяла особое внимание *процессуальному* аспекту формирования текста – речевому развертыванию. В связи с этим в центре внимания исследователей оказывались не только и не столько языковые единицы, сколько речевые, текстовые – например, такие как *акцентность, диалогичность, связность, ретроспекция, проспекция, развернутые вариативные повторы, точность, логичность* и др. [см.: Красавцева 1984, 1990; Котюрова 1983, 1988; Данилевская 1992, Кожина 1998; Иванова 1998; Чиговская 2001 и др.].

Интерес функциональной стилистики к процессу речепроизводства носит онтологический характер: это лингвистическое направление разрабатывалось профессором М.Н. Кожиной именно как *новый принцип анализа языка*, учитывающий не только фактуру текстовой ткани, но широкий экстралингвистический контекст, предопределяющий специфику этой фактуры [Кожина 2014]. Важное место в концепции М.Н.Кожиной

всегда занимала проблема взаимодействия в произведении *автора* и *адресата* как двух активных полюсов текстообразования.

Как известно, исследования стилистов Пермской школы были в большой мере сосредоточены на научной сфере деятельности. В последнее время вопросы социокультурных традиций в научной коммуникации, правил и техник трансфера научного знания, повышения роли ученого в изменяющемся обществе и в самой научно-образовательной деятельности становятся особенно актуальными. Без решения проблем закономерностей текстообразования в научной сфере представляется невозможным сохранение и дальнейшее развитие норм письменной формы научного стиля, а также обучение последнему новых поколений исследователей.

По утверждению философа и науковеда Э.М. Чудинова, процесс выражения нового знания – это особый научный дискурс, отражающий *интеллектуальное* видение мира, которое недоступно органам чувств [Чудинов 1979: 8]. Это утверждение, на наш взгляд, нельзя принимать за абсолютную истину, поскольку, как показывают наблюдения, доля аффекта в процессе формирования и выражения нового знания в тексте достаточно высока и, как это ни странно, обязательна (!).

Выражая в письменном тексте новое знание, автор сознательно эксплицирует его таким образом, чтобы оно было зримым для читателя, заметным, выделяющимся на фоне известного (старого) знания. В связи с этим процесс выражения нового знания предстает как «искусство объясняющего выбирать именно тот, общий для коммуникантов смыслонесущий материал, который наилучшим образом способен “оконтурить” неизвестное известным и облегчить аудитории путь к пониманию нового» [Петров 1991: 75]. Таким образом, в процессе создания и выражения нового знания ученый предстает в качестве «дирижера» по отбору и компоновке лексического, синтаксического и композиционного планов текста.

Вместе с тем нельзя забывать, что исследователь творит для предполагаемого адресата, поэтому динамика текстообразования – это всегда конструктивный диалог, где инициатору общения важен не столько сам диалог, сколько его эффективность. Эффективность же, как свидетельствуют наблюдения, во многом определяется принципом **необходимой и достаточной речевой выразительности**, т.е., собственно, умением автора творчески (но в соответствии с нормами научного стиля!) пользоваться разнообразными выразительными средствами.

Выразительность научного изложения – это выразительность особого рода, которая реализуется посредством языковых и речевых единиц, вербализующих эмоционально или экспрессивно окрашенные познавательные действия. Эти эмоциональные и экспрессивные познавательные

действия составляют воплощенную в тексте так называемую *эмотивную оценку* (термин Е.М. Вольф).

По мнению Е.М. Вольф, данный термин акцентирует именно психический план в оценочной деятельности субъекта, отграничивая этот план оценки от когнитивной, рациональной, выражающей суждения о положении вещей [Вольф 2002].

Разграничение эмотивной оценки на эмоциональный и экспрессивный варианты основано на сложившейся сегодня в лингвистике традиции понимания эмоциональности и экспрессивности как двух разных компонентов (сем) общего лексического значения слова. *Сема эмоциональности* соотносится с наличием в языковой единице эмоциональной составляющей, т.е. такого компонента, который выражает чувство говорящего, его внутреннее, психическое состояние. *Сема экспрессивности* соотносится не столько с наличием в значении языковой единицы эмоциональной составляющей (хотя единство эмоции и экспрессии очевидно), сколько с присутствием в языковой единице либо той или иной стилистической коннотации, либо «семы интенсивности», т.е. такого микрочтения, которое связано с количественно-качественной характеристикой явления, усиливает представление о нем, выводя за пределы нормы. Следовательно, сема экспрессивности «ответственна» за силу представления в языковой единице эмоционального отношения говорящего к выражаемому явлению [Лукьянова 1986, Телия 1991, Матвеева 2003 и др.].

В соответствии с этим представлением все выразительные средства научного текста можно разделить на две группы: 1) «эмоциональные средства», 2) «экспрессивные средства». Единицы обеих групп выражают в тексте такое субъективное отношение автора к предмету речи, которое не совсем типично (ненормативно) для научного стиля, требующего предельной точности, подчеркнутой логичности и объективности изложения.

Употребление автором эмоционально окрашенных средств связано с его желанием зафиксировать в речи собственную эмоцию – положительную или отрицательную. Здесь нет преднамеренной направленности на читателя: автор выражает лишь собственную оценку, посредством которой его «личность» как бы прорывается в ткань повествования. Поэтому эмоциональные средства функционально направлены на объединение двух полюсов речемыслительного процесса: «автор – текст». Ср. (средства, выражающие эмоции автора, выделены полужирным шрифтом):

В этой ситуации представляется разумной формулировка априорных гипотез (Гинзбург); *Бесспорным фактом здесь является следующий*: ... («Струйные и нестационарные течения в газовой динамике»); *Интересной и очень четкой по формулировкам статьей... является статья...* (Николаева); *Так, богатейший материал, который может быть исполь-*

зован для построения... (Бондарко); *Крайние концепции... страдали прежде всего явной односторонностью* (Колшанский); *Но что еще более любопытно, если ближе присмотреться к процессу образования вздутых корней...* (Вавилов) и др. [В связи с ограниченным объемом статьи примеры приводятся только с указанием фамилий авторов и без названия источника и страниц].

Экспрессивность также связана с эмоциональной оценкой, но не исчерпывается ею. По мнению Е.М. Вольф, «экспрессивность оценочных выражений направлена на то, чтобы усилить эмоциональное воздействие на собеседника, иными словами, увеличить перлокутивный эффект оценочного высказывания» [Вольф 2002: 42]. Следовательно, употребление экспрессивных средств, в отличие от эмоциональных, связано с желанием автора выразить свою эмоцию именно *для читателя*, привлечь его внимание, приостановить его восприятие в общем потоке мыслительной динамики, акцентировав речевой выразительностью (стилистической нетипичностью) какую-либо важную для понимания мысль. Поэтому экспрессивные средства функционально направлены на объединение уже не двух, а трех полюсов речемышления: «автор – текст – читатель».

Как носители «научной экспрессивности» выступают, например:

А) лексические и синтаксические единицы разговорного характера, придающие некоторым моментам изложения оттенок интимности, более свойственный устной форме научной речи, чем письменной. Ср.:

*Вместо одной перегородки можно ввести много перегородок и ... разбить сосуд на много **объемчиков**...* (Кадомцев); *В этом случае можно считать, что “**маленькие пятнышки**” коллапсированных пакетов...* (там же); *Разумеется, такое “**обратное кино**” можно реализовать и просто мгновенным преобразованием скоростей...* (там же); *Здесь важнейшим аспектом РЖ считается тема, а точнее – **опять-таки** лингвистическая интерпретация “темы РЖ” М.М.Бахтина (Демьянков); Однако справедливости ради следует сказать, что...* (Крылова); *Это, как говорится, **две разные вещи*** (Седов); *... поскольку понизить энтропию системы **не так-то просто*** (там же); *Спрашивается, почему же при таком колоссальном увеличении теплопроводности гелия-II вязкость его уменьшается?* (Капица) и др.;

Б) нетипичные для научной речи парцеллированные конструкции, появление которых в тексте воспринимается читателем как неожиданный, а следовательно, стилистически яркий поворот изложения, невольно заставляющий адресата обратить особое внимание на содержание окружающего контекста. Ср.:

Из этой... формулировки не ясно, как следует определять разницу между абзацем и сверхфразовым единством... А разница эта бесспорно

существует. И она дает о себе знать (Реферовская); *Контекст является условием конкретизации значений этих единиц. А функция означает возможности реализации данного значения в речи* (Дридзе) и др.;

В) метафорические выражения (метафоры), речевая окраска которых вступает в конфликт с общей строгой тональностью научной речи. Ср.:

Если активизированный кислород O^- образуется непосредственно путем захвата дырки, рожденной при поглощении кванта света кристаллом полупроводника... (Онучин); *Сам акт коллапсирования является сугубо случайным. Процесс выглядит так, как если бы “Бог играл в кости”* (Кадомцев); *В этом едином сознании мысль окрашена чувствами и эмоциями, которые... проходят через горнило мышления* (там же); УПК [универсально-предметный код. – Н.Д.]... – *это та туча, которая проливается дождем слов* (Седов) и др.;

Г) объединение в одном высказывании двух психических оценок – эмоциональной и экспрессивной. Это сильное средство выражения экспрессивной оценки. Объединение эмоции и экспрессии позволяет автору одновременно осуществить сразу три познавательные-оценочные действия: 1) выразить предмет мысли в стилистически яркой, необычной форме; 2) в образной форме, привлекающей внимание читателя, передать свое отношение к предмету мысли; 3) выделить данное высказывание из окружающего контекста, заострив на нем внимание читателя. Приведем примеры (эмоциональные операторы выделим полужирным шрифтом, экспрессивные – подчеркнем):

Спрашивается, почему же при таком колоссальном увеличении теплопроводности гелия-II вязкость его уменьшается? (Капица); *Так формируем или формулируем? Это, как говорится, две разные вещи. Не снятое по сю пору противоречие просачивается на страницы современных авторитетнейших монографий. К примеру, Е.С.Кубрякова заявляет:* [цитата]. *Получается парадокс, напоминающий известное суждение маленькой девочки, которая на вопрос Б. Заходера “О чем ты думаешь?” отвечала: “Откуда я знаю, что я думаю. Вот скажу, тогда узнаю”... Здравый смысл протестует против такого утверждения*» (Седов) и др.

Мы продемонстрировали лишь некоторые из выразительных средств, широко употребляющихся в научных текстах. Подчеркнем, что выразительность изложения усиливается в тех фрагментах текста, где фиксируется «стык» известного знания с неизвестным, переход от научно старого к научно новому; а также в точках обоснования нового знания. Таким образом, процесс концептуализации нового (тем более сложного научного!) знания сопряжен с речевой интенсификацией, а сами средства

этой интенсификации могут быть рассмотрены как специфические единицы научного текста, принимающие участие в процессе его развертывания.

При этом выразительность изложения преднамеренно увеличиваются автором до предела: использование в тексте ярких, образных средств и конструкций обеспечивает выход за рамки таких типичных для научного изложения качеств, как подчеркнутая логичность, строгость и обобщенность, чем достигается «стилистический взрыв» в точках выражения именно нового (неизвестного) знания.

В заключение подчеркнем: выразительность в научном тексте не только желательна, но и обязательна; «научная выразительность» выражается разными языковыми и речевыми средствами; выразительность пронизывает всю ткань текста, усиливаясь в тех его фрагментах, где формируется и обосновывается новое научное знание.

Библиографический список

Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УРСС, 2002. 280 с.

Данилевская Н. В. Вариативные повторы как средство развертывания научного текста. Пермь, 1992. 145 с.

Иванова Т. Б. Функциональная семантико-стилистическая категория акцентности в русских научных текстах // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. Т. II, ч. I: Стилистика научного текста (общие параметры). Пермь, 1998. Гл. VIII. С. 315–333.

Кожина М. Н. Диалогичность как категориальный признак письменного научного текста // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. Т. II, ч. 2: Стилистика научного текста (общие параметры). Пермь, 1998. Гл. VI. С. 124–165.

Кожина М. Н. Речеведение. Теория функциональной стилистики: Избранные труды. М.: ФЛИНТА: НАУКА, 2014. 620 с.

Котюрова М. П. Эволюция выражения связности речи в научном стиле XVIII–XX вв. Пермь, 1983. 80 с.

Котюрова М. П. Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста. Красноярск, 1988. 171 с.

Красавцева Н. А. О различии функционирования средств диалогичности и метакommunikации (на материале английских научных текстов) // Принципы функционирования языка в его разновидностях. Пермь, 1984. С. 98–105.

Красавцева Н. А. Отражение структурных единиц устного диалога в письменной научной речи // Типология текста в функционально-стилистическом аспекте. Пермь, 1990. С. 74–78.

Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. Проблемы семантики. Новосибирск, 1986. 227 с.

Матвеева Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Синхронно-сопоставительный очерк. Свердловск, 1990. 168 с.

Петров М. К. Язык, знак, культура. М.: Наука, 1991. 328 с.

Телия В. Н. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. М.: Наука, 1991. С. 5–35.

Чиговская Я. А. Категории ретроспекции и проспекции в русских научных текстах: дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2001. 22 с.

Чудинов Э. М. Диалектика научного познания и проблема истины. М.: Знание, 1979. 64 с.

N.V. Danilevskaya

Professor of Russian Language and Stylistics Department

Perm State University

THE PLACE AND ROLE EXPRESSIVENESS IN SCIENTIFIC TEXT

The article deals with the role of means of expression in a scientific text. The special role of evaluation tools in scientific communication is proved. Evaluation is defined as an axiological component of cognitive activity that takes an active part in the process of text deployment. Author differential emotional and expressive of the variety of evaluation, considering the options for their expressions. It is argued that the emotive nature of the narrative inherent scientific presentation ontologically, and expressiveness permeates the entire fabric of the scientific work. It is concluded that expressiveness is one of the tools of text formation in the scientific field.

Key words: scientific text, evaluation, expressiveness, scientific knowledge, process of text formation.

Павлова Дарья Сергеевна
ассистент кафедры теоретического и прикладного языкознания
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
pavlovads@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ВОЗРАСТА ГОВОРЯЩИХ НА СРЕДНЮЮ ЗОНУ И ПЕРИФЕРИЮ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ УСТНОГО СПОНТАННОГО ТЕКСТА

В статье рассматривается оригинальное понимание семантической структуры текста и построенная модель семантической структуры текста методом графосемантического моделирования с использованием модифицированной методики классификации компонентов. Исследована вариативность средней зоны и периферии построенной модели в зависимости от возраста информантов.

Ключевые слова: текст, семантическая структура текста, спонтанный текст, устный текст, социальная вариативность, возраст.

Известно, что различные социальные характеристики говорящего влияют на порождаемый им текст. Семантическая структура текста, в том числе устного спонтанного текста, зависит от социальных параметров говорящих. В рамках настоящей статьи рассмотрим влияние фактора «возраст» на семантическую структуру устного спонтанного текста.

В лингвистике существует множество определений текста (см., например: [Белоусов 2013; Гальперин 1981; Касевич 2006; Мурзин, Штерн 1991; Нестерова 2016; Новиков 1983] и мн. др.). Не углубляясь в рассмотрение различных подходов к тексту, отметим, что в настоящем исследовании принимается понимание текста, данное Ю.С. Масловым: «В лингвистике термином “текст” обозначают не только записанный, зафиксированный так или иначе текст, но и любое кем-то созданное “речевое произведение” любой протяженности – от однословной реплики до целого рассказа, поэмы или книги» [Маслов 1998: 11].

Также существует несколько точек зрения на структуру текста. Например, лингвисты выделяют поверхностную и глубинную структуры текста (см., например: [Дридзе 1980; Масленникова 1999; Новиков 1983; Тураева 1986] и мн. др.). Однако в настоящем исследовании предлагается оригинальное понимание семантической структуры текста, под которой подразумевается совокупность семантических компонентов текста разных уровней (микротем текста и лексических единиц, семантика которых реа-

лизует эти микротемы), а также иерархическая система разнообразных связей (семантических и грамматических) между лексическими единицами и микротемами, формирующая единство глубинной и поверхностной структур текста.

В работе используется метод графосемантического моделирования текста, разработанный К.И. Белоусовым, Н.Л. Зелянской, Д.А. Барановым для анализа языковых, литературных и культурных объектов и реализованный в Информационной системе «Семограф» [<http://semograph.com>]. Данный метод дает возможность частичной автоматической обработки данных, а также строит граф зависимостей выделенных экспертом классов компонентов текста [Белоусов, Зелянская, Баранов 2012]. В классическом варианте данный метод подразумевает классификацию компонентов текста только по семантическому принципу. Однако считаем, что на поверхностном уровне на семантическую структуру текста оказывают влияние грамматические связи между единицами, поэтому методика классификации компонентов была нами модифицирована: стали учитываться синтаксические связи компонентов внутри синтагмы.

Материалом исследования стали расшифровки аудиозаписей 48 спонтанных устных монологов «О себе». В выборке информантов были учтены следующие социальные параметры: «пол» (мужчина, женщина), «образование» (высшее, среднее), «возраст» (25–34 года, 35–44 года, 45–55 лет).

В настоящей статье будет рассмотрено влияние фактора «возраст» на семантическую структуру устного спонтанного текста «О себе».

В таблице представлены микротемы и их абсолютный и относительный объемы в текстах людей в возрасте 25–34 года, 35–44 года, 45–55 лет (относительный объем поля вычислялся как отношение абсолютного объема к общему объему текстового материала, умноженное на 100). Данные упорядочены по убыванию относительной частоты в группе информантов в возрасте 25–34 года.

**Объем микротем в текстах информантов
в возрасте 25–34 года, 35–44 года, 45–55 лет**

Микротема	Возраст					
	25-34 года		35-44 года		45-55 лет	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
ЧЕЛОВЕК	896	13,98	798	10,46	505	9,26
Я	693	10,82	544	7,13	389	7,13
ВРЕМЯ	301	4,70	335	4,39	245	4,49
ПРОФ. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	289	4,51	231	3,03	136	2,49
МЕСТО	247	3,86	206	2,70	182	3,34

ОЦЕНКА	224	3,50	283	3,71	166	3,04
СЕМЬЯ	174	2,72	202	2,65	147	2,70
КАЧЕСТВО	161	2,51	138	1,81	58	1,06
АКТИВНОЕ ДЕЙСТВИЕ	145	2,26	114	1,49	58	1,06
ДОСУГ	133	2,08	105	1,38	60	1,10
СУЩЕСТВОВАНИЕ	127	1,98	164	2,15	89	1,63
ИНТЕЛЛЕКТ. ДЕЯТ-СТЬ	125	1,95	80	1,05	37	0,68
ОБРАЗОВАНИЕ	114	1,78	73	0,96	92	1,69
ЭМОЦ. СОСТОЯНИЕ	97	1,51	83	1,09	61	1,12
КОММУНИКАЦИЯ	84	1,31	63	0,83	21	0,39
ДОСТИЖЕНИЕ ЦЕЛИ	81	1,26	52	0,68	39	0,72
ПОЛ/ВОЗРАСТ	75	1,17	150	1,97	112	2,05
СОСТОЯНИЕ	70	1,09	46	0,60	38	0,70
КОЛИЧЕСТВО	69	1,08	75	0,98	74	1,36
ДОМ И БЫТ	48	0,75	42	0,55	15	0,28
ВЛАДЕНИЕ	29	0,45	27	0,35	15	0,28
МАТЕРИАЛ. БЛАГА	27	0,42	7	0,09	7	0,13
ДРУЖ. ОТНОШЕНИЯ	23	0,36	72	0,94	14	0,26
МЕДИЦИНА	19	0,30	27	0,35	10	0,18
ТРАНСПОРТ/ТЕХНИКА	18	0,28	30	0,39	6	0,11
СОБСТВЕННЫЕ ИМЕНА	16	0,25	29	0,38	18	0,33
ЖИВОТНЫЕ	16	0,25	26	0,34	11	0,20
СОБЫТИЕ	16	0,25	16	0,21	13	0,24
ЧУВСТВ. ВОСПРИЯТИЕ	14	0,22	35	0,46	7	0,13
ВОЕННАЯ СЛУЖБА	14	0,22	22	0,29	33	0,61
КУЛЬТУРА	13	0,20	52	0,68	12	0,22
СТЕП.УВЕРЕННОСТИ	13	0,20	14	0,18	18	0,33
ЕДА	10	0,16	31	0,41	1	0,02
ПРИРОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ	9	0,14	12	0,16	6	0,11
ЧАСТИ ТЕЛА И ОРГАНЫ	9	0,14	4	0,05	1	0,02
ИНФОРМАЦИЯ	8	0,12	5	0,07	8	0,15
ГОСУДАРСТВО	4	0,06	1	0,01	2	0,04
НАЦ. ПРИНАД-СТЬ	2	0,03	9	0,12	0	0,00

Из таблицы видно, что для текстов групп информантов трех возрастных категорий ядро семантической структуры представляют микротемы ЧЕЛОВЕК (13,98% – у младшей возрастной группы, 10,46% – у средней возрастной группы и 9,26% – у старшей возрастной группы) и Я (10,82, 7,13 и 7,13% соответственно).

Отметим, что микротемы ЧЕЛОВЕК и Я стали ядерными во всех исследованных текстах и ни фактор «пол», ни фактор «образование», ни

фактор «возраст» не оказали влияния на ядро семантической структуры монологов «О себе».

Фактор «возраст» оказывает влияние на среднюю зону и периферию семантической структуры текста. В текстах людей в возрасте 25–34 года относительный объем ядерных микротем значительно выше, чем в текстах двух других групп информантов, а многие микротемы средней зоны и периферии имеют меньший объем. В текстах младшей возрастной группы информантов более объемными микротемами, по сравнению со средней и старшей возрастными группами, стали микротемы ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, МЕСТО, КАЧЕСТВО, АКТИВНОЕ ДЕЙСТВИЕ, ДОСУГ, ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ОБРАЗОВАНИЕ, ДОСТИЖЕНИЕ ЦЕЛИ, КОММУНИКАЦИЯ, ДОМ И БЫТ, СОСТОЯНИЕ, ДОМ И БЫТ, МАТЕРИАЛЬНЫЕ БЛАГА. Многие из данных микротем входят в среднюю зону семантической структуры текста; это говорит о стабильности и однотипности монологов людей в возрасте 25–34 года. Крайне важной именно для молодого поколения является микротема МАТЕРИАЛЬНЫЕ БЛАГА – информанты говорят, например, о покупке квартиры, большой/маленькой заработной плате и т.д.

В текстах людей в возрасте 35–44 года по сравнению с текстами двух других групп информантов более объемными оказались микротемы ОЦЕНКА, СУЩЕСТВОВАНИЕ, ДРУЖЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ, ТРАНСПОРТ И ТЕХНИКА, ЖИВОТНЫЕ, ЧУВСТВЕННОЕ ВОСПРИЯТИЕ, КУЛЬТУРА, ЕДА, НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ. Микротема НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ имеет наибольший объем в текстах информантов средней возрастной группы, а в старшей возрастной группе не представлена вообще. Многие из указанных микротем входят в периферию общей семантической структуры всех текстов, что говорит о большей индивидуализации текстов информантов средней возрастной группы.

В текстах людей 45–55 лет по сравнению с текстами двух других групп информантов более объемными оказались микротемы ПОЛ / ВОЗРАСТ, КОЛИЧЕСТВО, ВОЕННАЯ СЛУЖБА, СТЕПЕНЬ УВЕРЕННОСТИ. Люди старшей возрастной группы больше, чем две другие возрастные группы, говорят о службе в армии: где, когда и с кем служили и т.д.

В целом по относительным объемам микротем средняя и старшая возрастные группы оказываются гораздо более похожими между собой, чем любая из них с младшей группой. Очевидно, младшая группа противопоставлена двум другим по стадии социального становления: младшая группа находится в периоде установления социальных связей, о чем свидетельствует большой объем таких микротем, как ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, КОММУНИКАЦИЯ, АКТИВНОЕ ДЕЙСТВИЕ,

ДОСУГ, ОБРАЗОВАНИЕ, ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ и ДОСТИЖЕНИЕ ЦЕЛИ. Информанты двух других групп, уже прошедшие стадию становления, обращают меньшее внимание на эти микротемы.

Таким образом, фактор «возраст» оказывает влияние на объемы микротем, их распределение в средней зоне и периферии семантической структуры и на связи между микротемами. Ядерными для всех трех групп информантов стали микротема ЧЕЛОВЕК и Я.

В текстах людей в возрасте 25–34 года в средней зоне семантической структуры оказались микротемы ВРЕМЯ, ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, МЕСТО, ОЦЕНКА (относительный объем данных микротем составил более 3%); в текстах людей в возрасте 35–44 года – микротемы ВРЕМЯ, ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ОЦЕНКА; в текстах людей в возрасте 45–55 лет – микротемы ВРЕМЯ, МЕСТО, ОЦЕНКА. Различия в объемах микротем проявляются на уровне периферии: например, у информантов младшей возрастной группы значительно больше оказывается микротема МАТЕРИАЛЬНЫЕ БЛАГА, а у информантов старшей возрастной группы – ВОЕННАЯ СЛУЖБА.

В целом можно сделать вывод, что модель семантической структуры устного спонтанного монолога «О себе» довольно устойчива, а социальный фактор «возраст» говорящих оказывает на нее влияние, однако это влияние не затрагивает ядро семантической структуры.

Библиографический список

Белоусов К. И., Зелянская Н. Л., Баранов Д. А. Концептуально гипертекстовая модель управления контентом в ИС «Семограф» // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 11. С. 56–61.

Белоусов К. И. Синергетика текста: от структуры к форме. М.: УРСС, 2013. 248 с.

Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 139 с.

Касевич В. Б. Труды по языкознанию: в 2 т. / под. ред. Ю.А. Клейнера. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. Т. 1. 664 с.

Маслов Ю. С. Введение в языкознание. М.: Высшая школа, 1998. 272 с.

Мурзин Л. Н., Штерн А. С. Текст и его восприятие. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. 172 с.

Нестерова Н. М. Текст и его «проекции»: памяти Ю.А. Сорокина и А.И. Новикова // Вопросы психолингвистики, 2016. № 3 (29). С. 169–175.

Новиков А. И. Семантика текста и ее формализация. М.: Наука, 1983. 216 с.

D.S. Pavlova

Assistant of Theoretical and Applied Linguistics Department
Perm State University

**INFLUENCE OF THE SPEAKER'S AGE ON THE MIDDLE ZONE AND
THE PERIPHERY OF SEMANTIC STRUCTURE
OF ORAL SPONTANEOUS TEXT**

The paper deals with the original understanding of the semantic structure of text and the constructed model of semantic structure of the text by the method of graphosemantic modeling using a modified methodology for classifying components. The variability of the middle zone and the periphery of the constructed model is studied depending on the age of informants.

Key words: text, semantic structure of text, spontaneous text, oral text, social variability, age.

Цыгульская Людмила Дмитриевна
магистрант филологического факультета
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
bars555.90@inbox.ru

АКТУАЛИЗАЦИЯ ЗНАЧЕНИЙ МНОГОЗНАЧНОГО СЛОВА АКТ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ РАБОТНИКОВ ОРГАНОВ ЗАГС

Статья посвящена изучению иерархии значений многозначных слов в зависимости от профессиональной принадлежности носителей языка. Представлены промежуточные результаты пилотного ассоциативного эксперимента, проведенного с работниками органов ЗАГС.

Ключевые слова: многозначное слово, значение, языковое сознание, профессиональный лексикон, ассоциативный эксперимент.

Большая часть слов в русском языке многозначны, и в каждом отдельном контексте актуализируется обычно какое-нибудь одно значение. У многозначного слова, как известно, есть основное значение и значения, производные от него. Основное значение всегда дается в толковых словарях на первом месте, за ним – производные. Составители толковых словарей стремятся показать структуру значений многозначного слова в виде иерархической системы. Однако для отдельных социальных групп общества основным значением многозначного слова может вполне стать производное. Данный факт обусловлен, возможно, тем, что структура многозначного слова у носителей языка формируется в том числе и в зависимости от специфики профессиональной деятельности, поскольку строение языкового сознания закономерно связано со структурой деятельности человека, в которой оно формируется [Леонтьев 1975].

Вслед за Е.В. Ерофеевой и Т.С. Низгуловым считаем, что профессиональная деятельность человека оказывает существенное влияние на актуализацию основного и производных значений многозначного слова [Ерофеева 2013; Низгулов 2015; Ерофеева, Низгулов 2016]; см. также [Балобанова 2016; Мыскин 2015] и др. Для верификации этой гипотезы был проведен пилотный ассоциативный эксперимент, в котором приняли участие 32 работника органов ЗАГС (женщины в возрасте от 23 до 60 лет). Перед информантами стояла следующая задача – записать первую пришедшую в голову реакцию, актуализирующую значение 10 слов-стимулов, являющихся либо многозначными, либо омонимами: *свидетельство, орган, запись, пол, заключение, перемена, регистрация, союз, акт, брак*.

Рассмотрим структуру значений многозначного слова на примере слова *акт* согласно словарям и полученным ассоциациям от информантов.

По наиболее известным русским толковым словарям – Толковому словарю русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [Ожегов, Шведова 1995] и Словарю русского языка [МАС 1999] – структуру слова *акт* можно представить в виде схемы с соотношениями отдельных значений (см. табл. 1).

Таблица 1

Значения слова *акт* и их соотношение в словарях С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой и в Малом академическом словаре

Словарь С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой		МАС
1. Единичное действие, а также отдельный поступок		1. Единичное проявление какой-л. деятельности; действие. Поступок.
2. То же, что действие в значении часть драматического произведения		2. Указ, постановление государственного, общественного значения. Документ, протокол, запись о каком-л. юридическом факте.
3. Закон, указ государственных органов или постановление общественных организаций		3. Законченная часть драматического произведения или театрального представления; действие.
4. Документ, удостоверяющий что-н		4. Торжественное собрание в учебных заведениях или научных учреждениях.
5. В нек-рых учебных заведениях: торжественное собрание (по поводу выпуска, вручения наград)		

Как видим из табл. 1, оба словаря дают похожую иерархию значений. Только значение 2, обозначенное в МАС, разделено на значения 3 и 4 в словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, а значение 3 из МАС соответствует значению 2 из словаря С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой. Так, сопоставление словарных дефиниций позволяет говорить о том, что иерархическая модель многозначного слова каждым словарем дается по-разному: скорее всего составители словарей обращаются не только к реальным языковым фактам, но и руководствуются собственной языковой интуицией [Ерофеева 2013: 7]. Безусловно, при изучении структуры значений многозначного слова необходимо применять психолингвистические мето-

ды, которые позволяют выявить не только прагматические, эмоциональные и оценочные компоненты значения слова, но и четче описать сигнификативно-денотативный компонент значения многозначного слова, который актуален для носителей языка. Исследовать структуру значения возможно с помощью ассоциативного метода: наиболее частотные ассоциативные реакции входят в ядро значения слова.

Проведенный пилотный ассоциативный эксперимент с работниками органов ЗАГС позволил выявить определенные закономерности актуализации основного и производных значений многозначного слова в зависимости от профессиональной принадлежности носителей русского языка. Полученные от информантов реакции представлены в табл. 2. Всего от информантов получено 32 реакции на слово-стимул *акт*, которые объединены в группы, показывающие соотношение актуализированных информантами значений многозначного слова со значениями, представленными в толковых словарях русского языка.

Таблица 2

Соотношение ассоциаций информантов со словарными значениями слова *акт*

Ассоциация	Кол-во реакций, абс.	Соотношение со значениями словаря С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой
Гражданского состояния	5	значение 4 'документ, удостоверяющий что-н.'
О смерти	1	
О браке	1	
Рождение	1	
Актовая запись	1	
Запись	2	
Документ	3	
Акт	1	
Подписан	1	
Приемки	3	
О приемке товара	1	
Передачи	1	
Приемки-передачи	1	
Сверки	1	
Выполненных услуг	1	
О списании	2	
Уничтожения	1	
Предписание	1	
Нормативный акт	1	3
Юридический	1	

			ственных организаций'
Половой	1	2	значение 1 'единичное действие, а также отдельный поступок'
Возмездия	1		
Желание	1	1	нет
Всего	32	32	

Из табл. 2 видно, что у 26 информантов (82% испытуемых) актуализируется значение 4, у 3 информантов (9%) – значение 3. И лишь 2 информанта (6%) актуализировали значение 1, т.е. основное значение слова *акт* согласно толковому словарю. Кроме того, одним информантом (3%) дана ассоциация «желание», трудно соотносимая с указанными в словарях значениями слова *акт*. Значения, указанные в словаре как 2 и 5, вообще не встретились в реакциях информантов, т.е. данные значения не актуализируются у представителей рассматриваемой профессиональной группы при предъявлении стимула во время ассоциативного эксперимента.

Проведенный ассоциативный эксперимент наметил дальнейший ход исследования структуры значений многозначного слова, которая может действительно быть представлена как иерархия основного и производных значений, однако словарная иерархия не всегда будет соответствовать иерархии психологической [Ерофеева 2013; Зализняк 2004]. В этом случае при описании структуры значений многозначного слова недостаточно придерживаться только собственно лингвистического подхода исследования многозначности, необходим также психолингвистический подход, который позволит выявить реальное функционирование значений в языковом сознании носителей языка.

Таким образом, считаем, что при расширении материала исследования, а именно увеличении числа информантов ассоциативного эксперимента, принадлежащих к разным профессиональным группам, будет выявлено существенное влияние профессиональной деятельности человека на актуализацию основных и производных значений многозначных слов.

Библиографический список

Балобанова А. Г. Обыденная и профессиональная семантизация медицинских терминов (на материале эксперимента): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 – Русский язык. Кемерово, 2016. 159 с.

Ерофеева Е. В. Структура словарной статьи и структура значений многозначного слова в ментальном лексиконе (на примере слова *форма*) // Исследовательский журнал русского языка и литературы, 1(1), 2013. С. 5–21.

Ерофеева Е. В., Низгулов Т. С. Гибридизация специальных и обыденных понятий (на примере понимания юридических терминов) // Вопросы психолингвистики. 2016. № 4(30). С. 63–78.

Зализняк А. А. Феномен многозначности и способы его описания // Вопросы языкознания. М., 2004. № 2. С. 20–45.

Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.

Мыскин С. В. Профессиональное языковое сознание и особенности его функционирования: дисс. ... докт. филол. наук: 10.02.19 – Теория языка. М., 2015. 350 с.

Низгулов Т. С. Гибридизация юридических понятий в сознании носителей английского и русского языков: экспериментальное исследование: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2015. 20 с.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., Азъ, 1995.

Словарь русского языка в 4-х томах («МАС», Малый академический словарь). М.: Русский язык, 1999. Т. 1–4.

L.D. Tsygulskaya

Master Student of Philological Faculty

Perm State University

ACTUALIZATION OF VALUES OF MULTIVALUED WORD “ACT” IN THE LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF CIVIL STATUS RECORDS WORKERS

The paper deals with the study of the hierarchy of multivalued word’s meanings depending on professional affiliation of the native speakers. Intermediate results of the pilot associative experiment conducted with the civil status records workers are presented.

Key words: multivalued word, meaning, linguistic consciousness, professional lexicon, associative experiment.

Яруллин Денис Владимирович
преподаватель кафедры журналистики и массовых коммуникаций
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
d.v.yarullin@gmail.com

МОДЕЛИРОВАНИЕ ЦЕЛЕУСТАНОВОК РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА НА ОСНОВЕ СИСТЕМЫ ФРЕЙМОВ

В работе рассматривается вопрос моделирования восприятия адресатом целеустановок рекламного текста. Указывается, что каждый рекламный текст содержит набор интенций, являющийся частью речевого жанра рекламы. На основании этого предлагается моделировать целеустановки, опираясь на теорию фреймов, изложенную в работах Ч. Филлмора. Ставится проблема автоматического соотнесения элементов рекламного текста и его целеустановок. Описываются недостатки фреймового подхода для автоматической модели: неоднозначность маркеров при использовании одного фрейма-сценария в разных видах рекламы, смешение маркеров при использовании нескольких фреймов-сценариев в одном рекламном тексте. Предлагается описание структуры рекламного текста в виде денотатного графа, разработанного А.И. Новиковым, с возможностью дополнительного развертывания денотата в фрейм ввиду ментальной природы обоих понятий. Осуществляется апробация подхода, приводится фрагмент формализованного описания денотатной структуры и визуализация денотатного графа. Предлагаются возможная обучающая выборка и архитектура классификатора на основе искусственной нейронной сети.

Ключевые слова: фрейм, денотат, денотатный граф, поликодовый текст.

В маркетинговой коммуникации целеустановки рекламного текста и их считывание аудиторией являются одним из факторов, влияющих на эффективность коммуникации. От исходных целеустановок автора рекламного текста напрямую зависит, какой образ желаемого будущего будет представлен в тексте – и как его воспримет целевая аудитория.

Заметим, что в иллокутивной семантике самого глагола «рекламировать» в явном виде обнаруживаются по меньшей мере две интенции – оценочно-информационная и побудительная. «Рекламировать» – значит сообщать о свойствах некоторого объекта, преимущественно позитивных, представляя его соответствующим потребностям (интересам, желаниям) адресата (тем самым формируя образ желаемого будущего), и этим побуждать последнего к определенным действиям в отношении этого объекта. Не случайно речевой акт, обозначаемый данным глаголом, квалифицируется либо как репрезентатив [Кобозева 2015], либо как директив [Горячев 2010: 31]. При этом мы считаем, что в иллокутивной семантике глаго-

ла «рекламировать» нет «подрывного фактора» [Вендлер 1985], и, говоря: «Я рекламирую что-л.», – субъект речи не совершает иллокутивного самоубийства. Однако во многих случаях в рекламе реализуются манипулятивные целеустановки, распознаваемые адресатом, что вызывает к ней отрицательное отношение [Белозерова 2007].

Совершение данного речевого акта предполагает реализацию и ряда других целеустановок: привлечь внимание к объекту, вызвать интерес к нему (без чего информирование об объекте не состоится или не будет эффективным). Усилия субъекта речи направлены и на создание благоприятного психологического фона к восприятию передаваемой информации, в частности, реализацией эстетических интенций.

В процессе регулярной реализации комплекса указанных интенций сложился речевой жанр рекламы – общая текстовая модель, реализуемая рядом своих вариантов. Несмотря на существование значительного количества работ о рекламе, эта модель остается малоизученной. Внимание исследователей, как правило, привлекают не инвариантные свойства рекламы, а характеристики ее отдельных разновидностей, главным образом коммерческой.

Опираясь на предыдущие наши исследования, мы считаем, что устойчивый характер жанровой формы формирует в сознании адресата когнитивный шаблон, охватывающий все аспекты восприятия и продуцирования рекламного текста, в том числе прагматические. Данный когнитивный шаблон может быть формально описан как фрейм или набор фреймов [Филлмор 1988, Fillmore 1976].

Отталкиваясь от нашего опыта автоматического соотнесения элементов рекламного текста и актуализированных в тексте слотов фрейма [Яруллин 2016], мы ставим своей целью установление системы вербальных и визуальных показателей тех или иных целеустановок в разных видах рекламного текста, и описание модели восприятия этих показателей адресатом для последующего использования полученной модели в системе автоматического анализа на базе искусственной нейронной сети.

Ключевой проблемой становится описание принципов связи элементов содержания поликодового рекламного текста и его целеустановок для построения максимально объективной модели репрезентаций тех или иных целеустановок в структуре текста.

Для успешного построения модели необходимо формализовать структуру рекламного текста. Предложенный нами ранее фреймовый подход к описанию структуры рекламного текста хорошо показал себя для решения прикладных задач в наших предыдущих исследованиях [Яруллин 2016], но в процессе были выявлены и его недостатки.

Частые случаи использования одного и того же фрейма в рекламных текстах разных продуктов и в разных видах рекламы (коммерческой, социальной, политической) существенно усложняли правила его формализованного описания, а также служили постоянным источником неоднозначности и затрудняли автоматический анализ. Обратная ситуация — использование нескольких фреймов в одном рекламном тексте — также приводила к большому проценту ошибок классификатора.

Для решения обозначенных проблем мы предлагаем рассмотреть рекламный текст как денотатную структуру в рамках заданной предметной области. И если внешняя форма текста — это линейная последовательность языковых знаков, соединенных по особым формальным правилам, то внутренняя форма — это модель фрагмента некой предметной ситуации, образованной совокупностью предметов и их отношений, и она, в отличие от внешней формы, не линейна, а иерархична.

В качестве способа отражения денотатной структуры А.И. Новиковым была разработана методика построения денотатного графа, «где вершинам соответствуют имена денотатов, полученные в результате содержательного анализа текста и применения необходимых знаний о данном фрагменте действительности, а ребрам — предметные отношения между этими денотатами» [Новиков 1983: 131].

Пользуясь тем, что денотат является внутренним мыслительным образованием, мы предлагаем совместить два описанных выше подхода к описанию структуры рекламного текста. Описывая содержательную часть текста рекламы как упорядоченную денотатную структуру, фактически мы получаем набор понятий, связанных с каким-либо знанием в рамках предметной области. При этом мы учитываем, что адресат рекламного текста обладает когнитивным шаблоном-фреймом и ожидает, что в тексте будут реализованы определенные целеустановки, и денотаты, составляющие текст, могут использоваться в качестве маркеров тех или иных целеустановок. Отличие от предложенного нами ранее метода заключается в том, что денотаты существуют в заданной предметной области, тем самым решается проблема неоднозначности маркеров для рекламных текстов, реализующих один и тот же фрейм-сценарий. При необходимости любой из денотатов может быть дополнительно описан как фрейм для более точного соотношения структурных элементов рекламного текста и составляющих когнитивного шаблона.

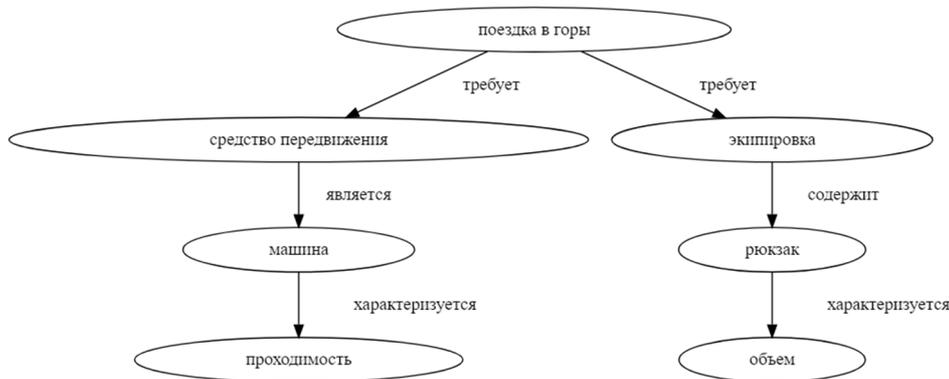
Апробацию предложенного подхода было решено провести на 50 рекламных текстах, 30 из которых — тексты коммерческой рекламы, 10 — тексты социальной рекламы, 10 — тексты политической рекламы. На время тестирования мы сосредоточились на коммерческой рекламе, поскольку данный материал является для нас наиболее знакомым. Также для апроба-

ции все визуальные элементы текстов были описаны вербально, но в дальнейшем для распознавания визуальной составляющей будет использоваться библиотека компьютерного зрения OpenCV [OpenCV]. Для автоматического извлечения денотатов из предварительного подготовленного текста и препроцессинга (токенизации и стемминга) использовались модули NLTK [Natural Language Toolkit] и PyMystem [PyMystem3]. Определение характера связи между денотатами производилось вручную. При необходимости в качестве имен денотатов использовались би- и триграммы.

Полученные денотаты с характеристикой связи между ними описывались при помощи языка описания графов DOT. Приведем фрагмент описания:

```
digraph G {  
  "поездка в горы" -> "средство передвижения" [label="требуется"];  
  "средство передвижения" -> "машина" [label="является"];  
  "машина" -> "проходимость" [label="характеризуется"];  
  "поездка в горы" -> "экипировка" [label="требуется"];  
  "экипировка" -> "рюкзак" [label="содержит"];  
  "рюкзак" -> "объем" [label="характеризуется"];  
}
```

На основании описания средствами визуализации XDOT [GraphViz] был построен ориентированный денотатный граф, фрагмент которого представлен на рисунке.

Полученный денотатный граф используется нами в качестве формализованного описания предметной ситуации, которая может быть использована в разных вариантах рекламного текста. Используя наименования денотатов в качестве системы показателей целеустановок, мы можем провести ряд психолингвистических экспериментов для установления тождественности наличия/отсутствия денотатов в тексте и наличия/отсутствия восприятия аудиторией тех или иных целеустановок в тексте. При этом заданная предметная область позволит нам избежать неоднозначности,

связанной с отождествлением одних и тех же денотатов как показателей разных целеустановок.

В дальнейшем полученные пары «ряд денотатов – целеустановка», преобразованные в n-мерные векторы, будут использованы нами в качестве обучающей выборки для классификатора. Классификатор представляет собой искусственную нейронную сеть (архитектура – классический трехслойный персептрон с сигмоидной функцией активации скрытого слоя), написанную с использованием библиотеки PyBrain [PyBrain].

Следующей задачей, стоящей перед нами после получения денотатной структуры, является подготовка данных для обучения классификатора. Итоговым результатом должна стать модель продуцирования и модель восприятия рекламного текста на основе заданных целей. На основе модели восприятия предполагается усовершенствование существующего классификатора рекламных текстов в аспекте оценки их эффективности: основанием для классификации станет реализация или нереализация заданной цели.

Библиографический список

Белозерова Е. В. Реклама как жанровый метаконцепт (на материале русской лингво-культуры): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2007. 22 с.

Вендлер З. Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.16. М.: Прогресс, 1985. С. 238–250.

Горячев А. А. Моделирование речевого воздействия в рекламной коммуникации. Дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. СПб, 2010. 296 с.

Кобозева И. М. Место «хвалы» и «хулы» в систематике иллокутивных актов // Хвала и хула в языке коммуникации. М.: РГГУ, 2015. С. 11–24.

Новиков А. И. Семантика текста и ее формализация. М.: Наука, 1983. 214 с.

Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М., 1988.

Яруллин Д. В. Комбинаторный аспект восприятия жанровой формы // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: материалы V Всерос. (с. междунар. участием) науч. конф. – Пермь, 10 апреля 2017 г. / отв. ред. И.И. Русинова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2017. С. 49–54.

Fillmore C. J. Frame semantics and the nature of language // URL: <http://www.icsi.berkeley.edu/pubs/ai/frame semantics76.pdf> (дата обращения: 02.04.2018).

GraphViz Output. URL: <https://www.graphviz.org/doc/info/output.html#d:xdot> (дата обращения: 02.04.2018).

OpenCV. URL: <https://opencv.org/> (дата обращения: 02.04.2018).

Natural Language Toolkit. URL: <http://www.nltk.org/> (дата обращения: 02.04.2018).

PyBrain. URL: <http://pybrain.org/> (дата обращения: 02.04.2018).

PyMystem3. URL: <https://pypi.org/project/pymystem3/> (дата обращения: 02.04.2018).

D.V. Yarullin

Teacher of Journalism and Mass Communications Department
Perm State University

A MODELLING OF ADVERTISEMENT TEXT INTENTIONS ON A BASIS OF FRAME SYSTEM

The article considers a model of perception of advertisement text intentions. Advertisement text contains a set of intentions, which are part of a speech genre of advertising. The model is based on Fillmore's frames; however, drawbacks of this approach are also described. Disadvantages include ambiguity and mixture of markers. To avoid these drawbacks, the denotation graph is used to describe the structure of advertisement text. Any denotatum can be expanded to a full frame if it is necessary, as both denotatum and frame are mental constructs. The method is tested. The article gives an explication of denotation structure and a visualization of denotation graph. A possible training set and a classifier architecture (artificial neural network) are provided for the method application.

Key words: frame, denotatum, denotation graph, polycode text.

СТИЛИСТИКА, ТЕКСТ, ДИСКУРС. МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

УДК 81'42:659:61

Баженова Елена Александровна
заведующий кафедрой русского языка и стилистики
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
bazhenova_e2000@mail.ru

РЕКЛАМНЫЙ ТЕКСТ В ЮРИСЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Обсуждается проблема изучения конфликтогенности текста применительно к сфере рекламной коммуникации. Решение данной проблемы требует использования трансдисциплинарного подхода к рекламе, включающего дискурсивный анализ – для изучения факторов, вызывающих конфликт между рекламой и законом; юрислингвистический анализ – для определения критериев конфликтогенности рекламы; лингвостилистический анализ – для выявления конфликтогенных единиц рекламного текста; психолингвистический анализ – для изучения воздействия рекламы на адресата. Теоретические положения иллюстрируются анализом рекламных текстов, в которых антимонопольной службой Пермского края установлены нарушения Федерального закона «О рекламе».

Ключевые слова: реклама, рекламный текст, юрислингвистика, конфликтогенны рекламного текста, закон РФ «О рекламе».

Актуальность исследования определяется активным развитием смежных дисциплин, в частности юрислингвистики, в рамках которой изучаются проблемы взаимодействия языка, права и конфликта. Одним из нерешенных вопросов, относящихся к этой сфере, является вопрос о речевой, правовой и психологической природе конфликтогенности рекламного текста, т.е. возможности интерпретации его словесного и визуального компонентов как нарушающих законодательство о рекламе и наносящих вред адресату. Кроме того, актуальным является определение лингвистического содержания используемых в законе о рекламе понятий «ненадлежащая реклама», «недобросовестная реклама», «недостоверная реклама», «неэтичная реклама» и др., которые при оценке спорного рекламного текста нередко употребляются интуитивно.

Лингвистическое исследование конфликта – молодая исследовательская область. Первые результаты изучения конфликтогенных текстов с лингвистических позиций отражены в работах [Баранов 2001, Голев 2003, Седов 2003, Третьякова 2003, Белоус 2007 и др.]. Проблема конфликтогенности текста рассматривается преимущественно на материале текстов

СМИ, реже – официально-деловых текстов и отчасти – на материале текстов повседневного общения в сети Интернет. Значительная работа по созданию общих принципов методики выявления конфликтогенных факторов проведена Гильдией лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам, Лабораторией юрислингвистики и развития речи Алтайского государственного университета, Фондом защиты гласности. Теоретические и прикладные аспекты лингвистической экспертизы обсуждаются в серии сборников статей «Юрислингвистика» под ред. профессора Н.Д. Голева.

В научной литературе представлено несколько подходов к анализу конфликтогенного текста. Это (1) исследования, основанные на собственно лингвистическом анализе, (2) работы, ориентированные на выявление когнитивных структур, реализованных в тексте, и (3) работы, в которых подчеркивается необходимость комплексного анализа конфликтогенного текста.

К исследованиям первого типа относится стилистический анализ текста, в ходе которого вычленяются конфликтные высказывания, определяется стилистическая природа составляющих эти высказывания единиц, рассматриваются особенности личности автора. Работы, написанные в русле второго подхода, весьма разноплановы. Так, Т.В. Чернышова анализирует текст как единство смысловых, логических и композиционных составляющих, что позволяет выявить скрытые интенции автора в текстах с неявной коммуникативной структурой [Чернышова 2002]. Т.А. Гридина и В.С. Третьякова разрабатывают методику изучения конфликтогенных факторов на основе выявления когнитивных структур – фреймов и сценариев [Гридина, Третьякова, 2002]. В рамках третьего подхода В.А. Мишланов и В.А. Салимовский, исследуя медиатексты экстремистской направленности, подчеркивают, что правовая интерпретация конфликтного текста требует многоаспектного анализа его языковой формы и смысла [Мишланов, Салимовский 2013].

Однако до сих пор остаются нерешенными многие проблемы теоретического и практического характера. В частности, требуют разработки терминологический инструментарий юрислингвистического анализа речевого продукта, методика выявления конфликтогенов и создание алгоритма лингвистической экспертизы спорного текста. Нерешенным является также вопрос о природе конфликтогенности текста, функционирующего в сфере рекламной коммуникации. Одной из первых этот вопрос поставила Е.С. Кара-Мурза, обратившая внимание на низкий уровень языковой компетентности копирайтеров, создающих некачественный рекламный продукт [Кара-Мурза 2011].

С одной стороны, проблема конфликтогенности рекламного текста, будучи многовекторной, связана с изучением его поликодовой организации, вербальные и невербальные компоненты которой могут иметь явные или скрытые признаки нарушения закона о рекламе. С другой стороны, конфликтогенность коренится в прагматике рекламного текста, в особенностях диалогического взаимодействия рекламодателей и потребителей рекламной информации. Конфликтогены в рекламе как форме массовой коммуникации создают резонанс, усиливающий негативное звучание текста и неизбежно порождающий конфликтогенную речевую среду.

Все вышесказанное позволяет предположить, что причиной конфликтогенности рекламы может стать правовой нигилизм копирайтеров, их непрофессионализм, явное нарушение рекламодателями или рекламораспространителями требований закона о рекламе, некорректное представление информации, которую адресат воспринимает или интерпретирует неправильно, и др. Эти вопросы требуют разрешения не только в связи с развитием юрислингвистики, но и в связи с необходимостью государственного регулирования такой социально значимой сферы коммуникации, как реклама.

При взаимодействии с правом язык рекламы предстает в специфическом функционировании, неразрывно связанном с регулированием рекламной коммуникации юридическими законами. В связи с этим важно выявить эксплицитные и имплицитные средства, которые в рекламном тексте оказываются конфликтогенами, а значит, реклама может быть признана нарушающей Федеральный закон № 38 от 13 марта 2006 г. «О рекламе» [ФЗ «О рекламе»]. Контроль за соблюдением этого закона осуществляют территориальные органы Федеральной антимонопольной службы. Так, в 2017 г. в Пермское УФАС было подано 164 заявления с жалобами на ненадлежащую рекламу, в 57 рекламных продуктах комиссией антимонопольного органа установлены нарушения закона.

Исследование рекламы в юрислингвистическом аспекте требует решения ряда задач. К первоочередным задачам, на наш взгляд, относятся следующие: 1) выявление причин обращений юридических и физических лиц в антимонопольный орган с жалобами на рекламу; 2) установление дискурсивных факторов рекламной коммуникации, оказывающих влияние на возникновение конфликта между рекламой и законом; 3) лингвистический анализ конфликтогенов рекламного текста в соотноении с требованиями закона о рекламе.

Представляется, что для решения этих задач целесообразно использовать комплексный – трансдисциплинарный – подход к рекламному тексту. Такой подход предполагает дискурсивный анализ рекламного обращения – для выявления факторов рекламной коммуникации, обуслови-

вающих возникновение конфликта между рекламой и законом; лингвостилистический анализ – для изучения языковых единиц спорного рекламного текста; юрислингвистический анализ – для определения критериев отнесения вербальных и невербальных компонентов рекламы к конфликтогенам; психолингвистический анализ – для изучения воздействия рекламы на адресата с учетом возможного психологического вреда от восприятия словесного и сюжетно-изобразительного компонентов рекламного обращения.

Приведем результаты предварительного анализа конфликтогенной рекламы, в которой Пермским УФАС установлены нарушения Федерального закона «О рекламе» (см. таблицу).

Конфликтогенная реклама, распространяемая в Пермском крае

№ п/п	Признаки нарушения закона о рекламе	Кол-во текстов	
		Абс.	%
1	Ненадлежащая реклама финансовых услуг	14	24,6
2	Распространение рекламы без согласия адресата	13	22,9
3	Самовольное установление рекламных конструкций	8	14
4	Языковая сторона рекламного текста	8	14
5	Наружная реклама алкогольной продукции	4	7
6	Недостоверная информация о цене и скидках	4	7
7	Недостоверная информация о товаре (услуге)	2	3,7
8	Элементы дизайна (нечитаемый шрифт, затрудняющий восприятие цвет и т.п.)	1	1,7
9	Потенциальный вред здоровью и развитию детей	1	1,7
10	Размещение рекламы в учебном издании	1	1,7
11	Использование образа должностного лица без его согласия	1	1,7
Итого:		57	100

Из таблицы видно, что языковая сторона рекламного текста, т.е. семантика использованных в нем языковых знаков, является одной из частых причин нарушения закона о рекламе. Именно такие конфликтогены требуют профессионального юрислингвистического анализа. Приведем примеры из нашего материала и дадим их краткий комментарий (конфликтогенные языковые единицы выделены полужирным шрифтом).

1) *ООО «НПС-Пермь» оказывает сервисные услуги при ремонте и строительстве нефтяных скважин... С 2006 года наша компания является лидером в этом сегменте рынка.*

2) **МЕТАЛЛОЧЕРЕПИЦА ПРОФНАСТИЛ МЕТАЛЛ ПРОФИЛЬ... САМЫЕ НИЗКИЕ ЦЕНЫ ЗА ЛУЧШЕЕ КАЧЕСТВО!**

3) ...главное достоинство препарата заключается в его способности устранять до 100% неприятных запахов, исходящих из ротовой полости после употребления алкоголя (таблетка «Антиполицай “Амбренет”»).

4) Ученые выяснили, что 40 минут пребывания в магазине женской одежды приводит мужчину в предынфарктное состояние, а женщину – в **предоргазменное**... (галерея стиля «Вероника Босс»).

5) **Особые услуги новым гостям. 31 девушка на выбор** (Студия 109).

6) У тебя есть на примете красивая девушка, но ты стесняешься подойти к ней... Тебе не нравится отражение в твоём зеркале? Мы поможем решить твои проблемы! Тренажерный зал **POWER GYM** – делаем из **прыщавых дрищей** настоящих мужчин!

7) **Уважаемые охотники! Правление Нытвенского районного общества охотников и рыболовов поздравляет вас с открытием охотничьего сезона и объявляет конкурс на отстрел серой вороны. Победитель получит право охоты на взрослого кабана.**

В примерах 1–2 конфликтогенами являются существительное *лидер* и прилагательные в форме превосходной степени *самые низкие* (цены), *лучшее* (качество). Эти единицы эксплицируют некорректное сравнение объекта рекламы с товарами и услугами других производителей, что является нарушением п. 1 ч. 3 ст. 5 ФЗ «О рекламе».

В примере 3 нарушен запрет на введение потребителя рекламы в заблуждение (п. 1 ч. 4 ст. 5 ФЗ «О рекламе»). Прочитав этот текст, адресат может прийти к выводу, что таблетка «Антиполицай “Амбренет”» полностью устранит запах алкоголя и позволит избежать наказания за управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения.

Конфликтогенность примеров 4–5 связана с нарушением этичности рекламы (ч. 6 ст. 5 ФЗ «О рекламе»). Прилагательное *предоргазменное* (состояние), как и словосочетание *девушки на выбор*, провоцируют непристойный образ и создают представление о рекламе как вульгарной, двусмысленной и оскорбительной.

Пример 6 содержит оскорбительное для адресата выражение *прыщавых дрищей*, что является нарушением п. 11 ч. 2, п. 4 ч. 4 и ч. 6 ст. 5 ФЗ «О рекламе».

Наконец, пример 7 может быть истолкован как призыв к насилию и жестокости (нарушение требований п. 2 ч. 4 ст. 5).

Таким образом, юрислингвистический анализ рекламного текста позволяет выявить причины его конфликтогенности, что имеет значение не только для развития смежных направлений лингвистики, но и для совершенствования практики рекламной коммуникации.

Библиографический список

Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста. Теоретические основания и практика. М.: Флинта; Наука, 2012. 593 с.

Белоус Н. А. Фазовая характеристика конфликтного дискурса // Мир лингвистики и коммуникации. 2007. № 8. С. 64–77.

Голев Н. Д. Экспертиза конфликтных текстов в современной лингвистической и юридической парадигмах // Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах: сб. материалов науч.-практич. семинара. Москва, 7–8 декабря, 2002 г. М.: Галерея, 2003. Ч. 2. URL: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/v64.html> (дата обращения: 29.04.2018).

Гридина Т. А., Третьякова В. С. Принципы лингвокогнитивного анализа конфликтного высказывания // Юрислингвистика–3: проблемы юрислингвистической экспертизы. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 55–64.

Кара-Мурза Е.С. Русский язык в рекламе: возможности законодательного регулирования // Вопросы культуры речи – X. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2011. С. 340–345.

Мишланов В. А., Салимовский В. А. Этнический экстремизм в массовой коммуникации с точки зрения проблем судебной лингвистической экспертизы // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. 2013. № 4(24). С. 63–75.

Седов К. Ф. Агрессия как вид речевого воздействия // Прямая и непрямая коммуникация. Саратов: Рос УНЦ «Колледж», 2003. URL: <https://gigabaza.ru/doc/100170-rall.html> (дата обращения: 20.04.2018).

Третьякова В. С. Речевой конфликт и гармонизация общения: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 35 с.

Чернышова Т. В. Юрислингвистическая экспертиза газетно-публицистических текстов с неявной коммуникативной функцией высказывания // Юрислингвистика–3: проблемы юрислингвистической экспертизы. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 42–54.

ФЗ «О рекламе». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.04.2018).

E.A. Bazhenova

Head of Russian Language and Stylistics Department
Perm State University

ADVERTISING TEXT IN JURISLINGUISTIC ASPECT

The article devoted to the problem of studying conflict factors in advertising communication. To solve this problem, it is proposed to use a transdisciplinary approach to advertising texts, including discursive analysis – to study the factors causing conflict between advertising and law; jurislignuistic analysis – to determine the criteria for the conflictness of advertising; linguistic and stylistic analysis – to identify and describe the conflict units of the advertising text; psycholinguistic analysis – to study the impact of advertising on the addressee. Theoretical provisions are illustrated by the analysis of advertising texts in which the antimonopoly service found a violation of the Federal Law “On Advertising”.

Key words: advertising, advertising text, jurislignuistics, advertising text conflict units, the Russian Federation Law “On Advertising”.

Каджая Людмила Алексеевна
доцент кафедры английского языка профессиональной коммуникации
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
Kadzhaya@psu.ru

Салимовский Владимир Александрович
профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
Salimovsky@rambler.ru

ОПИСАНИЕ КАК ИЛЛОКУТИВНЫЙ АКТ И ТИП РЕЧИ

Работа выполнена при поддержке РФФИ (грант №17-29-07049)

Сравниваются философско-аналитический и речеведческий подходы к описанию. Показано, что определению описания как иллокутивного акта соответствует изучение одноименного функционально-смыслового типа речи, представляющего собой логико-грамматическую форму статической характеристики объекта. В то же время включение рассматриваемого речевого действия в типовую деятельностьную ситуацию и установление ее релевантных признаков (условий реализации цели) позволяет с функционально-коммуникативных позиций исследовать разнообразные описания как сложившиеся в обществе речевые практики.

Ключевые слова: иллокутивный акт, функционально-смысловой тип речи, описание, речевой замысел, речевая системность, условия общения.

Описание чаще всего рассматривается лингвистами как иллокуция или как функционально-смысловой тип речи. Есть ли связь между этими, казалось бы, совершенно различными подходами?

Согласно Л. Витгенштейну, человеческое общение представлено бесчисленным множеством «языковых игр» – способов использования языка как компонентов деятельности и форм жизни. Ими, например, являются информирование о событии, выдвижение и проверка гипотезы, разгадывание загадок, решение арифметических задач, просьба, благодарность, приветствие, мольба и т.д. «Подумай над тем, – предлагал философ, – сколь различные вещи называются «описанием»: описание положения тела в пространственных координатах, описание выражения лица, описание тактильных ощущений, описание настроения» [Витгенштейн 1994: 91]. Состав языковых игр не является устойчивым, раз и навсегда данным: появляются новые формы высказываний, а другие забываются и исчезают.

Иная точка зрения представлена Дж. Серлем. По его мнению, множество способов использования языка не бесконечно и не неопределенно. Оно сводится к пяти категориям, соотносимым с иллокутивными целями (как наиболее важными элементами иллокутивных сил) – к репрезентативам, директивам, комиссивам, экспрессивам и декларациям. Например, иллокутивная цель репрезентативов, в том числе описания, – представить некоторое положение вещей, комиссивов – возложить на говорящего определенное обязательство, директивных высказываний – побудить слушающего нечто сделать. В пределах отдельных категорий иллокутивные акты дифференцируются в соответствии с теми или иными условиями их осуществления – такими, как «различия в энергичности, или в силе, с которой подается иллокутивная цель», «различия в способе, которым высказывание соотносено с интересами говорящего и слушающего», «различия в соотношении с остальной частью дискурса» [Серль 1986].

Думается, что концепция Дж. Серля не опровергает мысль Л. Витгенштейна о бесчисленном множестве языковых игр (как и совпадающее положение М.М. Бахтина в отношении речевых жанров). Эксплицируя понятие иллокутивной цели, Дж. Серль предлагает критерий обобщения многочисленных способов употребления языка в небольшое число их классов. Суждение же об ограниченном составе иллокутивных актов, или языковых игр, по-видимому, во многом объясняется тем, что их анализ изначально ориентирован на значения ограниченного в любом языке круга глаголов и имен речи. Поскольку эти значения являются широкими обобщениями, при рассмотрении иллокутивных актов не учитывается дифференциация речевых действий, обозначаемых такими словами. Иначе говоря, вербоцентрическая направленность исследования определяет анализ иллокутивной семантики именно на инвариантном уровне.

В работе, посвященной английским иллокутивным глаголам речи, А. Вежбицкая так определяет семантику глагола *describe* («описывать»): «Чтобы описать что-то, нужно сделать утверждение или ряд утверждений об этом объекте в контексте разговора, где он обсуждается и где релевантна более полная информация о нем. Таким образом, описание часто является речевой деятельностью, которая включает в себя более чем один изолированный ассертивный иллокутивный акт» [Wierzbicka 1987: 175].

В соответствии с теорией семантических примитивов иллокуция рассматривается как совокупность элементарных иллокутивных компонентов, соответствующих простым ментальным актам говорящих людей – интенциям, мотивам, эмоциям и т. д. [Вежбицкая 1997]. Думается, что в аспекте текстопорождения иллокутивная сила может быть истолкована как первичный авторский замысел, т.е. как нормативное для субъекта речи исходное направление развития замысла при еще от-

существующем предметно-тематическом содержании и композиционном эскизе [Салимовский, Яруллин 2017]. Примером первичного замысла может служить установка реципиента на описание объекта, который пока не предъявлен и свойства которого неизвестны.

Проекция этого инвариантного для разных условий общения мотивационно-целевого комплекса на текст соответствует традиционному представлению об описании как функционально-смысловом типе речи, т.е. как о логико-грамматической форме, выражающей представление о сосуществовании предметов или их признаков в статике (см. работы О.А. Нечаевой, В.В. Одинцова, Г. Я. Солганика и др.). Данная логико-грамматическая форма является общей для разных сфер познавательно-коммуникативной деятельности (художественной, научной, политической и др.), характеризующихся каждая своими принципами отражения действительности [Бахтин 1993]. Она отвлечена и от разнообразия выделяемых признаков и особенностей их речевой объективации.

Понятия цели и условий совершения действия принадлежат к числу базовых не только в теории речевых актов, но и в психологической теории деятельности. Согласно А.Н. Леонтьеву, «помимо своего интенционального аспекта... действие имеет и свой операционный аспект..., который определяется не самой по себе целью, а объективно-предметными условиями ее достижения. Иными словами, осуществляющееся действие отвечает задаче; задача – это и есть цель, данная в определенных условиях» [Леонтьев 1975: 107]. Аналогичную мысль высказывал С.Л. Рубинштейн: «Для осуществления цели необходим учет условий, в которых ее предстоит реализовать. Соотношение цели с условиями определяет задачу, которая должна быть разрешена действием. Целенаправленное человеческое действие является по существу своему решением задачи. Отношение к этим условиям, сочетаясь с отношением к цели, составляет внутреннее психологическое содержание действия» [Рубинштейн 2002: 443].

Принимая положение о том, что характер речевых актов, совершаемых при использовании языка, во многом определяется семантической структурой этого языка, мы тем не менее должны учитывать, что иллокутивный элемент в семантике глаголов речи как элемент собственно интенциональный не позволяет судить о разнообразии речевых действий, обозначаемых тем или иным глаголом, поскольку эти действия детерминированы не только интенцией (целью), но и условиями общения.

Не будет, по-видимому, ошибкой сказать, что категория «языковой игры» Л. Витгенштейна соотнесена с речевыми действиями как компонентами деятельности в определяемых культурой условиях их совершения, в связи с чем речевые действия и предстают как «формы жизни» (*исполнение хороводных песен, игра в театре*). Между

тем в теории речевых актов акцентируется собственно интенциональный аспект высказывания, рассматриваемого в отвлечении от деятельности, в которую оно включено.

Какие условия релевантны для совершения различных речевых действий, обозначаемых глаголом *описывать*?

К ним прежде всего относятся сфера деятельности, форма сознания [Кожина 2002], соответствующая им картина мира. Рассмотрим научное описание цветка и сравним его с художественным описанием:

Viola tricolor (Анютины глазки). <...> Цветки 1.8–2.7 (3) см дл., на цветниках 3–12 см дл. Чашелистики линейные или продолговатоланцетные, 1.5–5 мм шир., по краю довольно длиннореснитчатые... Верхние лепестки обратнойцевидные, темно-фиолетовые, реже бледно-фиолетовые... [<http://www.plantarium.ru/page/view/item/40811.html>].

И анютиных глазок стая
Бархатистый хранит силуэт –
Это бабочки, улетаю,
Им оставили свой портрет <...>
(А. Ахматова)

Характеризуя научное описание (как и любой другой текст данной сферы общения), мы должны учитывать, что слово выражает здесь общее понятие (например, о цветке всякого растения *viola tricolor*). При этом в таксономическом исследовании экспликация понятия предполагает выявление общих признаков того или иного вида, по которым он отличается от других видов. Поэтому даже тогда, когда языковые средства направлены на выражение зрительного образа (*чашелистики по краю длиннореснитчатые, лепестки темно-фиолетовые*), автор прибегает к наглядности понятийного плана [Кожина 2002]. Научное понятие (концепт) в его связях с другими понятиями выступает в этом случае элементом научной картины мира – знаний о систематике и эволюции живых организмов.

В то же время в художественной речи описание воплощает наглядно-чувственный образ. Причем в лирике обязательно проявляются единичные состояния авторского сознания: впечатления, импульсы, эстетические эмоции, окрашенные ими размышления (вторая строфа цитируемого стихотворения: *Ты – другое... Ты б постыдился Быть, где слезы живут и страх, И случайно сам отразился В двух зеленых пустых зеркалах*). В художественной картине мира поэтов Серебряного века концепт «цветок» соотносится «с основными мотивами жизни, любви, смерти» [Молоткова 2006: 6].

Как видим, описание, имея инвариантную логическую схему (фиксируя одновременно проявляющиеся признаки объекта), в функционально-коммуникативном отношении существенным образом различается в разных социокультурных областях.

Если остановиться на характеристике описания в научной сфере, то нужно отметить, что здесь релевантными условиями актуализации цели как первичного замысла являются: специфика изучаемого объекта; заданная некоторой познавательной программой последовательность рассмотрения разных его планов и элементов, тем самым тот или иной порядок «сцепления и последовательности высказываний» [Фуко 2012]; предусмотренный этой программой угол зрения, определяющий выделение в объекте признаков того или иного вида – качественных, количественных, структурных, функциональных, кинематических, генетических и др. Необходимость речевой объективации этих признаков обуславливает использование предложений определенной структуры, обнаруживающих закономерные связи лексических и грамматических единиц.

В научных эмпирических текстах описание является основным типом речи, представленным в целом ряде речевых жанров. Например, доминирующими жанрами текстов по гидрогеологии являются «описание региона и его стратиграфических подразделений», «гидрогеохимическое описание подземных вод», «описание их динамики и режима», «описание палеогидрогеологических условий конкретной территории» и некоторые др. Каждый жанр может быть рассмотрен как объективация познавательно-коммуникативной деятельности, представленной воспроизводимой системой операций. Речевое воплощение последних предполагает использование некоторого состава моделей предложения с характерным для них в данном типе текста набором лексических единиц в определенных морфологических формах [Каджая 2016].

Подведем итог сказанному. Иллокутивному акту «описывать», основным элементом которого является намерение сообщать о признаках рассматриваемого объекта, соответствует одноименный функционально-смысловой тип речи, представляющий собой логико-грамматическую форму статической характеристики объекта. Интерпретация исходного намерения (интенции) как первичного речевого замысла предполагает определение релевантных условий его реализации. Этим создается основа для выделения и систематизации многочисленных описаний как сложившихся в обществе речевых практик. Их исследование имеет важное значение для развития знаний о реальном функционировании языка в речевой действительности, решения практических задач обучения языку как родному и иностранному, для компьютерного моделирования речевой коммуникации [Девяткин, Кузнецова, Чудова 2017].

Библиографический список

- Бахтин М. М. Под маской. Маска третья. Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка. М.: Лабиринт, 1993. 188 с.
- Вежбицка А. Речевые жанры // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1997. С. 99-111.
- Витгенштейн Л. Философские работы. М.: Гнозис, 1994. Ч.1. 612 с.
- Девяткин Д. А., Кузнецова Ю. М., Чудова Н. В. Методы автоматического выявления ментальных действий в текстах научных публикаций. URL: <http://www.academia.edu/32605359/> (дата обращения: 12.04.2018).
- Кожина М. Н. Речеведение и функциональная стилистика: вопросы теории / Перм. ун-т. Пермь, 2002. 475 с.
- Каджая Л. А. Системность научного специализированного дискурса: использование жанровых форм и языковых средств / ПГНИУ, Пермь, 2016. 180 с.
- Молоткова А. И. Концепт «цветок» в языке и поэтической речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006. 21 с.
- Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2002. 720 с.
- Салимовский В. А., Яруллин Д. В. О тождестве речевого жанра // Жанры речи. 2017. №2. С. 151–159.
- Серль Дж.Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. С. 170-194.
- Фуко М. Археология знания. СПб.: Гуманитарная Академия, 2012. 416 с.
- Wierzbicka A. English Speech Act Verbs: a Semantic Dictionary. Sydney; New York: Academic Press, 1987. 397 p.

L.A. Kadzhaya

Associate Professor of English Language
for Professional Communication Department
Perm State University

V.A. Salimovsky

Professor of Journalism and Mass Communication Department
Perm State University

DESCRIPTION AS AN ILLOCUTIONARY ACT AND A TYPE OF SPEECH

This paper compares philosophical-analytical and speech-study approaches to the description. The definition of description as an illocutionary act is shown to correspond to the study of a similar functional-semantic type of speech that represents a logical-grammatical form of a static description of an object. At the same time, the inclusion of a considered speech act into a typical activity situation and the identification of its relevant features (conditions to realize a goal) allows to analyze various descriptions as society-accepted speech practices from functional-communicative perspectives.

Key words: illocutionary act, functional-semantic type of speech, description, speech plan, speech system, communication conditions.

Карпова Татьяна Борисовна
доцент кафедры русского языка и стилистики
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
tatyana__2000@mail.ru

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ С КИТАЙСКИМИ СТУДЕНТАМИ

В публикации представлен многолетний опыт работы автора с иностранными (китайскими) обучаемыми (как бакалаврами, так и магистрантами) по написанию их выпускной работы и магистерской диссертации. Особое внимание уделено содержательным, методологическим и организационным аспектам научно-исследовательской деятельности.

Ключевые слова: русский как иностранный, методика высшей школы, научно-исследовательская деятельность.

Актуальность обсуждения данной темы связана с практикой работы преподавателей российских вузов, в частности филологического факультета ПГНИУ, когда им все больше сил и времени приходится тратить на руководство научно-исследовательской работой китайских студентов – как бакалавров, так и магистрантов. Далее излагаются некоторые рекомендации по организации, содержанию и методологии такой работы, которыми предлагает воспользоваться автор, исходя из своего многолетнего и успешного опыта руководства научно-исследовательской работой китайских студентов [Карпова 2014; 2017].

1. Такая работа должна восприниматься научным руководителем как существенная часть профессиональной подготовки иностранных студентов, которые должны овладеть сложной для них терминосистемой изучаемого научного направления, методами и методиками определенной лингвистической науки. Для их научно-исследовательской деятельности следует создать особые условия, когда (в отличие от русских студентов) все годы обучения они смогут работать над одной темой (разными ее аспектами) у одного научного руководителя. В варианте включенного обучения, когда китайский студент учится в российском вузе определенное время (полгода, год, два года), к нему также должен прикрепляться научный руководитель. Встречи с руководителем должны носить системный характер (примерно один раз в неделю) и включать самую разноаспектную деятельность (беседа по теории, сбор и обработка материала и т.д.).

При этом преподаватель должен учесть, что в китайских вузах существует традиция написания выпускных работ в основном реферативного, а не исследовательского характера, а потому он должен практически продемонстрировать своему китайскому студенту все этапы научного исследования: работу над историей вопроса, сбор и классификацию материала исследования, составление обобщающих таблиц, графиков и под., интерпретацию результатов. Много усилий потребует написание и редактирование самого текста работы.

2. По возможности, тему для исследования следует выбирать сопоставительного характера (русский и китайский языки, русская и китайская литературы, русская и китайская лингвокультуры). Предположим, что если работа бакалавра еще не включает такой сопоставительный аспект (*Концепт ЗИМА в русских сказках; Отражение русского национального характера в жанре народной сказки* и т.п.), то в магистерской диссертации сопоставительный аспект, на наш взгляд, обязателен. Пусть даже соотношение материала будет не 50 на 50, пусть китайская часть материала станет хотя бы фоном описания русского материала исследования, но такое сопоставление всегда придаст исследованию особую значимость. Приведем некоторые темы таких сопоставлений: *Внутренние и внешние свойства человека в русской и китайской языковых картинах мира; Отношение к богатству и бедности в русской и китайской лингвокультурах; Способы самопрезентации личности в русском и китайском секторах интернета; Символические значения зоонимов в русской и китайской языковых картинах мира* и под.

3. В качестве материала целесообразнее выбирать тексты малых жанровых форм, прежде всего фольклорные, например, фразеологические, паремиологические единицы, которые можно взять в соответствующих словарях; сказки из классических сборников. Не случайно, А.Т. Хроленко, например, полагает, «что фольклорные тексты являются тем идеальным полем, на котором можно разрабатывать эффективную методологию лингвокультуроведения» [Хроленко 2000: 121]. Материалом для анализа современных языков могут стать соответствующие национальные корпуса в интернете. Линия сопоставления объекта исследования, представленного как в традиционных языках и культурах, так и на современном этапе их развития, тоже очень интересна и должна, как нам кажется, активно включаться в исследовательские задачи. См., например, такую формулировку темы: *Отношение к богатству и бедности в традиционной и современной лингвокультурах русских и китайцев.*

4. Методы, конкретные методики анализа материала следует особенно тщательно продумывать и применять буквально вместе с иностранным студентом. Например, при изучении темы *Отношение к деньгам в русской*

и китайской языковых картинах мира материал (фразеологизмы, пословицы, поговорки) был проанализирован с точки зрения эквивалентности / безэквивалентности по отношению к другому языку. Были выделены **полные** эквиваленты (употребляемые и в России, и в Китае), **частичные** эквиваленты (употребляемые и в России, и в Китае, но с разными реалиями: *Торговаться из-за каждой копейки – Торговаться за каждый цзинь; Битая посуда два века живёт – Свой веник ценнее чужого золота; Каждое зерно в закрома – Собрать до единой рисинки*), а также **безэквивалентные** единицы (употребляемые только в России или только в Китае: *В присутствии денег даже у слепого глаза раскрываются, а монах продаёт даже священные книги; Голодный разжует и булыжник*). В каждом случае досконально прорабатывались все выбранные аспекты анализа материала.

5. В качестве актуального направления для исследований студентов-китайцев рекомендуется лингвокультурология, позволяющая реализовать в научном исследовании идею связи языка и культуры, языка и национального менталитета, понять духовные основы изучаемого иностранного языка (в нашем случае – русского), осознать сущностные свойства русской и китайской лингвокультур. Например, увидеть и понять разницу в отношении к деньгам в русской (весьма осторожное) и китайской (вполне положительное) традиционных культурах; увидеть (через анализ эссе русских и китайских респондентов), что в современном мире мы сближаемся в отношении к деньгам (все больше становимся от них зависимыми) и под. Исследования именно такого содержания позволяют увидеть, например, что в современном обществе появляются новые стереотипные единицы, которые представляют собой трансформированные варианты традиционных паремий. Приведем примеры из русского языка: *С милым рай и в шалаше, если милый атташе; Бедность не порок, а вдвое хуже; Время лечит, но за деньги быстрее; Делу время – потехе деньги; Деньги меня не волнуют – они меня успокаивают; Всех денег не заработать, какую-то часть придется украсть* и под. Пока трудно однозначно сказать, что стоит за данными стереотипными выражениями: желание посмеяться над новыми ценностями жизни, своеобразная демонстрация их неприятия или же циничная констатация отношения к деньгам как главной ценности. В любом случае подобные исследования призваны помочь современному человеку осознать себя и мир вокруг. Результаты нашего исследования, в частности, показали, что отношение к деньгам, материальным ценностям во все времена и у разных народов являлось важным показателем духовной, нравственной составляющей национального менталитета, а потому требует пристального внимания ученых, включая лингвокультурологов.

6. Наш опыт показывает, что научно-исследовательская работа

китайских студентов, проведенная в рамках лингвокультурологии, позволяет сделать вывод о значительной роли нравственной составляющей такой работы. Имеется в виду выбор таких тем для изучения, которые помогают обучаемому увидеть нравственный потенциал содержания будущего исследования. Так, тема *Оценочные характеристики внешних и внутренних качеств человека в русской и китайской языковых картинах мира* также позволила китайскому студенту-исследователю осознать духовные основы русской культуры, язык которой он изучает [Маслова 2007]. Для выявления доминантных характеристик внутренних свойств человека в качестве объекта исследования нами были взяты фразеологизмы. При этом выяснилось, что в русском языке положительные характеристики явно уступают отрицательным (их оказалось меньше почти в 2 раза), что свидетельствует о некомплиментарном характере фразеологизмов русского языка и подтверждает положение о том, что национальный фольклор больше критичен и нелюбезен по отношению к русским, чем хвалебен и комплиментарен [Соловьев 2001]. Русское языковое сознание, отраженное во фразеологическом фонде языка, не приемлет, например, следующие черты характера человека: коварство (*змея подкодная*); двуличие (*волк в овечьей шкуре, ворона в павлиньих перьях, двуликий Янус*); скандальность (*базарная баба, разевать глотку, во всю ивановскую, возжа под хвост попала*); хвастовство, пустословие, болтливость (*семь верст до небес, вертеть вола, язык без костей, бесструнная балалайка*); косноязычие, неумение говорить (*язык плохо подвешен, язык заплетается*); лень, нежелание трудиться, неторопливость; легкомыслие, бесшабашность, сумасбродство; изнеженность, слабость; хитрость; трусость; упрямство, тупость; жадность; несдержанность; закрытость, неискренность; равнодушие, бесчувственность и др. Наоборот, в русском языковом сознании хороший человек – это человек открытый, общительный (*душа нараспашку, рубаха-парень, широкая натура, свой брат, святая простота*); умный (*семи пядей во лбу, ходячий университет, живая летопись, светлая голова, на голову выше всех, вошедший в разум, с царем в голове, владеющий словом, пером*); смелый (*не из робкого десятка; рыцарь без страха и упрека*); умелый (*маг и волшебник, рука набита, золотые руки, мастер на все руки, высшей пробы*); опытный (*тертый калач, стреляный воробей, травленный волк, морской волк*); целеустремленный, настойчивый (*бить в одну точку*); терпеливый, сдержанный (*проглотить пилюлю, владеть собой*), но и умеющий ответить, постоять за себя, сказать свое крепкое слово; способный повиниться, *сложить повинную голову; совестливый (сгореть со стыда)*.

Представляется, что такие сопоставления русской и китайской лингвокультур помогают ломать сложившиеся стереотипы и реально оценивать сегодняшний и завтрашний день России и Китая. Это придает, на наш взгляд, особую (общечеловеческую) значимость такому виду учебной деятельности, как научно-исследовательская работа иностранного студента, а научному руководителю позволяет реализовывать свое предназначение быть для него не только учителем, профессионалом, но и воспитателем, носителем лучших черт национального характера.

Библиографический список

Карпова Т. Б., Ли Л., Сунь С. Состояние изучения русского языка в Китае (на примере провинции Шаньдун) // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: материалы II Всерос. науч. конф., Пермь, 15 апреля 2014 г. Пермь, 2014. С. 175-180.

Карпова Т. Б. Нравственная составляющая научных исследований иностранных студентов в российских вузах // Нравственное воспитание в современном мире: психологический и педагогический аспект: материалы Междунар. научно-практич. конф. Самара, 2017. Т. 1. С.170–172.

Карпова Т. Б. Описание электронно-образовательного ресурса «Россия и Китай – великие соседи», подготовленного в ПГНИУ в рамках программы «Образование на русском» // Диалог культур: Россия и Китай на новом шелковом пути. Пермь, 2017. С. 13–17.

Маслова В. А. Homo lingualis в культуре. М.: Гнозис, 2007. 320 с.

Соловьев В. М. Тайны русской души. М.: Русский язык, 2001. 200 с.

Хроленко А. Т. Лингвокультуроведение. Курск, 2000. 167 с.

T. B. Karpova

Associate Professor of Russian Language and Stylistics Department
Perm State University

INFORMATIVE AND METHODOLOGICAL PECULIARITIES OF RESEARCH WORK WITH CHINESE STUDENTS

The publication presents the multiyear experience of work of the author with foreign (Chinese) students (both bachelors and masters) on writing their graduate work and master's thesis. Special attention has been paid to informative, methodological and organizing aspects of research activity.

Key words: Russian as foreign language, methods of higher education, research activity.

Котюрова Мария Павловна
профессор кафедры русского языка и стилистики
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
kotyurova@yandex.ru

ИЗУЧЕНИЕ РЕЧЕВОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ УЧЕНОГО ПО ПРИНЦИПУ «ОТ ОБЩЕГО К ЧАСТНОМУ»

В статье обсуждается проблема речевой индивидуальности ученого, проявляющейся при порождении научного текста. Речевая индивидуальность понимается как сложный феномен, который требует системного изучения в соответствии с интегральной характеристикой индивидуальности личности. На формирование речевой индивидуальности оказывают влияние такие факторы, как познавательный стиль ученого, объективный или субъективный характер изложения, языковая компетенция автора и др. Изучение индивидуального стиля начинается с общего, интуитивного, подхода к научному тексту через анализ текстовых категорий к выявлению функционально-семантических особенностей использованных в тексте языковых единиц.

Ключевые слова: научный функциональный стиль, стили мышления ученого, речевая индивидуальность ученого.

Рассуждение о творческой речевой индивидуальности ученого, проявляющейся при порождении научного текста, можно построить в соответствии с принципом «от общего к частному» (от абстрактного к конкретному).

Полноценное композиционное мышление осуществляется на особом *личностном* уровне, на котором мышление способно к созданию познавательного образа с конструктивной структурой. Однако за рамками познавательного образа находятся значительные «континуальные проблемы», которые остаются как смутное чувство и нередко вытесняются и перестают осознаваться.

Личностный уровень мышления проявляет себя в том, что, по наблюдению А.В. Свешникова, «наиболее продуманные решения и продуктивная деятельность появляются только в том случае, если они опираются на внутренний диалог. Внутренний диалог художественно-композиционного мышления позволяет создавать социально ценные продукты, удовлетворяющие потребности не только творческой личности, но и других людей» [Свешников 2001: 181].

Аналогично данному суждению о художественно-композиционном мышлении можно считать, что индивидуальное мышление ученого осу-

ществляется также посредством внутреннего диалога в пределах *целостно-композиционного* научного мышления, в котором «вопреки позитивистским мифам о науке, редко соблюдаются императивы формальной логики» [Юревич 1993: 14]. Около 50 лет назад философом М.С. Козловой сделано близкое к этому суждению заключение о том, что «реальный процесс познания никогда не движется по жесткой схеме формально-логического анализа» [Козлова 1972: 89]. В унисон звучат слова А.В. Юревича: «Ключевую роль в науке играет творческое мышление, основанное на *нарушении* устоявшихся *стереотипов* (курсив наш. – М.К.)» [Юревич 1993: 14]. Как раз здесь нам представляется уместным и целесообразным сказать о таком свойстве *целостного* мышления ученого, как толерантность. Несомненно, глубоко прав Л.В. Скворцов, считающий, что «толерантность относится к феноменам духовной, культурной, нравственной жизни..., является важнейшим условием нахождения компромиссов, преодоления конфликтов». И даже так: «Нетерпимость ведет человечество к братской могиле» [Скворцов 1996: 11]. В научно-познавательной деятельности толерантность основывается на корпоративном *доверии* к знанию, полученному коллегами – как предшественниками, так и современниками. Однако это лишь с одной стороны. С другой же нельзя не согласиться и с замечанием С.А. Васильева: «В конечном счете гениальные люди являются таковыми не потому только, что создали нечто принципиально новое, но и вследствие того, что сумели по-новому понять ранее созданное» [Васильев 1988: 218]. Вместе с тем стремление к новизне встречает ментальные преграды: дело в том, что научной ментальности по природе присуще сомнение как момент динамики – движения мыслительного процесса от *сомнения* к уверенности и высшей степени уверенности в форме констатации мысли. По большому счету, «научная ментальность... подчиняется лишь принудительной силе материальной объективности» [Скворцов 1996: 18].

Как видим, в приведенных цитатах из размышлений ученых специально акцентируется значимость не формально-логических императивов, а таких отступлений от них, которые приводят к разрушению стереотипов. Мы же хотим подчеркнуть *единство* (не отрицание того или иного!) компонентов динамического процесса познания, включающего статический, устойчивый, компонент (статика – момент динамики) в форме старого знания, представленный логическими формами, а также компонент, очевидно или неочевидно выходящий за пределы формально-логических ожиданий, обычно соотносимый с собственно творческой стороной познавательной деятельности ученого.

Индивидуальный стиль ученого можно понимать и в широком, и в узком смысле. Стиль речи человека в широком смысле – это, несомненно,

вся его речь, включая и содержание, и оформление содержания в виде текста. Однако такой сложный феномен неизбежно может быть рассмотрен лишь односторонне, как бы широко, причем методологически организовано, исследователи ни подходили к его изучению. Самый широкий подход, будь то системный либо даже синергетический, только тогда будет наиболее точным, адекватным и полным, когда мы будем учитывать все многообразие условий, определяющих деятельность человека. Но – возможно ли это?

Учитывая сказанное, целесообразно применять подход, соответствующий *интегральной* характеристике индивидуальности человека.

В исследовании, специально посвященном проблеме интегральной индивидуальности, пермский психолог В.С. Мерлин пишет: «С незапамятных времен и до настоящего времени принято думать, что одни свойства человека типичны, а другие индивидуальны... В действительности же в человеке нет двух сортов свойств – типичных и индивидуальных. Каждое отдельное свойство типично по одним проявлениям и индивидуально по другим» [Мерлин 1986: 321]. По-видимому, наиболее ярко – индивидуально – проявляются *доминирующие* свойства личности, в данном случае личности ученого как автора текста.

Анализ текстов целых научных произведений показывает, что научное творческое мышление реализуется в индивидуальном стиле мышления, в свою очередь активно воздействующем на индивидуальный стиль речи (наиболее полно – в совокупном научном творчестве), и обусловлено следующими факторами: 1) доминирующими свойствами познавательного стиля (преимущественно анализирующим или синтезирующим характером, степенью дифференциации понятий, ригидностью / гибкостью связей при формировании содержания понятий и др.); 2) свойствами стиля мышления (понятийным или образным, дискретно-логическим или континуально-психологическим, критическим либо толерантным, экстравертным либо интровертным и т.д.); 3) объективированностью («рафинированностью», «очищенностью» от субъекта) либо субъективированностью изложения; 4) языковой компетенцией автора, причем не только степенью владения синонимическим потенциалом языка, но и творческой способностью функционально ориентировать языковые единицы на возможно более точное выражение тех или иных «квантов смысла», а также движения содержания от незнания к знанию, прагматических установок на коммуникацию с читателем и т.д.

Обратимся к научным текстам, предоставляющим богатейшие возможности для изучения, по выражению Т.М. Цветковой, «сближения языка – языковой системы – и текста как реализации внеречевых целей» [Цветкова 2003: 87] конкретного субъекта познавательной деятельности. Целый

ряд публикаций этого автора [Цветкова 1997; 2001; 2003; 2005; 2007 и др.] вполне убеждает нас в том, что для решения проблемы речевой индивидуальности ученого можно выдвинуть на первый план познавательные (поисковые) установки «как организующий момент смысловой структуры текста, позволяющие смоделировать, проследить переход от мысли к развернутому высказыванию – тексту» [Цветкова 2003: 87]. Представляется бесспорным, что именно с *переходом* от мысли к тексту связаны значительные затруднения языковой личности при порождении научного текста. Естественно, что эти затруднения преодолеваются разными авторами в соответствии с индивидуальными стилями мышления.

Экстралингвистическая основа научного текста – познавательно-коммуникативная деятельность ученого – столь объемна, что, несомненно, требует ограничения. Как пишет психолог М.А. Холодная, «выраженность стиля мышления (или интеллектуального стиля) в значительной степени зависит от меры самостоятельности и творческого подхода к проблеме. Если взять за основу этот критерий, то можно установить иерархию стилей постановки и решения проблем, включающую пять основных стилей: *адаптивный* (поиск решения поставленной кем-либо проблемы с использованием ранее освоенных способов деятельности); *эвристический* (изобретение новых способов решения уже поставленной проблемы); *исследовательский* (самостоятельное формирование целей собственной деятельности); *инновационный* (способность к порождению объективно новых идей); *смыслопорождающий* (ориентация на работу со смыслами по отношению к существующим понятиям)» [Холодная 2004: 310–311].

Надо сказать, что данное обобщение М.А. Холодной сделано на основе различных классификаций познавательных стилей. Важно, что классификация познавательных стилей имеет *вариативный, открытый*, а значит, относительный характер. Обращение даже к лаконичной истории вопроса в области психологии научного творчества показывает глубину и сложность проблемы индивидуальной познавательной деятельности, а отсюда, несомненно, сложность проблемы индивидуальных стилей речи ученых. Поэтому воспользуемся словами М.А. Холодной и подчеркнем, что классификация «не является единственно возможной и выступает всего лишь в качестве полезного инструмента анализа индивидуального поведения» [Там же: 318].

Следует иметь в виду, что каждому автору присущ не один какой-либо познавательный стиль или стиль мышления, а совокупность стилей, в которой определяющую роль играет доминирующий в данном, конкретном, фрагменте мысли / речи. При этом изучение индивидуального стиля изложения начинается с общего, интуитивного, взгляда на текст, затем определяется совокупность текстовых свойств (категорий), устанавлива-

ется доминирующая категория и выявляется состав полифункциональных речевых единиц, выступающих в качестве «строительного материала» и данной категории, и целого текста. Именно категориально-семантический подход и к созданию, и к изучению научного текста неизбежно способствует, с одной стороны, формированию хорошего научного текста, с другой – выявлению речевой индивидуальности ученого. (См. об этом подробнее в: [Котюрова и др. 2011]).

Библиографический список

Васильев С.А. Синтез смысла при создании и понимании текста. Киев: Наукова думка, 1988. 237 с.

Козлова М.С. Философия и язык. М.: Мысль, 1972. 254 с.

Котюрова М.П., Тихомирова Л.С., Соловьева Н.В. Идиостилика научной речи. Наши представления о речевой индивидуальности ученого / ГОУ ВПО «Перм. гос. ун-т», НОУ ВПО «Зап.-Урал. ин-т экономики и права». Пермь, 2011. 394 с.

Мерлин В.С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. М.: Педагогика, 1986. 253 с.

Свешников А.В. Композиционное мышление. М.: Всерос. гос. ин-т кинематографии им. С.А. Герасимова, 2001. 275 с.

Скворцов Л.В. Перспектива толерантности // Человек: образ и сущность. Толерантность и архитектура эмоций: Сб. ст. М.: ИНИОН, 1996. С. 8–45.

Холодная М.А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. СПб.: Питер, 2004. 384 с.

Цветкова Т.М. Рассуждение как тип текста // Функционирование языковых единиц и грамматических категорий в разных типах и стилях речи: Межвуз. сб. науч. трудов / Башк. гос. пед. ин-т. Ч. 2. Уфа, 1997. С. 89–91.

Цветкова Т.М. Способы получения нового знания и типы текстов (формирование, модификация и усложнение текстовых форм) // Текст: стереотип и творчество: Межвуз. сб. науч. трудов. Пермь, 2001. С. 208–222.

Цветкова Т.М. Познавательные установки субъекта научного исследования и текста – способы получения нового знания и «текстовые предикаты» // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы: Материалы междунар. науч. конф. М., 2003. С. 87–91.

Цветкова Т.М. Ситуация познания – целеустановка – текст («языковая компетенция» и «лингвистические знания») // Стереотипность и творчество в тексте: Межвуз. сб. науч. трудов. Пермь, 2005. С. 185–193.

Цветкова Т.М. Информационно-содержательный потенциал номинаций способов получения нового научного знания // Стереотипность и творчество в тексте: Межвуз. сб. науч. трудов. Пермь, 2007. С. 175–186.

Юревич А.В. Социально-психологический анализ научного и обыденного объяснения: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1993.

M.P. Kotyurova

Professor of Russian Language and Stylistics Department

Perm State University

**THE SCIENTIST'S VERBAL INDIVIDUALITY STUDY ON THE PRINCIPLE
"FROM GENERAL TO PARTICULAR"**

The article considers the problem of the scientist's verbal individuality, manifested in the scientific text generation. Verbal individuality is understood as a complex phenomenon that requires systematic study in accordance with the integral characteristic of the personality. The verbal individuality formation is influenced by factors such as the scientist's cognitive style, the objective or subjective nature of explication, the author's language competence, etc. The individual style study begins with a general, intuitive approach to the scientific text through the analysis of text categories to identify language units functional and semantic features.

Key words: scientific functional style, scientist's thinking styles, scientist's verbal individuality.

Кыркунова Лариса Геннадьевна
доцент кафедры русского языка и стилистики,
доцент кафедры педагогики
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
kyrkunovalg@yandex.ru

РУКОВОДСТВО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТОЙ (НИР) СТУДЕНТОВ КАК ВИД КОМПЛЕКСНОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Статья посвящена анализу содержания деятельности преподавателя, осуществляющего руководство НИР студентов. Руководство НИР рассматривается как вид деятельности, в процессе которой в комплексе реализуются функции обучения, воспитания и тьюторского сопровождения. Автор обращает внимание на сложность совмещения этих функций и неотработанность целого ряда методических процедур осуществления этой деятельности.

Ключевые слова: научно-исследовательская работа студентов, обучение, воспитание, технология тьюторского сопровождения, педагогика высшей школы.

Любое научное исследование – это «целенаправленное познание, результаты которого выступают в виде системы понятий, законов, теорий» [Волохова 2016: 755]. Отличительными признаками процесса научного исследования называют *целенаправленность*; *систематичность*, упорядоченность и самого процесса исследования, и полученных в ходе него результатов. НИР студентов всегда должна быть направлена на творческий поиск *нового* для студента знания, выдвижение *оригинальных* идей, освещение привычного в *новом ракурсе*. Не все обучаемые осознают специфику НИР, это усиливает роль и значение педагогического руководства. Нам показалось интересным рассмотреть деятельность руководителя НИР студента в аспекте ее содержания. *Объектом* рассмотрения в данном случае является педагогическая деятельность преподавателя вуза, обладающего полным набором профессионально значимых компетенций. *Предметом* рассмотрения – содержание деятельности руководителя НИР студентов. Мы *предполагаем*, что в ходе осуществления руководства НИР студентов каждый педагог реализует полифункциональную деятельность, при этом некоторые ее компоненты вступают в отношения внутреннего противоречия.

НИР студентов, как известно, подразделяется на два вида: 1) НИР, *включаемая в учебный процесс* и являющаяся обязательной для всех сту-

дентов (выполнение исследовательских заданий на занятиях; подготовка и защита курсовых и ВКР, содержащих элементы научных исследований; выполнение НИР в период практик и т.п.); 2) НИР студентов, *выполняемая во внеучебное время* (участие студентов в работе по грантам; в научных семинарах, конференциях, симпозиумах, конкурсах научных и учебно-исследовательских работ; олимпиадах; в работе различных школ, студенческих научных обществах (СНО)). Разумеется, студент должен ориентироваться во всем разнообразии вариантов реализации своих научно-познавательных интересов, понимать, для чего, как и на каком этапе обучения в вузе рационально принимать участие в тех или иных научных мероприятиях таким образом, чтобы это способствовало его личностному росту и одновременно положительно сказывалось на прохождении им пути (маршрута) обучения.

Руководитель НИР студентов одновременно выступает в роли *преподавателя, воспитателя* и отчасти *тьютора*, реализуя соответствующие этим ролям функции. *Функция обучения* проявляется в передаче обучаемому суммы знаний, необходимых для понимания содержания, планирования, организации, осуществления и описания результатов НИР. Руководитель НИР инструктирует студента на всех этапах осуществления работы (от выбора темы до оформления и представления ее результатов). В ходе реализации функции обучения особую роль приобретает способность преподавателя оценить исследовательский потенциал студента, степень его учебно-научной мотивации; подобрать задания соответствующей степени трудности, сориентировать студента в современной научной литературе, актуальных научных концепциях. Как показывает практика, в руководстве НИР важна *мера целесообразного воздействия* на студента (педагогический такт). *Функция воспитания* проявляется в воздействии на интеллектуальную, эмоциональную и поведенческую сферы личности студента с целью подготовить его к самостоятельной жизни и деятельности. Воспитательным воздействием можно считать обучение студента академическому этикету, готовности преодолевать трудности исследовательской работы, добиваться ее результата (воля, терпение, настойчивость), умению выстраивать взаимодействие с другими участниками исследования (корректность поведения, доброжелательность, коммуникабельность).

Две основные функции руководителя НИР – *обучения и воспитания* студента – являются традиционными и обеспечивают как непосредственное осуществление научных исследований, так и (шире) весь педагогический (образовательный) процесс, связанный с реализацией требований ФГОС. Они достаточно органично соединяются в единое целое и, через *авторитет* (роли и личности) преподавателя, привычный для окружающих *стиль общения* со студентами, совокупность *компонентов педагогиче-*

ческой техники, освоенных преподавателем, реализуются им, подкрепляемые требованиями *балльно-рейтинговой системы* обучения (баллы – сроки – рейтинг). Однако все чаще в последнее время от студентов можно услышать вопросы, которые, на первый взгляд, звучат наивно и не вяжутся с нашим представлением о сознательном, ответственном, лично активном отношении студента к НИР. Например: *Зачем мы пишем курсовые? Почему я должен участвовать в олимпиаде? Для чего нам выдали сертификаты?* На самом деле, подобные вопросы свидетельствуют о том, что студентам, задающим их, не ясен процесс формирования себя как исследователя, как творческого человека. Именно такие студенты нуждаются в особом виде помощи со стороны руководителя НИР – в тьюторском сопровождении.

Функция тьютора в меньшей степени известна в отечественном образовании и в ближайшем будущем *вряд ли может быть реализована в полном объеме*. Тьюторство как способ организации образовательной системы появилось еще в средневековых европейских университетах XII – XIV вв. и сложилось в условиях полной «академической свободы выбора и отсутствия образовательных стандартов» [Гончарова 2012: 12]. Поэтому в Англии процесс *индивидуального образования* в школе, вузе, в учреждениях дополнительного и непрерывного образования сопровождает тьютор; он прикрепляется к каждому ученику сразу после перехода в среднюю школу, а затем помогает ему вести проекты в вузе.

Тьюторское сопровождение – это «педагогическая деятельность по индивидуализации образования, направленная на выявление и развитие образовательных мотивов и интересов учащегося, поиск образовательных ресурсов для создания индивидуальной образовательной траектории» [Ковалева 2010: 1]. *Индивидуальная образовательная траектория* – *персональный путь* реализации потенциала обучающегося, который отражает индивидуальный стиль учения, выбранный обучаемым оптимальный темп и ритм учения, систему оценки личных образовательных достижений. *Тьюторство* основано на том, что учебный процесс, режим и характер занятий должны выстраиваться и складываться, исходя из познавательного интереса, склонностей, способностей восприятия конкретного ученика (тьюторанта). Это вряд ли возможно в современных условиях отечественного высшего образования.

В основе тьюторской работы лежит *принцип индивидуализации*. Он отличается от воспитательного принципа индивидуального подхода и означает, что *право на выстраивание* собственного содержания образования, собственной индивидуальной образовательной программы, которая постоянно уточняется и корректируется, *остаётся за студентом*. Такая степень свободы (которая автоматически предполагает и ответственность

за результат обучения) в условиях реализации ФГОС, да еще в системе БР обучения вряд ли может быть предоставлена обучаемому.

Педагогическое сопровождение, осуществляемое тьютором – это не *воздействие* на тьюторанта, а такое учебно-воспитательное *взаимодействие* с ним, в ходе которого тьюторант самостоятельно выбирает приемлемые для себя способы самовоспитания, сроки реализации своих планов и проектов; сам совершает действие. Таким образом, тьюторское сопровождение заключается в организации образовательного *движения* обучающегося, которое строится на постоянном рефлексивном соотношении его достижений с имеющимися интересами и устремлениями. Реализация индивидуальной образовательной программы отслеживается через *портфолио различных видов (в частности, портфолио достижений)*. Реальное осуществление такой кропотливой, «штучной» работы руководителями НИР также вряд ли возможно в современных условиях оптимизации учебного процесса.

Мы решили проверить, насколько студентам ПГНИУ необходимо тьюторское сопровождение. Возможно, они самостоятельно и эффективно занимаются самообразованием, самовоспитанием, разрабатывают для себя программы личностного роста, знают необходимые методы и приемы его осуществления. С этой целью нами было проведено анкетирование магистрантов юридического факультета, то есть обучаемых той ступени, на которой уже должен быть сформирован устойчивый интерес к исследовательской деятельности, учебно-научная мотивация, а также способность адекватно оценивать собственные исследовательские качества, умение планировать учебную и научно-исследовательскую деятельность.

Было проведено анкетирование 22 человек, средний возраст респондентов чуть старше 22 лет. У всех есть высшее юридическое образование. 5 магистрантов – только учатся, 2 – учатся и занимаются домашними делами, остальные совмещают обучение в магистратуре с работой по специальности (из них 4 чел. – учатся, работают и занимаются домашними делами).

Анкетлируемым были заданы вопросы: 1). *Каким образом распределяется время в течение недели?* На выполнение служебных обязанностей тратится от 48 до 5 час. еженедельно, на посещение занятий – от 24 до 4 час. в неделю, на домашние задания – от 40 до 0 час.; на другие виды самообразования также от 40 до 0 часов. Оказалось, что работающие магистранты успевают значительно большее количество времени проводить на занятиях и за выполнением домашних работ, чем неработающие. 2). *Дополнительно занимаетесь научными исследованиями (в том числе в СНО)?* Часто – 4, иногда – 7, редко – 6, никогда – 4. 3). *Дополнительно читаете научную литературу?* Часто – 4, иногда – 11, редко – 7, никогда

– 0. 4). *Дополнительно читаете литературу по специальности?* Часто – 7, иногда – 11, редко – 3, никогда – 1. 5). *Дополнительно изучаете иностранные языки?* Часто – 0, иногда – 6, редко – 13, никогда – 3. 6). *Читаете художественную литературу?* Часто – 5, иногда – 10, редко – 5, никогда – 2. 7). *Занимаетесь волонтерской деятельностью?* Часто – 1, иногда – 3, редко – 4, никогда – 14. 8). *Занимаетесь в коллективе художественной самодеятельности?* Часто – 1, иногда – 2, редко – 4, никогда – 14. Дополнительные беседы показали, что практически все опрошенные являются авторами публикаций (от 5 до 50!), сами отмечают их невысокое «научное качество». Но не планируют целенаправленно работать над его повышением. Цель написания статей объясняют просто: «*Руководитель велел – я сделал(а)*». Многие магистранты отмечают чувство неуверенности во время выступлений. Но никто не планирует формировать у себя навыки оратора. На вопрос: *Как часто вы хвалите себя за качественно выполненную учебную или исследовательскую работу?* – 100% опрошенных ответили: *Никогда*. Другие методы самовоздействия (самоконтроль, самоприказ, самоинструктирование и т.д.) назвать тоже затруднились.

Полученные данные свидетельствуют о том, что профессиональная психолого-педагогическая поддержка в ходе осуществления НИР нашим студентам необходима. Однако в настоящее время руководитель НИР может реализовать лишь некоторые *элементы технологии тьюторского сопровождения* (например, индивидуальные беседы). Для осуществления сопровождения необходимо специальное психолого-педагогическое обучение. Кроме того, от руководителя НИР требуется умелое сочетание традиционных методов *обучения и воздействия* на студента с методами *взаимодействия*, на использовании которых строится технология тьюторского сопровождения. Он должен помнить, что главным действующим лицом (субъектом) технологии тьюторского сопровождения, является сам *тьюторант*. Именно тьюторант, советуясь с руководителем, разрабатывает план личностного роста, определяет его скорость, направленность, совокупность мероприятий, в которых он намерен принять участие. При этом весь процесс работы над проектами, а на самом деле – над собой, своими недоформированными качествами, – становится процессом, внутренне осознаваемым самим студентом и поэтому предельно целенаправленным.

Непродуманные действия руководителя, подмена *взаимодействия воздействием* приводит к тому, что в ходе НИР происходит смещение акцентов: с *научного мероприятия как события*, позволяющего студенту в ходе подготовки к нему осмысленно и целенаправленно поработать над осуществлением индивидуальной траектории личностного роста, на *победу в мероприятии как единственную цель* деятельности студента. Думается, что только профессиональное, компетентное, ответственное отноше-

ние руководителей НИР студентов к реализации всего комплекса функций позволит избежать перечисленных опасностей.

Библиографический список

Волохова Е. С. Этапы научного исследования // Научный журнал «Молодой ученый». Март–2. 2016. № 6 (110). С. 755–757. URL: <https://moluch.ru/archive/110/26991> (дата обращения: 29.03.2018).

Гончарова Е. В. Сопровождение индивидуальной образовательной траектории обучения студентов // Вестник Нижневартковского государственного гуманитарного университета. Нижневартовск. 2012, № 2. С. 12–18. URL: <https://cyberleninka.ru/.../soprovozhdenie-individualnoy-obrazovatelnoy-traektorii-obucheniya-studentov> (дата обращения: 28.03.2018).

Лекция 2. Методика тьюторского сопровождения // Подготовка педагога к тьюторскому сопровождению обучающихся. URL: <https://sites.google.com/site/tutorsoprovodzenie/tema-2> (дата обращения: 28.03.2018).

Ковалёва Т. М. Материалы курса «Основы тьюторского сопровождения в общем образовании»: Лекции 1–4: Учебно-методическое пособие. М.: Педагогический университет «Первое сентября», 2010. 56 с. URL: https://soiro.ru/sites/default/files/...02.../lektsii_1_4.pdf (дата обращения: 29.03.2018).

L.G. Kyrkunova

Associate Professor of Russian Language and Stylistics Department
Perm State University

GUIDELINES FOR STUDENTS' SCIENTIFIC RESEARCH WORK (RESEARCH) AS A KIND OF INTEGRATED PEDAGOGICAL ACTIVITY

The article is devoted to the analysis of the professor activity content, who provides the guidance of the student's research. The research management shall be considered as a kind of activity, in the course of which the functions of education, upbringing and tutorship are realized in a complex. The author pays attention to the complexity of combining these functions and the immaturity of a whole series of methodical procedures for its progress.

Key words: research work of students, education, upbringing, technology of tutoring, higher school pedagogy.

Медведева Наталья Владимировна
заведующий кафедрой методики преподавания
русского языка и литературы
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
basha_n@mail.ru

Фоминых Лариса Сергеевна
доцент кафедры методики преподавания
русского языка и литературы
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
lakafo@yandex.ru

ПОДГОТОВКА БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ-СЛОВЕСНИКА К РАБОТЕ В БИЛИНГВАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ: ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ УЧЕБНОГО МАТЕРИАЛА В СОВРЕМЕННЫХ УМК ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

В статье проведен сопоставительный анализ учебного материала УМК для обучения учащихся с русским (неродным) языком по теме «Синтаксическая связь согласование»: «Русский язык» С.Д. Ашуровой и др. и УМК «Русский язык» под ред. Е.А. Быстровой. Выявлены зоны когнитивного напряжения у учащихся-билингвов коми-пермяков в процессе освоения темы и сформулированы методические предложения для будущего учителя.

Ключевые слова: билингвизм, учебники русского языка, лингвометодический комментарий, синтаксическая связь согласование.

Подготовка будущего учителя русского языка к работе в билингвальных условиях национальных российских регионов требует опоры на современные УМК по русскому языку, предназначенные для обучения учащихся-билингвов в би/поликультурной среде и учета особенностей конкретного языка, который является родным для школьника.

В связи с этим в процессе лингвометодической подготовки будущих учителей на коми-пермяцко-русском отделении Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета осуществляется анализ современных УМК, ориентированных на обучение в би/полилингвальной среде: УМК «Русский язык» С.Д. Ашуровой, Г.Н. Никольской, Х.Х. Сукунова, Н.М. Хасанова и УМК «Русский язык» под редакцией Е.А. Быстровой.

Особого внимания заслуживает лингвометодический комментарий того учебного материала, применение которого в речевой практике учащихся связано с интерферентными нарушениями, являющимися следствием взаимодействия языковых явлений родного и русского языков. Грамматическая форма таких частей речи, как имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, некоторые разряды местоимений обычно остается неизменной, эти части речи в русском языке согласуются с главным словом, а в коми-пермяцком языке примыкают к нему, так как не имеют окончаний и не могут соотноситься по роду, числу и падежу. Следовательно, употребление в русской речи словосочетаний со связью согласование вызывает трудности, которые приводят к ошибкам, обусловленным комплексом причин: отсутствием окончания, категории рода, спецификой парадигмы падежных значений, невозможностью обратного порядка слов в словосочетании в родном коми-пермяцком языке школьников.

Современные УМК для учащихся с русским (неродным) языком направлены на обучение в разных языковых условиях национально-российских регионов, поэтому учитывают только общие билингвальные характеристики и не имеют заданий, требующих сопоставления языковых явлений русского и другого конкретного языка этноса. Проблема «приближения» лингвометодического инструментария к процессу обучения в конкретном национально-российском регионе может быть решена по-разному: созданием учебно-методических пособий для учителя русского языка, сопровождаемых лингвометодическим комментарием на основе сопоставления данных родного и русского языков; созданием методических материалов для студентов для обучения школьников в билингвальных условиях в рамках педагогических практик; созданием учебных пособий для школьников на русском языке как регионального продолжения линии современных УМК «Русский язык» для учащихся с русским (неродным) языком.

Все это требует специальной работы, которая, несомненно, должна начинаться с сопоставительного анализа данных грамматики родного и русского языков и рассмотрения современных учебников для общеобразовательных учреждений с русским (неродным) языком с точки зрения предметного содержания и особенностей расположения учебного материала в них, что позволит определить специфику обучения в билингвальных условиях.

Проведем сопоставление лингвометодического оснащения учебников 5 класса на основе разделов «Синтаксис», «Морфемика», «Морфология» (разделы даются в логике их расположения в учебниках), чтобы

уточнить, как понятия этих разделов интерпретируются для обучения учащихся-билингвов синтаксической связи согласование в русском языке.

Раздел «Синтаксис» в 5 классе является пропедевтическим, начинающим систематический курс обучения, что является традиционным, это обуславливает коммуникативную направленность обучения. Синтаксические понятия: словосочетание, определение как член предложения, порядок слов в предложении, необходимые в качестве опорных для освоения согласования, зафиксированы в таблице 1.

Таблица 1

Синтаксис

УМК «Русский язык» С.Д. Ашуровой и др.	УМК «Русский язык» под редакцией Е.А. Быстровой
<p>§ 34. Словосочетание. Виды связи слов в словосочетании Тема «Согласование» <i>Согласование – это такой вид подчинительной связи, при котором зависимое слово ставится в том же роде, числе и падеже, что и главное слово. Раннее утро, моя подруга, в пятом классе. Здесь имена прилагательные, местоимения и числительные согласуются с именами существительными в роде, числе и падеже. [Ашурова 2013: 97]</i></p> <p>Методический комментарий: В учебниках дается определение словосочетания и понятие о согласовании как виде связи слов в словосочетаниях. Пропедевтически даются указания на части речи, которые участвуют в согласовании, но еще не изучены (местоимения и имена числительные)</p>	<p>§ 16. (часть 1) Словосочетание</p> <p>Методический комментарий: В учебниках не дается понятие о видах связи слов в словосочетаниях, а дается только определение словосочетания.</p>
<p>§ 43. Определение Определение – второстепенный член предложения, который отвечает на вопросы Какой? Чей? Который? и обозначает признак предмета. Определения обычно выражаются именами прилагательными. [Ашурова 2013: 122]</p> <p>Методический комментарий: поня-</p>	<p>§ 25. Определение Определение – второстепенный член предложения, который обозначает признаки качества предмета и отвечает на вопросы Какой? Который? Чей? Определение обычно выражается именем прилагательным или местоимением. Оно согласуется с определяемым словом в роде, числе, падеже [Быстрова 2011: 103]</p> <p>Методический комментарий:</p>

<p>тие об определении как о второстепенном члене предложения дается традиционно. Указывается только на один способ его выражения (имя прилагательное). Указание на связь согласования главного слова и определения, выраженного именем прилагательным, в предложении не дается.</p>	<p>Указание на вид связи согласование дается только при знакомстве с определением как членом предложения.</p>
<p>§ 45. Порядок слов в предложении При прямом порядке слов согласованное определение стоит перед определяемым словом [Ашурова 2013: 129] <i>Методический комментарий:</i> Дается понятие о прямом и обратном порядке слов в словосочетании со связью согласование.</p>	<p><i>Методический комментарий:</i> Сведения о порядке слов в предложении отсутствуют.</p>

Задачи обучения билингвов синтаксической связи согласование на уроках по синтаксису в разных УМК решаются по-разному: в УМК «Русский язык» С.Д. Ашуровой и др. основные понятия, необходимые для освоения нового материала, даются традиционно, так же, как в учебниках для русских учащихся, в УМК «Русский язык» под редакцией Е.А. Быстровой, понятие о согласовании дается попутно в связи с изучением определения как члена предложения, оно осваивается в практической деятельности не на уровне словосочетания, а на уровне предложения.

Работа по морфемике при обучении синтаксической связи согласование имеет яркую речевую направленность, так как нужна, прежде всего, для формирования правильного речевого употребления конструкций, которые должны быть грамматически верно оформлены. Морфемика коми-пермяцкого языка имеет объемную систему аффиксов и не имеет флексий, поэтому освоение учащимися коми-пермяками понятия окончания как значимой части русского слова, выражающей грамматические значения, очень важно.

Таблица 2

Морфемика

УМК «Русский язык» С.Д.Ашуровой и др.	УМК «Русский язык» под редакцией Е.А. Быстровой
<p>Раздел «Состав слова. Словообразование» § 50. Основа и окончание (повторение) Окончание – это значимая часть изменяемого слова. Оно образует различные</p>	<p>Раздел «Морфемика. Словообразование. Орфография» § 2. (часть 2) Окончание и основа слова Окончание – это морфема, которая выражает грамматическое значение слова и служит для связи слов в словосочетании и</p>

<p>формы слова и служит для связи слов в словосочетании и предложении. [Ашурова 2013: 143]</p> <p>Методический комментарий: Определение окончания слова известно из начальной школы и дается в качестве повторения. Не отличается от формулировки в УМК для обучения учащихся с русским (родным) языком.</p>	<p>предложении.</p> <p>Окончания выражают грамматические значения: у существительных – падеж и число; у прилагательных – род, падеж и число; у глаголов настоящего и будущего времени – лицо и число; у глаголов прошедшего времени – род и число [Быстрова 2011: 8]</p> <p>Методический комментарий: В определении уточнены грамматические значения, выражаемые окончанием у разных частей речи в русском языке. Эти категории в родном языке учащегося выражаются не окончанием, а другими языковыми средствами, так как окончание отсутствует в ряде родных языков национально-русских этносов.</p>
---	---

Для освоения синтаксической связи согласование в 5 классе необходимо опереться на учебный материал, который касается имени прилагательного (числительные и местоимения изучаются в 6 классе). В.И. Лыткин в учебнике «Коми-пермяцкий язык» писал: «... имена прилагательные коми-пермяцкого языка, находясь в препозиции, не изменяются ни по числам, ни по падежам и не имеют форм притяжательно-указательной категории – с существительным не согласуются, а примыкают к нему.., таким образом, грамматической формой прилагательных коми-пермяцкого языка является их препозиция и неизменяемость в этом положении...» [Лыткин 1962: 212]. Сведения по согласованию имен прилагательных с именами существительными зафиксированы в следующей таблице.

Таблица 3

Морфология

<p>УМК «Русский язык» С.Д. Ашуровой и др.</p>	<p>УМК «Русский язык» под редакцией Е.А. Быстровой</p>
<p>Имя прилагательное § 83. Согласование имен прилагательных с именами существительными в роде, числе, падеже. Род имен прилагательных определяется по форме именительного падежа единственного числа имени существительного, к которому оно относится [Ашурова 2013: 251]</p>	<p>Имя прилагательное § 30. (часть 1) Согласование имени прилагательного с именем существительным. Грамматическими признаками существительного и прилагательного являются род, число, падеж, но они различаются у этих двух частей речи. - Существительное не изменяется по ро-</p>

<p>Методический комментарий: При освоении имени прилагательного актуализируется понятие рода, так как категории рода нет в некоторых языках. При согласовании имени прилагательного с существительным ученику необходимо верно определить род существительного по формальным показателям, потом вернуться к прилагательному и поставить его в нужной форме.</p>	<p>дам, а прилагательное изменяется по родам. Оно становится того же рода, что и существительное, к которому «прилагается» [Быстрова 2011: 166]. Род, число и падеж прилагательного определяется по роду, числу и падежу существительных, с которыми эти прилагательные согласуются: - число прилагательного зависит только от числа существительного, с которым оно согласуется - падеж существительного зависит от его роли в предложении. Падеж прилагательного повторяет падеж существительного. Таким образом, формы рода, числа и падежа прилагательных служат для их согласования с существительным. [Быстрова 2011: 166-167].</p> <p>Методический комментарий: Фактически знакомство с понятием синтаксической связи согласование происходит при изучении прилагательного. Вводится понятие о различии категории рода у существительных и прилагательных, это необходимо иметь в виду билингву для согласования.</p>
--	---

В анализируемых УМК объяснение синтаксической связи согласование базируется на морфологических категориях имени существительного, и потому этот материал дается в разделе «Морфология». Логика рассуждения строится на основе грамматических категорий существительного: рода, числа и падежа. Анализ имени существительного будет являться опорой для определения грамматической формы прилагательного и далее согласования в словосочетании сущ.+ прил.

Оснащение учебников дидактическим материалом учитывает специфику обучения билингвов. Задания к упражнениям предполагают выполнение операций аналитико-сопоставительного характера. Формулировки к упражнениям являются отчасти традиционными, формирующими грамматические умения:

- *выписывание словосочетаний существительное + прилагательное из текста;*
- *дописывание окончаний прилагательных в словосочетании;*

– согласование существительных с прилагательными, данными в начальной форме;

– объяснение роли окончаний в словосочетании.

Кроме того, оба УМК содержат задания продуктивного характера, основанные на приеме моделирования языковой единицы:

– постройте словосочетания по схемам. Можно ли догадаться, какой частью речи является каждое слово? Определить синтаксическую связь в словосочетаниях.

1) ...ая ...а; 2) ...ть ...у; 3) ...шь ...у; 4) о ...ых ...ах

– выпишите словосочетания прил.+сущ. Почему морфологические признаки обоих слов в словосочетаниях совпадают? Постройте и запишите словосочетания по данной модели.

– произведите синонимические замены словосочетаний со связью управление на словосочетания со связью согласование: ручка из дерева – шляпка из соломы –и др.;

Основной дидактической единицей обоих УМК является связный текст, работа с которым предполагается на каждом уроке. Задания к тексту имеют комплексный характер. Освоение связи согласование происходит в процессе выполнения заданий к тексту, имеющих речевую направленность:

– спишите текст, дописывая окончания. Укажите, какие значения выражают окончания существительных, прилагательных, глаголов. Выделите окончания.

– составление предложений из рассыпанных слов, что требует согласования. Ответ на вопрос: «Какие части слова помогли связать слова в словосочетании и предложении? Обозначьте окончания. Какие грамматические значения они имеют?»

– выяснение роли окончания слов в стихотворении. Легко ли читать текст, если опущены окончания? Что мешает чтению? Какова роль окончания в тексте?

– пересказ связного текста, насыщенного словосочетаниями с типом связи согласование;

– представьте, что вам подарили щенка, опишите его в письме своему товарищу (работа по развитию речи – сочинение-описание, в котором ученик будет согласовывать имена прилагательные с существительными, описывая признаки животного).

Следовательно, УМК «Русский язык» С.Д. Ашуровой, Г.Н. Никольской, Х.Х. Сукунова, Н.М. Хасанова и УМК «Русский язык» под редакцией Е.А. Быстровой оснащены учебным материалом для формирования понятия согласования как синтаксической связи, который закреплен в разделе «Синтаксис». Разделы «Морфемика» и «Морфология» содержат сведе-

ния для опоры, которые поданы таким образом, чтобы облегчить учащимся усвоение в процессе работы с формальными показателями слова: на уровне морфемики проводится работа с окончанием прилагательных, на уровне морфологии работа с согласуемой частью речи – прилагательным, на уровне синтаксиса – работа с порядком слов в синтаксической конструкции (место согласуемого слова (прилагательного) по отношению к главному слову), работа с определением как членом предложения.

Библиографический список

Коми-пермяцкий язык. Введение. Фонетика. Лексика: учебник для высших учебных заведений. / Под ред. и при соавторстве проф. В.И. Лыткина. Кудымкар: Коми-Пермяцкое книжное издательство, 1962. 336 с.

Русский язык. 5 класс: Учебник для общеобразовательных учреждений с русским (неродным) и родным (нерусским) языком обучения / С.Д. Ашурова, Г.Н. Никольская, Х.Х. Сукунов, Н.М. Хасанов. СПб.: филиал изд-ва «Просвещение», 2013. 336 с.

Русский язык. 5 класс: Учебник для общеобразовательных учреждений: в 2 ч. Ч.1 / Е.А. Быстрова, Л.В. Кибирева, Ю.Н. Гостева и др.; под ред. Е.А. Быстровой. М.: ООО «ТИД «Русское слово – РС», 2011. 280 с.

Русский язык. 5 класс: Учебник для общеобразовательных учреждений: в 2 ч. Ч.2 / Е.А. Быстрова, Л.В. Кибирева, Ю.Н. Гостева и др.; под ред. Е.А. Быстровой. М.: ООО «ТИД «Русское слово – РС», 2011. 288 с.

N.V. Medvedeva

Head of Methods of Teaching Russian Language and Literature Department
Perm State Humanitarian-Pedagogical University

L.S. Fominykh

Associate Professor Methods of Teaching Russian Language and Literature Department
Perm State Humanitarian-Pedagogical University

PREPARATION OF A FUTURE TEACHER-PHILOLOGIST FOR WORK IN BILINGUAL CONDITIONS: LINGUISTIC AND METHODOLOGICAL COMMENTARY OF EDUCATIONAL MATERIAL IN MODERN LEARNING PACKAGE ON THE RUSSIAN LANGUAGE

Comparative analysis of training package educational material for teaching students with the Russian (non-native) language on the topic ‘Syntactic link concord’ is carried out in the article: S. D. Ashurova’s ‘Russian Language’ et al. and ‘Russian Language’ learning package edited by E. A. Bystrova. Areas of cognitive strain among Komi-Permyak students-bilinguals in the process of the topic mastering are revealed and methodological suggestions for a future teacher are formulated.

Key words: bilingualism, textbooks on Russian language, linguistic and methodological commentary, syntactic link, concord.

Мишланов Валерий Александрович
профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
vmishlanov@yandex.ru

ЕЩЕ РАЗ О МАНИПУЛЯТИВНОЙ И ПЕРСУАЗИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ («либеральные» СМИ в современном политическом дискурсе)

В статье обсуждается проблема разграничения манипулятивной и персуазивной коммуникации. Утверждается, что многие из линий речевого поведения, используемые в массовой коммуникации (в «сопоставительных» дискурсах), кроме т.н. стратегии дискредитации, реализуются в обоих означенных видах убеждающей коммуникации и для их различения требуется учитывать интенциональные критерии (ценностную ориентацию говорящего). Описываются некоторые манипулятивные приемы речевого поведения, характерные для современного политического дискурса.

Ключевые слова: манипулятивная коммуникация, персуазивная коммуникация, речевые стратегии и тактики, политический дискурс.

Считается, что манипуляция – понятие психологическое [Доценко 1996], однако в еще большей мере оно относится к лингвистическим (речеведческим) феноменам, поскольку реализуется почти исключительно как речевая деятельность, даже если манипулятор использует для воздействия на свою «жертву» прием «молчания» (которое в определенных ситуациях является видом речевого общения).

Как известно, для массовой коммуникации характерно соединение в определенном соотношении (в зависимости от речевого жанра) информативной, фатической и воздействующей функций. Названные в заглавии виды коммуникации отличает преобладание функции воздействия (и, как следствие, побуждения к чему-либо). Не вдаваясь в подробное сопоставление этих видов, определим манипулятивное речевое поведение как **убеждающую коммуникацию со знаком «минус»** (маскируемое побуждение к действиям выгодным для манипулятора, но вредным или бесполезным для жертвы манипуляции), а персуазивное – как **убеждающую коммуникацию со знаком «плюс»**, т.е. преследующую обоюдно благие коммуникативные цели.

Оба коммуникативных явления стоит сопоставить с т.н. пропагандой, которая в общественно-политическом дискурсе считается чем-то предосудительным, трактуемым как едва ли не «оболванивание масс», хо-

тя пропаганда как коммуникативный жанр есть лишь «распространение полит., филос., науч., худ. и др. идей в обществе» [Советский энциклопедический словарь 1982: 1065]. Пропагандой может быть и персуазивная, и манипулятивная коммуникация, но необязательно. Так, коммерческая реклама, как правило, не является пропагандой, при этом почти всегда оказывается родом убеждающей коммуникации, причем далеко не во всех случаях она манипулятивна (как полагают некоторые исследователи рекламного дискурса; см., например [Попова 2005], где практически все «коммуникативные тактики» авторов рекламных текстов расцениваются как манипулятивные).

Дело, однако, заключается в том, что медийная сфера является ныне (да и всегда была) пространством пропаганды по природе, ибо нет и не может быть в действительности непропагандистских СМИ. Не только публицист, но и репортер в той или иной мере являются пропагандистами. Задача репортера – выбрать событие, достойное, с точки зрения редакции, стать предметом сообщения, информационным поводом (в сущности, прав тот, кто придумал слоган «Мы делаем новости»); задача публициста – **интерпретировать факт** в соответствии со своей (точнее, редакционной) идеологией (мифологией) и системой ценностей.

При этом интерпретация, не отвечая формально логически условиям истинности, может быть подобием лжи. Вот пример: некто (человек умный и начитанный, и с совестью недремлющей) не так давно после посещения каких-то блогов спрашивает: *Это правда, что Путин вчера [в послании Федеральному собранию] ядерной дубинкой размахивал, всему миру угрожал?*

Даже «простая» фактография в СМИ обычно служит пропагандистским целям. Давайте ответим честно: фактография чьих СМИ – западных (и «либеральных» российских) или российских «патриотических» – более точно, неискаженно отражает действительность, насколько ближе к действительности те представления о России, которые формируют западные СМИ, и наши представления о западном мире, складывающиеся на основе российских масс-медиа?

В какой-то немецкой газете после окончания олимпиады в Рио-де-Жанейро была приведена итоговая медальная таблица, в которой отсутствовало 4 место, занятое российскими спортсменами (на пятом, сразу после занявшей 3-е место Великобританией, располагалась Германия).

Нельзя же считать одинаково правдивыми картины голосования на референдуме в Крыму, рисуемые на Западе и на Украине («под дулами автоматов») и «пророссийскими» СМИ. И это явно не тот случай, когда истина где-то посередине. Не гармонируются в сознании фактография и интерпретации в российских «либеральных» и «патриотических» СМИ, не

согласуются в принципе «информационные картины мира» на Западе и в России. Чему и кому верить, каждый выбирает сам.

Вернемся к понятиям персуазивной и манипулятивной коммуникации в СМИ. Для обозначения речевых действий, к которым предрасположена убеждающая (побуждающая) коммуникация, как правило, используют заимствованные из военной науки термины «стратегия» и «тактика» ([Иссерс 2003, Паршина 2005, Копнина 2010 и др.]). В «состязательных» дискурсах выделяются следующие основные линии (стратегии) речевого поведения:

- 1) **дискредитации** (*опорочения, демонизации, дегуманизации, осмеивания* и др.);
- 2) **самопрезентации** (*≈ самовосхваления*);
- 3) **логико-аналитическая** (аргументативная);
- 4) **эмоционально-экспрессивная** (обращение к чувствам).

Лишь первая из названных стратегий не может быть отнесена к персуазивной коммуникации (особенно в соединении с самовосхвалением): используемое для ее обозначения слово даже вне контекста включает в свое содержание отрицательно-оценочные коннотации. Такому поведению в персуазивной коммуникации соответствует аргументированная и выдержанная в духе доброжелательности критика оппонента.

Речевое поведение, названное *самопрезентацией*, не обязательно преследует неblahие цели, однако в действительности оно чаще всего оказывается манипулятивным (популизмом, демонстрацией завышенного оптимизма и завышенной самооценки в изложении программ и планов). Сложность в том, что при использовании такой линии говорящий в известном смысле защищен от обвинений в неискренности (поскольку логических процедур для этого не существует), тем более в случаях, когда он соединяет самопрезентацию с аргументативной линией. Искренние заблуждения (самообман) исключать, конечно, нельзя, однако критически мыслящий обыватель и профессионалы из т.н. экспертного сообщества, вполне способны отделить зерна от плевел.

Логико-аналитическая линия коммуникативного поведения по природе своей не может быть чем-то предосудительным (за исключением одного случая: когда здравые суждения и обоснованные интерпретации используются для создания «доброкачественного контекста», маскирующего манипулятивные речевые приемы – пример см. ниже). Другое дело, что говорящий, преследуя неblahовидные цели, нередко использует «как бы аргументацию» – квазилогические (паралогические, как обозначила их Г.А. Копнина) приемы убеждения.

Что касается четвертой из означенных линий, то сама по себе она, по-видимому, нейтральна, и ее ценностная ориентация (и, соответственно,

отнесение к персуазивной или манипулятивной коммуникации) задается интенциями и нравственной позицией говорящего.

В политической манипулятивной коммуникации обычно выделяют следующие ее виды: **фактографическое манипулирование** – ложь (выдумывание фактов, «лживые новости»), фильтрация фактов (событий), передергивание, подтасовка, утаивание и др.; **интерпретативное** (злонамеренное искажение «картинки события») и **аргументативное манипулирование** (так или иначе маскируемое нарушение логических норм: выводы из недостаточного основания, подмена оснований, необоснованное обобщение, злоупотребление «кванторами существования» и др.); **фокусировочное** (композиционное) **манипулирование** – особая аранжировка компонентов текста (освещение, расположение, акцентуация, многократное повторение), сдвиг коммуникативного фокуса в нужную манипулятору область текста [Тибинько 2011: 135]; **негативно-оценочный пресс** (дискредитация оппонента).

В качестве особой манипулятивной тактики (в некоторых жанрах массовой коммуникации весьма частотной) следует выделить **глушение источника неудобной (дискомфортной) информации** (перебивание оппонента, разного рода «коммуникативный саботаж» [Николаева 1988]: уклонение от ответа, переложение бремени доказательств на другую сторону, отклонение от темы).

Перечисленные виды манипулятивной коммуникации реализуются с использованием разнообразных приемов и ходов. Проанализировав всего три-четыре текста «свободных» и «честных» СМИ (украинского 24-го канала, телеканала «Дождь», публикаций на сайте «Эха Москвы»), я насчитал около 30 различных приемов манипулирования сознанием читателя или зрителя ¹.

Рамки статьи не позволяют проиллюстрировать все манипулятивные приемы убеждения, поэтому приведу лишь наиболее, на мой взгляд, интересные (хоть и не самые частотные), используя для их обозначения обычные» языковые выражения, не претендующие на статус строгого термина.

Примерам **фактографического манипулирования** («лживым новостям») в современном политическом дискурсе, вообще говоря, несть числа. Здесь подчеркну только, что, поскольку распространяющий ложь не может быть уверенным, что обман не раскроется, чаще эта тактика реализуется в виде **умолчания** (в западных СМИ о России либо плохо, либо ничего, об Украине – наоборот).

Интерпретативное манипулирование (произвольные и тенденциозные интерпретации, оценки и выводы – с соответствующим подбором номинативных единиц) также можно проиллюстрировать практически любым аналитическим текстом современных СМИ либерального толка.

Весьма популярно использование *двойных стандартов*, когда, например, одно и то же речевое поведение, одни и те же жанры квалифицируются либо как пропаганда, либо как «честная» передача «объективной» информации, *равное распределение ответственности* между агрессором и жертвой (или даже *возложение ответственности* на жертву нападения), *маскировки под аргументацию* (использование софизмов) и др.

Тактика «*как бы аргументации*» нередко проявляется в особом рода софизме, когда *желаемое представляется действительным* с использованием этого «действительного» в качестве неопровержимого аргумента в последующих оценках и интерпретациях. Вот пример из дебатов А. Навального и В. Познера на т/к «Дождь»:

Навальный [обращаясь к В. Познеру]: *Мне кажется, вы намеренно всех нас обманываете, особенно наивных людей. Вы говорите: «Эта цензура есть в разных странах». Но извините меня, на крупнейших телеканалах не существует никаких черных списков. Я не могу себе представить такой ситуации (= ‘В «цивилизованных» странах, где СМИ свободны и независимы, по моему убеждению, не может быть цензуры, поэтому я не могу себе представить существование там списков людей, кому запрещено выступать на ТВ. Это значит, что таких списков на Западе нет. Вы не можете не знать этого, значит, вы обманываете наивных телезрителей’)* [https://tvrain.ru/teleshows/debaty/debaty Navalnogo_i_Poznera405714/].

Весьма показательна в этом отношении статья «Не беда», в которой рассказывается о неудачном запуске на строящемся космодроме (размещена на сайте радиостанции «Эхо Москвы» в апреле 2016 г.). Начинается она реализацией особого риторического приема (который, впрочем, сам по себе, вне ценностной ориентации, не может быть определен как манипулятивный или персуазивный) – *мнимого отказа от негативно-оценочных речевых действий* («как бы саботаж» ожидаемых от говорящего действий):

Когда с пресловутого космодрома «Восточный» не удалось с первого раза запустить ракету, я не испытал ни малейшего злорадства... И мне совсем не хочется язвить по поводу того, что вот приехал Путин насладиться триумфом своего показательно проекта, а ему – фигушки. И вовсе нет желания брызгать от восторга гептилом, приговаривая, мол, вот оно – всё разворовали, так получите же – и поделом! [http://echo.msk.ru/blog/oreh/1755466-echo/].

Объявляя о нежелании осуществить какие-то (обычно предосудительные) речевые действия, говорящий тем самым их и реализует: ‘Имеется повод позлорадствовать; я мог бы злорадствовать, но – как человек благородный, великодушный – не испытываю ни малейшего злорадства’. Оценочный эпитет *пресловутый* (= скандально известный),

имплицитно суждение: ‘Строительство космодрома имеет сомнительную славу, т.е. оценивается в обществе как нечто сомнительное (беспольное, ненужное и т.п.) или как событие, с которым связано что-либо предвзвительное (например, подкуп чиновников)’.

Комментируя (по заданной идеологической схеме) событие отмененного пуска ракеты, автор статьи предлагает свою «картинку события», весьма далекую от действительности. Во фразе *Поэтому во всей этой истории плохо не то, что ракета не полетела, а плохо то, что ее вообще решили запускать, хотя космодром фактически не построен и там работ еще не на один месяц* содержится оценочная интерпретация, противоречащая действительным обстоятельствам.

Во-первых, ракета полетела, потому что она была в порядке, а то, что при запуске сработала автоматика, отреагировавшая на неполадки в каком-то кабеле вне самой ракеты, свидетельствует как раз об обратном – о надежности пускового комплекса. Во-вторых, в официальных сообщениях никто тогда и не утверждал, что космодром уже построен. А тот факт, что один стартовый комплекс уже построен, доказывался состоявшимся через какое-то время пуском. Можно было бы – при ином отношении к политике и действиям власти – с полным правом сказать, что «при запуске безупречно сработала автоматика», но это не входит в систему идеологием и ценностей «Эха Москвы».

Автор, обосновывая свои оценки, пишет: *Смысл не в том, чтобы оттуда в принципе что-то запустить, а чтобы можно было запускать постоянно и по четкому графику*. И снова подтасовки, сокрытие правды. Говорящий полагает, что запускали «в принципе» – *абы что*. Но это его слово, ничем не подкрепленное. Против его слова – официальная информация о выводе на орбиту (после повторного пуска) полезной нагрузки – трех спутников, и у нас нет оснований не верить этой информации.

Кроме того, можно указать и на *софизм*: пробный пуск ракеты (с достроенного стартового комплекса на недостроенном космодроме) никак не является препятствием к тому, чтобы *можно было запускать постоянно и по четкому графику*. И просто абсурдна, нелепа аналогия, что *это как с трамваем или автобусом: никому не нужна пробная поездка, чтобы потом еще два года ходить пешком до работы – нужен работающий маршрут*. График пусков, если уж об этом говорить, был составлен и обнародован (в информационных сообщениях), и обсуждаемый пуск был осуществлен как раз по графику (точнее, с опозданием на сутки). Но не об этом имеет намерение сообщить автор, поэтому он интерпретирует (вполне в духе якобы отвергнутого

злопыхательства) событие так: *Но на космодроме решили устроить шоу. Шоу не получилось.*

Наконец, отметим еще один прием: *маскировку (прикрытие) манипуляций доброкачественным контекстом с расчетом сделать правдоподобными измышления и подтасовки, «разбавив» их парой разумных суждений.* Ср.: *А что касается ракеты, то пуски отменяют регулярно и у нас и в Америке – да везде. Чем сложнее техника, тем выше вероятность, что «что-то пойдет не так» ... Вопрос не в этом. Вопрос в том, чтобы количество аварий не выходило за пределы разумного и не мешало осуществлять задуманное.*

«Фокусировочное» манипулирование также весьма распространено в современном политическом дискурсе (и в целом хорошо описано). Обратим здесь внимание лишь на один прием, реализующий эту речевую тактику: *многократный повтор* одного и того же тезиса, оценки, интерпретации, *навязывание* идей и оценок иногда выглядящее как речевая агрессия. А. Навальный в упомянутой уже дискуссии с В. Познером не менее семи раз высказывает суждение *Вы часть системы*. Расчет на то, что многократное повторение мысли сделает ее более убедительной, тем более что не все телезрители распознают здесь софизм (вывод из недостаточного основания): если вы на «государственном» телевидении, значит, вы определяете его идеологию и политику (Навальный: *Никто не стоит с пистолетом у вашего виска, вы сами соглашаетесь участвовать в этой цензурной системе* [Цензура в СМИ: эл. ресурс]).

Тактика **глушения** реализуется обычно перебиванием речи оппонента), причем чем аргументированней и логичней доводы противной стороны, тем громче (порой до истеричности) заглушается источник неудобной информации. По моим наблюдениям, чаще к этому некорректному, противоречащему этике приему прибегают представители либерального крыла пропагандистов (Д. Некрасов, Н. Исаев, Т. Воронина, В. Ковтун, Я. Корейба и др.). Контрвыпады обычно представляют собой вариации на некие излюбленные темы или повторение многожды уже сказанного (*У вас нет союзников в цивилизованном мире; Все против вас/нас, Ваша/наша экономика на уровне Португалии, и никаких шансов достойно противостоять странам НАТО у России нет* и т.п.).

Довольно часто «глушение» реализуется как «коммуникативный саботаж», проявляющийся, например, в игнорировании логически безупречных доводов, в уклонении от ответа на прямой вопрос (посредством встречного вопроса или уходом в совершенно другую предметную область – от «огорода с бузиной к дядьке в Киеве»). Ср.:

Познер: *Я только хочу вам сказать, Алексей Анатольевич, что я сталкивался с этим же (с недопуском к эфиру идеологических оппонен-*

тов) в США, Англии. Навальный: Владимир Владимирович, это лукавство. Вполне резонное в данном контексте сообщения о том факте, что и в США и Англии есть цензура, Навальный расценивает как «лукавство», как бы парируя этот аргумент Познера, а на самом деле просто его игнорируя.

Один польский журналист, реагируя на вопрос о том, насколько правомерно то, что британские власти отказали представителям России участвовать в расследовании нашумевшего «дела Скрипалей», ушел в «хромящую» аналогию: дескать, точно так же поступили и российские власти, отказавшиеся передавать польским властям обломки разбившегося самолета. Участник дискуссии с российской (не «либерально-оппозиционной») стороны обоснованно отверг надуманную аналогию, сказав, что поляки с самого начала участвовали в расследовании катастрофы самолета, были вполне удовлетворены его ходом (но, видимо, не результатом) и подписали все итоговые документы, а возникшие позже домыслы и их обсуждение в польских СМИ преследовали политические цели и ничего общего с объективным расследованием не имели.

Стоит подчеркнуть, что интерпретативное манипулирование, используемое обычно в сочетании с приемом умолчания и распространением откровенной лжи, в публикациях о России весьма эффективно действует на западного обывателя, но практически бесполезно в нашем информационном пространстве (о чем свидетельствует, в частности, очень низкий рейтинг политиков и политологов либерального лагеря).

Являются ли манипулятивными и пропагандистскими «патриотические» («пророссийские») СМИ? Пропагандистскими – да. Что касается используемых в них приемов воздействия, то их квалификация как манипулятивных или персуазивных определяется, как уже было сказано, ценностными ориентирами: стремлением гармонизировать мир, никому не нанося ущерба, или добиться своих целей, вовсе не имея в виду общественного блага.

Впрочем, обоснованный ответ на этот вопрос – задача уже другой статьи.

Примечание

¹ Эти тексты заимствованы из дипломной работы студентки Пермского университета Т. Меркучевой, выполненной под руководством автора в 2017 г.

Библиографический список

Доценко Е. Л. Психология манипуляции. Феномены, механизмы и защита. М.: Изд. МГУ, 1996. 344 с.

Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 3-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2003. 288 с.

Копнина Г. А. Речевое манипулирование: учеб. пособие. М.: Флинта, 2010. 176 с.

Николаева Т. М. Лингвистическая демагогия // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988. С. 154–165.

Паршина О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: автореф. дис. ... доктора филол. наук. Саратов, 2005. 48 с.

Попова Е. С. Рекламный текст и проблемы манипуляции: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005. 27 с.

Советский энциклопедический словарь / гл. редактор А.М. Прохоров. М.: Сов. энциклопедия, 1982. 1600 с.

Тибинько Н. Д. Манипуляция в политическом дискурсе // Вестник Челябинского гос. университета, 2011, № 3 (218). Филология. Искусствоведение. Вып. 50. С. 134 – 137.

Цензура в СМИ. Дебаты Навального и Познера. URL: https://tvrain.ru/teleshov/debaty/debaty_navalnogo_i_poznera-405714/ (дата обращения: 25.02.2018).

V.A. Mishlanov

Professor of Theoretical and Applied Linguistics Department
Perm State University

ONCE AGAIN ABOUT MANIPULATIVE AND PERSUASIVE COMMUNICATION ("liberal" media in modern political discourse)

The article discusses the problem of distinguishing between manipulative and persuasive communication. It is claimed, that many of the verbal behavior lines used in mass communication (in "adversarial" discourses), except the strategies of discreditation, are realized in both types of persuading communication, and it is necessary to take into account intentional criteria (the speaker's value orientation) for their differentiation. Some manipulative techniques of speech behavior, that are characteristic for the modern political discourse, are described.

Key words: manipulative communication, persuasive communication, speech strategies and tactics, political discourse.

Ширинкина Мария Андреевна
доцент кафедры русского языка и стилистики
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
m555a@yandex.ru

ОБ ОДНОМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ПРИЗНАКЕ БЮРОКРАТИЧЕСКОЙ ОТПИСКИ

Статья посвящена проблеме определения лингвистических параметров бюрократической отписки. Одним из таких параметров является тематическое несоответствие письма-ответа представителей власти письму-обращению гражданина. Для иллюстрации отписки и корректного письма-ответа приводятся примеры тематических цепочек этих текстов.

Ключевые слова: лингвистика текста, деловое письмо, бюрократическая отписка, лингвистическая категория, тематическая цепочка.

Коммуникация, как известно, – это особая форма взаимодействия людей, заключающаяся в обмене идеями, сведениями, волеизъявлениями и т.д. Одним из основных условий успешной коммуникации является принцип последовательности, который предполагает релевантность, или смысловое соответствие реплики-реакции реплике-стимулу. К примеру, реплика-стимул, содержащая просьбу, предполагает реплику-реакцию, выражающую согласие выполнить эту просьбу или отказ, который, как правило, сопровождается обоснованием невозможности на нее откликнуться.

Обращение гражданина в органы власти – один из видов обратной связи власти и общества – инициативное деловое письмо, которое в соответствии с законодательством Российской Федерации по форме может представлять собой предложение, заявление или жалобу. При этом предложение определяется законодателем как «рекомендация гражданина по совершенствованию законов и иных нормативных правовых актов, деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, развитию общественных отношений, улучшению социально-экономической и иных сфер деятельности государства и общества»; заявление – как «просьба гражданина о содействии в реализации его конституционных прав и свобод или конституционных прав и свобод других лиц, либо сообщение о нарушении законов и иных нормативных правовых актов, недостатках в работе государственных органов, органов местного самоуправления и должностных лиц, либо критика деятельности указанных

органов и должностных лиц»; жалоба – как «просьба гражданина о восстановлении или защите его нарушенных прав, свобод или законных интересов либо прав, свобод или законных интересов других лиц» [ФЗ № 59: ст. 4]. Таким образом, инициатором общения в описываемой коммуникативной ситуации является автор письма-обращения – гражданин, представитель СМИ или общественной организации.

Второй участник коммуникации – представитель власти, должностное лицо – должен дать «письменный ответ по существу поставленных в обращении вопросов» [ФЗ № 59: ст. 10]. Однако на практике часто оказывается, что в ответ на свое обращение гражданин получает так называемую бюрократическую отписку. В словарях юридических терминов не обнаруживаем определения феномена отписки. В толковых словарях русского языка отписка определяется как «бессодержательный, формальный письменный ответ на что-нибудь, не затрагивающий существа дела» [Шведова 2011: 594]. Прилагательное *бюрократический* усиливает эту семантику: «полный бюрократизма, формализма» [Шведова 2011: 70] от слова *бюрократизм* – канцелярщина, пренебрежение к существу дела ради соблюдения формальностей [Шведова 2011: 70]. Любопытно подчеркнуть, что в XVI–XVIII вв. отпиской называлась разновидность делового эпистолярного жанра, имеющая целью отчет о каких-либо действиях, событиях и т.д. [Русакова 2006; Руднева 2010; Вафин 2013 и др.]. Сегодня словари фиксируют в качестве основного синонима лексемы *отписка* фразеологизм *филькина грамота*, в котором очевидна ярко выраженная негативная оценочность.

В теории правоведения представлены попытки классифицировать бюрократические отписки. Среди параметров классификации правоведы называют значимые для юридической сферы параметры этих псевдодокументов. К примеру, по критерию кратности выделяют единичные, повторные, многократные, по критерию мотива – неосознанные, умышленные, принципиальные отписки. В качестве третьего основания типологии признают технологию проявления бюрократизма, на этом основании выделяют отписки, возникшие в результате применения административной карусели (или бюрократического футбола), волокиты и межведомственной безответственности. Наконец, по критерию ответной реакции адресата (им, как было указано выше, может быть гражданин, представитель СМИ или общественной организации и т.д.) выделяют отписки, которые повлекли за собой: а) неверие адресата в действенность и эффективность власти, б) нелояльность по отношению к определенным должностным лицам и властным структурам, в) протестное настроение и г) настроение конфронтации [Жильцов 2015: эл. ресурс].

Весьма актуальным представляется выявление лингвистических параметров отписки. Значимым и наиболее очевидным из них оказывается тематическое несоответствие обращения гражданина и ответа на него представителя власти.

Как известно, тема текста является «существенным и необходимым признаком всякого текста» [Матвеева 1990: 21]. Посредством понятия темы текста осмысливается его связь не только с описываемой действительностью, но и с автором-составителем. Тема текста эксплицируется определенными группами лексики, в составе которых особое значение приобретают «непосредственные наименования предмета речи» [Там же]. Последовательность таких номинаций образует тематические, или номинационные цепочки текста. При этом в тексте может быть несколько тематических цепочек, основная из них рассматривается в лингвистике текста в качестве текстовой категории темы.

Продемонстрируем на примере конкретного обращения гражданина и ответа на него представителей власти такое тематическое несоответствие. Иными словами, представим тематические цепочки диалогического единства, образуемого письмом-обращением и письмом-ответом.

Так, анализируемое обращение гражданина представляет собой по форме жалобу на бездействие управляющей компании. В частности, гражданин сообщает о том, что во дворе их дома с некоторого времени поселились бездомные собаки, которые через слуховое окно проникают в подвал дома, разносят мусор из специальных баков по придомовой территории, пугают на детской площадке детей, по ночам мешают жильцам отдыхать. Управляющая компания, с которой заключен договор на обслуживание, не реагирует на просьбы жильцов о помощи.

Основная тематическая цепочка рассматриваемого обращения гражданина схематически выглядит следующим образом:

А–Б–В–[Г–[Г1]]–Д–Е–Ж–З–И–[К–Л–М]–Н

При этом базовой номинацией – наиболее полно и точно отражающей объект – является развернутое атрибутивно-именное словосочетание, называющее негативное явление административной сферы. Оно обозначено на схеме буквой А: *бездействие владельцев УК «...» N-ского р-на г. Перми по защите жильцов*. В целом состав тематической цепочки анализируемого текста весьма разнообразен: здесь можно наблюдать свернутый трансформ базовой номинации (В – УК), таксономический предикат конкретизирующего характера по отношению к базовой номинации (Б – *открыто слуховое окно в подвале*), развернутый оценочный трансформ, образованный на основе синонима к базовой номинации (Е – *полное безразличие о состоянии подвала и условиях работы в нем сотрудников УК*), грамматический трансформ к базовой номинации (Ж – *бездействуют*) и

т.д. Обращает на себя внимание тот факт, что в письме гражданина отсутствуют повторяющиеся номинации, поэтому невозможно выделить среди них основную, то есть наиболее часто встречающуюся в тексте. Такое разнообразие тематических номинаций связано с особой коммуникативной целью автора текста – детально описать все негативные моменты в жизни жителей дома, отражающие бездействие управляющей компании.

В ответе на обращение гражданина наблюдаем несоответствие темы, а именно отсутствие лексем, напрямую связанных с основной темой исходного текста. Приходится констатировать, что есть лишь одна лексема, соотносимая с неосновной темой обращения гражданина.

Тематическую цепочку ответа представителей власти на обращение гражданина схематически можно представить так:

(-Б1)–(-Б2)

Для обозначения номинаций мы использовали букву Б, желая отобразить их соотношение с одной из тематических номинаций исходного текста, знаком «-» (минус) условно обозначили антонимические отношения между ними: Б – *открыто* слуховое окно в подвале; (-Б1) – *продухи в подвальном помещении многоквартирного дома по ул... закрыты*; (-Б2) – *меры к ограничению доступа в подвальные помещения приняты*. Видно, что остальные примеры бездействия сотрудников управляющей компании остались без внимания представителя власти.

Для того чтобы продемонстрировать отличия корректного ответа представителей власти на обращение гражданина, приведем пример тематических цепочек другой пары текстов, посвященных теме городского пассажирского транспорта.

Тематическая цепочка в тексте обращения гражданина выглядит следующим образом: А–Б–В–[В1–В1]–Г–В2; в ответе представителей власти – А1–А2–А2–[Ж–Г–И]–Ж1–Г1–А2–[Г2–Г]–Г3–[К–Л–М]

В получившихся номинативных цепочках обнаруживаем смысловое соответствие, единство темы. В частности, видим, что бóльшая часть номинаций в письме-ответе образована от наименований исходного текста, отличие состоит лишь в степени официальности этих наименований: *автобус № 78, который следовал с микрорайона Нагорного через Чкалова, по ул. Революции до микрорайона Садового* (в обращении) – *автобусный маршрут № 78 сообщением «Микрорайон Нагорный – микрорайон Садовый»* (в ответе) (о степени официальности наименований в деловой речи см. в [Сологуб 2013]). В обращении гражданина употребляется описательная синтаксическая конструкция, которая включает придаточное определительное предложение, содержащее стилистически сниженные средства (предлог *с* в предложно-падежном сочетании *с микрорайона* и краткое обозначение остановки – *Чкалова*) и имеющее целью охарактеризовать

маршрут движения автобуса; в ответе для этой же цели употреблено характерное для официальных документов абстрактное существительное *сообщение* и точное номенклатурное наименование маршрута, состоящее из официальных названий конечных остановок и употребленное в кавычках.

В заключение следует отметить, что тематическое несоответствие – лишь один из лингвистических признаков бюрократической отписки. Кроме него, можно указать законообразие (ср. наукообразие в научном тексте, лингвистическими признаками которого считают избыточную терминологию, методологическую нечеткость и отсутствие строгой аргументации [Штайн, Петренко 2017: 11]), перенасыщение текста канцелярскими штампами, настойчивое отрицание представителями власти фактов, описанных в обращении гражданина (например, фразы типа *По существу обращения поясняем, что факты, указанные в жалобе гражданина, при проверке не подтвердились* и под.), излишние категоричность и официализацию при констатации отказа. Эти лингвистические признаки эксплицируют различные текстовые категории: тональность, оценочность, авторизацию, адресацию и т.д., каждая из которых требует специального лингвистического осмысления.

Библиографический список

Вафин Б. Д. Язык документов, связанных с русско-восточными взаимоотношениями XVII века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2013. 21 с.

Жильцов С. Типология бюрократических отписок по итогам анализа эмпирических данных и опроса экспертов // Экономика и жизнь регионов Черноземья. 13 июля 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eizh.ru/articles/analitika/tipologiya-byurokraticheskikh-otpisok-po-itogam-analiza-empiricheskikh-dannykh-i-oprosa-ekspertov/> (дата обращения: 10.03.2018).

Матвеева Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Свердловск: Издательство Уральского университета, 1990. 172 с.

Руднева С. Ф. Сибирские отписки конца XVI – второй половины XVIII вв. в аспектах исторической стилистики и лингвистики текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Сургут, 2010. 23 с.

Русакова С. В. Эволюция системы документирования деятельности губернских учреждений XVIII – начала XIX вв.: по документам Государственного архива Тверской области: автореф. дис. ... канд. истор. наук. Москва, 2006. 22 с.

Сологуб О. П. Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. трудов / под ред. М.П. Котуровой; Перм. гос. нац. иссл. ун-т. Пермь, 2013. Вып. 17. С. 95–103.

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2011. 1175 с.

Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ (ред. от 27.11.2017) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Штайн К. Э., Петренко Д. И. Сборник статей «Стереотипность и творчество в тексте» в процессе роста научного знания: Пермская школа функциональной стили-

стики // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. трудов / под ред. проф. М.П. Котюровой; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2017. Вып. 21. С. 8–22.

M.A. Shirinkina

Associate Professor of Russian Language and Stylistics Department

Perm State University

ABOUT ONE LINGUISTIC SIGN BUREAUCRIC RUNAROUND

The article is devoted to the problem of determining the linguistic parameters of bureaucratic runaround. One of these parameters is the thematic inadequacy of the authorities' letter of reply to the citizen's letter of appeal. To illustrate the runaround and the correct sample letter of reply, examples of thematic chains of these texts are given.

Key words: text linguistics, official letter, bureaucratic runaround, linguistic category, thematic chain.

СОВРЕМЕННОЕ КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО

УДК 81'38/42: 070: 004

Крижановская Елена Мечиславовна
доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
krizh@psu.ru

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ДИАЛОГИЧНОСТИ В ТЕКСТАХ АККАУНТОВ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЖУРНАЛИСТОВ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ФЕЙСБУК»

В статье характеризуются наиболее частотные способы реализации диалогичности как одного из типовых свойств современной политической интернет-коммуникации. На материале текстов аккаунтов известных современных российских журналистов, представленных в социальной сети «Фейсбук», анализируются текстовые средства выражения гиперссылок на другой электронный ресурс автора, цитирования чужой речи и самоцитирования, использование прецедентных феноменов и отдельных синтаксических средств выражения диалогичности. Статья содержит вывод о том, что реализации диалогичности в анализируемых интернет-текстах способствует взаимодействие средств разных типов: собственно языковых, прагматических и гипертекстовых приемов.

Ключевые слова: диалогичность, интернет-коммуникация, коммуникация в социальных сетях, политический дискурс.

Изучение диалога в отечественной лингвистике имеет давнюю историю и берет свое начало в работах М.М. Бахтина, Е.Д. Поливанова, Л.В. Щербы, Л.П. Якубинского, а затем получает творческое развитие в работах современных исследователей (Т.М. Дридзе, Л.Р. Дускаевой, М.Н. Кожинной, Т.Н. Колокольцевой, В.А. Салимовского и др.). В «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка» диалогичность определяется как: «выражение в тексте средствами языка взаимодействия общающихся, понимаемого как соотношение смысловых позиций, как учет реакций адресата (в том числе второго Я), а также эксплицирование в тексте признаков собственно диалога» [Стилистический... 2003: 45]. А.П. Чудинов рассматривает диалогичность как одно из типовых свойств современной политической коммуникации, отмечая, что «политическая речь диалогична по своей природе, она ориентирована не столько на самовыражение, сколько на воздействие» [Чудинов 2008: 61]. Исследователь

выделяет три формы диалогичности: 1) собственно диалогичность, при которой в создании речевого произведения участвует два и более говорящих; 2) так называемые «диалоги на расстоянии», когда политик отвечает на заранее подготовленные для него вопросы или высказывает свою оценку политических событий, явлений, действий других политиков; 3) интертекстуальность, которая проявляется в использовании в авторском тексте цитат, прецедентных феноменов, аллюзий, метафор и т.д.

Материалом для исследования способов реализации диалогичности в политической интернет-коммуникации послужили 120 текстов (по 30 текстов из аккаунтов 4 известных российских журналистов), размещенных в социальной сети «Фейсбук» в период с 5 октября 2017 года по 31 октября 2017. Изучение материалов, представленных на платформе социальной сети «Фейсбук» в аккаунтах Андрея Ивановича Колесникова, Александра Игоревича Коца, Ксении Лариной и Максима Леонардовича Шевченко, свидетельствует о том, что наиболее частотными способами проявления диалогичности выступает гипертекстовая ссылка на другой электронный ресурс автора текста, цитирование чужого текста, прием самоцитирования, использование в авторском тексте прецедентных феноменов, гиперссылки на чужой электронный ресурс и даже эмодзи (пиктограммы, заменяющие выражение некоторых эмоций). Дадим характеристику названных способов проявления диалогичности.

Так, наибольшей частотой использования характеризуется прием приведения гиперссылки на другой электронный ресурс автора. Поскольку названные российские журналисты имеют аккаунты не только в социальной сети «Фейсбук», но и в других социальных сетях и сервисах коротких сообщений, а также ведут программы на радио и телевидении, являются спецкорами известных российских средств массовой информации, постольку в своих постах они приводят ссылки на те СМИ, с которыми сотрудничают. При этом, правда, интернет-пользователям предлагается не альтернативная точка зрения на обсуждаемую проблему, а развернуто представленное мнение того же самого журналиста. В качестве иллюстрации приведем следующие текстовые фрагменты (авторская орфография и пунктуация в текстах сохранены):

а) *«YouTube Выборы в Австрии прошли в пользу Европы и России. Моё мнение по ссылке. Разоблачение австрийских «фашистов»! Я хорошо знаком с лидером «Австрийской партии свободы» Хайнцом-Кристианом Штрахе. Те кто называет эту партию... YOUTUBE.COM (М. Шевченко, 21.10.2017, 14:01); б) Коммерсантъ. Валдай на марше! Русском)). Бросок через ядро. Как Владимир Путин при участниках Валдайского клуба решал, что делать с химоружием и оружейным плутоном США. KOMMERSANT.RU (А. Колесников, 20.10.2017, 2;26); в) А по-*

читайте мой свежий материал о ЧВК. – У нас сейчас нет никакой обиды на государство, – объясняет он мне за чашкой чая. Есть определенные условия, на которые ты соглашаешься, идя в ЧВК. <...> Частные военные компании: За что воюют и погибают в XXI веке русские «солдаты удачи». Военкор «Комсомолки» Александр Коц поговорил с сотрудниками ЧВК, воюющей на Ближнем Востоке [фото]. КР.RU» (А. Коц, 25.10.2017, 7:43).

В представленных выше текстовых фрагментах авторы предваряют гиперссылки на свои материалы в других СМИ или на других интернет-ресурсах указанием на то, что с более подробным и аргументированным вариантом доказательства мнения автора можно ознакомиться, если перейти по гиперссылке на другой электронный ресурс, названия ресурсов обычно пишутся заглавными буквами. Для привлечения внимания посетителей аккаунта журналисты используют собственно публицистические приемы: восклицательные предложения (фрагмент а), трансформированное прецедентное высказывание (фрагмент б) и предложение, представляющее собой директивный речевой акт просьбы (фрагмент в). При этом во всех случаях указывается, что данные материалы принадлежат автору поста в социальной сети, переход к нужному материалу происходит за счет активизации гиперссылки, которая обозначается подчеркиванием определенной фразы или слова. Таким образом, данный способ является не только приемом реализации диалогичности текста (в данном случае диалог автора в основном с посетителями его аккаунта в соцсети), но и способом самопрезентации автора. Функция самопрезентации интернет-пользователя признается в настоящее время в качестве одной из главных функций интернет-коммуникации.

Прием самоцитирования, или цитирование автором собственных текстов, размещенных в других СМИ, по сути, реализует ту же функцию, которую выполняет прием ссылки на другой электронный ресурс автора. Отличие заключается лишь в том, что в случае цитирования собственного текста происходит дословное повторение тех высказываний, которые размещаются в аккаунте «Фейсбук», и тех материалов, которые размещены на других ресурсах или в других СМИ.

Другим частотным способом реализации диалогичности интернет-коммуникации является цитирование чужого текста, включаемого при помощи гиперссылки в текст поста журналиста. При этом в качестве чужих текстов выступают как отдельные цитаты, так и целые монологи, и даже фрагменты из официальных документов или книг. В качестве иллюстрации приведем следующие текстовые фрагменты:

а) *«Запретительные законы наша Дума печет как блинчики. В народе ее за это, простите меня, прозвали “госдурой”. А народ – не ду-*

рак”, – Людмила Алексеева, глава Московской Хельсинкской группы, член президентского Совета по правам человека. При всём уважении к Людмиле Михайловне, «госдурой» российский, пусть и несовершеннолетний, но все-таки какой-никакой парламент, назвал не народ, а Владимир Познер...*Может быть, Людмила Михайловна, будучи сама американской гражданкой, считает голос американского гражданина Познера – голосом американского народа? Хочется точности в деталях...* (М. Шевченко, 31.10.2017, 9:00); б) *Что-то нехорошее происходит. Алексей Малобродский куда-то перевели, все письма и передачи возвращают. «Администрация СИЗО-1 ФСИН России (99/1) извещает Вас, что письмо 1427048 не может быть вручено, так как Адресат убыл в другое учреждение.» Адвокаты пытаются получить официальную информацию»* (К. Ларина, 27.10.2017, 12:23).

В представленных выше фрагментах цитирование чужой речи использовано авторами с разными целями: в тексте поста М. Шевченко (фрагмент а) чужая речь служит в качестве отправной точки для развертывания дискуссии автора с известным в России правозащитником Л.М.Алексеевой, с которой автор полемизирует, выражает свою оценку, активно высказывает свое несогласие с приведенным мнением, в то время как во фрагменте б) журналист К. Ларина при помощи цитации делового документа подтверждает свое мнение о том, что описываемая ситуация разворачивается странно, непривычно. В этом отношении согласимся с мнением М.Н. Кожиной, которая отмечала, что «цитация имеет и прагматическую функцию – убеждения читателя в истинности своей или анализируемой позиции путем обращения к авторитетному мнению: либо – при рассуждении – путем столкновения двух (или нескольких) мнений как аргументов и контраргументов с целью наиболее убедительно доказать или опровергнуть одно из них (а также авторское)» [Кожина 1998: 162].

Одним из наиболее интересных способов реализации диалогичности текста является, на наш взгляд, использование автором при создании своего текста различных прецедентных феноменов (т.е. прецедентных текстов, высказываний, ситуаций и имен). Прецедентные феномены реализуют, по мнению А.П. Чудинова, третий тип диалогичности политического текста – интертекстуальность. В целом интертекстуальность обычно понимается как взаимодействие текстов различных культурных пластов и эпох в авторском тексте, в результате этого взаимодействия происходит приращение смысла и углубление содержания авторского текста.

Изучение постов российских журналистов в «Фейсбук» свидетельствует о том, что частотным приемом реализации диалогичности выступает использование прецедентных текстов, т.е. «потенциально автономных смысловых блоков речевого произведения, актуализирующих значимую

для автора фоновую информацию и апеллирующих к “культурной памяти” читателя» [Стилистический... 2003: 107]. В качестве иллюстрации приведем следующие контексты:

а) *«Президент заступился за свободную блогосферу России. Олигархи – руки прочь от карнавальной культуры и свободной критики!»* (М. Шевченко, 30.10.2017, 18:35); б) *«Россия – щедрая душа! Лишь в прошлом году на экономическую помощь разным государствам ушло более миллиарда долларов!»* (А. Коц, 22.10.2017, 11:30).

Приведенные текстовые фрагменты свидетельствуют о том, что в качестве прецедентных высказываний российские журналисты используют фразы из советских политических лозунгов прошлых десятилетий, а также тексты современной массовой культуры, взятые из популярных зарубежных и отечественных кинофильмов, рекламных слоганов и телепередач. Отметим, что практически всегда данные прецедентные высказывания подаются в трансформированном, измененном виде. Совершенно очевидно, что использование прецедентных феноменов, принадлежащих современной массовой культуре, объясняется учетом фактора адресата, т.е. ориентацией интернет-текстов российских журналистов на восприятие их речевых произведений российскими интернет-пользователями. По-видимому, использование высказываний из текстов массовой культуры позволяет быстро активизировать в памяти пользователя необходимые автору культурные пласты, в то время как привлечение цитат из художественной литературы, высказываний советских политических лидеров, советских лозунгов может вызвать определенные затруднения у читателей поста, в особенности молодых пользователей.

Синтаксическими средствами реализации диалогичности являются вопросительные предложения, вводные и вставные конструкции, обращения. Так, например, вопросительные предложения служат не только цели запроса необходимой собеседнику информации, но и привлекают внимание адресата, активизируют его внимание. Обращения называют того собеседника, к которому обращаются с речью, вводные и вставные конструкции подчеркивают ход мысли автора и направляют тем самым внимание читателя.

Обобщая, еще раз отметим, что реализации диалогичности в анализируемых интернет-текстах российских журналистов в социальной сети «Фейсбук» способствует взаимодействие средств разных видов: собственно языковых (обращений, вопросительных предложений, вводных и вставных конструкций), прагматических (прецедентных феноменов, определенных типов речевых актов) и гипертекстовых приемов (ссылок на другой электронный ресурс автора, цитирования чужой речи, самоцитирования, эмодиконов).

Библиографический список

Баженова Е. А. Интертекстуальность // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожиной. М.: Флинта; Наука, 2003. С. 104–108.

Дускаева Л. Р. Диалогичность речи (письменной) // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожиной. М.: Флинта; Наука, 2003. С. 45–53.

Кожина М. Н. Диалогичность как категориальный признак письменного научного текста // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. / Под ред. М.Н. Кожиной: В 3 т. Т. 2. Стилистика научного текста (общие параметры). Гл. VI. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1998. Ч. 2. Категории научного текста: функционально-стилистический аспект. С. 124–166.

Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. 3-е изд., испр. М.: Флинта; Наука, 2008.

E.M. Krizhanovskaya

Associate Professor of Journalism and Mass Communications Department
Perm State University

LANGUAGE FEATURES OF THE DIALOGICITY REALIZATION IN THE TEXTS OF THE RUSSIAN POLITICAL JOURNALISTS' ACCOUNTS IN SOCIAL NETWORK «FACEBOOK»

The article characterizes the most frequent ways of dialogicity realization as one of the typical features of modern political Internet communication. The text means of expressing hyperlinks to another electronic resource of the author, quoting someone else's speech and self-citation, the use of precedent phenomena and separate syntactic means of expressing dialogue are analyzed on the basis of the texts of the accounts by well-known contemporary Russian journalists which are represented in the social network «Facebook». The article contains a conclusion that the interaction of means of different types (properly language, pragmatic and hypertext means) contributes to the implementation of dialogicity in the analyzed Internet texts.

Key words: dialogicity, Internet communication, social media communication, political discourse.

Куличкина Галина Васильевна
профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
kulgv@list.ru

**МАССОВАЯ РАБОТА С АУДИТОРИЕЙ КАК ФАКТОР
УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ
ПРЕССЫ (на примере муниципальной прессы
Пермского края)**

Проблема массовой работы с аудиторией находится в центре большинства дискуссий о состоянии современной отечественной муниципальной прессы. В условиях глобальной медиаконвергенции и мультимедийной журналистики, неустойчивости общей экономической ситуации в России она приобретает первостепенную значимость. Прочность контактов с целевой аудиторией, сохранение и увеличение тиража муниципального издания становятся одним из существенных факторов его устойчивого развития. Современная отечественная региональная пресса ищет новые направления и формы работы с массовой аудиторией. Среди них – освоение цифровых информационных технологий в сфере массовых коммуникаций, социальное проектирование и редакционная деятельность по инвестированию в социальную сферу территории, на которой распространяется муниципальное СМИ. Пример деятельности муниципальной прессы Пермского края по работе с массовой аудиторией свидетельствует: укрепление контактов с широкой аудиторией за счет использования инноваций способствует сохранению малой прессой позиций авторитетного социального института и устойчивого бизнес-предприятия.

Ключевые слова: массовая аудитория, региональная муниципальная пресса, устойчивое развитие СМИ.

Проблема устойчивого развития современной отечественной муниципальной прессы обострилась на рубеже XX–XXI веков. Постсоветская отмена идеологического управления СМИ, процессы приватизации и распространение цифровых технологий повлекли за собой ряд серьезных изменений в деятельности СМИ. Среди них такие: управление журналистским творчеством, позиционирование массовой информации как социальной ценности и одновременно как товара, распространение продукции СМИ.

Понятие «устойчивое развитие» впервые было использовано в 1987 году Международной комиссией по окружающей среде при ООН. Оно предусматривает «удовлетворение потребностей нынешнего времени, при этом, не подвергая угрозе возможность последующих поколений удо-

влетворять свои нужды» [Устойчивый бизнес 2018]. Россия, как и многие страны, в том же году приняла принцип устойчивого развития общества, предусматривающий ответственность государства и гражданского общества за обеспечение возможности удовлетворения потребностей как теперешнего, так и последующих поколений. Концепция устойчивого развития развивается на основе экономического, экологического и социального направлений общественной деятельности. Что касается устойчивого развития СМИ, то этот термин предполагает удовлетворение информационных потребностей современного общества без угрозы возможностям обеспечения информацией последующих поколений. Другими словами, речь идет о сохранении и дальнейшем развитии информационного потенциала отечественных медиа, в том числе региональной муниципальной прессы.

Устойчивое развитие периодических печатных изданий является проблемой мирового масштаба. Она связана с поиском прессой своего места в быстро меняющемся мире, информационном пространстве, медийной и культурно-образовательной среде. На уровне России вопросы развития региональных СМИ рассматриваются в трудах Л.Г. Свитич, О.В. Смирновой, А.А. Ширяевой, М.В. Шкондина [Свитич, Смирнова, Ширяева, Шкондин 2014: 3–25], Е.Л. Вартановой [Вартанова 2013], Д.Г. Ильиных [Ильиных 2014], В.Л. Касютина [Касютин 2008], Г.С. Мельник, А.Н. Тепляшиной [Мельник, Тепляшина 2011], В.В. Тулупова [Тулупов 2013], Л.Л. Черепановой [Черепанова 2017: 9–16], З.С. Антипиной [Антипина 2017: 26–29], Г.В. Куличкиной [Куличкина 2017: 221–225] А.В. Пустовалова [Пустовалов 2017: 82–86], В.В. Тулупова [Тулупов 2013: 111–120] и др. Проблематика устойчивого развития отечественных муниципальных газет затрагивалась в них частично, в связи с менеджментом и маркетингом СМИ, типологией, функционированием, жанровыми особенностями издания, его медиаконтентом, социальными элементами на сайтах печатных изданий.

Устойчивое развитие отечественной региональной прессы осложнено особенностями современного этапа политической и экономической истории. Существуют объективные показатели снижения устойчивого развития прессы, которые отмечаются учеными и аналитиками государственного аппарата. Среди них стоит назвать такие: снижение тиражей после отмены государственной субсидии ФГУП «Почта России» в 2014 году (на 42%), снижение покупательской способности населения, снижение рекламных поступлений, неплатежи в сфере массовой информации.

В Пермском крае периодические издания по сравнению с эфирными в целом повторяют общероссийскую картину. На начало 2016 года в Пермском крае по данным официального сайта Федеральной службы по

надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций было зарегистрировано почти 300 средств массовой информации¹. Это печатные и электронные СМИ с разным целевым назначением и типом информации: общественно-политические, справочные, рекламно-информационные, специализированные, корпоративные и проч. Основную долю занимают печатные издания – газеты и журналы. Массовая периодика представлена преимущественно газетами, журнальные издания занимают нишу специализированных изданий (научных, рекламно-информационных, досуговых).

Какова степень устойчивого развития пермской региональной прессы на фоне России? Ответ на вопрос дает Фонд «Медиастандарт» (создан по инициативе Комитета Гражданских инициатив). На основе методики, разработанной исследовательской группой ЦИРКОН, созданной при Фонде «Медиастандарт», измерялось состояние институционального развития СМИ России. Были предложены 50 различных индикаторов, которые разделены на пять частных индексов: состояние среды для работы СМИ; состояние активности основных стейкхолдеров (влияние власти, бизнеса, общественных организаций на СМИ), состояние аудитории, самих СМИ и состояние медиаконтента. По итогам его измерений за 2017 год Пермский край вошел в группу регионов со средним уровнем устойчивого развития (рейтинг В). Но что касается измерения «Состояние аудитории», то Пермский край по этому индексу занял 71 место из возможных 85. Рост устойчивого развития отмечен с 0,06 до 0,31 балла [Измерение ...: 25–29].

Аудитория практически исключена из круга тех медиасубъектов, с которыми у пермских СМИ, в основном краевых, устойчивые отношения. Тогда возникает вопрос: за счет чего они держатся «на плаву» при малых тиражах: 6000 -8000 экз. на территории в 1 млн. чел.? Благодаря поддержке стейкхолдеров: представителей власти, бизнеса, рекламных и коммуникационных агентств. Об этом свидетельствует структура расходов региональных бюджетных средств на информирование населения в 2017 году, которые были выделены, например, Пермской городской Думой и администрацией Перми краевым СМИ [Андропова 2018].

Вместе с тем в малых городах и районах Пермского края есть муниципальные издания, которые в устойчивом развитии своего СМИ акцент делают на укреплении коммуникации с целевой аудиторией. Тираж лучших из них, обеспеченный подпиской и редакционной доставкой газеты до читателя, достигает 20000 экз. в неделю на территории с населением 50–70 тыс. человек; с тиражом 3000 экз. на территории 15.тыс. чел.). В таких случаях газета попадает практически в каждую семью района или малого города. Это издания с большим опытом выхода в свет, профессиональным журналистским коллективом, умелыми редакторами-

менеджерами. Среди них стоит назвать муниципальные газеты: «Искра» Лысьвенского района, «Искра» Кунгурского района, «Новая жизнь» Суксунского района, «Соликамский рабочий» Соликамского района, «Зори плюс» Добрянского района, «Маяк Приуралья» Чернушинского района, «Верный путь» Ординского района, «Березниковский рабочий» Березниковского района.

Редакционные коллективы для укрепления контактов с читателями используют традиционные и инновационные формы массовой работы с населением. Среди традиционных можно назвать такие: организация шахматных турниров, фотоконкурсов, спортивных эстафет, прямых линий и дискуссионных клубов, общественных приемных, социально-культурных акций, конкурсов «счастливый подписчик», лотереи для подписчиков. В постсоветский период возникли новые формы организации работы с массовым читателем: редакционный буккросинг, акции поддержки традиционной народной культуры («Коса-девичья краса», «Народные таланты»), благотворительные акции, социальное проектирование и социальное инвестирование.

Среди новых подходов в укреплении контактов с читателями следует отметить переход ряда муниципальных газет на редакционную службу доставки номера читателю в целях минимизации затрат на почтовые услуги; организация продажи газеты прямо в редакции. Активно муниципальные газеты занимаются социальным проектированием, сравнительно новым для них видом деятельности. По выражению Сергея Лапенкова, исполнительного директора Альянса независимых региональных изданий, проект, – это двери, через которые редакция выходит «в народ». Социальный проект в газете – особая форма коммуникации газеты с аудиторией, ограниченная во времени, интерактивная, нацеленная на достижение конкретных результатов и выходящая за пределы газетных полос [Лапенков 2017: 5]. В Пермском крае лидером действенных проектов стоит назвать газету «Березниковский рабочий». Газета выходит в городе Березники с населением 145115 человек, тираж газеты 10400, единственная ежедневная газета в Верхнекамье, 8 страниц формата А3, основное распространение – подписка; По итогам 2014 года вошла в список «10 лучших газет России» по версии Союза журналистов России. Распространяется в городах Березники, Усолье и в Усольском муниципальном районе, исключительно по подписке (доставка в почтовый ящик либо на электронную почту). Ее значимым информационным проектом 2017 года стал спецвыпуск, посвященный аварии на Первом калийном руднике, которая привела к провалам земли и проблеме расселению людей из аварийных домов в опасной зоне. Спецвыпуск предложил систематизированную информацию о чрезвычайной ситуации для жителей города, был выпущен тиражом 50

тыс. экземпляров, бесплатно распространен по почтовым ящикам многоквартирных домов – для социально-правовой поддержки местного населения. Другой его спецпроект «Промплощадка» был направлен на продвижение рабочих специальностей среди молодежи Березников. Он решал проблему закрепления населения в городе, проблему заполнения рабочих мест для березниковских промышленных предприятий, которые испытывают кадровый голод. Проект осуществлялся с помощью спонсора ПАО «Уралкалий» и городской администрации.

Новацией можно назвать опыт инвестирования пермских муниципальных газет в социальную сферу своего муниципального городского округа или района. Социальное инвестирование пермской муниципальной прессы как вид деятельности утвердился в регионе в 2000-е годы, сравнительно благополучный для России экономический период. Сегодня инвестиции в социальную сферу как строка в бюджете прописаны в газетах «Искра» Лысьвенского района, «Искра» и «Новости Кунгурского края» Кунгурского района, «Маяк Приуралья» Чернушинского района, «Зори плюс» Добрянского района, «На родной земле» Сивинского района, «Соликамский рабочий» Соликамского района, «Березниковский рабочий» Березниковского района. Для инвестирования муниципальной прессы в социальную сферу характерны такие виды, как: организация социально значимых акций «Человек год», «Народный учитель», «Народный врач», творческих фестивалей и конкурсов, спортивных состязаний, народных праздников, связанных с традиционным образом жизни местного сообщества. На страницах газет практикуется бесплатная реклама социальных служб, общественных организаций инвалидов, слепых, ветеранов труда, религиозных организаций, благодарности частных лиц в адрес учителей и врачей, частных лиц, предлагающих в дар вещи, мебель, животных.

По объему и качеству инвестирования в социальную сферу на протяжении нескольких последних лет лидирует газета «Искра». Один из самых значимых ее проектов – ежегодная акция «Человек года». Идея акции – рассказать местному сообществу о людях, чьими трудами и заслугами славится Лысьвенский район, определить лучших из лучших, публично признав их вклад в развитие района. Каждый житель муниципального района может предложить кандидатуру земляка, заслуживающего общественного признания. Цель акции, как ее формулирует редактор газеты Е. И. Орлова, побудить горожан и селян к умению видеть и ценить труды других, к желанию быть созидателями мира и добра. В феврале 2018 года акция прошла в 18-й раз. В редакцию пришло более 600 писем. В итоге были награждены 36 победителей по 22-м номинациям. Вручение наград прошло при аншлаге во Дворце культуры на 800 мест. Победители получили поздравления и призы из рук первых руководителей Лысьвы, руко-

водителей городской администрации и коллег, подарки от газеты «Искра» и спонсоров праздника награждения.

Таким образом, устойчивое развитие малой прессы в регионе зависит от многих факторов: диалога с властью, средним и малым бизнесом, администрацией градообразующего предприятия, общественными организациями. Но один из ключевых факторов – интересы и потребности местной массовой аудитории, которая покупкой газеты создает ей весомый тираж и своим финансовым вкладом наряду с рекламой обеспечивает независимость и стабильность существования издания.

Примечание

¹ Перечень наименований зарегистрированных СМИ // Роскомнадзор. Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. URL: <http://rkn.gov.ru/mass-communications/reestr/media> (дата обращения: 20.03.2018).

Библиографический список

Андропова Дарья. «Нативная реклама властей». Какие СМИ получают бюджетные деньги, и как это на всех нас сказывается // Дарья Андропова – Zvzda – 2018 – 04.04. URL: <http://zvzda.ru/articles/8b136cb8fa0d> (дата обращения 06.04.2018).

Антипина З. С., Салимовский В. А. Пермские районные СМИ: состав и типология / З. С. Антипина, В.А. Салимовский // Районные газеты Пермского края: настоящее и будущее [Электронный ресурс]: монография / под ред. Л. Л. Черепановой; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Электрон. дан. Пермь, 2017. С. 26–30.

Вартанова Е. Л. Постсоветские трансформации российских СМИ и журналистики. М.: МедиаМир, 2013. 280 с.

Измерение состояния и динамики институционального развития средств массовой информации в субъектах верхнего уровня РФ (измерение медиасферы): Аналитический отчет. М.: Циркон. 2017. 52 с. URL: http://www.polity.ru/assets/ms-index_2015-2017_otchet-o-sostoyanii-institutsionalnogo-razvitiya-smi-v-subektah-rf.pdf (дата обращения: 04.04.2018).

Ильиных Д. Г. Информационный потенциал и диалоговые возможности региональных печатных средств массовой информации и сетевых версий изданий (на примере СМИ Уральского федерального округа): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2014. 24 с.

Касютин В. Л. Российская местная пресса: воздействие финансово-экономического кризиса // Медиаскоп: электрон. науч. Журнал. 2011. №1. URL: <http://www.mediascope.ru/node/739> (дата обращения: 10.04.2018).

Куличкина Г. В. Социальные элементы на сайтах районных газет (на примере изданий Пермского края) // Знак. Проблемное поле медиаобразования (научный журнал). 2017. №2 (24). С. 215–220.

Лапенков С. Журналистика и медиарынок, 2017. № 8. С. 56.

Мельник Г. С., Тепляшина А. Н. Современная местная газета: типология, особенности функционирования и перспективы развития: учеб. пос. СПб., 2011. 130 с.

Пустовалов А. В. Соцсетевой ландшафт Пермского края / А.В. Пустовалов // Знак. Проблемное поле медиаобразования (научный журнал). 2017. №2 (24). С. 82–86.

Свитич Л. Г., Смирнова О. В., Ширяева А. А., Шкондин М. В. Газеты средних и малых городов России в 2010-х гг. // Вестник Московского университета. Серия 10.

Тулупов В. В. Российская региональная журналистика на современном этапе // Вопросы теории и практики журналистики. 2013. №1. С. 111–120.

Устойчивый бизнес (интернет-журнал) 2018.01.04. URL: <http://csrjournal.com/ustojchivoe-razvitie-konserciya-principyu-celi> (дата обращения: 02.04.2018).

G.V. Kulichkina

Professor of Journalism and Mass Communications Department
Perm State University

**MASS WORK WITH AUDIENCE AS A FACTOR OF SUSTAINABLE
DEVELOPMENT OF THE MODERN REGIONAL PRESS
(on the example of the municipal press of the Perm region)**

The problem of mass work with the audience is at the center of most discussions about the state of the modern domestic municipal press. In conditions of global media convergence and multimedia journalism, the instability of the general economic situation in Russia, it acquires paramount importance. Strength of contacts with the target audience, preservation and increase in the circulation of the municipal edition become one of the essential factors of its sustainable development. The modern domestic regional press is looking for new directions and forms of work with a mass audience. Among them is the development of digital information technologies in the sphere of mass communications, social design and editorial activity on investing in the social sphere of the territory, which is covered by the municipal media. An example of the activities of the Perm region's municipal press in working with a mass audience is that: strengthening contacts with a wide audience through the use of innovations contributes to maintaining a small press of the positions of an authoritative social institution and a sustainable business enterprise.

Key words: mass audience, regional municipal press, sustainable media development.

Лукиных Анна Сергеевна
студентка филологического факультета
Пермский государственный национальный
исследовательский университет

Шумов Константин Эдуардович
доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
tishovasia@mail.ru

ЖУРНАЛИСТИКА В УСЛОВИЯХ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ

В статье описываются результаты взаимодействия пресс-службы ГУ МЧС по Пермскому краю со СМИ в условиях ЧС. Выявляются основные ошибки, которые допускают журналисты: использование не проверенных источников, поспешность в публикациях, незнание профессиональной терминологии, искажение фактов, нарушение профессиональной этики.

Ключевые слова: МЧС, чрезвычайная ситуация, СМИ, работа журналиста, профессиональная этика.

Пермский край дал несколько поводов для публикаций о серьёзных чрезвычайных ситуациях. Это: 1) Крушение самолета Boeing-737 в Перми 14 сентября 2008 года; 2) Гибель туристов на реках Вильва и Вижай 11 мая 2009 года; 3) Обвал в пещере Российская 8 ноября 2009 года; 4) Пожар в ночном клубе «Хромая лошадь» 5 декабря 2009 года.

Сотрудники пресс-служб и журналисты в период чрезвычайной ситуации работают в стрессовых условиях. В МЧС существует строгая иерархия, четко определены границы взаимодействия каждого отдельного сотрудника со СМИ, которые четко определяются внутренними приказами по организации деятельности пресс-службы Главного управления МЧС России по Пермскому краю. В журналистских материалах о чрезвычайных ситуациях достаточно часто встречаются ошибки, связанные с незнанием структуры и функционирования территориальной подсистемы Российской системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций.

Одной из основных функций МЧС России в соответствии с возложенными на него задачами является информирование населения через средства массовой информации и по иным каналам о прогнозируемых и возникших чрезвычайных ситуациях и пожарах, мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты, а так-

же пропаганду в области гражданской обороны, защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, обеспечения пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах. (Положение о Министерстве Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий [Указ...: эл. ресурс]).

При подготовке информации для СМИ есть свои табу. Так как очень редко случаются ситуации, устранением последствий которых занимается лишь одна структура (исключения могут составить, пожалуй, только пожары – и устранением, и расследованием которых в основном занимаются подразделения МЧС России), необходимо избегать комментариев, касающихся работы других служб. Так при описании крупного ДТП с гибелью 5 и более человек или более чем с 10 пострадавшими (при этом пострадавшими в данном случае считаются только лица, госпитализированные с места аварии в медицинские учреждения) запрещается давать оценку причинам случившегося.

Иногда фактические ошибки связаны со стремлением журналистов придать происшествию более трагичный оттенок, чем есть на самом деле с целью привлечения внимания к СМИ. Это классический приём так называемой «желтой прессы», когда на первом месте у издания стоит не реализация информационных потребностей читателя/зрителя/слушателя, а следование за интересами, что противоречит основным принципам качественной журналистики. Несколько лет назад на пермских новостных интернет-ресурсах прошла информация о том, что в Березниках пять подростков, катавшихся на «фанерках» по отвалам пустой руды, попали в провал. Сообщалось, что из пятерых троих завалило рудой, двое скончались на месте, остальных спасатели доставили в МСЧ. Проверка информации показала, что катались трое подростков, ни один из них не погиб, все отделались лёгкими травмами и даже не были госпитализированы.

Более качественно прорабатывают свои материалы корреспонденты печатных СМИ. Они, как правило, менее оперативны, у журналистов больше времени на проверку и осмысление информации. Это не касается новостных лент изданий, которые являются обязательной рубрикой их интернет-версий. В «бумажных» вариантах газет тоже можно встретить ошибки, вызванные незнанием специфики работы спасателей, а также использованием штампов, которые по своей сути неверны. Один из самых распространенных – устойчивое словосочетание «спасатель МЧС».

Сегодня «Спасатели МЧС» – не просто журналистский штамп. В представлении обывателя эти понятия неразделимы: спасатели – «посланники доблестного Министерства по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий». На

самом деле «спасатели» в большинстве своем не являются сотрудниками МЧС. Поиск пропавших туристов, водолазные работы на реках Пермского края, ликвидация последствий дорожно-транспортных происшествий, извлечение из-под обрушенных конструкций зданий и сооружений, работа в пещерах – дело краевых и муниципальных спасателей.

«На поиски пропавших около 21.00 выехала группа спасателей МЧС», – пишет корреспондент экспертного канала «УралПолит.Ru». Группа выехавших состояла из представителей государственного краевого учреждения «Гражданская защита» и Пермской краевой службы спасения. Фразу «выехала группа спасателей МЧС» мы встречаем и в статье деловой газеты «Взгляд», и в публикации на сайте информагентства «РИА Новости». «Спасателей, работавших сутки, заменили сегодня другие сотрудники МЧС», – отмечает корреспондент «Комсомольской правды».

Оперативная группа МЧС – это временное формирование работников МЧС России с привлечением специалистов других федеральных органов исполнительной власти и организаций, предназначенное для выявления причин, оценки характера чрезвычайной ситуации, выработки предложений по её локализации и ликвидации, а также для организации их осуществления в зоне ЧС. Зачастую к числу спасателей причисляют волонтеров, которые работают на поисках пропавших людей.

Зачастую при освещении ЧС журналисты нарушают правила профессиональной этики. Между тем, эти правила закреплены в некоторых международных документах журналистского сообщества. Они не обязательны для выполнения, но в полной мере отвечают профессиональной Кодекс профессиональной этики журналистов (принят на 1-м съезде Союза журналистов в 1992 году, международные приняты на консультативной встрече международных и региональных организаций профессиональных журналистов в Париже 20 ноября 1983 года).

Работники СМИ очень любят использовать «красочные картинки» живых эмоций: рыдания, крики, комментарии очевидцев. При этом журналисты забывают, что человек, попавший в беду или ставший свидетелем чрезвычайной ситуации, испытывает шок, страх, поэтому его видение не может претендовать на объективность. Здесь есть и морально-нравственный аспект: очевидцу или участнику ЧС чаще всего неприятно будет увидеть себя по телевизору в подавленном состоянии с нервной, скомканной речью. Помимо этого, показывая плачущих, кричащих людей, можно вызвать панику, что опять же, может не лучшим образом сказаться на имидже СМИ.

Некоторые СМИ занимаются собственными «журналистскими расследованиями», выдвигая нелепые фантастические версии. Так было, например, с крушением Boeing-737 в Перми 14 сентября 2008 года.

«Добавим, очень многие очевидцы крушения авиалайнера утверждают, что падающий самолет загорелся в воздухе и был похож на комету», – ссылаются Алексей Белянин, Вероника Свизева и Елена Мокрушина в своей статье «Кто виноват?» на сайте 59.ru. Журналистский текст основан в большинстве как раз на историях очевидцев, очень мало официальных комментариев, мало достоверных фактов.

В потоке быстро меняющейся информации информационные агентства начинают допускать ошибки. ИА REGNUM ссылается в сообщениях на пресс-службу «администрации Пермской области», пишет «При падении самолет взорвался. Горящие обломки упали на незастроенную местность». РИА-Новости и lenta.ru утверждают, что в катастрофе погибло не 88, а 87 человек, несмотря на то что данные по погибшим на тот момент были лишь предварительными. Некоторые интернет-СМИ пермского сектора Рунета разрабатывали следующую версию – самолет был сбит нашими ВВС, так он мог упасть на территорию ПНОС. Как результат – обыватель до сих пор не верит в официальную причину катастрофы, а следовательно, нет доверия и к властным структурам.

Пожар в «Хромой лошади» тоже освещался не всегда точно. Поскольку долгое время не было известно, что конкретно произошло и почему такое большое количество пострадавших, изначально считалось, что произошел взрыв с последующим возгоранием. И именно эту информацию передавала пресс-служба МЧС. «Взрыв прогремел в 23.15 мск в кафе «Хромая лошадь» по адресу: улица Куйбышева, дом 9. По предварительным данным есть погибшие и раненые, их число устанавливается», – цитирует телефонный разговор с сотрудником пресс-службы РИА Новости.

Воцерковленные СМИ сочли, что пожар в «Хромой лошади» – наказание за то, что на могилах монахов и почетных горожан построили зоопарк. А остановка «бешеного автобуса» – промысел Божий и защита Николая Угодника.

Один из корреспондентов экспертного канала «УралПолит.Ru» в своей статье о гибели туристов публикует информацию об участии в поисково-спасательных работах вертолета. Между тем, в официальных комментариях пресс-службы Главного управления МЧС России по Пермскому краю сообщалось, что привлечение воздушного судна в данный период нецелесообразно. Ми-8 использовали на следующий день после выхода материала журналиста. Эта ситуация свидетельствует не о «предвидении» журналиста, а об искажении информации.

В статьях встречаются не только ошибки, но и опасные рекомендации по поведению на воде. Так, журналист Российской газеты предлагает выходить на сплав в «резиновом комплекте химзащиты (комбинезоне и куртке)». Но у комбинезона химзащиты «вклеенные боты», они соедине-

ны со штанинами комбинезона и не позволяют воде, с одной стороны, попасть в комбинезон, а с другой – вытечь из него.

Многие СМИ, получив от МЧС информацию по обрушению пород в пещере Российская, в результате которого погибло 2 человека и оказался в ловушке 1 пострадавший, «выдали» ее для аудиторией недостоверной.

В исходной информации пресс-службы Главного управления МЧС России по Пермскому краю сказано следующее: «08.11.2009 в 10:10 поступило сообщение о том, что в пещере «Российская», расположенной в 7 км от г. Губаха произошло обрушение горной породы. Под завал попали спелеологи-любители». Вопреки принципам построения пресс-релиза, в тексте не было информации о том, когда случилась трагедия. По этой причине многие представители СМИ решили, что время поступления сообщения идентично времени происшествия. Как результат, произошла массовая дезинформация. «Группа спелеологов-любителей сегодня утром попала под обвал в пещере «Российская в Губахинском районе Пермского края», – информирует сайт PRM.RU.

Основные ошибки СМИ при работе с информацией по чрезвычайным ситуациям связаны с использованием непроверенных источников, стремлением опередить конкурентов, незнанием структуры МЧС, профессиональной терминологии.

Библиографический список

Указ Президента РФ от 11 июля 2004 г. N 868 «Вопросы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий» (с изменениями и дополнениями). URL: <http://base.garant.ru/187212/> (дата обращения: 15.02.2018).

A.S. Lukinykh

Student of Philological Faculty
Perm State University

K.E. Shumov

Associate Professor of Journalism and Mass Communications Department
Perm State University

JOURNALISM IN AN EMERGENCY

The article describes the results of interaction between the press service of the Ministry of Emergency Situations in the Perm region with the media in an emergency situation. The main mistakes that journalists allow: the use of unverified sources, haste in publications, ignorance of professional terminology, distortion of facts, violation of professional ethics.

Key words: emergency, journalist's work, professional ethics.

Масальцева Татьяна Николаевна
доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
alba@mail.ru

ЛИТЕРАТУРНЫЕ АВТОРИТЕТЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ГАЗЕТЫ 1930-х: ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРМСКОЙ ГАЗЕТЫ «ЗВЕЗДА»

В статье рассматриваются особенности выбора и позиционирования литературных медиаперсон в региональной газете 1930-х годов, технологии создания имиджа литературного авторитета и его использования в структуре культурного мифа, формирующегося в информационном пространстве нового государства – страны Советов. Рассматривается также процесс включения в общественную систему ценностей писателей XIX века.

Ключевые слова: региональная газета, газетная литературная критика, литературные медиаперсоны 1930-х годов.

Проблема писательской личности в информационном пространстве является существенной составляющей культуры общества. Писатель как в XIX, так и в XX веке своими текстами, высказываниями, биографией участвовал в формировании системы ценностей российского читателя. Газетная литературная медиаповестка 1930-х годов включала в себя освещение подробностей биографии и литературной деятельности определенных персон, значимых для советской аудитории. Современные исследователи используют термины «литературная медиаперсона», «медийная личность», «литературный авторитет», обозначая писательские фигуры, значимые для информационного пространства определенного времени.

Период 1930-х годов характеризуется постепенным закреплением тоталитарных общественных установок, определяющих особенности развития всех сфер жизни. Эти процессы нашли свое отражение на страницах как федеральных, так и региональных газет, которые, пропагандируя прокоммунистическую идеологию, принимали активное участие в формировании советского мифа. Основные тенденции развития советской журналистики 1930-х годов определялись усилением партийного контроля за средствами массовой коммуникации в целом. Партийное руководство взяло под свой контроль процесс создания литературных произведений: в программных критических статьях в центральной прессе отмечалось, что в создании и обсуждении литературных произведений государство участвует на равных правах с автором и с литературным критиком, формулируя

потребности общества в той или иной теме и оценивая результат. Литература должна была соответствовать «общеизвестным принципам партийности, народности, социального и исторического детерминизма» [Демина 2005: 147].

Поэтому литературная критика этого периода выработала ряд критериев оценки литературного произведения, в том числе «годность» идейного содержания. Перед литературным произведением критикой 1930-х годов ставились конкретные задачи: отражение новой социалистической действительности должным образом, демонстрация новой судьбы «гегемона» – людей труда, их великих свершений, изменений в их характере, вызванных участием в революционной борьбе. В литературно-критических текстах этого периода присутствовал заметный дидактический аспект [Сеанкова 2008: 67]: журналистские публикации требовали от произведений искусства идейной направленности и воспитательного эффекта.

По мнению исследователей, при оценке художественного произведения преобладало «утверждение политических критериев» [Кормилов, Скороспелова 1996: 56], среди которых серьезное место занимали и социальная принадлежность писателя, и его политические убеждения: «Рабочие и колхозники, закаленные в революционной борьбе, проходящие школу ленинской культурной революции, выдвинули из своих рядов новые кадры писателей, которые уже создали выдающиеся художественные произведения. Значительная лучшая часть писателей из среды интеллигенции поняла великую правоту и всемирно-освободительное значение дела рабочего класса <...> и вступила на путь активной поддержки политики советской власти» [О перестройке литературно-художественных организаций 1932: 6].

Текущая литературная жизнь страны освещалась сообщениями о деятельности признанных властью авторов, среди которых лидировал А.М.Горький. Газетой публиковались литературные тексты писателя (отрывки из «Клима Самгина», «Песня о буревестнике» и др.), тексты речей («Речь, которая не была произнесена», 1932 г.), статьи («Предрассудки съедают миллионы пудов сена», 1932 г.). Встречаются и рецензии на постановки пьес писателя (пьеса «Последние», 1938 г.).

Значимым информационным поводом были юбилеи и смерть писателя, обсуждавшиеся газетой в из номера в номер. Юбилейные публикации газеты представляли информационные заметки о мероприятиях в России и за рубежом (организация выставок, строительство агитсамолета «Максим Горький», выпуск книг, постановка пьес писателя и др.), литературные портреты, (И.Нусинов «Сорок лет творчества великого пролетарского писателя А.М.Горького»), статьи сотрудников Пермского универси-

тета о творчестве писателя (профессор Г.Федосеев «Максим Горький – великий художник и передовой боец пролетариата») и пр. В юбилейных номерах в большом количестве размещались поздравления (приветствия писателю И.Сталина, К.Ворошилова), поздравительные коллективные письма, освещение празднования юбилеев общественностью в библиотеках, клубах и пр. Весь номер газеты 20 июня 1936 года полностью состоит из публикаций, касающихся смерти АМ. Горького. Отношение региональной печати к этому писателю демонстрирует любопытную особенность литературных публикаций 1930-х годов, которую можно назвать сакрализацией писателей [Новиков 2017: 6] – лидеров общественного мнения.

Литературным авторитетом в 1930-х годах по-прежнему считался В.В.Маяковский. Высказывание И.В.Сталина о В.В.Маяковском – «лучший, талантливейший певец нашей эпохи» – часто использовалось журналистами в качестве подтверждения истинной значимости поэта. Дни его рождения и смерти представлялись достойным информационным поводом. Отдельного внимания удостоивались факты увековечения памяти «великого певца пролетарской революции», например, установка памятников. В статье «Певец социализма» (1937) Савватий Гинц главной положительной характеристикой поэзии В.В.Маяковского назвал «упорство в борьбе за социализм, за советскую власть».

Для региональной газеты одним из значимых литературных деятелей по-прежнему оставался Демьян Бедный, воспевавший «по социальному заказу» «гигантское социалистическое жизнетворчество» в СССР» [Кондаков 2006: 262]. В поздравлениях с 25-летием литературной деятельности поэта в 1936 году подчеркивалось: «Создавая сатирические произведения, Д.Бедный разил острием своего пера душителей рабочей печати, обрушивался на разные оттенки меньшевизма, бичевал буржуазный либерализм».

Освещается в газете и деятельность местных литературных «авторитетов», каким для Перми этого времени был В.Каменский. Его деятельность (написание поэмы «Сталин – любовь всенародная», работа над сборником поэм «Родина счастья», «романом в стихах «Могущество») отражена в жанрах, весьма близких к литературному портрету [Сеанкова 2008: 67].

Для советской культуры ее классического периода (сталинской эпохи) «чужим» было все досоветское. Согласно наблюдениям исследователей, с 1935 года «начинается постепенная реабилитация культурного наследия царской России, так или иначе связанного с канонами большого, «имперского» стиля и державно-патриотической идеологии» [Кондаков 2006: 264]. В 1936 году газетой 125-летний юбилей В.Г.Белинского был отмечен публикацией портретного очерка «Неистовый Виссарион» и ин-

формационным сообщением о выпуске нового сборника статей, к юбилею А.С.Пушкина в 1937 г. была размещена информационная заметка о реконструкции «пушкинского заповедника в Михайловском»; к 50-летию со дня смерти А.Н.Островского в 1936 году рассказывалось о выставках в Московских музеях. В связи с постановкой гастролирующим казанским драматическим театром в 1938 году пьесы А.Н.Островского «Лес» автор рецензии, объяснив выбор пьесы лозунгом А.В.Луначарского «Назад к Островскому», сосредоточился на том, что любовь А.Н.Островского «была к маленькому человеку, к обиженным и угнетенным, к социальным отщепенцам, находящимся в зависимости от «сильных мира сего»» [Великанов 1938: 4].

К обсуждению творчества авторов XIX века пермские журналисты обращались чаще всего в жанре юбилейной статьи. Среди признанных авторов 1930-х гг. «художник и философ» Л.Н.Толстой, «неистовый Виссарион» Белинский, «великий русский поэт» А.С.Пушкин, «поэт-демократ» Н.А.Некрасов, «провозгласитель идей буржуазной революции в России» А.Н.Радищев, «литературный Колумб Руси» В.А.Жуковский, «выдающийся драматург» А.Н.Островский.

Актуализация литературных авторитетов XIX века происходила в газете с помощью привлечения реально существующих мест памяти тех или иных писателей. Например, в путевом очерке 1938 года «По лермонтовским местам» автор делился с читателями впечатлениями от посещения Пятигорска и музея поэта.

Вдохновленный музеями в Ясной Поляне, Таганроге, Воронеже, профессор Пермского университета А.М.Путинцев в 1937 году написал статью, в которой предложил организовать в городе литературный музей: «с Пермью связана литературная деятельность ряда писателей – Ф.М.Решетникова, Д.Н.Мамина-Сибиряка, В.Г.Короленко и др.»; такой музей может «помогать творческой литературной работе начинающим литературным работникам». Позже в 1938 году в газете была опубликована статья В.А.Поссе, касающаяся пребывания В.Г.Короленко в Перми и возможности создания его музея.

Нечасто встречаются в «Звезде» 1930-х годов упоминания о зарубежных писателях: об их общественной, а не литературной жизни (чаще всего имеющей какое-то отношение к России) повествовали информационные заметки. Зарубежные писатели становились литературными авторитетами, если их деятельность (как общественная, так и литературная) позволяла журналисту сделать вывод о ее качественной идейной направленности. Например, 25 августа 1932 года в газете была опубликована телеграмма советской делегации, адресованная участникам антивоенного конгресса в Брюсселе Анри Барбюсу и Ромену Ролану. Поездки зарубеж-

ных писателей в Москву – Анри Барбюса в 1932 году, Ромена Роллана в 1935 году, Андре Жида в 1936 году – также нашли отражение в газете. Иногда можно встретить и библиографические заметки о выходе книг современных зарубежных авторов, «друзей советской страны», при условии, что события, описываемые ими, интерпретированы в духе борьбы с эксплуатацией капиталистов, нацизмом, фашизмом и т.д. Например, в заметке о выходе книги Л. Муссинака «Запрещенная демонстрация» положительная оценка романа аргументирована его темой: «роман знакомит читателя со сравнительно недавним прошлым <...> отклики во Франции на казнь Сакко и Ванцетти – двух дружественных борцов пролетариата» [Путинцев 1936: 4]. Иногда в сообщениях встречается минимальная оценка творчества писателя: «Арагон Луи – французский писатель, который известен своей поэмой «Красный фронт», написанной в СССР в 1930 году. Поэма, резко осужденная французской буржуазией, получила всемирную известность» [С. 1932: 4]. Если же речь шла о произведениях классиков зарубежной литературы, например, в театральные рецензиях, то авторы старались объяснить читателям их выбор: «Коварство и любовь» является самым юношеским и самым революционным произведением великого немецкого поэта и драматурга Фридриха Шиллера <...> особенно сильно проникнуто революционно-романтическим пафосом борьбы против деспотизма и феодального строя» [Коварство и любовь 1936: 3].

Итак, в позиционировании литературных авторитетов 1930-х годов преобладали политические критерии при выборе и оценке фактов биографии и литературной деятельности писателей. Изменяется и система жанров газетной литературной критики. Практически исчезает жанр литературного обзора и литературно-критической статьи, нечасто встречается и жанр развернутой рецензии, зато возрождается жанр юбилейного очерка. Из новых жанров можно выделить речь писателя и письмо – комментарий того или иного события жизни молодой России.

Библиографический список

- Великанов Б. Наш Островский: (К постановке пьесы «Лес» // Звезда. 1938. 12 июля. № 160. С.4.
- Демина Е.Г. Образ врага в советской литературной критике 1920-30-х гг. // Культура народов Причерноморья. 2005. № 74, Т. 2. С. 146–151.
- Кондаков И.В. «Басня так сказать» или «Смерть автора» в литературе сталинской эпохи // Вопросы литературы. 2006. № 1. С. 223–275.
- Кормилов С.И., Скороспелова Е.Б. Литературная критика в России XX века (после 1917 г.). М.: Диалог-МГУ, 1996. 64 с.
- Круглова М. У В.В.Каменского в Троице // Звезда. 1937. 18 апр. (N 91). С. 3
- Новиков В. Литературные медиаперсоны XX века: Личность писателя в литературном процессе и в медийном пространстве. М.: Аспект-пресс, 2017. 240 с.

О перестройке литературно-художественных организаций // Звезда. 1932. 17 мая. № 107. С. 3

Путинцев А.М. Лео Муссиак. Запрещенная демонстрация // Звезда. 1936. 6 мая. № 13. С.4. (Библиография)

С. В Пермь прибывает бригада иностранных писателей // Звезда. 1932. 26 авг.(№ 188). С. 4.

Сеанкова Л.П. Особенности методологических подходов в критике // Вестник БДУ. Серия 4. 2008. №1. С.66–69.

T.N. Masaltseva

Associate Professor of Journalism and Mass Communications Department
Perm State University

LITERARY AUTHORITIES OF REGIONAL NEWSPAPERS 1930: AKORDING MATERIALS OF THE PERM NEWSPAPER "STAR"

The article deals with the peculiarities of the choice and positioning of literary mediapersons in the regional newspaper of the 1930s, the technology of creating the image of the literary authority and its use in the structure of the cultural myth that is formed in the information space of the new state-the country of the Soviets. The process of inclusion of XIX century writers in the social system of values is also considered.

Key words: Regional newspaper, newspaper literary criticism, literary celebrities of the 1930-s.

Мусина Эльза Юлдузовна
магистрант филологического факультета
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
elsa.musina@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ НЕВЕРБАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ТЕОДОРА КУРЕНТЗИСА ВО ВРЕМЯ ТЕЛЕИНТЕРВЬЮ

Статья посвящена анализу невербального поведения Теодора Курентзиса во время телевизионных интервью. Исследуется характер выбранных им невербальных средств общения при взаимодействии с интервьюером: поза, мимика, взгляд, жесты.

Ключевые слова: невербальные средства общения, телевидение, язык жестов, мимика, интервью.

Специфика телевизионной речи основывается на особом соотношении текста, звука и видеоряда. Рассматривая невербальное поведение респондента, мы обращаемся к невербальной семиотике. Эта наука включает в себя ряд отдельных дисциплин, тесно связанных между собой. Исследователь Н. В. Вакурова выделяет следующие коммуникативные компоненты невербальной речи: кинесику, проксемику, паралингвистику и окулесику [Вакурова 1997]. Г.Е. Крейдлин предлагает также ввести в этот ряд системологию – науку о системах объектов, каковыми люди окружают себя, о функциях и смыслах, которые эти объекты выражают в процессе коммуникации. Исследователь относит сюда язык украшений и язык одежды [Крейдлин 2002: 22]. Целью нашего исследования стал анализ невербального поведения во время видеointerview Теодора Курентзиса – всемирно известного дирижера, художественного руководителя Пермского театра оперы и балета.

В данном исследовании мы хотели бы подробнее остановиться на паралингвистике – науке о звуковых кодах невербальной коммуникации; кинесике – науке о жестах, жестовых движениях; окулесике – науке о языке глаз и визуальном поведении во время общения и системологии – которая включает в себя внешний вид человека.

Фернандо Пайотас в качестве одной из основных паралингвистических категорий называет параметры звучания. Это не упорядоченные в систему основные составляющие человеческой речи и неречевых звуков, выполняющих коммуникативную или эмотивную функцию [Там же: 29]. К параметрам звучания относятся, например, градации интенсивности звуков, длительность пауз, темп, ритм, высота тона и др.

Голосовое поведение человека – это не только адресованное собеседнику повествование человека о себе самом, о том, в каком состоянии он сейчас находится, но и направленная адресату просьба или команда, в которой говорящий сообщает о том, как он хочет, чтобы его воспринимали [Там же: 41]. Сам Курентзис объясняет свое звучание (тихое, медленное) профессиональными особенностями коммуникации: *«У меня стресс всегда, когда я слышу свой голос. Очень большие расстояния, и я должен без микрофона общаться (с оркестрантами) и начинаю громко говорить, а вся моя выразительность – она меняется от громкости. Поэтому я предпочитаю мало интенсивности, когда говорю. Вот такая художественная причина»* (из встречи Теодора Курентзиса и Леонида Десятникова со зрителями от 13 ноября 2017 г.). Звучание голоса определяется также и национально-этнической принадлежностью дирижера. Теодор Курентзис, хотя и прожил в России 25 лет, говорит с заметным акцентом.

Теодору Курентзису свойственен медленный темп речи. Такой темп речи исследователи объясняют социальными причинами: у людей руководящих должностей темп речи обычно медленнее, чем у собеседников [Там же: 31]. Причина смены темпа, как правило, связана с форматом передачи. Так произошло в передаче «Худсовет» канала «Культура» (21 марта 2014 года), когда из-за сжатого времени и многочисленных склеек интервью получилось рваным, ответы короткими и обрывочными.

Теодор Курентзис активно использует игру голосом. В передаче «На ночь глядя» от 8 декабря 2016 года, изображая солидного маэстро, он акцентированно меняет голос на более низкий и поднимает голову вверх, показывая человека, смотрящего на всех сверху вниз.

Если говорить о жестикуляции, то ее можно назвать иллюстрирующей, т.е. дублирующей вербальную информацию. Можно предположить, что активное использование мимики во многом связано с иностранным происхождением Курентзиса, который приехал в России, не владея русским языком. Особенно заметно использование мимической речи в передачах десятилетней давности и современных интервью на английском.

Опираясь на классификацию А.К.Михальской, можно выделить четыре основные коммуникативные стратегии Теодора Курентзиса: 1) стратегия агрессии (использовал в общении с журналистами более десяти лет назад, на данный момент от стратегии отказался); 2) стратегия отстранения; 3) стратегия близости; 4) стратегия сотрудничества.

В зависимости от коммуникативной стратегии происходит выбор жестов и мимики. Ярким примером использования стратегии агрессии является выпуск передачи «Детали» (2006): ведущая Тина Канделаки попросила Курентзиса не убивать её взглядом. Интересно наблюдение С.Николаевича, сделанное им через десять лет после выхода этой переда-

чи: *«Теодор был идеальной кандидатурой для глянцевых разворотов и обложек. Он раздражал, возбуждал любопытство и интерес. Теперь я понимаю, что весь самотиар, который ему так часто вменяли в вину, был в каком-то смысле детской наивной самозащитой от взрослого, холодного и враждебного мира, не спешившего его полюбить и принять»* [Николаевич 2016: 78].

Неосознанные жесты Теодора Курентзиса в ранних интервью говорят о том, что общение с журналистами давалось ему очень непросто. Сам он как-то сказал: *«Если бы я мог создавать музыку, не появляясь на публике, это был бы верх совершенства. Я социофоб <...>»* [Brembeck 2017]. В последнее время, на волне роста популярности как в России, так и в мире, Курентзис все увереннее держится перед камерами и общается с журналистами. Так, например, он выглядит в программе Первого канала «На ночь глядя» (от 8 декабря 2016 года). Ведущие программы Берман и Жандарев, обостряя общение, попытались использовать стратегию манипулирования, Курентзис же придерживался стратегии отстранения и ухода от конфликта. Не реагируя на манипуляции Бермана и Жандарева, он использовал открытые жесты, прямой взгляд, улыбку, тихую и размеренную речь.

Теодор Курентзис выработал комплекс располагающих к себе жестов, поз и мимики. Среди наиболее частотных: наклон корпуса к собеседнику; наклон головы в сторону; искренняя улыбка; открытые жесты.

Мари Гринде Арнтцен в своей книге «Дресс-код. Голая правда о моде» говорит о том, что неординарный, запоминающийся образ способен стать важным инструментом продвижения в музыкальном мире [Арнтцен 2017: 14]. Образ Курентзиса запоминается и порождает множество эмблематичных сравнений: черный принц («Сноб», Vogue), демонический грек («НТВ»), черный король, гамлетовский образ (musicseasons.ru), рок-звезда («Ведомости», «Собака.ru»). Практически всегда в черном: косуха, обтягивающие джинсы, царухи и нашумевшие на весь мир красные шнурки. Конечно, Курентзис появляется на публике не только в черном, но во время интервью он, как правило, одет именно так. Сам Курентзис говорит о своем облике: *«Внешние эффекты очень поверхностны. Честно говоря, мне все равно, как вы меня называете и с кем сравниваете. Я Теодор»* [Raphael 2017].

При анализе жанра телевизионного, и в целом журналистского интервью, исследователи чаще всего рассматривают коммуникативные стратегии интервьюера. В то же самое время не менее важно исследование речевого и неречевого поведения респондента. Анализ как содержательного, так и произносительного аспекта речи интервьюируемого, в совокупности с невербальными средствами общения, дает более реалистичную картину речевого взаимодействия в целом. Невербальное поведение респондента

способствует реализации выбранной им стратегии. Говоря медленно и тихо, используя интонационные паузы, Теодор Курентзис делает так, что журналисту невольно приходится прислушиваться и задавать не заготовленные вопросы, а строить разговор в предложенных дирижером обстоятельствах. Вследствие этого интервью Теодора Курентзиса порой перетекают в монолог, но чаще всего это именно разговор двух собеседников, т.е. жанр интервью таким образом трансформируется в жанр беседы.

Библиографический список

Артцлер М. Дресс-код. Голая правда о моде. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2017. 164 с.

Вакурова Н.В. Типология жанров современной экранной продукции: Учебное пособие / Н.В. Вакурова, Л.И. Московкин. М.: Ин-т современного искусства, 1997. URL: http://evartist.narod.ru/text3/08.htm#%D0%B7_05 (дата обращения: 01.02.2018).

Егорова Э.Н. Речевая агрессия и стратегия дискредитации (на примере анализа газетных публикаций) // Язык и текст. 2015. Том 2. № 3. С. 69–75.

Крейдлини Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 592 с.

Михальская А. К. Риторика и речевое поведение в массовой коммуникации: опыт обобщающей модели // Проблемы речевой коммуникации: Межвузовский сборник научных трудов. Вып.3. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003. С. 167–185.

Николаевич С. Надежды, страсти и мечты Теодора Курентзиса // Сноб. 2016. № 06 (90). С. 69-83.

Теодор Курентзис и Леонид Десятников. Встреча со зрителями. URL: https://www.youtube.com/watch?v=vVo7LDGr7_I (дата обращения: 03.02.2018).

Raphael T.P. INTERVIEW MIT TEODOR CURRENTZIS // Concerti. 2017. 25 august. URL: <http://www.concerti.de/interviews/der-dirigent-teodor-currentzis-im-interview/> (дата обращения: 26.02.2018).

Brembeck V. R. J. Das ist sehr sadistisch // Sueddeutsche Zeitung. – 2017. – 16 March. URL: <http://www.sueddeutsche.de/kultur/klassik-das-ist-sehr-sadistisch-1.3422918> (дата обращения: 01.04.2018).

E. Y. Musina

Master Student of Philological Faculty
Perm State University

PARTICULAR QUALITIES OF NON-VERBAL COMMUNICATION OF TEODOR CURRENTZIS DURING A TV INTERVIEW

The article deals with non-verbal communication of Teodor Currentzis that he shows in a television interview. It is spoken in detail about nonverbal means that he choose in his communication with interviewer: poses, facial expressions, gestures.

Key words: Non-verbal communication, television, gestures, facial expressions, interview.

Оносова Кристина Олеговна
магистрант филологического факультета
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
christinaonosova@gmail.com

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ КИНО В СИСТЕМЕ МЕДИАОБРАЗОВАНИЯ НА УРАЛЕ (опыт профессиональной подготовки студентов-журналистов в Перми и Екатеринбурге)

В данной статье освещены способы использования документального кино как медиаобразовательного инструмента для профессиональной подготовки студентов, обучающихся по направлению «Журналистика».

Ключевые слова: документальное кино, медиаобразование, медиакультура, журналистика.

О проблемах медиаобразования давно говорили Ю. Усов, С. Пензин, А. Федоров, К. Разлогов, Н. Кириллова, М. Мясникова¹ и другие исследователи, однако в последние годы данный вопрос обрел особую актуальность: в современном мире, где поток информации постоянно претерпевает смысловые искажения, остро ощущается необходимость развития критического мышления массовой аудитории. Это важно в ситуации информационных войн, политической пропаганды и повсеместной коммерческой рекламы, которые пронизывают сегодняшнее медийное пространство. Умение «расшифровывать» информацию нужно развивать в первую очередь людям, которые с ней работают, – начинающим журналистам.

Технологии медиаобразования изучаются комплексно такими дисциплинами, как педагогика, искусствоведение и медиакommunikация. Наше исследование находится на пересечении этих смежных областей, поэтому необходимо привлечь и обобщить опыт исследователей, рассматривающих документальное кино с точки зрения потенциала для образовательных целей.

Важным для осмысления выбранной темы является понятие медиакультуры, которое Н. Кириллова определяет как «совокупность информационно-коммуникативных средств, <...> способствующих формированию общественного сознания и социализации личности» [Кириллова 2008: 18]. В соответствии с идеями, предложенными исследователем, можно выделить следующие элементы медиакультуры: 1) культура производства и передачи информации; 2) культура восприятия, отражающая уровень понимания и критического осмысления.

В результате того что информационное сообщение кодируется не всегда очевидными знаками, неподготовленная аудитория зачастую не в силах распознать их и верно интерпретировать. Медиаобразование призвано обучить восприятию информации, транслируемой через средства массовой коммуникации [Мясникова 2015: 7].

Аудиовизуальные СМК, в частности кино, пользуются наибольшей популярностью в виду своей широкой доступности [Темлякова, Немченко 2012: эл. ресурс]. Но, по мнению М. Мясниковой, восприятие экранной культуры у русскоязычной аудитории недостаточно глубоко. Причину исследователь видит в превалировании вербального над визуальным в культуре восприятия. Аудитория привыкла оценивать все с точки зрения языка – зафиксированного и расшифрованного символа, а не зыбких подсознательных ассоциаций, которые порождают изображение и звук [Мясникова 2015: 11]. Это вызывает проблемы в понимании кинотекста.

Однако визуальный язык отличается от вербального своей универсальностью. «Кадр <...> может выполнять функции иконического, символического, речевого знака, не будучи тождественен ни одному из них» [Кириллова 2013: 127]. Он обладает нейтральным образным содержанием, что позволяет использовать его в искусстве, науке, медиаобразовании. Кинотекст сравним со спонтанным жизненным опытом, комплексно воздействующим на зрителя на рациональном, подсознательном, чувственно-эмоциональном уровнях [Гашева 2017: 32].

В эпоху активно развивающихся трендов на конвергентность и мультимедийность профессиональное журналистское образование тоже стремится преодолеть свой филологический характер и расширить образовательный инструментарий [Мясникова 2014: 117]. Оно часто обращается к приемам художественного и документального кинематографа.

Медиаобразовательные технологии активно применяются в учебных целях в Перми и Екатеринбурге, где существуют площадки для живого кинопроцесса: международный фестиваль «Флаэртиана», включающий в себя не только показ конкурсных фильмов, но и киношколу «Flahertiana Workshop» и конкурс кинопрограмм «ВУЗ-Флаэртиана», открытый фестиваль документального кино «Россия» и международный фестиваль-практикум киношкол «Кинопроба». Рассмотрим подробнее, как на базе этих кинофестивалей реализуется опыт профессиональной подготовки студентов-журналистов.

По мнению исследователей А. Сидякиной и М. Мясниковой, медиаобразовательную деятельность в рамках выше перечисленных проектов можно разделить на три направления: арт-журналистика, PR и культурный менеджмент, режиссура документального кино.

Ярким примером арт-журналистской практики является активное участие студентов кафедры журналистики и массовых коммуникаций Пермского государственного национального исследовательского университета в конкурсе документальных программ «ВУЗ-Флаэртиана». Здесь аудитория может посмотреть и обсудить фильмы, затрагивающие как общие социальные, национальные, гендерные вопросы («Корыто, лыжи, велосипед»), так и те, которые касаются сугубо журналистской деятельности («Скоро на «Первом»») [Корыто, лыжи, велосипед 2013; Скоро на Первом 2016]. Своими впечатлениями и размышлениями студентам предлагается поделиться в творческих работах в рамках изучения соответствующих дисциплин с возможностью дальнейшей публикации лучших материалов в университетской прессе и на интернет-ресурсах «Пермской синемаатеки» [Сидякина 2017: 222].

Помимо получения опыта написания критических журналистских текстов о фильмах программ «ВУЗ-Флаэртианы» и основного конкурса, у студентов есть возможность попробовать себя в качестве автора кинопрограммы и модератора дискуссии. Полученный опыт публичного выступления и общения с аудиторией может быть полезен в профессиональной деятельности. По словам Р. Корнеева, главного редактора интернет-издания Kinokadr.ru, успеха в области журналистики добьются те, кто сможет совместить академические знания с умением взаимодействовать с читателем, слушателем или зрителем [Корнеев 2012: 8].

Работа над созданием собственной программы дает возможность проявить навыки в сфере PR и культурного менеджмента, поскольку участники конкурса «ВУЗ-Флаэртиана» самостоятельно создают анонсы и пишут материалы для прессы и ведут рекламную кампанию, активно общаясь с аудиторией в социальных сетях («ВКонтакте», «Фейсбук», «Инстаграм», «Твиттер»). «Опираясь на опыт участия в конкурсе, мы можем отметить, что проект «ВУЗ-Флаэртиана» соединяет в себе новейшие тренды журналистики и журналистского образования. Во-первых, участник проекта в процессе реализации своей программы получает навыки работы с различными видами СМИ. Ведь нужно не только выработать концепцию, подобрать фильмы и составить программу, но еще и обеспечить присутствие на показах аудитории – дать объявления и анонсы для радио и ТВ, написать материалы в газеты, устроить рекламную кампанию в Интернете – в социальных сетях, блог-платформах и т. д. Для привлечения зрителей автор программы пишет информационное сообщение на радио ПГНИУ, объявление для сайта университета, составляет текст для рекламно-информационных постеров и листовок» [Сидякина 2017: 222].

Руководство фестиваля «Флаэртиана» открыто для сотрудничества со студентами-журналистами, предлагая волонтерскую практику в подго-

товительной и организационной работе: наполнению контентом сайта и социальных сетей и общению с участниками, членами жюри и гостями фестиваля.

Аналогично работают со студентами кинофорум «Россия» и фестиваль-практикум «Кинопроба», работу которых освещают учащиеся факультета журналистики Уральского федерального университета имени первого Президента РФ Б.Н. Ельцина и специальности «Журналистика в области культуры» Екатеринбургской академии современного искусства. Студентам предлагается участие в организации фестиваля, создании пресс-релизов и информационных и критических материалов для городских СМИ. «Студенческие материалы могут публиковаться не только в местных изданиях, но и в выпускаемых на фестивалях пресс-релизах и газетах, пользующихся популярностью у конкурсантов и зрителей. В них размещаются рецензии, интервью со знаменитостями, зрительские мнения, разнообразная информация о событиях фестивалей – круглых столах, мастер-классах, пресс-конференциях, заседаниях пресс-клубов и других мероприятиях» [Мясникова 2014: 121]. Студенты, участвующие в показах кинофестиваля «Россия», учатся понимать драматургию, приемы визуального выражения и тематическую остроту документального кино, что дает возможность обмена опытом во время стажировок на «Флаэртиане». [Мясникова 2013: 52–54]

Большинство студентов-журналистов участвуют в жизни кинофестивалей в Перми и Екатеринбурге в качестве зрителей, обозревателей, волонтеров. И выше перечисленные площадки, и другие, подобные им, не только показывают тематическое разнообразие фильмов, но и наглядно учат языку визуального выражения. По этой причине особенного внимания стоит тот факт, что серьезно увлекшиеся документальным кино студенты начинают работать в полнометражных телевизионных форматах или вовсе меняют сферу профессиональной деятельности, пробуя себя в кинорежиссуре. Среди обучавшихся на факультете журналистики УрФУ (в прошлом УрГУ) – уже состоявшиеся в режиссерском деле Евгений Григорьев, Андрей Титов, Светлана Быченко, Никита Сутырин и Юлия Киселева. К примеру, Григорьев, в студенческие годы работавший на местном телевидении и в 2001 году получивший приз «За лучший дебют» XII фестиваля «Россия» за фильм «Леха online», сегодня является успешным режиссером и продюсером. В 2017 году в рамках специального показа «Флаэртианы» он представил новый фильм «Про рок» и провел мастер-класс «Будни документалиста» [Про рок 2017] [Flahertiana workshop: Будни документалиста 2017].

В сфере документалистики пробуют себя и студенты кафедры журналистики ПГНИУ, которые обучаются съемочному процессу как по

принципам создания телефильма, так и фестивального кино. По этой причине их работы находятся между «режиссерскими» и «телевизионными». Формат фильмов также меняется с течением времени. Работы студентов, снятые за 2010–2015 годы, можно назвать наиболее близкими к «флаэртиановским». Визуальный язык, который выбирает режиссер, диктует герой и ситуация, в которой он находится: если Нина Исмагилова в социальной драме «ПоТемки» (2010) реализует западную модель режиссуры документального кино, придерживаясь принципа объективной камеры, то Алена Пермякова («Человек – добрый четверг», 2014), знакомя зрителя с представителем культуры стрит-арта, использует более изобретательные приемы съемки и монтажа. Первый фильм получил диплом победителя конкурса «Флаэртиана online», и оба были включены в программу «Свое лицо» «ВУЗ-Флаэртиана 2014». Работы 2016 – 2017 годов можно назвать проблемными репортажами, поскольку их центром стали не конкретные люди, а события, институции или социальные явления. Яркими примерами являются фильмы «Собачья жизнь» (2016) Марии Порфирьевой, «Пермский ипподром: эпилог» (2017) Ксении Малышевой и «PERMM 2.0» (2017) Кристины Оносовой. В этих работах прослеживается тенденция к журналистскому взгляду на объективность – желанию представить несколько точек зрения на проблему и дать право голоса всем участникам конфликта [Оносова, Сидякина 2017: 108–110] Именно за попытку непредвзято отразить «болевые точки» культурной жизни Перми «PERMM 2.0» был включен в программу фестиваля короткометражных документальных фильмов «Я здесь живу», проходившего в рамках Международного Медиа-форума молодых журналистов Евразии «Диалог культур» в Санкт-Петербурге в 2017 году.

В целом благодаря медиаобразованию средствами кинодокументалистики пермские и екатеринбургские студенты, обучающиеся по направлению «Журналистика», могут развить навыки в области медиакультуры (научиться понимать и критиковать медийные тексты; создавать арт-журналистские материалы и проводить PR-кампании; режиссировать собственные короткометражные документальные работы), а также получить коммуникационный опыт – пообщаться с представителями кинообщества и зрительской аудиторией.

Библиографический список

Кириллова Н. Б. Медиакультура: теория, история, практика: Учебное пособие. М.: Академический Проект; Культура, 2008. 496 с.

Кириллова Н. Б. Эволюция медиакультуры как знаковой системы и её роль в социализации личности // *Magister Dixit*. 2013. №2. С. 120–128.

Коммуникационные тренды в эпоху постграмотности: полилингвизм и поликультурность / [под ред. М. О. Гузиковой, М. Ю. Гудовой]; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. 236 с.

Корнеев Р. Кинокритики с торрентов // Искусство кино. 2012. № 11. С. 5–8.

Корыто, лыжи, велосипед // Сайт МКФ «Флаэртиана». URL: <http://www.flahertiana.ru/program/film.htm?id=41> (дата обращения: 29.03.2018).

Мясникова М. А. Практика профессионального медиаобразования: [учеб. пособие]; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. 180 с.

Мясникова М. А. Практическая подготовка арт-журналистов в рамках профессионального медиаобразования // Педагогическое образование в России. 2014. №12. С. 117-121.

Мясникова М. А. Эстетическое воспитание студентов в рамках медиаобразовательной практики на ежегодном фестивале документального кино «Россия» // Вестник ЧелГУ. 2013. №22 (313). С. 51–55.

Оносова К. О., Сидякина А. А. Студенческое документальное кино: между «режиссерским» и «телевизионным» (из опыта производства документальных фильмов студентами-журналистами ПГНИУ) // Журналистика и массовая коммуникация в XXI веке. Пермь, 2017. С. 105–112.

Про рок // Сайт МКФ «Флаэртиана». URL: http://www.flahertiana.ru/program/film.htm?id=1362&program_id=295 (дата обращения: 29.03.2018).

Сидякина А. А. Проект «ВУЗ-Флаэртиана» как инструмент формирования профессиональных компетенций (из опыта работы со студентами-журналистами ПГНИУ) // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2017. №4 (26). С. 220–225.

Скоро на «Первом» // Сайт МКФ «Флаэртиана». URL: <http://www.flahertiana.ru/program/film.htm?id=1175> (дата обращения: 29.03.2018).

Темлякова А. С., Немченко Л. М. Роль кинематографа в формировании ценностных ориентиров молодежи // Организация работы с молодежью. 2012. № 9; URL: www.es.rae.ru/ovv/204-885 (дата обращения: 29.03.2018).

Flahertiana workshop: Будни документалиста // Сайт МКФ «Флаэртиана». URL: <http://www.flahertiana.ru/program/events.htm?id=285> (дата обращения: 29.03.2018).

К. О. Onosova

Master Student of Philological Faculty

Perm State University

**DOCUMENTARY CINEMA IN THE MEDIA EDUCATION SYSTEM
IN THE URALS (experience of professional training
of journalism students in Perm and Ekaterinburg)**

This article describes the ways of using documentary as a media educational tool for the professional training of students studying at the Departments of Journalism.

Key words: documentary, media education, media culture, journalism.

Пустовалов Алексей Васильевич
доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
theyareeverywhere@gmail.com

«ПЕРМСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ» В СТРУКТУРЕ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ГИПЕРТЕКСТА

В данной работе исследуется место газеты «Пермский университет» в структуре филологического гипертекста (совокупности литературных, журналистских, научных и пр. текстов, созданных филологами Пермского университета). В этом контексте рассматриваются фигуры редакторов и сотрудников газеты, являющихся выпускниками филологического факультета нашего вуза.

Ключевые слова: гипертекст, филологический гипертекст, газета «Пермский университет», редакторы, ответственные секретари.

Цель данной статьи – обозначить место газеты «Пермский университет» в структуре филологического гипертекста. В нашем исследовании мы характеризовали гипертекст (сверхтекст) филологического факультета Пермского университета с двух сторон:

1. Тексты, созданные писателями, журналистами, учёными филологического направления (историко-филологического и филологического факультетов) университета и осознаваемые ими и их читателями как таковые. То есть сами творцы этих литературных, журналистских и научных произведений, а также их читатели помнят о том, что эти тексты создавались их авторами как представителями филологического (историко-филологического) факультета. И здесь мы имеем дело с особой совокупностью текстов, связанных друг с другом, порой цитирующих друг друга, – текстами филологического факультета, которую и сами их создатели, и её «потребители» воспринимают как некую наиндивидуальную, целостную данность – гипертекст [Руднёв 1997: 69], или сверхтекст [Бычков 2003: 133] (в данном случае – в лингвокультурологическом понимании термина) филологов Пермского университета.

2. Тексты филологов университета, опубликованные в интернете и искусственно (посредством гиперссылок) связанные между собой. К ним мы относим статьи об учёных, писателях, журналистах и пр. – представителях филологического (историко-филологического) факультета в Википедии, книги об истории факультета, страницы кафедр и персональные страницы учёных на сайте университета, художественные и научные про-

изведения представителей факультета, опубликованные в интернете (и связанные гиперссылками со страницами факультета, его кафедр, с персональными страницами и т. д.).

В этом смысле мы представляем тексты филфака и тексты о филфаке Пермского университета как единый, скрепленный гиперссылками интернет-текст, из любой точки которого можно было бы перейти в любую другую по гиперссылкам (см. подробнее: [Пустовалов 2017: 144–151]).

Таким образом, тексты филологов университета сегодня – это гипертекст и в понятии лингвокультурологическом, и в терминах современных интернет-коммуникаций.

В этом же смысле мы можем представить тексты газеты «Пермский университет» – центрального издания вуза с 1948 года (в 2018 году она будет праздновать свой 70-летний юбилей). С одной стороны, газета – это единая совокупность текстов, причастность к которой ощущают её авторы, с другой – это выложенные в интернете версии отдельных номеров, часть которых публиковалась сразу же как веб-версия печатного издания, другая часть – распознанные сканы тех номеров, которые не могли быть опубликованы в интернете (на данный момент – номера 1990-х и 1960-х годов). У редакторов и сотрудников газеты мы берём интервью, которые публикуются на сайте университета – с гиперссылками на конкретные номера и публикации, упоминаемые ими, и т. д.

Зачастую сегодня учёный или практик-гуманитарий в своей работе так или иначе имеет дело со сферой цифровой гуманитаристики, т.е. с использованием информационных технологий для образовательных, научных, историко-культурных целей. И исследовательская работа с газетой «Пермский университет» – один из примеров работы в этой новой парадигме.

Работая в архиве университета, перелистывая номер за номером подшивки газеты, мы ставили перед собой вполне традиционную историко-культурную, краеведческую задачу: выявление хронологии следования руководителей газеты (с попутным приблизительным определением вклада каждого из них). А результаты этой работы мы публиковали в интернете – в создаваемой в Википедии статье о газете «Пермский университет».

Сама по себе фиксация и публикация на популярнейшей интернет-платформе ключевых для газеты имён являлась как раз неким актом в парадигме цифровой гуманитаристики, побуждающим превращать каждое из них из простого сочетания букв в гиперссылку – на создаваемую тут же, в Википедии, статью о найденной и зафиксированной в данной роли персоне.

Что получалось? Редакторы (ответственные секретари) газеты – плеяда блестящих, интересных не только в масштабах университета, Урала,

но и всей страны имён! На новоязе Википедии это называется *викизначимость*: то есть персоне по масштабу своей деятельности заслуживает публикации в энциклопедии.

Начали мы с самых ранних руководителей газеты. Таким образом, в Википедии были созданы (в некоторых случаях – переосмыслены) – с подробным подкреплением и ссылками на интернет-источники по биографиям и научному творчеству – статьи о следующих персонах:

- Вячеслав Иванович Мочалов – секретарь Пермского горкома, Сахалинского и Мурманского обкомов КПСС; в 1948 году – секретарь партбюро Молотовского университета, по инициативе которого была организована газета.

Статьи о редакторах (ответственных секретарях) – в порядке хронологии:

- Юрий Михайлович Матарзин – зав. кафедрой гидрологии суши Пермского университета (1974–1997), заслуженный деятель науки и техники РСФСР, член РАЕН, академик РЭА, академик Международной академии наук Высшей школы.

- Александр Михайлович Овёнов – ботаник, первый из защитивших докторскую диссертацию в стенах Пермского университета.

- Евгений Иванович Коваленко – основатель и заведующий кафедрой гражданского права, дважды декан юридического факультета, один из крупнейших в стране специалистов по колхозному праву.

- Владислав Владимирович Мухин – дважды декан исторического факультета университета, председатель Пермского городского совета Всероссийского общества охраны и использования памятников истории и культуры.

- Игорь Севастьянович Капцугович – также дважды декан исторического факультета университета, ректор пединститута, один из крупнейших историков Урала.

- Владимир Антонович Оборин – заведующий кафедрой истории СССР досоветского периода Пермского университета (1973–1995), руководитель Камской археологической экспедиции, председатель президиума Пермского областного совета Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры (см. соотв. статьи в Википедии).

Каждое из этих имён для нас было маленьким открытием; а введение их в Википедию – маленькой победой для университета и истории российской науки в целом.

А затем – следуя по хронологии редакторов (ответственных секретарей), мы сделали несколько маленьких открытий (или откровений), значимых для филологического факультета университета.

Во-первых, оказалось, что редактором газеты была Римма Васильевна Комина – известный советский филолог, одна из ключевых фигур в культурной жизни Перми, а в масштабах университета – дважды заведующая кафедрой русской литературы, декан филологического факультета. Как выяснилось, под её руководством в годы её редакторства был опубликован литературный сборник «Студенческая весна», состоящий из стихов и очерков авторов газеты «Пермский университет». Римма Васильевна была известна как человек, поощрявший, вдохновлявший на творческую деятельность молодые таланты, и этот факт – лишнее тому подтверждение.

Редактором газеты была и Франциска Леонтьевна Скитова – крупный уральский диалектолог, главный редактор Акчимского словаря. Этот факт, будучи обнаруженным, стал последним доводом в пользу того, чтобы статья о ней также появилась в Википедии.

Ответственным секретарём газеты являлась и Нина Фёдоровна Аверина, получившая позже известность как исследователь пермской книги, воссоздавшей её репертуар за два столетия. Для нас это стало поводом для контакта с ней, проживающей ныне в свои 82 года в Австралии. Несколько интервью по скайпу и оживлённая переписка дали достаточно материала, чтобы найти доказательства викизначимости коллеги-филолога и создать о ней статью в Википедии. Н. Ф. Аверина стала для газеты ключевой фигурой ещё в одном плане: если до неё редакторами назывались кураторы от парторганизации университета, а тяжесть организационно-издательской и журналистской работы была на ответственном секретаре – главном лице в газете, то после неё должность ответственного секретаря была упразднена, а главным в газете, ответственным за сбор материала и его публикацию, стал именно редактор.

Ещё одно большое открытие (включающее в себя ряд маленьких) – подавляющее большинство руководителей газеты, начиная с конца 1950-х годов, было именно филологами – выпускниками нашего факультета! Восстановленная нами линия редакторов включает такие имена:

- Галина Георгиевна Воронцова (1958–1964),
- Нина Фёдоровна Аверина (1964–1966),
- Игорь Николаевич Ивакин (1967–1968),
- Викторина Владимировна Куликова (1970–1982),
- Константин Эдуардович Шумов (1982–1987),
- Нина Станиславна Бочкарёва (1987–1990),
- Ирина Анатольевна Соловейчик (1994–1997),
- Татьяна Александровна Абасова (1997–2014),
- Данил Леонидович Постаногов (2014–2016),

- Алексей Сергеевич Трапезников (2016 – по настоящее время).

Из этого правила было лишь два «гуманитарных» исключения – длиной в два и три года соответственно: редакторы-историки Анатолий Иванович Коробков (1968–1970) и Пётр Николаевич Козьма (1990–1993).

Эти вышеприведённые 10 имён, плюс два редактора-филолога в качестве кураторов от парткома (Р. В. Комина и Ф. Л. Скитова) стали новыми звеньями в филологическом гипертексте (инкорпорированном, в данном случае, в общий гипертекст университета, связанный с его газетой). В согласии с новой гуманитарно-цифровой традицией мы постарались сделать эти звенья материально выраженными – в виде интернет-публикаций, ссылающихся друг на друга, а также на материалы газеты.

К данному моменту у редакторов взят ряд интервью, которые были опубликованы в виде мультимедийных материалов на сайте университета:

- Галина Воронцова (1958–1964): «У меня был очень хороший актив!»

- Нина Аверина (1964–1966): «Хочешь поработать ответственным секретарем университетской многотиражки?»

- Посмертно был опубликован отрывок о работе в газете из мемуаров Игоря Ивакина «Я хотел сменить канцелярское название "Пермского университета", или Лучшая вузовская многотиражка».

- Викторина Куликова (1970–1982): «Крепче поставь паруса!»

- Константин Шумов (1982–1986): «Под флагом "ПУ"»

- Ирина Соловейчик (1994–1996) «Мы были дружны и очень много смеялись», или Самый высокий уровень студенческой многотиражки».

- Татьяна Абасова (1997–2014): «"Пермский университет" всегда была лучшей вузовской газетой Перми».

- Опубликовано одно «нефилологическое» интервью – Пётра Козьмы (1990–1993): «Спасти газету – удержать традицию!» – с несколькими гиперотсылками к текстам филологов – коллег по газете (Т. Абасовой, К. Шумова, И. Соловейчик).

Кроме того, в юбилейной рубрике газеты были представлены публикации о работе её сотрудников-филологов: большой иллюстрированный материал журналиста, писателя, главного редактора Пермского книжного издательства Альмиры Зебзеевой, развёрнутое мультимедийное интервью с писателем, драматургом, почётным профессором Пермского университета Анатолием Королёвым (содержащее его фотографии, рисунки, статьи, рисованный фильм «Сотворение университета» и пр.), материал «Р. В., газета и мы с Володей» писателя, журналиста писателя и журналиста Бориса Гашева, переопубликованный и иллюстрированный посмертно.

Как можно увидеть, деятельность редакторов-филологов была важнейшей на протяжении большей части (60 лет из 70) её существования! Филологический гипертекст с конца 1950-х годов структурирует газету: редакторы, отбирая в газету сотрудников и тексты, так или иначе сообразуясь со своим вкусом, внесли значимый вклад в одно из важнейших направлений развития университета. (Интересно, что уступая место на ключевых руководящих должностях университета представителям естественных и иных наук, филологи, тем не менее, из года в год показывали зримые результаты в сфере близкой и естественной для них). Несомненно, материалом дальнейших исследований должны стать журналистские и литературные произведения других представителей филологического факультета: Алексея Домнина, Андрея Ромашова, Льва Давыдычева, Владимира Радкевича, Бэлы Зиф, Игоря Кондакова, Нины Горлановой и др.

Библиографический список

Бычков В. В. Гипертекст // Лексикон неклассики / под ред. В. В. Бычкова. М.: РОССПЭН, 2003. С. 132–133.

Руднёв В. П. Гипертекст // Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1997. 384 с.

Пустовалов А. В. Понятие и структура филологического гипертекста Пермского университета // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Том 9. Выпуск 1(35). С. 144–151.

Газете – 70 лет! // Газета «Пермский университет». ПГНИУ. URL: <http://www.psu.ru/universitetskaya-zhizn/universitetskie-smi/gazeta-permskij-universitet/gazete-70-let> (дата обращения: 22.03.2018).

A.V. Pustovalov

Associate Professor of Journalism and Mass Communications Department
Perm State University

«PERM UNIVERSITY» IN THE STRUCTURE OF PHILOLOGICAL HYPERTEXT

In this paper we investigate the place of the newspaper "Perm University" in the structure of philological hypertext (a collection of literary, journalistic, scientific, etc. texts created by philologists of Perm University). In this context, the figures of the editors and contributors of the newspaper, who are graduates of the philological faculty of our university, are considered.

Key words: hypertext, philological hypertext, the newspaper "Perm University", editors, responsible secretaries.

Черепанова Лариса Львовна
доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
cherkaf@gmail.com

ВЛИЯНИЕ АУДИТОРНОГО ФАКТОРА НА МЕДАПРОСТРАНСТВО РАЙОНА

В статье рассматривается локальное медийное пространство и роль аудиторного фактора в его изменении; дана характеристика современному состоянию традиционной районной газеты и сообществам в социальных сетях, аудиторным предпочтениям; выявлены особенности коммуникации медиасубъектов с целевой аудиторией; предпринята попытка установить причины, влияющие на изменение предпочтений аудитории при выборе канала коммуникации, а также оценить степень реализации субъектами медиапространства консолидирующей функции в социуме района на материале Красновишерского района Пермского края.

Ключевые слова: медиапространство, локальная территория, районная газета, целевая аудитория, традиционные СМИ; социальные сети; коммуникация, информирование, социальный запрос, фактор.

Концепт «медиапространство» указывает на «необходимость его рассмотрения как саморазвивающейся системы, отражающей те же атрибуты, что имеются у социума» [Дзялошинский 2013: 31]. Предпосылки к этому заметил в начале 2000-х годов Е.П. Прохоров, когда писал о наработках к определению понятия «информационное пространство» [Прохоров 2001]. Обратим внимание на два из них: «во-первых, информационное пространство (ИП) – это некая территория, где действуют СМИ, располагающие информационными ресурсами, обращенными к наличной потенциальной аудитории; во-вторых, в ИП должны быть налажены некие устойчивые отношения между СМИ и «потребителями информации»; в то же время аудитория («потребители») СМИ имеет одинаковые возможности для контактов со СМИ в любой точке ИП, а информационные ресурсы доступны каждому гражданину» [Там же: 37]. Аудиорию Е.П. Прохоров характеризовал как активную, самостоятельно формирующую «свое отношение со СМИ “часть” журналистики как функционирующей системы» [Прохоров 2002: 276]. Совокупность указанных положений бесспорно определяет аудиторию как активного участника процессов, происходящих в медиапространстве, и актуализирует изучение последнего в связи с ролью аудиторного фактора в его развитии.

Локальное медиапространство (медиапространство района) ассоциировано с определенной территорией и находится в устойчивых отношениях с ее населением, являющимся не только целевой аудиторией, но и активным участником медиапроцессов, наравне с другими медиасубъектами (подробнее см., например, [Павлушкина 2014]) , среди которых старейшим является газета. Проблемы функционирования районной прессы в последнее время обсуждаются в связи с развитием информационных технологий и активным освоением их обществом. Представители более молодой части аудитории предпочитают для получения информации новые технологии, подтверждая тем самым отмеченную исследователями и практиками тенденцию в развитии СМИ и журналистики в целом: «аудитория уходит в социальные сети, традиционные СМИ теряют читателя, зрителя, слушателя» [Тулупов 2011: 102]. Немало способствует этому процессу и утрата интереса к информации, которую предлагает традиционная районная газета, поскольку изменившаяся целевая аудитория не получает ответов на свой социальный запрос: в районной газете значительную площадь – от нескольких материалов до нескольких полос – занимает официальная информация и информация о деятельности местной власти [Анонъян 2005: 49.]. Для удовлетворения информационных потребностей населения территории этого явно недостаточно, свой информационный голод аудитория удовлетворяет в сфере интернет-коммуникации.

Возникающие в социальных сетях сообщества «начинают играть значительную роль в жизни городских общин, выполняя функции, не свойственные районным СМИ. Это не столько собственно информирование, сколько провокация дискуссии, обратной связи, объединения активности горожан для совместного решения проблем. Эти форумы заполняют нишу, по большому счёту не занятую городскими властями и недостаточно востребованную городскими СМИ. Подобные ресурсы и традиционные СМИ работают в разных нишах и дополняют друг друга» [Пустовалов, Антипина 2016: 260]. Количество участников таких групп может составлять четверть и даже треть от всего населения города [Антипина, Пустовалов, 2017: 109].

Таким образом, районная газета, отвечавшая на информационные запросы населения локальной территории и существовавшая при активном участии местного сообщества, что в некоторой степени роднило ее с комьюнити-медиа, т.е. медиа, создаваемыми «общиной в общине для общины и об общине» [Пустовалов, Антипина 2016: 260], оказалась перед выбором: совершенствовать свои профессиональные навыки и изменять стратегии поведения на информационном поле либо потерять интерес со стороны своей аудитории, утратить значительную ее долю, особенно платеже- и трудоспособную ее часть.

Как показывают результаты исследования медиапространства районов Пермского края [Районные газеты... 2017], редакции стремятся соответствовать запросам современной аудитории и новым технологическим вызовам, предпринимают попытки вывести районную газету в интернет, но далеко не всем удается там удержаться: на созданные и поначалу успешно функционирующие сайты не хватает средств, нет квалифицированных специалистов. Таким образом, проблема качества информирования населения локальной территории требует разрешения.

Попытаемся выявить особенности влияния аудиторного фактора на положение традиционной районной газеты в локальном медиапространстве на примере Красновишерского района Пермского края, где выпускается единственная печатная общественно-политическая газета «Красная Вишера» (далее – «КВ»), активно используется эфирное, спутниковое и цифровое телевидение, интернет и радио. Помимо газеты-монополиста в местном медийном пространстве существуют интернет сообщества «Подслушано Красновишерск» (далее – «ПК») и «ТВОЯ Вишера» (далее – «ТВ»).

Потенциальная аудитория СМИ Красновишерского района проживает на территории площадью 15,4 тыс. кв. км, общая численность населения на 1 января 2015 года составляла 21 179 человек. Районная газета выходит один раз в неделю по средам, объем – 16 полос, формат А3, печатается офсетным способом, тираж в 2018 году – 3350 экземпляров. Интернет-присутствия газета не имеет.

Результаты анализа текстов газеты «КВ» показали, что редакция поддерживает традиции районной газеты и ориентирована на нужды населения района, в том числе специфические, локальные. В публикациях освещается жизнь района, есть обратная связь с аудиторией. Коммуникация газеты и аудитории строится по трем схемам. Сравним несколько примеров из текстов газеты «Красная Вишера» [«Красная Вишера», 30 марта 2016 г.; 13 апреля 2016 г.; 3 февраля 2016 г.; 24 февраля 2016 г.].

а) газета – читатель; информационный повод – проблемная ситуация. Рубрика «Требует решения». *«Им все равно, что будет после них» (о лесозаготовителях, оставляющих опил и горбыль на льду реки Вишера); Рубрика «Фотофакт». Сезон открыт? (о бесхозном горбыле, вплотную сваленном к стене жилого дома);*

б) читатель – газета – читатель; информационный повод – жалоба (вопрос, мнение) читателя. Рубрика «Читатель негодует». *Приходите и подождите... В редакцию газеты «Красная Вишера» обратилась Мария Судницына с жалобой на неудобный график работы СТО «Пермэнерго-сбыт»; Рубрика «Фотофакт». О плесени в библиотеке № 21. Просьба биб-*

лиотекарей обратить внимание на то, что страдают не только люди, но и книги;

в) читатель – газета – официальное лицо – читатель; информационный повод – вопрос *читателя*. Рубрика «Читатель обеспокоен». *Почему цены разные? На вопрос жителей пос. Цепел, касающийся разных цен в соседних населенных пунктах отвечает генеральный директор ООО «Верх-Язьвинская коопторг» А.Н. Кириленко; Рубрика «Безопасность». Тревожит свиной грипп. Люди спрашивают, каким образом в нашем городе организована работа по выявлению свиного гриппа. Отвечает главврач С.В. Попов.*

Заметим, что тематика выявленных проблемных публикаций не выходит за пределы социальной сферы. Публикации, выполненные по схемам б и в, в которых информационный повод создается на основе *запроса читателя*, заметно преобладают (в совокупности их 72% от общего числа выявленных за четыре месяца публикаций).

Итак, «Красная Вишера» как посредник между местной властью и населением сохраняет традиции районки советского периода, осознает профессиональную необходимость доверия аудитории, но использует для этого только традиционные для советских газет *приемы обратной связи*.

По сравнению с 2016 годом официальный тираж газеты упал почти на 1000 экземпляров (с 4100 до 3350). При этом количество подписчиков локальных интернет-сообществ, по данным на 1 мая 2018 года, выросло: «ТВОЯ Вишера» – 7 838 (в 2016 году – 6078); «Подслушано Красновишерск» – 13092 (в 2016 году – менее 7000). Очевидно, что население района гораздо охотнее выбирает интернет-каналы и выходит из состава целевой аудитории традиционного издания. Газета, в свою очередь, вынуждена реагировать снижением тиража, что, естественно, сужает объем участия СМИ в медиапространстве территории, постепенно утрачивает консолидирующую функцию, которую принимают на себя интернет-сообщества.

Попытаемся оценить с этой точки зрения роль интернет-сообществ, активно функционирующих в Красновишерском районе. Паблик «ТВОЯ Вишера» создан журналистом О. Н. Лоскутовой с целью рассказать жителям района о том, мимо чего они проходят каждый день [Районные газеты... 2017]. В составе аудитории преимущественно женщины, наиболее активный возраст – до 18 лет, от 35 до 45, и старше 45. Информация в паблике располагается по рубрикам, что обнаруживает его сходство со СМИ, текстовую информацию дополняет визуальный ряд. Каждый день в паблике начинается с приветствия «С добрым утром, Вишера!», заканчивается пожеланием «Добрых снов, Вишера». Содержание составляют посты на тему культуры, спорта, краеведения, афиша мероприятий.

Основные коммуникативные схемы в текстах паблика отчасти схожи с выявленными в газете: а) интернет-сообщество (газета) – подписчик (читатель), но две других схемы отражают новую стратегию для медиaproстранства района: б) подписчик (читатель) – интернет-сообщество – подписчик (читатель); в) подписчик (читатель) – подписчик (читатель). Как видим, в паблике «ТВ» информационный повод (коммуникативный повод) также предоставляет преимущественно читатель (подписчик), но при коммуникации выстраивается более короткая, чем в газете, дистанция с аудиторией (участниками), общение имеет более личный, персонафицированный характер, паблик используется также как платформа для взаимодействия подписчиков. Очевидно и то, что общность интереса к своему району и возможность оперативного общения объединяет членов группы, обеспечивает группе популярность у населения Красновишерского района. Все это, а также наличие признаков СМИ, придает группе «ТВОЯ Вишера» черты комьюнити-медиа.

Второе интернет-сообщество «Подслушано Красновишерск» создано ученицей средней школы г. Красновишерска А. Сюсюкиной после отказа администратора сообщества «ТВОЯ Вишера» изменить содержание уже готовой группы по подобию известного ВКонтакте паблика «Подслушано». Предполагалось, что участники паблика на условиях анонимности будут присылать интересные жизненные истории, однако сформировалось другое направление: в группу «Подслушано Красновишерск» подписчики присылают поздравления, рекламу, фотографии города, делятся новостями и обсуждают проблемы района. По словам администратора, помимо информационного бюро и рекламного агентства, это еще и «желтая сплетница» [Районные газеты... 2017]. В группе применяется модерирование во исполнение закона: не публикуются угрозы или прямые оскорбления, посты содержащие элементы насилия, порнографии, экстремизма, но нет речевых ограничений, допускается выяснение отношений между подписчиками, не исключая взаимных оскорблений. Все «обсуждения» паблика (животные, работа, куплю/продам, жилье, платная реклама) востребованы жителями города и района.

Паблик чрезвычайно активен и имеет в два раза больше подписчиков, чем «ТВОЯ Вишера», в его текстах преобладают ярко выраженные коммуникативные интенции: люди ищут попутчиков, работу, спрашивают адреса, обсуждают бытовые и районные проблемы, поздравляют друг друга с праздниками, интересуются друг у друга режимом работы той или иной организации, оперативно узнают все последние новости города и делятся своим мнением. Поиск товара/услуги, обсуждение проблем в жизни города – наиболее частотные темы обсуждения.

В большинстве случаев аудитория обращается в «ПК» для оперативного получения ответов на свои вопросы либо отклика на предложение, просьбу. В текстах публика выявлены две коммуникативные схемы: б) подписчик (читатель) – интернет-сообщество – подписчик (читатель); в) подписчик (читатель) – подписчик (читатель). Схема а) *интернет-сообщество (газета) – подписчик (читатель)* отсутствует, поскольку публик прежде всего выполняет функцию коммуникативной платформы. Очевидно, что и это сообщество решает задачи аудитории и потому отвечает ее интересам. Однако у него отсутствуют признаки СМИ и более того – осознанно нарушаются этические нормы. На наш взгляд, это не позволяет применить к группе «Подслушано Красновишерск» термин *комьюнити-медиа*, корректнее определить его как *коммуникативное интернет-сообщество*, или *комьюнити*.

Оба интернет-сообщества, таким образом, возникли под воздействием аудиторного фактора. Они имеют признаки комьюнити, выполняют в обществе консолидирующую функцию, в основе которой – возможность компенсировать недостаточность информации, поступающей от официального СМИ (районной газеты). Проигрывая интернет-сообществам в оперативности, технологических приемах и, судя по коммуникативным моделям и количеству «мигрировавших» читателей, в доверии аудитории, традиционная газета теряет позиции в системе медиасубъектов, еще больше изменяя медиaprостранство района. Влияние аудиторного фактора в современном медиaprостранстве реализуется через потребность аудитории включиться в производство информации.

Библиографический список

Анонян М. В. Региональные СМИ и освещение деятельности местных органов власти // Журналистика в 2004 году. СМИ в многополярном мире. М.: Фак. журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2005. Ч. 1. С. 49.

Антипина З. С., Пустовалов А. В. Комьюнити-медиа Пермского края: «общинной, для общины, об общине» // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи. Пермь, 2017. С. 105–112.

Дзялошинский И. М. Медиаобразование: работа с текстами или умение ориентироваться в медиaprостранстве? // Медиаобразование 2013. М., 2013. С. 28–47.

Павлушкина Н.А. Аудиторный фактор развития периодической печати. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, Ин-т «Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций», 2014. 239 с.

Прохоров Е.П. Введение в теорию журналистики. М.: РИП-холдинг, 2002. 322 с.

Прохоров Е. П. Журналистика и демократия. М.: Аспект Пресс, 2004. 352 с.

Пустовалов А. В., Антипина З. С. Комьюнити-медиа Пермского края: «общинной, для общины, об общине» // Информационное поле современной России: практики и эффекты. Казань, 2016. С. 260–264.

L.L. Cherepanova

Associate Professor of Journalism and Mass Communications Department
Perm State University

INFLUENCE OF THE AUDITING FACTOR ON THE MEDIA SPACE OF THE DISTRICT

The paper considers the local media space and the role of the audience in changing the space. The current state of the traditional regional newspaper and communities in social networks are characterized in the communicative aspect. The audience's preferences and peculiarities of communication between media and the target audience are revealed. Also an attempt was made to clarify reasons for switching audience's preferences while choosing a communication channel. The media function to consolidate the community was evaluated and described on the basis of the media in Krasnovishersky District of the Perm Region.

Key words: media space, local area, district newspaper, target audience, traditional media; social networks; communication, information, social inquiry, factor.

Бакланова Ирина Ивановна
заведующий кафедрой русского языка
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
ii-baklanova@mail.ru

ДИАЛОГИЧНОСТЬ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ОБРАЗОВ КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕТЕЙ (на материале текста рассказа И.С. Тургенева «Бежин луг»)

В статье проанализированы средства выражения диалогичности в тексте рассказа И.С. Тургенева «Бежин луг». Выявлены особенности этих средств; показано разнообразие проявлений диалогичности в тексте, способствующее более глубокому осмыслению произведения: крестьянские дети, имея мифологическое мировоззрение, органично включены в мир живой природы.

Ключевые слова: диалогичность; средства выражения диалогичности; диалектная речь; образ крестьянских детей; И.С. Тургенев.

Текст рассказа И.С. Тургенева «Бежин луг» изучен литературоведами в разных аспектах. В данной статье мы проанализируем этот текст с лингвистической точки зрения: рассмотрим средства диалогичности, использованные в рассказе, и выявим их роль в формировании обобщенного образа крестьянских детей.

Изучением категории диалогичности речи занимались многие исследователи. В функциональном плане она изучена на примере письменных текстов, в частности, текстов научного и публицистического стилей [Кожина 1981; Дускаева 2006, 2012; Мишланов, Салимовский 2010; Данилевская 2012 и др.]. Л.Р. Дускаева в качестве ведущих средств выражения диалогичности называет прямую и косвенную речь (цитацию); вводные слова, словосочетания и предложения, передающие источник сообщения; ссылки, сноски, вопросно-ответные комплексы [Дускаева 2006: 134].

Выбор текста И.С. Тургенева «Бежин луг» для данного исследования неслучаен. В произведении описаны крестьянские дети, речь которых является диалектной. Таким образом, средства диалогичности будут рассмотрены на примере текста художественного стиля, в котором огромный пласт составляют разговорные диалектные фрагменты.

В центре повествования оказываются мальчики – дети крестьян: Ильюша, Павлуша, Костя, Федя (сын богатого крестьянина) и Ваня. В ночное время на берегу реки они пасли лошадей, выполняя не детскую работу, которая, однако, воспринималась как «большой праздник для крестьянских мальчиков».

Хотя повествование в «Бежином луге» ведется от лица рассказчика-путешественника, в центре событий оказываются именно крестьянские дети. Мальчики вступают в многочисленные диалоги: диалог с путешественником, оказавшимся случайно в их окружении; диалоги с нечистой силой; диалоги с природой; диалоги между собой.

Рассмотрим проявление диалогичности по этим направлениям сюжета.

Диалоги путешественника с мальчиками И.С. Тургенев не разворачивает, ограничивается фразами: *«Я сказал мальчикам, что заблудился, и подсел к ним. Они спросили, откуда я, помолчали, посторонились. Мы немного поговорили»*. Здесь же покажем «разговор» путешественника с природой: *«Что за притча?.. Да где же я?»* И далее снова риторический вопрос: *«Да где же я?»* Диалогичность представлена риторическими вопросами, т.е. вопросами без ответов. Несмотря на то, что путешественник – это барин, живущий в этих местах, у барина нет связи с природой.

Ярче всего средства диалогичности представлены в рассказах детей о нечистой силе. Надо сказать, что нечистая сила в тексте И.С. Тургенева – это домовый, водяной, леший, русалка, покойники. Говоря о нечистой силе, И.С. Тургенев использует неопределенные, указательные или личные местоимения 3 лица. В рассказе о встрече с домовым на старой рольне мы читаем: *кто-то* над головами заходил, *доски под ним* так и гнутся, *ступеньки под ним* так и стонут, как закашляет, как заперхает, словно овца какая; подошел *тот* к нашей двери, подождал, подождал – дверь вдруг вся так и распахнулась.

На протяжении действия рассказа мальчики неоднократно обращаются к историям о нечистой силе. Больше всех знает об этом Илья: он рассказывает о домовом на старой рольне; о покойнике-утопленнике, похороненном на плотине; о том, что старый покойный барин на Варнавицах ходит время от времени и ищет разрыв-траву. Ильюша знает, что леший немой, что покойников можно во всякое время увидеть. Другой мальчик, Костя, рассказал о встрече слободского плотника Гаврилы с русалкой.

Ключевая фигура среди крестьянских детей – Павлуша. Он отличается от всех своей зрелостью, знаниями особенностей природы. Павлуша тоже вступает в разговор о нечистой силе, говорит о предвиденье небесном – солнечном затмении; о Тришке – удивительном человеке, который придет, когда «наступят последние времена»; Павлуша услышит голос

утопленника Васи. Но именно Павлуша более всех разбирается в местной природе, потому что определяет причину ночных пугающих звуков, именно он переключает внимание ребят, говорит, что так кричат цапли, пересвистывают кулички, всплескивает в воде щука. Именно Павлуша скачет в ночь, в полную темноту, реагируя на лай взволнованных собак, именно он идет к воде тогда, когда всем страшно.

Проанализируем средства выражения диалогичности в рассказах о нечистой силе. Отметим, что разнообразие средств диалогичности связано с пересказом этих историй.

Ведущим средством диалогичности выступает прямая речь: 1) *Вот, на днях, зовет приказчик псаря Ермила; говорит: «Ступай, мол, Ермил, на пошту»... Вот и думает Ермил: «Сем возьму его [барашка], – что ему так пропадать», да и слез, и взял его на руки... 2) вот пошел я мимо этого бучила, братцы мои. И вдруг из того-то бучила как застонет кто-то, да так жалостливо, жалостливо: у-у... у-у... у-у!*

Активно используется косвенная речь: 1) *Вот мы остались и лежим все вместе, и зачал Авдюшка говорить, что, мол, ребята, ну, как домовой придет?..; 2) И Гаврила баил, что голосок, мол, у ней такой тоненький, жалобный, как у жабы; 3) Барин-то наш, хоша и толковал нам напередки, что, дескать, будет вам предвиденье, а как стемнело, сам, говорят, так перетрусился, что на-поди.*

Прямое включение речи обеспечивает непосредственное участие говорящего в рассказываемом сюжете: 1) *Но потом смотрит баба идет. Она взглядываться, взглядываться, – ах ты, господи! – сама идет по дороге, сама Ульяна; 2) Жутко ему стало, Ермилу-то псарю: что, мол, не помню я, чтобы этак бараны кому в глаза смотрели; однако ничего; стал он его этак по шерсти гладить, – говорит: «Бяша, бяша!»*

В качестве вводных конструкций используют следующие слова и сочетания слов: *мол* (10 единиц), *говорят* (5), *говорит* (6), *вишь* (3), *знаешь*, *смотри*, *глядь* (2), *дескать*, *послушайте-ка*, *знать*, *слышь*, *слухи ходили*, *говорили старики*, *тятенька говорил*. Эти единицы типичны для разговорной речи.

Классификация вводных конструкций по семантике показывает следующее:

1) указывает на источник сообщения: 1) *Пошел он раз, тятенька говорил, – пошел он, братцы мои, в лес по орехи...; 2) Варнавицы?.. Еще бы! Еще какое нечистое [место]! Там не раз, говорят, старого барина видали – покойного барина. Ходит, говорят, в кафтане долгополом и все это этак охает, чего-то на земле ищет;*

2) употреблено для установления контакта: 1) *А на дворовой избе баба-стряпуха, так та, как только затемнело, слышь, взяла ухватом все*

горшки перебила в печи: «Кому теперь есть, говорит, наступило светопреставление»; 2) *А у нас, вы знаете, место видное, привольное*; 3) *Не бранись: смотри, услышит, – заметил Илья*. 4) *Вдруг, глядь, у одного чана форма зашевелилась...* 5) *...послушайте-ка, намеднись что тятя мне рассказывал*.

3) употреблено для заполнения паузы: *Но а говорят, прежде красавица была. Водяной ее испортил. Знать, не ожидал, что ее скоро вытащут*.

В одном эпизоде нередко соединяются разные средства передачи чужой речи (прямая и косвенная речь, вводные слова): 1) *Его раз дедушка Трофимыч повстречал: «Что, мол, батюшка, Иван Иваныч, изволишь искать на земле?» – Разрыв травы, говорит, ищут. Да так глухо говорит, глухо: – Разрыв травы? – Давит, говорит, могила, давит, Трофимыч: вон хочется, вон... 2) ... Назаров, надсмотрщик, запретил говорит: «Что, мол, вам, ребятам, домой таскаться; завтра работы много, так вы, ребятки, домой не ходите»*.

Прямая речь переходит в косвенную, а потом опять в прямую.

Эти примеры являются ярким подтверждением слов Л.П. Якубинского: «В отличие от монолога, диалогическое общение подразумевает высказывание «сразу» и даже «лишь бы», «как попало»; только в некоторых особых случаях, которые признаются нами как особые, мы констатируем при диалоге обдумывание...» [Якубинский 1986: 35-36].

Материал показывает, что, говоря о тайном, сверхъестественном, сакральном, люди нередко ссылаются на чужой опыт, более того, часто они обращаются к воспоминаниям, полученным от неопределенного лица. Крестьянские мальчики в своих рассказах ссылаются на опыт людей из их ближайшего окружения. Это *Ермила, Назаров, Гаврила, Авдюшка, дедушка Трофимыч, барин, тятя, мужик*. Названные люди одновременно и герои историй, и рассказчики этих историй. Такой круг общения говорит о замкнутости жизни крестьян, но в то же время расширяет наше представление о крестьянских детях: они перенимают тот образ жизни, который характерен для взрослых.

Можно говорить еще и о том, что крестьянские дети на Бежином лугу общаются и со светлыми, божественными силами.

Светлые силы – это природа, живая (голубок) и неживая: 1) *«А ты его видал, лешего-то, что ли? – Нет, не видал и сохрани меня бог его видеть...»*; 2) *Гляньте-ка, гляньте-ка, ребятки, раздался вдруг детский голос Вани, – гляньте на божьи звездочки, что пчелки роятся!* 3) *С нами крестная сила!* – шепнул Илья. [Тургенев 1985: 69]

Диалоги между мальчиками – это вопросно-ответные единства:

1) – **Что там? что такое?** – спросили мальчики. – **Ничего,** – ответил Павел, махнув рукой на лошадь, – **так, что-то собаки зачуяли;**

2) **Костя вздрогнул. – Что такое? – Это цапля кричит,** – спокойно возразил Павел.

Разделение рассказа по названным сюжетным линиям весьма условно, так как текст – это целостное полотно. На протяжении всего рассказа, как нам кажется, идет противопоставление образа Павлуши и путешественника-барина. И происходит это исключительно в природе: собака барина устало смотрит на него и не желает искать дорогу домой – собака, стерегущая стадо, мчится в темноту вместе с Павлушей; от барина пугливо улетает птица – Павлуша может назвать крик любой птицы (*это цапля кричит, это кулички летят, посвистывают*); перед бариним стеной вставали кусты – Павлуше были открыты все просторы.

Подводя итог, отметим, что категория диалогичности в тексте проявляется по-разному. Наиболее показательны средства выражения диалогичности в рассказах мальчиков о нечистой силе. Мы видим полное сходство средств выражения диалогичности в диалектной речи и речи крестьянских детей: при передаче чужой речи говорящие не используют книжную лексику, лексически и синтаксически однообразно оформляют чужую речь [Бакланова 2013]. Это определяет народный характер крестьянских детей. Содержание диалогов, в центре которых оказываются мальчики, показывает их мифологическое мировоззрение, веру в колдунов, русалок, леших, с одной стороны, и веру в Бога, – с другой.

Анализ категории диалогичности помогает понять и место крестьянских детей в природе: барин, заблудившийся в «своих» местах – чужой, а дети – свои, близкие природе. Крестьянские дети неразрывно связаны с природой.

Считаем, что в тексте И.С. Тургенева диалогичность может рассматриваться как средство, способствующее пониманию смысловой нагрузки произведения. «Диалогичность – это выражение в речи взаимодействия двух или нескольких смысловых позиций, многоголосия общения с целью достижения эффективности коммуникации в той или иной сфере общения» [Дускаева 2012: 9]. Диалогичность текста «Бежин луг» отражает именно многоголосие, которое помогает читателю открыть образы крестьянских детей.

Библиографический список

Бакланова И.И. Средства выражения диалогичности в речи диалектоносителей (на материале русской речи жителей Коми-пермяцкого округа) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. Вып. 3 (23). С. 35-39.

Данилевская Н.В. Ослабление диалогичности как проявление кризиса массовой коммуникации // Электр. журнал Факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоно-

сова «Медиаскоп». Вып. №4, 2012. URL: <http://www.mediascope.ru/en/node/1239> (дата обращения: 03.05.18).

Дускаева Л.Р. Диалогичность речи // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта, Наука, 2006. С.45-53.

Дускаева Л.Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров / Под ред. М.Н. Кожинной. СПб.: СПбГУ: Филол. факультет, 2012. 274 с.

Кожина М.Н. Диалогичность письменной научной речи как проявление социальной сущности языка // Методика и лингвистика. М., 1981. С. 77–84.

Мишланов В.А., Салимовский В.А. Диалогичность церковно-религиозных текстов // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 6 (12). С. 24–29.

Тургенев И.С. Записки охотника. М.: Худ. литература, 1985. С. 58–72.

Якубинский Л.П. О диалогичности речи // Л.П. Якубинский. Избранные работы: Язык и его функционирование. М.: Наука, 1986. С. 17–58.

I.I. Baklanova

Head of Russian Language Department

Perm State Humanitarian-Pedagogical University

DIALOGUENESS AS MEANS OF THE IMAGES OF PEASANT CHILDREN CREATION (on the basis of I. S. Turgenev's text of 'Bezhin Meadow' story)

Means of dialoguiness expression in the text of I. S. Turgenev's story 'Bezhin Meadow' are analyzed in the article. These means peculiarities are revealed. Diversity of dialoguiness demonstration in the text contributing to deeper understanding of the work is shown: peasant children having mythological world view are seamlessly included into the world of wild life.

Key words: dialoguiness, means of dialoguiness expression, dialect speech, peasant children image, I.S. Turgenev.

Боброва Мария Владимировна
преподаватель Колледжа профессионального образования
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
bomaripgu@yandex.ru

ЛЕКСИКА ТЕМАТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «РАСТИТЕЛЬНЫЙ МИР» В СОВРЕМЕННЫХ ПРОЗВИЩАХ КОМИ-ПЕРМЯКОВ

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 18-012-00555 «Мир и человек в зеркале имен собственных (на материале
ономастики Пермского края)»*

В статье изучена лексика тематического поля «Растительный мир», мотивировавшая современные прозвища коми-пермяков – жителей Пермского края. Описаны формальные, семантические и мотивационные особенности вхождения данной лексики в указанные антропонимии.

Ключевые слова: коми-пермяцкая антропонимия, современные прозвища, Пермский край, растительный мир.

Коми-пермяков относят к малым народам России, однако они представляют одну из крупнейших языковых семей мира. С учетом того, что научные изыскания в области коми-пермяцкого языка и культуры проводятся с некоторым отставанием в сравнении с языками и культурами иных народов, это, полагаем, обеспечивает актуальность настоящего исследования. Можно указать несколько направлений, в которых преимущественно велась работа лингвистов: описание системно-языковых явлений, решение вопросов коми-пермяцкой диалектологии и (пока фрагментарно) вопросов этнолингвистики (см. труды таких ученых, как О.П. Аксёнова, Р.М. Баталова, Е.В. Ботева, Ф.А. Волегов, Е.С. Гуляев, Д.И. Гусев, Р.П. Дмитриева, П.С. Кузнецов, В.И. Лыткин, Ф. Любимов, Г.А. Нечаев, И.И. Майшев, Г.И. Немтинова, Л.Г. Пономарёва, О.А. Рагарина, Л.П. Ратегова, Н.А. Рогов, А.М. Спорова, А.Ф. Теплоухов, З.К. Тудвасева, Е.Н. Федосеева, Г. Чечулин, Л.Ф. Яркова, А.С. Кривощекова-Гантман, А.С. Лобанова, Л.В. Утева).

Коми-пермяцкой ономастикой целенаправленно занимался доцент Пермского пединститута А.С. Кривощекова-Гантман, которая изучала главным образом топонимию, а также фамилии коми-пермяцкого происхождения. Современная антропонимия (в том числе прозвища) коми-пермяков до сих пор почти не привлекала внимания лингвистов. Мы об-

наружили лишь отдельные наблюдения над ее функционированием в статьях доцента Пермского гуманитарно-педагогического университета А.С. Лобановой [Лобанова: эл. ресурс], в том числе в соавторстве со студентами [Лобанова, Нечаева 2014; Лобанова, Никонова 2004], в статье Т.Г. Голевой [Голева 2013], курсовой работе «Прозвища коми-пермяков, функционирующие на территории д. Мижуево Кудымкарского района (лексико-семантический аспект)» Л.Н. Нечаевой (Пермь, 2012), выполненной под руководством А.С. Лобановой, статье этой же студентки [Нечаева 2014], двух школьных рефератах: «Следы тотемизма в родовых названиях жителей коми-пермяцкой деревни Мысы» А.А. Златина (Жемчужный, 2012), выполненном под руководством учителя К.В. Златиной, и «Образование прозвищ и их влияние на жизнь человека» Я. Зотевой (Кочёво, 2010), выполненном под руководством учителя Ю.В. Зотевой.

В настоящей статье мы продолжили начатое нами изучение современных прозвищ коми-пермяков, проживающих на территории Пермского края (см. [Боброва 2015; Боброва 2017]).

Материалом для анализа послужили онимы, зафиксированные в период с 2001 г. по настоящее время в ходе диалектологических экспедиций в различные районы Коми-Пермяцкого округа (в том числе с участием автора публикации), а также в процессе сбора данных для проектируемого нами «Словаря современных прозвищ жителей Пермского края». Сведения получены различными методами: опрос, направленная беседа, анкетирование, непосредственное наблюдение, метод сплошной выборки (из печатных и рукописных источников). Привлекались антропонимы всех возрастных групп, в связи с чем материалы отражают антропонимикон, актуальный в последние полвека, но главным образом в последние 20 лет. Носители абсолютного большинства прозвищ – жители сельских населенных пунктов Коми-Пермяцкого округа, единичны именованья жителей Кудымкара (столицы округа), а также студентов, чьи прозвища возникли уже в краевом центре – Перми.

Всего к настоящему времени зафиксировано 372 прозвища коми-пермяков, что составляет около 8% от всего собранного в крае прозвищного материала. 150 (40%) из них возникли на базе коми-пермяцкого языка либо адаптированы к нему, 222 (59,7%) – на основе русского, 1 (0,3%) – на основе украинского. Коми-пермяцкие по происхождению прозвища строятся обычно в соответствии с нормами этого языка.

Обнаружено, что прозвища, мотивированные лексикой тематического поля «Растительный мир», представлены в собранных материалах крайне скудно, всего десятью наименованиями: *Арбуз Петь* ‘пр. человека с большим круглым животом’ (*Петь* из Петя, Пётр) (КПО), *Банан* ‘пр. высокого худого сутулого светловолосого мужчины’ (Коч.), *Вöру* ‘пр. мо-

лодого человека, отец которого имел очень некрасивую, отталкивающую внешность и носил прозвище *Каллян* (из *каллян* ‘бес, черт, всякая нечисть’¹), букв. ‘лесной’, ‘лесной маленький человечек’ (из *вөр* ‘лес’) (Коч.), *Гриб* ‘пр. мужчины; происхождение неясно’ (Коч.), *Көнтусь* ‘пр. мужчины маленького роста’ (из *көнтусь* ‘конопля’) (КПО), *Кушман* ‘пр. мужчины; происхождение неясно’ из *кушман* ‘редька’ (КПО), *Одуванчик* ‘пр. одинокого мужчины нетрадиционной сексуальной ориентации’ (Коч.), *Перец* ‘пр. молодого человека с высокой самооценкой’ (КПО), *Помидор* ‘пр. мужчины; происхождение неясно’ (Коч.), *Тополь* ‘пр. школьника по имени Толик (Анатолий)’ (Кудымкар), *Тишак* ‘пр. мужчины; происхождение неясно’ (из *тишак* ‘гриб’) (Коч.).

«Растительные» лексемы немногочисленны, а более точно, единичны. Омонимичные, т. е. принадлежащие разным людям, антропонимы не зафиксированы. В этом аспекте слова данной группы значительно уступают лексике иных тематических полей. Особенно ярко это заметно при сравнении с наполнением тематически близкого, также «природного» поля «Животный мир», представленного наименованиями млекопитающих (ср.: *Көин* ‘пр. мужчины, у которого всегда злое выражение лица’ (из *көин* ‘волк’) (Коч.), *Порсь* [порс’] ‘пр. полного мужчины’ (из *порсь* ‘свинья’) (Коч.), *Руч* ‘пр. хитрого мужчины’ (из *руч* ‘лиса’) (Коч.), *Тушканчик* ‘пр. девушки, которая очень громко говорит и отличается медлительностью’ (КПО) и др., всего 34 антропонима), птиц (ср.: *Чиж* ‘пр. рыжеволосого школьника’ (Кудымкар), *Жонь* ‘пр. молодого человека по имени Женя (Евгений)’ (из *жонь* ‘снегирь’) (Коч.), *Ауст* ‘пр. школьника по фамилии Аристов’ (КПО), *Уркай* ‘пр. молодого человека, который активно жестикулирует при разговоре’ (из *уркай* ‘клест’) (Коч.) и др., всего 13 антропонимов), рыб (ср.: *Карась* [карас’] ‘пр. мужчины, которому нравится на вкус рыба карась’ (Коч.), *Шаклей* ‘пр. мужчины; происхождение неясно’ (из *шаклей* ‘рыба уклейка’) (Коч.), *Жерех* ‘пр. располневшего молодого мужчины’ (Юсбв.) и др., всего 10 антропонимов), насекомых (ср.: *Майский Жук* ‘пр. мальчика, которому нравится ловить майских жуков и день рождения которого в мае’ (Коч.), *Короед* ‘пр. много читающего человека, который отличается стремлением доводить всё до конца’ (КПО), *Мошка* ‘пр. школьницы по фамилии Мошева’ (Карагай), *Гут Иван* ‘пр. неопрятного, нечистоплотного мужчины, рядом с которым всегда вьются мухи’ (из *гут* ‘муха’) (Коч.) и др., всего 9 антропонимов), микроорганизмов (ср.: *Инфузория-туфелька* ‘пр. учителя биологии’ (КПО), всего один антропоним), моллюсков (*Лёлё род* – коллективное (родовое) прозвище (Гайн.), всего один антропоним), наименованиями частей тела животных (ср.: *Көсгыж* ‘пр. молодого человека по имени Андрей’ (из *көсгыж* ‘сухой коготь’) (Коч.), *Пятак* ‘пр. мужчины, нос которого напоминает свиное рыло’

(Кос.) и др., всего четыре антропонима), звукоподражаниями (ср.: *Пики-вики* ‘пр. молодого человека, лицо которого напоминает мышиную мордочку’ (из *пики-вики* ‘подражание писку, повизгиванию, пиликанию’), всего один антропоним).

Всего прозвищ «животного» происхождения зафиксировано 73. И среди них, в отличие от «растительных», нередки омонимичные единицы: выявлено, например, два прозвища *Чехонь* (худого, очень подвижного молодого человека и рыбака, предпочитающего ловить рыбу чехонь), два – *Кöч* (одно – принадлежащее девушке с большими глазами, одно коллективное (родовое)), четыре прозвища *Ош* из *ош* ‘медведь’ (два неясного происхождения, одно – именование косолапого мужчины, который ест собак, и одно коллективное (родовое)).

Сравнение позволяет предположить, что «растительная» лексика обладает низкой лингвокультурологической маркированностью, т. к. в отличие от иных групп слов ею редко мотивируются новообразования.

Слова данной группы имеют различное происхождение. В именовании людей использована лексика собственно коми-пермяцкая (*вöр, кöнтусь, кушман, тиак*), собственно русская, а также русифицированная (*банан, гриб, одуванчик, перец, помидор, тополь*) и заимствованная из русского языка (*арбуз*; на характер заимствования указывает несвободное, в отличие от слов предыдущей группы, употребление – *Арбуз Петь*). В двух прозвищах использованы межъязыковые синонимы *гриб* и *тиак* ‘гриб’.

Одна лексема тематического поля «Растительный мир» (*вöр*) испытала в антропониме наращение ласкательного суффикса -у с образованием окказиональной единицы *вöру* с изменением семантики: ‘лес’ > ‘лесной человек (леший)’. Остальная лексика вошла в прозвища без изменений.

В отдельных онимах произошла метафоризация семантики производящих лексем (ср. *Арбуз Петь, Банан, Кöнтусь*).

Прозвище *Тополь* возникло на основе явления паронимии, т. е. фонетического сходства наименования дерева с именем номинированного лица (*Толик – тополь*).

Прозвище *Одуванчик* возникло предположительно под влиянием фразеологизма *божий одуванчик* ‘старый, дряхлый, тихий и беззащитный человек (чаще – о кроткой, безобидной старой женщине)’ [Мокиенко, Никитина 2007: 462] с актуализацией сем ‘тихий человек’ и ‘беззащитный человек’ в лексеме *одуванчик*. Ср. также жаргонизмы, отражающие процесс развития значения: *божий одуванчик* ‘смотрительница музея (обычно интеллигентная старушка)’, школьное ‘студент-практикант’ [Там же].

Взаимодействие с лексикой иных тематических групп и полей слабое. Один «растительный элемент» обнаруживается в тематической груп-

пе «Пища»: *Парёнка* ‘пр. женщины; происхождение неясно’ (из *парёнка* ‘пареная репа (брюква)’) (Коч.). Предполагаем, что лексема *перец* в прозвище была опосредована жаргонизмом, ср.: *перец* ‘классный парень’, ‘крутой парень’, *перцы* ‘те, кто претендует на крутизну, но, скорее, незаслуженно’ [Словарь...: эл. ресурс].

В выявленных номинациях использованы наименования плодов растений – ягод, овощей, корнеплодов (*арбуз, банан, кушман* ‘редька’, *перец, помидор*), общее название грибов (*гриб, тшак* ‘гриб’), наименования травянистых растений (*одуванчик, кёнтусь* ‘конопля’), наименование древесного растения (*тополь*), наименование группы растений (*вёр* ‘лес’). В качестве производящих отмечаются только имена существительные, слова иных частей речи, в том числе прилагательных или глаголов, отсутствуют. Все прозвища индивидуальные, отсутствуют коллективные (групповые, семейные, родовые) наименования.

Возможная причина данных фактов – предметность, конкретность мышления номинаторов. На это косвенно указывают также особенности мотивации наименований. Так, в антропонимах могут актуализироваться различные внешние признаки предметов, называемых мотивирующими лексемами: форма растений и их плодов (в прозвищах *Арбуз Петь, Банан*), их цвет (в прозвище *Банан*), их размер / длина (в прозвище *Кёнтусь*). Кроме того, «растительные» именованья могут рассматриваться как некий локус (в прозвище *Вёру*).

При этом мотивационной базой служат типичные для называемого растительного объекта признаки, в то время как в прозвищах таким образом указывается на аномальные, нестандартные особенности номинируемых лиц, выделяющие этих людей среди других. Такими, существенными, признаками для коми-пермяков оказываются особенности внешности, фигуры, телосложения, роста, поведения и социальных связей. Иными словами, через «растительную» лексику в данных антропонимах актуализируются физические и социально значимые свойства поименованных лиц. И это неспецифично для коми-пермяцких прозвищ, поскольку характерно также для прозвищ русских. Но в то же время это нехарактерно для некоторых иных народов, прозвищам которых нередко свойственна сдержанность отрицательных оценок (ср., например, в американской лингвокультуре по данным [Цепкова 2011]). В данном факте мы усматриваем результаты межкультурного взаимодействия русских и коми-пермяков.

Таким образом, лексика тематического поля «Растительный мир», представленная в современных прозвищах коми-пермяков в Пермском крае, малочисленна. Можно предположить, что данный фрагмент имеет малую значимость в языковой картине мира коми-пермяков. Указанная лексика используется для трансляции сведений о социально значимых

признаках номинируемых лиц – их физических и поведенческих особенностях. В прозвищах проявляются общие тенденции, региональная и национальная, главным образом языковая, специфика. В частности, изученные антропонимы отражают явление межкультурного и межъязыкового взаимодействия русских и коми-пермяков.

Примечание

¹ Семантика коми-пермяцких слов указывается в соответствии с данными словаря: Баталова Р.М., Кривошекова-Гантман А.С. Коми-пермяцко-русский словарь. М.: Рус. яз., 1985.

Сокращения

букв. – буквально

Гайн. – Гайнский район Коми-Пермяцкого округа

Кос. – Косинский район Коми-Пермяцкого округа

Коч. – Кочевский район Коми-Пермяцкого округа

КПО – Коми-Пермяцкий округ

пр. – прозвище

Юсьв. – Юсьвинский район Коми-Пермяцкого округа

Библиографический список

Боброва М.В. Оценочность в современных прозвищах коми-пермяков – жителей Пермского края // Слово и текст в культурном сознании эпохи. Сыктывкар, 2017. (В печати).

Боброва М.В. Современные прозвища коми-пермяков – жителей Пермского края // Коми-пермяцкий язык и культура: прошлое, настоящее, будущее: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 60-летию коми-пермяцко-русского отделения ПГГПУ (26–27 ноября 2015 г., г. Пермь). Сер. «Труды Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа». Вып. XII / отв. ред. Е.М. Гордеева; Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т. Пермь, 2015. С. 31–37.

Голева Т.Г. Энотерриториальная и этнокультурная идентичность коми-пермяков в прозвищных названиях групп // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII—XXI вв. Т. 2. Екатеринбург, 2013. С. 44–48.

Лобанова А.С. Этническая культура и культура коми-пермяков. URL: <http://komiperm.ru/library/Etnicheskaja-kultura-i-jazyk-komi-permjakov> (дата обращения: 12.05.2018 г.).

Лобанова А.С., Нечаева Н.А. Собственные имена коми-пермяков: этнолингвистический аспект // Актуальные проблемы диалектологии языков и народов России: мат-лы XIV Всерос. науч. конф. (Уфа, 20–22 ноября 2014 г.). Уфа, 2014. С. 164–166.

Лобанова А.С., Никонова М.Н. О вариантах функционирования личных имен в коми-пермяцком языке // Этническая культура и современная школа: мат-лы областной науч.-практ. конф. (22–23 апреля 2003 г., Кудымкар). Вып. 1. Пермь, 2004. С. 195–199.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007.

Нечаева Л.Н. Собственные имена коми-пермяков в современных условиях. Вариативный и семантический аспект // Филология в зоне актуальности: вызовы времени: сб. ст. по мат-лам всерос. науч. конф. молодых ученых; г. Пермь, 1–2 апреля 2014 г. / Ред. кол.: М.П. Абашева и др.; Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т. Пермь, 2014. С. 156–159.

Словарь молодежного сленга. URL: <http://diclist.ru/slovar/molodezhnogo-slenga/p/perets.html> (дата обращения: 13.05.2018 г.).

Цепкова А.В. Национально-культурная специфика прозвищ (на материале современного англоязычного интернет-дискурса): дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2011. 209 с.

M.V. Bobrova

Teacher of College of Professional Education

Perm State University

LEXICON OF THE THEMATIC FIELDS «PLANT WORLD» IN THE MODERN NICKNAMES OF THE KOMI-PERMYAKS

The article is about the lexicon of the thematic field «Plant world», which motivated the modern nicknames of Komi-Permyaks – residents of Perm Krai. The formal, semantic and motivational features of the occurrence of the words in these anthroponyms are described.

Key words: Komi-Permyak anthroponymy, modern nicknames, Perm Krai, plant world.

Гранова Мария Андреевна
аспирант кафедры теоретического и прикладного языкознания
Пермский государственный
национальный исследовательский университет;
преподаватель Института перевода
Шаньдунский университет
(филиал г. Вэйхай, провинция Шаньдун, КНР)
marjanaandreeva@mail.ru

ЕСТЬ ЛИ ДОМ У ЛЕШЕГО?

(на материале русских мифологических текстов Пермского края)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проекты № 18-312-00140 «Разработка принципов представления мифологической лексики в электронном словаре (на материале мифологических текстов Пермского края)»

Статья посвящена рассмотрению зафиксированных на территории Пермского края народных представлений о местах обитания лешего и сопоставлению этих представлений с общеславянскими. В качестве материалов, описывающих пермскую традицию, взяты тексты, находящиеся фольклорном и диалектологическом архивах ПГНИУ и в сборниках сказочной прозы Пермского края. В качестве материалов, представляющих славянскую традицию, использованы данные словаря «Славянские древности». Проведенное исследование позволило установить, что ряд представлений, зафиксированных в Пермском крае, является отражением общеславянских верований (так, славянский (и пермский) леший живет в *лесу*, может появляться в *поле*, на *покосе*, на *болотине*, на *перекрестке* дорог, а также имеет «любимые» лесные *тропы*; он нередко заходит в *охотничьи избышки*). К специфическим пермским мотивам можно отнести представления о наличии у лешего трехстенной избы, а также о том, что леший приходит в дом к деревенским специалистам (охотникам, пастухам) и гостит у них (более типичным для общеславянской традиции является поход деревенского специалиста в лес и заключение магического договора с духом-«хозяином» на его территории).

Ключевые слова: славянская демонология, леший, дом, Пермский край.

Народные демонологические представления в настоящее время активно исследуются российскими и зарубежными фольклористами и этнолингвистами. Большое внимание уделяется и мифологической традиции Пермского края. Во-первых, пермские ученые ведут активную полевую работу, в ходе которой собрано огромное количество материала, описывающего народную демонологию этой территории. Часть этих материалов опубликована в виде сборников сказочной прозы (см., например, список

источников настоящего исследования), другая часть находится в различных диалектологических и фольклорных архивах. Во-вторых, осуществляется лексикографирование мифологической лексики, собранной в регионе. Так, пермскими учеными И.И. Русиновой, А.В. Черных, К.Э. Шумовым разрабатывается этнодиалектный «Словарь мифологических рассказов Пермского края». В настоящее время готовится к публикации первый том этого словаря, посвященный людям со сверхъестественными свойствами. На базе компьютерных технологий автором настоящей статьи создается электронный «Словарь мифологических рассказов Пермского края». В-третьих, ведется изучение собранного материала с позиций этнолингвистического (рассмотрение лексики) и фольклористического (например, составление сюжетно-мотивных указателей, рассмотрение демонологических персонажей и т.д.) подходов (см., например, работы И.И. Русиновой, С.Ю. Королёвой, А.В. Черных, И.А. Подюкова).

В настоящей статье будут рассмотрены народные представления о лешем, существующие на территории Пермского края. В качестве материала для исследования мы используем мифологическую лексику русских говоров региона, которая была извлечена нами из текстов, находящихся в фольклорном архиве при кафедре русской литературы и в архиве лаборатории региональной лексикологии и лексикографии при кафедре теоретического и прикладного языкознания ПГНИУ [Материалы], а также из мифологических рассказов, опубликованных в различных сборниках неслучайной прозы Пермского края. Целью статьи является рассмотрение представлений жителей региона о местах обитания (и появления) лешего, а также сопоставление этих представлений с общеславянскими. Для этого пермские материалы будут сопоставлены с данными этнолингвистического словаря «Славянские древности» [СД].

Леший – «в мифологии восточных славян хозяин леса, покровитель лесных зверей и птиц» [Левкиевская 2004: 104], поэтому вполне естественно, что в пермских материалах в качестве «дома» лешего часто упоминается лес: *В лесу лесной живёт* (Меча Кишерт.) [Материалы]; *Кто-то поехал в лес по дрова. Ну и видели лесную бабу. Будто сидит она, волосы чешет и ревет* (Девяткино Сив.) [там же]; *Леший в лесу живёт, это дьявол лесной* (Б. Долды Черд.) [Шумов 1991].

По общеславянским представлениям, «местом обитания лешего является весь лес, однако его излюбленные места – коряги, пни, вывернутые с корнем деревья» [Левкиевская 2004: 105]. Так, в жители Пермского края часто описывают лешего сидящим на пне: ... *на этой Серёней реке бабу увидели. Она на пне сидит, воеет. Сарафан на ей чёрный, с цветами ... Лешачиха это была* (Б. Долды Черд.) [Шумов 1991]; *Зашли парни в лесную глушь и услышали женский плач. Увидели в пятнадцати метрах от*

себя сидящего на **пне** мужчину необъятных размеров в чёрном костюме и рядом с ним – женщину в чёрной юбке и розовой кофте таких же огромных размеров (Добрянка) [там же]; Пермского лешего также часто можно встретить под елью: *Потерялась девка в лесу... приводит её женщина, а девочка-то и рассказывает, что сидела на ёлке... Под ёлкой сидел старик бородатый и слезть не давал* (Пожва Юсьв.) [Бахматов и др. 2008]. Местом обитания пермского лешего также является лесная яма: [Леший] *как человек длинный, чёрный, говорят, живёт в лесу, в яме травянистой* (У.-Говоруха, Краснов.) [Материалы].

Согласно общеславянским представлениям, леший может встретиться человеку на лесном *болоте* [Левкиевская 2004: 105]: *Мы с подружкой шли с покоса, а дорога шла через болотину, плохо идти-то. Она споткнулась и упала. «Фу, ты, – говорит, – лешак тебя понеси»... Встала, идём дальше, как вдруг мужик из-за камышей выходит, огромный, высоченный такой, в фуражке (?)* [Бахматов и др. 2008].

Лешего можно увидеть также на дороге или на лесной тропинке (при этом на такой тропинке или дороге нельзя спать или что-либо строить, зато можно оставлять «подарки» лешему): *Дак вот, где он [леший] ходит, тропу если знаешь дак, он по этой тропе ходит, на сучок ему кладётся [подношение], на дороге. Оно возьмёт его* (Чёрная Юрл.) [Материалы]; *Ферма у нас была поставлена на дороге у дедушки лесного. Как двенадцать часов ночи – все двери раскрываются, он проезжает на белом коне* (Н. Муллы Перм.) [там же]; *Люди утомились от работы и легли отдохнуть прямо на лесную тропку. Только легли, как послышалось уханье чьё-то... Тут один мужик и говорит, что это, действительно, не филин, а леший ухаёт. Не понравилось ему, что мы на его тропке отдыхать легли* (Подлиповка Кунг.) [там же]; *У лешего есть дорога прямая. И если на этой дороге построить дом – скот не поведётся, семья не поведётся* (Пож Юрл.) [Бахматов и др. 2008]. Эти мотивы связаны с тем, что, по народным представлениям славян, дорога является «“нечистым” локусом, местом появления мифологических персонажей» [Левкиевская 1999: 124], поскольку она осмысливается народным сознанием как «разновидность границы между “своим” и “чужим” пространством» [там же].

«Как одна из границ вне пространства села, сосредоточие злых демонических сил, связующее звено с потусторонним светом, т.е. как локус, через посредство которого осуществляются контакты с мифологическими персонажами», в народной культуре осмысливается *перекресток* (*перепутье, росстань*) [Плотникова 2004: 684]. Именно поэтому жители Пермского края оставляют на перекрестках дорог «записки» и подношения лешему, чтобы он вернул пропавших в лесу людей или животных: [Где вот эти вот письма-то разбрасывали?] *На росстанях.* [А это где?] *Росстани,*

знаете, ну, две дороги пересекаются – называется «**росста́нь**». Вот на **перекрёстках** дорог (Таволжанка Юрл.) [Материалы]; Парень, пять лет было, терялся, лесной его уволокивал, дедушка. Два дня дома не был, мать пирог в лес уносила, на **росстань** клала. Нашёлся потом парень (Пож. Юрл.) [Бахматов и др. 2008]; Большие недели искали теленка-то, убежал с веревочкой, и всё... И мы ушли на **ро́сстанье**, на **перепутье**, три бумажки все расклали, испекли еще пирог маленький, из рыбы, наввысоко, на **пень**, положили. И на третий день нашли (Ефремова Юрл.) [Бахматов и др. 2003].

По представлениям славян, леший может ночевать в *охотничьей избушке* [Левкиевская 2004: 105]. Этот мотив довольно имеется и в пермских материалах: *Отец мой охотник был. И сказывал он, что как-то на зимовке он пришёл в свою охотничью избушку и лёг спать. И слышит, что заходят к нему три здоровых бабы и спорят, разбудить или нет. Так и не разбудили, ушли* (Ничково Краснов) [Материалы].

По представлениям жителей Пермского края, леший имеет и свой собственный дом, в котором он живет вместе со своей семьей и в который «уводит» проклятых людей, неосторожным словом посланных к лешему. Дом лешего находится в лесу и часто имеет три стены (а не четыре, пять или шесть, как жилище человека) и может превращаться либо в три стоящих рядом дерева, либо в кусты: *Мужик репу караулил. Заяц прибежал. Он его, значит: «Понеси ты лешак!» К нему скоро лешак и пришел с кузовом: «Давай садись»... Он унес его куда, ташишыл, ташишыл и принес его к избушке. В избушке сидит девка и хозяйка* (Тетерина Сол) [Шумов 1991]; *Отец пьяный был, мамка сказывала, в туалет пошел... да обмарался. Начала мамка его ругать: «Иди, говорит, к лешему»... Прилетел дедушко с кузовом... «Садись, – говорит, – в кузов!» А там **избушка** в лесу. Баба длиннушшая тама* (Тетерина Сол.) [Шумов 1991]; *Мужчина лыко рубил... Запутался, глядь – **избушка** в три угла. Зашёл – в углу такой здоровый дядька лежит, чёрный, и спрашивает: «Что вам нужно, человек проходжий?» Отвечает: «Запутал» – «Выйдешь, будет время»* (Трошата Сив.) [Материалы]; *Лесной бабу таскал... Она сказывала: «Вечером меня лесной приводит в **трёхстенный дом**, кругом собаки, зайдёшь дак, здоровые, на цепях. Поешь тут, попьёшь. А утром просыпаюсь под тремя елками»* (Бадья Юрл.) [Бахматов и др. 2008]; *Одна девка под лесного попала. Сказывала – говорит, кошу, кошу, раз, коса сломалась... Я пошла к кустам, а вышла, там не кусты вовсе, а **избушка** у лесного. Зашла, там старуха старая сидит, у её маленький ребенок* (Келич Юрл.) [Бахматов и др. 2003]; *А мужик был ... поехал валить зимой, заехал, дрова наклал, домой надо ехать – дорога нету!.. Выехал – одна стоит **изба** среди лесу. Он заходит: «Можно?» – «Можно, чё ты тут издишь де?» – женщина вышла.*

– «А дорогу спутал, не знаю, куда выйти». – «А ты дорогу без хозяина не найдешь. Пойдем, за стол посажу. Он будет угощать, только хлеб не ешь у него. Все ешь, а хлеб нельзя – останешься тут на всю жизнь!» (Ефремова Юрл.) [Бахматов и др. 2003]. В словаре «Славянские древности» нами не обнаружено сведений о наличии у лешего избы.

Помимо леса, к «нечеловеческому», неосвоенному (или «полуосвоенному») пространству народное сознание причисляет луга и поля. Так, поле – это «локус, наделяемый признаком бесконечности, безграничности и поэтому трактуемый как культурная периферия, граница “своего” и “чужого” миров» [Агапкина 2009: 133], поэтому в поле иногда могли встретить лешего. *Покосы* (луга) часто находились в лесах, то есть также могли относиться к «ведению» лешего. Эти представления подтверждаются следующими текстами: *Вот идёшь – раз-раз-раз, закрутит, всё может унести. Не раз ведь бывало. Вот как поднимется на поле, дак берегись только.* [Вихрь, да?] *Да, это вихрь вот идёт прямо вот. Он вот так вот идёт, он по дороге везде-везде раз-раз-раз...* [А вот говорят, это леший ходит вихрем.] *А дак так говорят, в народе так говорят* (Юм Юрл.) [Материалы]; *Я пашу, а леший по полю идёт. У него шинжак, пуговки* (Таволжанка Юрл.) [Бахматов и др. 2008]; *Так же и старики на покосе лесного [лешего] видали. Поднялся вихорь и всё сено раскидал* (Меча Кишерт.) [Материалы].

Согласно представлениям жителей пермской территории, леший может вторгаться и в «человеческое» пространство – в дом человека. При этом контакт человека и духа происходит через окно или голбец: *Вдруг зашумело, зашумело. Постучал он [леший] в окошко, сам здоровуший, на крылечко навалился. Стала баба его спрашивать [о своей пропавшей корове]. Указал он тогда мужика, два дня, говорит, корову держал, потом зарезал* (Тетерина Сол.) [Шумов 1991]; *А вот бабка моя сказывала, что когда мы жили в Колобово, то эта лесная баба сама нам в окно заглядывала. Стояла и ревела в голос* (Девяткино Сив.) [Материалы]; *Женщина на сносях, и она всё не пускает к себе. И в ту ночь она выродила ребёнка... По талии по плечам вся была в голбце, вся в синяках, изнасилована. На лешего говорят, он любит сырых женщин* (Городище Сол.) [Там же]. Дело в том, что окно в славянской народной культуре – «часть дома, которая (наряду с порогом, дверью, воротами, печной трубой) осмысливается как граница между своим (домашним) и чужим (внешним) пространством, обеспечивающая связь обитателей дома с внешним миром» [Виноградова, Левкиевская 2004: 534]. Голбец же в народном представлении считается «нечеловеческим» пространством в доме, там не живут люди, зато могут обитать духи (например, домовый). Как показывает приведен-

ный текст, леший также может контактировать с жителями дома через голбец.

Наконец, леший может «гостить» у человека (у деревенского специалиста, например, у охотника), который приглашает его к себе в дом и угощает, чтобы задобрить духа-«хозяина» леса и заручиться его поддержкой: *Вот... приезжал [леший]... показывалось на высокой лошади. Зимой если приезжает, вот вроде того что как он ему вот дичь любую... Он всех своих домочадцев из дома проваживал, даже хозяйку не оставляли дома. Если он заходит, он спрашивает: «Кто у вас в доме?»* (Таволжанка Юрл.) [Материалы]. Таким образом, здесь отражается общеславянский мотив заключения магического договора между деревенским специалистом и лешим (см. о данном мотиве в [Левкиевская 2004: 107]).

Итак, проведенное исследование позволяет нам сделать следующие выводы.

Представления о местах обитания и появления лешего, зафиксированные в Пермском крае, во многом совпадают с общеславянскими, однако имеются и некоторые специфические мотивы.

Для русских пермской территории, как и для всех славян, характерно представление об обитании лешего в *лесу*, а также о том, что его любимыми местами являются *пни* и густые *ели*. Однако в пермских материалах в качестве «места жительства» лесного духа-«хозяина» отмечается также *лесная яма*.

Отражением общеславянской традиции является и указание в пермских текстах в качестве мест обитания лешего *болотины*, *поля* и *покоса*.

Универсальным для всей славянской традиции, включая и традицию русских Пермского края, является представление о появлении лешего на *дорогах* и *перекрестках (росстанях)*, а также о существовании в лесу «любимых» *дорог* и *троп* лешего, на которых человек не имеет права спать либо строить что-либо.

Для всех славян (и для пермской территории) характерно представление о том, что леший может обитать в лесных *охотничьих избушках*.

В качестве специфических для пермской территории мотивов можно выделить:

во-первых, представление о наличии у лешего *избы*, которая находится в лесу, часто имеет трехстенную конструкцию и показывается не всякому человеку (для кого-то это дом, а для кого-то – кусты или три большие ели, стоящие близко друг к другу);

во-вторых, мотив о том, что леший может входить в *дом* к человеку, вторгаться в человеческое пространство (при этом, согласно пермским текстам, контакт происходит либо через *окно* как одну из границ дома, либо через *голбец* как нечеловеческое пространство в доме; кроме того,

пермский леший может «гостить» у деревенских специалистов, например у охотников (ср. общеславянский мотив, в соответствии с которым пастух или охотник должен сам пойти в лес, чтобы заключить с лешим договор)).

Список источников с сокращениями

Бахматов и др. 2003 – Юрлинский край. Традиционная культура русских конца XIX–XX вв.: материалы и исслед. / А.А. Бахматов, И.А. Подюков, С.В. Хоробрых, А.В. Черных. Кудымкар: Коми-Пермяц. кн. изд-во, 2003. 493 с.

Бахматов и др. 2008 – Бахматов А.А. и др. Русские в Коми-Пермяцком округе: обрядность и фольклор: Материалы и исследования. Пермь: От и до, 2008. 502 с.

Материалы – Материалы архива лаборатории региональной лексикологии и лексикографии при кафедре теоретического и прикладного языкознания Пермского государственного национального исследовательского университета (рук. к. филол. н., доц. И.И. Русинова) и архива лаборатории «Фольклор Прикамья» при кафедре русской литературы Пермского государственного национального исследовательского университета (рук. к. филол. н., доц. К.Э. Шумов, доц. С.Ю. Королёва).

Шумов 1991 – Былички и бывальщины: старозаветные рассказы, записанные в Прикамье / сост. К.Э. Шумов. Пермь: Кн. изд-во, 1991. 412 с.

Библиографический список

Агапкина Т.А. Поле // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5-ти т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 4: П (Переправа через воду) – С (Сито). М.: Междунар. отношения, 2009. С. 133–137.

Виноградова Л.Н., Левкиевская Е.Е. Окно // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5-ти т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 3: К (Круг) – П (Перепелка). М.: Междунар. отношения, 2004. С. 534–539.

Левкиевская Е.Е. Дорога // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5-ти т. / Под. общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 2: Д (давать) – К (Крошки). М.: Междунар. отношения, 1999. С. 124–129.

Левкиевская Е.Е. Леший // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5-ти т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 3: К (Круг) – П (Перепелка). М.: Междунар. отношения, 2004. С. 104–109.

Плотникова А.А. Перекресток // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5-ти т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 3: К (Круг) – П (Перепелка). М.: Междунар. отношения, 2004. С. 684–688.

Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 1995–2012. – Т. 1–5.

Сокращенные названия районов Пермского края

Кишерт. – Кишертский, Краснов. – Красновишерский, Кунг. – Кунгурский, Перм. – Пермский, Сив. – Сивинский, Сол. – Соликамский, Черд. – Чердынский, Юрл. – Юрлинский, Юсьв. – Юсьвинский.

M.A. Granova

Postgraduate Student in the Department of Theoretical and Applied Linguistics
Perm State University
Teacher of Institute of the Translation
Shandong University (Weihai, P.R. China)

**IS THERE A WOOD-GOBLIN HOUSE?
(on the material of Russian mythological texts of the Perm Krai)**

The article is devoted to the consideration of folk notions about the dwelling places of a wood-goblin fixated on the territory of the Perm Krai and of the comparison of these notions with the Slavic ones. As the materials describing the Perm tradition, the texts from the folklore and dialectological archives in the Perm State University and from the collections of non-fairy prose of the Perm Krai are taken. As the materials representing the Slavic tradition, the dictionary "Slavic antiquities" is used. The conducted research allowed to establish that the number of notions fixated in the Perm Krai is a reflection of the Slavic beliefs (for example, a Slavic (and Perm) wood-goblin lives in the forest, it may appear in the field, in the mowing, in the marshland, at the crossroads, and also it has the "favorite" forest paths; it often comes into the hunting cabin). The specific Perm motives are the notions that the wood-goblin have three-wall wooden house, and also that the wood-goblin comes to the house to the village experts (the hunters, the herdsmen) and staying with them (more typical for Slavic tradition motive is a camping of a village specialist in the forest and the magical conclusion of the contract with the spirit-"master" on its territory).

Key words: Slavic demonology, wood-goblin, house, Perm Krai.

Зверева Юлия Владимировна
доцент кафедры гуманитарного образования в начальной школе
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
zvereva_yuliya_2013@mail.ru

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ В МИКРОТОПОНИМИИ ПЕРМСКОГО КРАЯ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00555 «Мир и человек в зеркале имен собственных (на материале ономастики Пермского края)»

В статье рассматриваются микротопонимы Пермского края, образованные в результате метафорического переноса. Анализ представленных материалов свидетельствует о том, что метафорическая номинация встречается в различных видах топонимов. Чаще всего метафорические наименования в топонимии возникают на основе ассоциативной связи с названиями частей тела человека или животного. Довольно распространены также топонимы, образованные от слов, обозначающих бытовые предметы, в том числе предметы одежды и обуви.

Ключевые слова: Пермский край; микротопонимы; метафора.

Настоящее исследование основано на материалах картотеки топонимов (микротопонимов) Пермского края, которая создается на кафедре теоретического и прикладного языкознания Пермского государственного национального исследовательского университета и в настоящее время включает в себя более 3000 единиц¹. Микротопонимия этой территории, в отличие от топонимии, мало изучена, хотя представляет значительный интерес для исследователей, поскольку в ней отражены особенности материальной культуры, бытового уклада жителей физико-географические характеристики географических объектов.

Метафорические названия в микротопонимии сравнительно редки, М.Э. Рут причину этого видит в том, что «резкий ассоциативный “прыжок” за категориальные рамки – всегда находка, всегда большая редкость, и появлению образной номинативной единицы всегда сопутствует всплеск положительных эмоций» [Рут 1992: 35]. Исследователь так объясняет образную номинацию в именах собственных: «Сталкиваясь с объектами действительности, познание которых на уровне абстрактно-логического мышления невозможно, номинатор переключается на сферу своего чувственного опыта и, опираясь на способности наглядно-образного мышле-

ния, находит достоверный способ выражения знания об объекте в форме конкретного образа предмета, уже освоенного вербальным мышлением» [Рут 1992: 38]. Метафорические наименования в топонимии рассматриваются в работах сибирских ономастологов С.П. Васильевой и Т.Ф. Федоровой. Подобных исследований на материалах пермской топонимии пока нет, что связано, на наш взгляд, с неполнотой собранных материалов.

Исследователь топонимии Забайкалья Т.Ф. Федотова отмечает, что в соотношении топонимов географическими объектами чаще всего явление метафоризации проявляется в области гидронимии и оронимии (именовании любого объекта земной поверхности) [Федотова 2008: 90]. В пермской микротопонимии образная номинация также чаще всего встречается в онимах, обозначающих возвышенности и скалы. Менее распространена метафора в названиях сельскохозяйственных угодий, путей сообщения и участков леса, однако такие онимы также фиксируются.

Одной из распространенных моделей переноса является образная метафора, в основе которой лежат названия анатомических частей тела человека или животных, например, *Брюханиха* (возвышенность), *Булдыги* (урочище), *Голобрюшище* (луг), *Горбун* (возвышенность), *Грива* (покос), *Дунькин пуп* (поворот дороги), *Лодыга* (гора), *Круглышка Зголов* (луг), *Изголовья* (луг), *Кобылья Голова* (ягодное место на возвышенности), *Коровий Язык* (луг), *Кособочиха*, *Кособочище* (поля), *Кособочка* (возвышенность), *Косолобово* (поле), *Костухи* (поле), *Костоватик* (поле), *На Пальцах* (лес), *На Пальчиках* (поле), *Мышелка* (лес и поле), *Одинская Мышелка* (покос), *Черепуха* (лог), *Шеина* (заливные луга). Обычно лингвисты связывают продуктивность такого вида переноса с тем, что «представления человека о самом себе и своем теле оказываются той сферой, которая познана лучше других и может стать основой для образного отождествления» [Васильева 2013: 178]. Часть соматической лексики, лежащей в основе номинаций, является общерусской, другие же слова встречаются только в диалектах. Так, микротопоним *Булдыги* может быть образован от слова *булдыга* ‘кость, мосол’, ‘часть ноги’ [СРНГ 3: 269], *Мышелка* от *мышелка* ‘выступающая часть кости (лодыжка и т. п.)’, ‘место сгиба пальца (руки)’ [СРНГ 19: 72].

Чаще всего онимы на основе соматической лексики называют возвышенности или сельскохозяйственные участки какой-либо формы. В некоторых случаях довольно трудно разграничить метафорический перенос и образование топонима от географического термина. Э.М. Мурзаев отмечал, что «термины-метафоры строятся в однотипные ряды, в которых четко прослеживается универсальная способность превращения слов, обозначающих части тела человека и животных, в географические термины»

[Мурзаев 1974: 135]. Действительно, в пермских говорах фиксируются такие географические термины: *грива* ‘возвышение на поверхности земли, имеющее продолговатую форму’ [СГТ: 100], *изголовок* ‘конечная часть острова, речного мыса’ [СГТ: 143], *мышцелка* ‘гора с крутыми склонами на ровной поверхности’ [СГТ: 225], *палец* ‘узкая, высокая скала’ [СГТ: 260], *пальчик* ‘узкий и длинный мыс между рекой и ее притоком; стрелка’ [СГТ: 262], *шеина* ‘узкое место в середине лога’ [СГТ: 402].

Существуют и такие названия, которые могут быть интерпретированы двояко. Так, в Осинском районе существует микротопоним *Полухина Яма*, местные жители так объясняют его происхождение: «*Вона-ка она, за асфальтом, низина, а кругом угоры, называется так потому, что по форме напоминает половинку человеческого уха*» [записано в с. Гамицы]. Однако суффикс -ин- распространен в топонимии, и его могут иметь possessивные онимы, указывающие на принадлежность географического объекта его владельцу. Тогда название может быть образовано от прозвища или фамилии. Происхождение агроонимов *Костоватик* и *Костухи* также можно объяснить по-разному. С одной стороны, они могут иметь событийное происхождение, т.е. на этих полях люди находили кости. Подобные наименования встречаются в коми-пермяцкой микротопонимии: *Лыаыб* ‘поле с костями’ (*лы* ‘кость’ [КПРС: 231] + *-а+ ыб* ‘поле’). Однако в русском языке у событийных онимов нет специальных грамматических показателей, на что указывает Е.Л. Березович: «событийные наименования, несомненно, присутствуют в русской топонимии, но топонимическая система не обладает достаточными техническими возможностями для того, чтобы произошло ономазиологическое “самоопределение” этой номинативной группы, вследствие чего наблюдается дисбаланс между номинацией и мотивацией (отсутствие маркеров событийности во внутренней форме топонима при наличии их в мотивировке)» [Березович 1998: 40]. С другой стороны, в русской топонимии встречаются онимы, образованные от различных наименований костей и частей тела человека: *мышцелка*, *кость*, *лоб*, *ребро*, *хребет*, *хрящ* и др. С.П. Васильева предполагает, что кость может уподобляться камню по признаку твердости, таким образом, подобные микротопонимы могут обозначать участки с большим количеством камней [Васильева 2013: 179].

В Куединском районе отмечен дромоним *Черепаша*, появление которого местные жители объясняют так: *Плохая дорога, по которой медленно ездят*. Возможно, что образное наименование возникло на основе сравнения с животным, однако не исключен и вариант происхождения онима от лексем *череп*, дорога могла иметь неровности и получила такое название. Возможность такой мотивации подтверждает название лога *Черепуха*,

происхождение которого местные жители объясняют так: *Черепуха. По форме похож на осколок черепа* (Ерзовка Част.).

В агроонимии распространена модель образования онима на основе сравнения формы участка и какого-либо предмета одежды, обуви: *Лим* (луг), *Рубашка* (поле), *Сапог* (поле), *Штаны* (поле и луг). В некоторых случаях повсеместная распространённость таких наименований приводит к образованию новых географических терминов. Так, в Красновишерском районе зафиксировано несколько микротопонимов, образованных по формуле: отыменное прилагательное + существительное **нагови'ца** (*Игонина Наговица, Назаровская Наговица, Руфинская Наговица, Сенина Наговица, Тимина Наговица*). В русских говорах лексема **наговица** (*ноговица*) может обозначать 'носки', 'гамаша', 'часть одежды или обуви, покрывающая колени и голени' [СРНГ 21: 264]. В топонимии у слова *наговица* возникает значение 'поле, участок в форме этого предмета одежды'. Используется слово в микротопонимии этой территории и без определений: *Ноговица* (поле и лог), *Ноговичка* (поле).

Названия некоторых географических объектов соотносятся предметами традиционного быта, продуктами питания: *Горшок* (лес), *Каравашек* (возвышенность), *Клюша* (поле), *Кисели* (болото), *Коврига* (урочище), *Костыль* (поле), *Кулебака* (лес), *Лопата* (луг в форме лопаты), *Подкова* (озеро в форме подковы), *Сковородка* (участок округлой формы, на котором собирается молодежь), *Сметана* (лес), *Чолпан* (возвышенность), *Шаньга* (возвышенность), *Яичко* (озеро) и др. В основе таких метафорических номинаций часто лежит сравнение формы географического объекта с каким-либо предметом, что подтверждается объяснениями местных жителей: *Яичко – небольшое округлое озерко недалеко от реки Тулва. Названо так за свою схожесть по форме с яйцом. Это давнейшее название, кто его так-то назвал не знаю* (Гамицы Ос.); *А мы ему в молодости дали название Подкова. Озеро это в виде подковы* (Заборная Перм.). Реже встречаются метафорические топонимы, образованные на основе иных признаков сравнения. Так, гелоним *Кисели* получает название по физическим свойствам объекта: *Кисели – вязкое, топкое место* (Ерзовка Част.).

Можно предположить, что некоторые метафорические микротопонимы появились относительно недавно, поскольку в их основе лежат лексеммы, обозначающие современные реалии: *Колбаса* – проток, впадающий в реку Тулва, внешне по форме напоминает колбасу (*Рыбаки придумали этому протоку название. Теперь уже все говорят Колбаса, Колбаса* (Гамицы Ос.)); *Ящички* – склон горы (*Ящички – крутой склон горы, состоящий из пяти косогорчиков в форме ящичков. За Черёмушками есть пять косогор, как ящички оне, квадратные такие*) (Гамицы Ос.).

Относительно новыми можно считать и микротопонимы, возникшие в результате переноса имени другого географического объекта. Такие топонимические метафоры, или прецедентные имена, довольно распространены в наименованиях частей населенных пунктов (хоронимов). Примеры таких пермских топонимов (*Шанхай, Япония*) приводит в своей статье М.В. Боброва [Боброва 2017]. В наших материалах подобные названия могут служить для обозначения возвышенности: *Карпаты (Карпаты – потому что там угор такой. Екатеринбург с/с, Сив.)* и урочищ: *Какаракумы (Каракумы – поле. Так как на поле ничего не растёт, пустынное место. Ерзовка Част.), Сибирь (Так жители деревни Нижняя Гаревая называют участки земли, отведённые для посадки картофеля. Сибирью их назвали из-за удалённости от населённого пункта. Чекменевское с/п Нытв.)*.

Нужно отметить, что образные наименования, мотивированные словами с другими значениями, в микротопонимии Пермского края встречаются гораздо реже. Наиболее распространены в пермской топонимии метафорические онимы, возникшие на основе ассоциативных связей с названиями частей тела человека или животного, с именованиями бытовых предметов. Чаще всего признаком, на базе которого происходит перенос, становится форма географического объекта.

Примечание

¹ В статье были использованы дипломные работы Ю.В. Вагановой «Топонимия д. Байболовка Пермского района Пермского края», Е.С. Гладких «Топонимия деревень Тимино и Ильята Кишертского района Пермского края», выполненные под руководством профессора Е.Н. Поляковой; Ю.А. Бушуевой «Топонимы Большесосновского района Пермского края как лингвокраеведческий материал в начальной школе», выполненные под руководством доцента Ю.В. Зверевой.

Библиографический список с сокращениями

Березович Е. Л. Топонимия Русского Севера: этнолингвистическое исследование. Екатеринбург, 1998. 338с.

Боброва М. В. Наименования частей населённых пунктов Верх-Язьвинского сельского поселения Пермского края (Топонимические чтения 2017). URL: <http://www.familii.ru/onomastika/toponimica/6328-bobrova-m-v-perm-naimenovaniya-chastej-naseljonnykh-punktov-verkh-yazvinskogo-selskogo-poseleniya-permskogo-kraya-toponimicheskie-chteniya-2017> (дата обращения: 8.05.2018).

Васильева С. П. Метафора в топонимии Приенисейской Сибири // Вестн. Краснояр. гос. пед. ун-та им. В.П. Астафьева. 2013. № 2(24). С.176-180.

КПРС – Коми-пермяцко-русский словарь / Сост. Р.М. Баталова, А.С. Кривошекова-Гантман. М., 1985. 624 с.

Мурзаев Э. М. Очерки топонимики. М., 1974. 382 с

Рут М. Э. Образная номинация в русском языке. Екатеринбург, 1992. 148 с.

СГТ – Полякова Е. Н. Словарь географических терминов в русской речи Пермского края. Пермь, 2007. 420 с.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Л., СПб. 1984-2015. Вып. 1–48.

Федотова Т. В. Метафора в топонимии // Русская речь. 2008. №2. С. 90–93.

Федотова Т. В. Специфика метафорических топонимов в аспекте восприятия мира человеком // Вестник ВГУ, серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2008, № 2. С. 48–51.

Сокращенные названия районов Пермского края

Нытв. – Нытвенский район; Ос. – Осинский район; Перм. – Пермский район; Сив. – Сивинский район; Част. – Частинский район.

Iu. V. Zvereva

Associate Professor of Primary Humanitarian Education
in Primary School Department
Perm State Humanitarian-Pedagogical University

METAPHORICAL NAMES IN MICROTOPYNIMY OF PERM KRAI

The article considers the microtoponyms of Perm Krai, formed as a result of metaphorical transfer. The analysis of the presented materials indicates that the metaphorical nomination occurs in various kinds of toponyms. Most often metaphorical names in toponymy arise on the basis of associative connection with the names of parts of the human body or animal. Quite common are toponyms, formed from words denoting household items, including clothing and footwear.

Key words: Perm Krai; microtoponyms; metaphor.

Китаева Марина Алексеевна
Малькова Олеся Владиславовна
обучающиеся 10 ГУН класса
МАОУ «Лицей № 2» г. Перми

Патокина Наталья Юрьевна
заместитель директора по УВР, учитель географии
МАОУ «Лицей № 2» г. Перми
n.patokina@yandex.ru

Шкураток Юлия Анатольевна
доцент кафедры русского языка и стилистики
доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
shkuratok@mail.ru

ГОДОНИМЫ МИКРОРАЙОНА ЮЖНЫЙ ГОРОДА ПЕРМИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

*Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ
проект № 18-012-00555 «Мир и человек в зеркале имен собственных
(на материале ономастики Пермского края)»*

Статья посвящена исследованию истории улиц микрорайона Южный города Перми и ее отражению в памяти современных жителей.

Ключевые слова: топонимика, годоним, искусственная номинация.

Одним из видов онимов, который, к сожалению, не так часто является предметом изучения по сравнению, например, с микротопонимами, являются годонимы – названия улиц. Быстрый рост городов в советское время, плановая застройка целыми микрорайонами, где улицы сразу получали готовые названия, набор которых был не так велик, переименование улиц в честь различных деятелей, связанных с советской идеологией, все это делает названия улиц прозрачными для этимологического анализа. Но названия, появившиеся в результате искусственной номинации, становятся такой же частью городской топонимии, как и возникшие естественным путем, и в той же степени способны стать основой для рождения мифов и городских легенд.

Целью данного исследования стало изучение истории названий улиц микрорайона Южный и ее отражение в памяти современных горожан.

Микрорайон Южный находится в Свердловском районе города Перми и занимает территорию 12 кв. км. Здесь проживает более 8 тысяч человек: такая низкая для города плотность населения объясняется тем, что это микрорайон частной застройки.

История микрорайона начинается с конца 1940-х гг., когда рабочие завода имени И. В. Сталина (ныне ОАО «Пермские моторы») начали получать участки под индивидуальное строительство домов на берегу реки Большая Ива. Микрорайон возник не на пустом месте: до этого здесь были две деревни – Мошки и Старёхи, самые ранние упоминания о которых относятся к 1837 году. В 1924–1926 гг. в них насчитывалось семь дворов и 35 жителей, в это же время деревни входят в состав города Перми. Деревня Мошки исчезла в конце 1950-х гг., а поселок Старёхи просуществовал в составе Южного вплоть до 1980-х гг. Сейчас «Старёхи» – это название электрической подстанции котельной № 3 ТЭЦ-6 Филиала «Пермский» ПАО «Т Плюс» [Семянников 2008, 2016].

В 1950-е гг. началось активное строительство домов для рабочих завода. Названия новым улицам Перми давала специальная комиссия (сейчас это Общественный Совет по топонимике при Главе города Перми). Эта комиссия занималась наименованием улиц, парков, скверов, магазинов в новых микрорайонах. В устной беседе с Е. Н. Поляковой, профессором кафедры теоретического и прикладного языкознания, работавшей в составе этого органа, нередко в тех случаях, когда надо было дать названия сразу большому количеству объектов на территории города, использовались уже существующие географические названия, не отраженные на карте Перми. Вероятнее всего, названия улиц микрорайона Южного появились таким образом.

Сегодня система годонимов Южного насчитывает 37 названий [Микрорайоны Перми: электронный ресурс]. Самую многочисленную группу составили годонимы, образованные от названий городов и других населенных пунктов. В годонимах микрорайона Южного отражены названия населенных пунктов как тогдашней Пермской (до 1957 г. Молотовской) области: улицы Новоильинская, Осокинская, Усть-Качкинская, Чернушинская, так и всего Советского Союза. По всей видимости, комиссией отбирались в первую очередь географические объекты, ассоциирующиеся у жителя Перми с «югом»: Чернушка расположена на самом юге Пермской области, Красноуфимск и Южноуральск находятся на юго-восток от Перми, большое количество годонимов образовано от названий городов «южной» (по отношению к Пермской области) Украинской ССР (Бердичев, Глухов, Горловка, Запорожье, Лисичанск, Луганск, Симферополь,

Умань), Братск на юге Восточной Сибири дал название Братская, Кемерово на юге Западной – Кемеровская, станица Краснодарского края Тамань отражена в улице Таманской, город в Узбекистане Самарканд – Самаркандской. Связь с южными республиками СССР прослеживается и в названиях улиц Казахская, Таджикская, Туркестанская (Туркестан – историко-географический регион Центральной Евразии и Центральной Азии), Узбекская. Небольшую группу составили топонимы, образованные от названий водных объектов: улицы Арагвинская (река Арагва/Арагви) протекает в Грузии), улица Днестровская (Днепр – на территории Украины и Молдавии, впадает в Черное море), улица Балхашская (Балхаш – озеро на юго-востоке Казахстана).

Лишь некоторые названия не могут быть связаны в сознании жителя Перми с «югом»: это улицы Зеленогорская (Зеленогорск – город-курорт на берегу Финского залива), Лихвинская (от города Лихвин), Сахалинская (остров Сахалин), Холмогорская (с. Холмогоры Архангельской области).

Всего три улицы именованы в честь конкретных людей – это топонимы Лебединская, Лякишева, Старцева, появились они значительно позднее в результате переименования уже существующих улиц. Улица Старцева до 1965 г. была улицей 1-й Запорожской, название было дано в честь Федора Григорьевича Старцева (1908–1943), участника Великой Отечественной войны, Героя Советского Союза. Улица Лякишева названа в честь активного участника революции и Гражданской войны в Прикамье Кузьмы Ивановича Лякишева (1886–1938), до 1977 года она называлась 2-й Алданской (Алдан – город в Якутии). По всей видимости, переименования коснулись в первую очередь улиц с названиями 1-я, 2-я и пр. и имели, возможно, в какой-то степени прагматическую направленность. Улица Лебединская получила название в честь советского психиатра и дефектолога Клары Самойловны Лебединской (1925–1993). Ее профессиональная деятельность не связана с микрорайоном Южный и Пермью в целом.

Факты переименования улиц в честь активных участников Революции, Гражданской войны, героев Великой Отечественной войны встречаются и в других микрорайонах города Перми. Улица Кременчугская (названа по г. Кременчугу, сейчас на территории Украины) микрорайона Садовый была переименована 1985 г. в улицу Пономарева в честь Героя Советского Союза Павла Елизаровича Пономарева (1904–1973). По воспоминаниям Е. Н. Поляковой, в числе участников комиссии по топонимике была активная группа, ратовавшая за сохранение памяти об участниках Гражданской войны 1917–1922 гг. и Великой Отечественной войны в названиях города.

В 2018 г. в рамках проекта «Прикамская сторона» школьниками Лицея № 2 г. Перми среди жителей микрорайона Южный был проведен

опрос, целью которого было выяснить, знают ли современные жители историю своего микрорайона и историю названий улиц. В опросе приняли участие 96 жителей микрорайона. Из них дети (возраст до 15 лет) 2 (2%), 61 респондент – взрослые (64%), 33 – пожилые (старше 60 лет) (34%); по половому составу – примерно равное количество мужчин и женщин.

Некоторые информанты могли рассказать об истории заселения микрорайона: *Где-то с 1957 года начали жителям микрорайона выдавать вот эту землю, то есть жители сами строили эти дома, и причем было два проекта типовых домов, дома были все единые, то есть либо заливной кирпич, либо, значит, получалось, деревянные, но проект домов был совершенно один и тот же.* (Здесь и далее цитируются ответы жителей микрорайона Южный, полученные в результате интервьюирования).

Но в целом на вопрос «Знаете ли вы происхождение названия Вашего микрорайона?» 73 респондента (76%) ответили отрицательно, и только 23 (24%) участника опроса попытались объяснить происхождение названия микрорайона. Из них большая часть, в основном пожилые люди, связали название с положением микрорайона в южной части города. Только 8 респондентов (8%) дали правильный ответ на вопрос: «Как называлась деревня, рядом с которой началось строительство микрорайона?», но никто из них не вспомнил названий каких-либо мест, существовавших до массовой застройки в 1950-е гг.

40 опрошенных (42%), в основном немолодые люди, смогли дать правильное объяснение происхождения названия улицы, где они живут. На вопрос «Названия каких улиц микрорайона Вам известны? Вы можете объяснить происхождение названия этих улиц?» информанты называли достаточно много улиц микрорайона, связывая происхождение их названий с городами юга России, с республиками Средней Азии: *Потому что здесь Симферопольская, Самаркандская, Туркестанская, все вот такие города; Самаркандская. В честь какого-то города, ранее входившего в состав СССР.*

Были и другие ответы, связывающие микрорайон Южный с переселенцами из южных регионов России и государств Средней Азии: *Ну, южные улицы, нерусских много ходит тут; Южные страны, республики наверно; Люди откуда-то с юга переселились и назвали так; Переселенцы переехали, по ним и назвали.* Подобные же ответы были получены при беседе с жителями микрорайона Садовый, проведенной в 2000 г. Информанты связывали топонимы Уинская, Кременчугская и пр., образованные от названий географических объектов, с желанием переселенцев из этих мест таким образом сохранить память о своей малой родине.

Некоторые респонденты считают, что улицы микрорайона названы в честь их строителей: *Туркестанская, ну наверно строили нерусские – чур-*

ки. После распада Советского Союза в Россию хлынул большой поток оставшихся без работы жителей бывших южных советских республик, многие из них стали активно осваивать новые профессии в сфере строительных и отделочных работ. Этот факт послужил основой шуток о типичных наемных строителях – выходцах из стран Средней Азии.

Были и единичные оригинальные трактовки топонимов: *Братская объединяет улицы, такие как Таджикская, Казахская, Узбекская*. В данном случае актуализируется представление о братских народах. (Ср. строки из гимна СССР: *Дружбы народов надежный оплот*, современного гимна России: *Братских народов союз вековой*.)

Некоторые информанты связали названия улиц Южного с идеологической установкой увековечить в различного рода онимах подвиги советских воинов (но в данном случае такое объяснение не является истинным): *Улица Братская, что-то связано с военной тематикой; У меня Таманская, думаю, в честь таманской дивизии*.

Среди ответов прозвучали и следующие «наивные» версии, свидетельствующие о том, что появившиеся искусственным путем названия осмысливаются как естественные, в топонимах пытаются найти положенный в основу номинации признак: *Холмогорская, наверно холмы какие-то; Запорожская. В честь запорожских казаков; Улица Братская. Потому что все братья; 2-я Зеленогорская. Напротив зелёного леса*. История названий, образованных от фамилий конкретных людей, также не известна жителям: *Старцева – самая старая, Лебединская. От слова лебедь, топонимы осмысляются в русле «народной» этимологии*.

На вопрос «Названия каких улиц микрорайона сменили? Когда и почему это произошло?» только 4 респондента (4%) дали правильный ответ о смене названия улицы Запорожская на Старцева в честь героя Великой Отечественной войны.

Проведенное исследование показало, что подавляющее большинство жителей не знакомы с историей Южного, не могут объяснить происхождение названия и микрорайона, и улиц, на которых живут, лишь люди старшего поколения дали правильные ответы на поставленные вопросы. Это может быть объяснено еще и тем, что начиная с 90-х гг. большая часть старой типовой застройки была снесена, появилось новое поколение, которое не застало эпохи появления микрорайона. Незнание исторических условий, в которых появились названия улиц, способствует пересмыслению в сознании жителей топонимов, являющихся искусственными. В свое время комиссия отбирала уже существующие «южные» названия географических объектов тогдашнего СССР, чтобы дать имена большому количеству вновь появившихся на карте Перми улиц. Сегодняшние жители воспринимают их как оставленные «перепоселенцами», «выход-

цами» из какой-то территории. Уход из памяти жителей фактов истории способствует формированию особого пласта городской мифологии, который может стать в дальнейшем предметом пристального изучения.

Библиографический список

Микрорайоны Перми. URL:[http://infomir59.ru/help/perm /neighbourhoods/](http://infomir59.ru/help/perm/neighbourhoods/) (дата обращения: 20.01.2018).

Семянников В. В. Микрорайон Южный: что было до... // Газета «Звезда», 2016. 10 ноября.

Семянников В. В. Микрорайоны города Перми. Пермь: Пушка, 2008. 409 с.

M. A. Kitayeva

O. V. Malkova

Students 10 GUN classes

MAOU "Lyceum No. 2" of Perm

N. Yu. Patokina

Deputy Director, Teacher of geography

MAOU "Lyceum No. 2" of Perm

Yu. A. Shkuratok

Associate Professor of Russian Language and Stylistics Department

Associate Professor of Theoretical and Applied Linguistics Department

Perm State University

STREET NAMES OF PERM DISTRICT YUZHNYJ: HISTORY AND PRESENT

This article deals with the research of history of streets of the district Yuzhnyj (Perm, Russia) and its reflection in memory of modern inhabitants.

Key words: toponymics, street name, artificial nomination.

Кротова-Гарина Анастасия Владимировна
магистрант филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
anastasia.garina@ya.ru

Русинова Ирина Ивановна
доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
irusinova@mail.ru

ФУНКЦИИ И ДЕЙСТВИЯ ДУХА ДОМА **(на материале коми-пермяцких мифологических рассказов)**

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 18-012-00750 «Природный мир и традиционная культура коми-пермяков:
опыт лексикографического описания»*

На материале устных рассказов об одном из коми-пермяцких мифологических персонажей – духе дома – рассмотрены основные действия и функции этого персонажа в современной мифологической традиции коми-пермяков.

Ключевые слова: народная демонология; функции и действия духа дома; домовой; коми-пермяцкий язык; суседко.

Мифологические верования коми-пермяков представляют большой интерес для исследователей, и не только потому, что они отражают исторический опыт народа, его суждения о мире, особенности психологии, этические нормы и т. п. [Голева 2011: 5], но и потому, что обнаруживают и сегодня хорошую сохранность, транслируются в виде развернутых рассказов, которые становятся источником сведений, прежде всего, о системе мифологических персонажей.

В данной работе будут рассмотрены такие тексты о персонажах низшей мифологии, или демонологии. В рамках статьи проанализированы данные об одном демоне – коми-пермяцком духе дома.

Материалом исследования послужили тексты, извлеченные из монографий Т.Г. Голевой «Мифологические персонажи в системе мировоззрения коми-пермяков» [Голева 2011], Л.Г. Пономаревой «Речь северных коми-пермяков» [Пономарева 2016], книги В.В. Климова «Жили-были. Ко-

ми-пермяцкие сказки, легенды, сказы, предания, былички и бывальщины на коми-пермяцком языке» [Климов 1990], а также мифологические тексты, полученные А.В. Кротовой-Гариной в результате экспедиций в Кудымкарский район Коми-Пермяцкого округа в 2016, 2017, 2018 годах.

Под мифологическим персонажем (или «демоном», «демоническим существом»), по мнению Е.Е. Левкиевской принято понимать «совокупность релевантных устойчиво повторяющихся в традиции признаков и функций, скрепленных именем» [Левкиевская 1999: 51]. Именно эти основные параметры персонажа позволяют его идентифицировать.

Подобный подход к описанию мифологических персонажей демонстрирует и Л.Н. Виноградова, считая среди прочих наиболее значимыми «стереотипы поведения» духа. Всю совокупность действий мифологических персонажей исследователь делит на две группы: группу «действий, не направленных на человека, обозначающих некие индивидуальные пристрастия (*любить музыку и танцы, расчесывать свои длинные волосы, избегать соленой пищи, быть прожорливым, иметь склонность к оборотничеству*)»; и группу «действий, основанных на контактах мифологического персонажа с человеком, благодаря которым можно судить о характере взаимоотношений людей с потусторонними силами» [Виноградова 2016: 19].

В статье будут рассмотрены действия коми-пермяцкого духа дома, относящиеся ко второй группе, т. е. те, которые так или иначе связаны со взаимоотношениями людей с этим духом.

По мнению Е.Е. Левкиевской, исследователи часто понимают под функцией персонажа некие постоянные действия: *гонять скот, заплетать гриву коню, давить человека по ночам, беспокоить шумом, появляться человеку, обменивать детей* и под., однако такое понимание является ошибочным. Следует разграничивать термины «функция персонажа» и «действие персонажа». Под действием следует понимать приписываемую данному персонажу способность совершать тот или иной поступок, а под функцией «такое действие, которое имеет конкретную прагматику, иллюкутивную цель, ради достижения которой персонаж совершает это действие» [Левкиевская 2000: 119].

Термин *мифологическая функция* подробно описан в диссертационном исследовании Е.Е. Левкиевской «Восточнославянский мифологический текст: семантика, диалектология, прагматика» [Левкиевская 2007]. **Мифологическая функция** понимается как «маркированное и устойчиво сохраняющееся в традиции действие персонажа, наделенное иллюкутивным значением, вместе с закрепленной за этим действием совокупностью признаков, характеризующих обстоятельства, при которых оно реализуется [Левкиевская 2007: 7]. «Функция по существу определяет коммуника-

тивную цель этих действий (предикатов) – вредительство, помощь, наказание, «творение» и т. п. <...> Для каждой локальной традиции лишь отдельные, немногие предикаты могут считаться идентифицирующими данный МП <...>» [Виноградова 2000: 48].

По Л.Н. Виноградовой, «общий состав действий мифологических персонажей, направленных на человека, сводится к двум противоположным по значению типам: “вредоносные” – “патронажно-попечительные”, тогда как функция “наказывать” определяется не столько характером конкретных действий, сколько их прагматической направленностью (целевой установкой)» [Виноградова 2016: 19]. Е.Е. Левкиевская выделяет еще одну – «полтергейстную» – функцию, когда персонаж совершает действие, «чтоб испугать, потревожить человека, проявляя этим свою демоническую природу» [Левкиевская 2000: 119]. Для того, чтобы определить «функциональную направленность» действия МП, следует «понять его намерения, целевую установку, причину того или иного способа воздействия на человека» [Виноградова 2016: 21–22].

Основные «стереотипы поведения», или привычный набор действий коми-пермяцкого духа дома (наиболее частотным названием этого духа в мифологических рассказах является слово *суседко*) можно условно разделить на несколько частей:

- обнаруживает себя звуковым поведением: гремит посудой; роняет, опрокидывает что-либо; с шумом перемещается по дому; окликает человека; прядёт;

- обнаруживает себя визуально: показывается человеку в том или ином облики;

- совершает действия, направленные на человека: душит, давит по ночам; запутывает / заплетает волосы;

- совершает действия, направленные на животных: плетёт гриву и хвост у лошадей; гоняет, бьет; отбирает корм;

- совершает действия хозяйственного характера: просеивает муку, выпекает хлеб.

Данный набор действий МП можно разделить не только тематически, как это сделано выше, но и по функциональной направленности. Основанием для отнесения действий к той или иной группе является мнение носителя традиции, то есть комментарий к поведению *суседки* и оценка этого поведения с точки зрения влияния конкретных действий духа на жизнь человека.

Анализ коми-пермяцких мифологических текстов о *суседке* позволил выделить три группы функций: «*полтергейстную*» (характеристику см. выше); *прогностическую* (действия МП воспринимаются как предвестник какого-либо события); *общепатронажную* (наказывает домочад-

цев за нарушение норм поведения, выступая «нравственным арбитром» [Левкиевская 2000: 123]. Достаточно велика группа одних и тех же действий, которые отнесены нами к разным функциям. Функция, реализуемая в каждом конкретном действии, определяется содержанием текста, т.е. оценкой цели действия МП человеком.

В соответствии с функциями персонажей мы разделили коми-пермяцкие глаголы, обозначающие действия МП, на несколько групп. Представим каждую из групп.

«*Полтергейстная*» функция реализуется в звуковом поведении МП, злокозненных действиях по отношению к домочадцам и скотине, а также в визуальном контакте МП с человеком. Перечисленный ряд действий обозначается глаголами разных тематических групп.

1) **Звуковое поведение** реализуется в следующих действиях: прядёт со звуком; окликает по имени; с шумом перемещается по дому; моет посуду; опрокидывает, роняет что-либо:

а) **прядёт со звуком: ПЕЧКӖ; УЖЙӖ (чӖрснас)** (прядёт; жужжит (веретенном)): *Суседкуыс пӖ печкӖ, ойбыт пӖ печкис керкуас, ойбыт кыван, а оз адззы Ойбыт пӖ печкӖ, токо кыван, но эта, чӖрсы, чӖрсыс кыдз пӖ бергӖтӖ, сӓ пӖ кывӖ чисто, но огӖ пӖ адззӖ* (Суседко **прядёт**, всю ночь **прял** в доме, всю ночь слышишь, а не видишь. Всю ночь **прядёт**, только слышишь, ну это, веретено, веретено как крутится, это всё слышно, но не видим, мол) (Мижужева Куд.) [ПМК]; *печкансӖ пуктасӖ, и сӓ босьтӖ и этадз чӖрснас увйӖ (ужйӖ), печкӖ.* (прялку поставят, и она [суседко] берёт и вот так веретенном **жужжит/гудит, прядёт**) (Ошиб Куд.) [ПМК];

б) **со звоном моет посуду: (жиль-жоль) МИСЬКАӖ** (моет (со звоном)): *ВисьтавыисӖ, шуӖны, ӧнджа пӖ, комас, бытьтӖ, ӧнджанас жиль-жоль паньбекӖрсӖ миськаӖ...* (Говорили, это самое, мол, на кухне будто, в этом самом, **со звоном (жиль-жоль)** посуду моет) (Плешково Куд.) [ПМК];

в) **опрокидывает, роняет что-л.: БРЯКЙӖ; ПӖРӖТӖ** (стучит; опрокидывает (что-л.)): *Миян сӓйӧн оз и кыв, кыдз ветвӖтӖ, а мукӖдас тай брякйӖ, чисто пӖрӖтӖ* (У нас поэтому и не слышно, как [суседко] ходит, а у некоторых тай **стучит, все роняет/опрокидывает**) (Мижужева Куд.) [ПМК];

г) **окликает человека: КЫТСАӖ (нимнат)** (позовёт/окликнет (по имени)): *Вот мукӖдпырсяс вот узян и жыв кыдз тӓнӖ кинкӖ кытсаӖ нимнат, кыван, шуас: Нина, – пӖ. Мать! Сайман – некин некытӧн абу, чепӖссян, видзӖтчан – некин некытӧн абу.* (Вот иногда вот спишь, и словно кто-то тебя **позовёт по имени**, слышишь, скажет: Нина, – мол. Мать! (руг.) Проснёшься – никого нет, кинешься, осмотришься – никого нет) (Мижужева Куд.) [ПМК];

д) с шумом перемещается по дому: **ВЕТВӨТӨ** (*ходит*): *Ветвөтвис, а ме, шуө, чечча да пызанвас сёян пукта – и дугдө, шуө, ветвөтны...* (Ходил, а я, говорит, встану и на стол еды оставлю – и перестаёт, говорит, ходить...) (Зар. Пешнигорт Куд.) [ПМК].

2) Действия, направленные на человека и животных:

а) спутывает/заплетает волосы человеку: **КЫЙӨ** (*юрси*); **КАТТЬӨ** (*юрси*) (заплетает, спутывает (волосы)): *а мэ·ным өнэ·т' йурс'и·өс кы·лө сус'э·ткос. о·г вэрмы вэ·с'көтлыны. <...>* А мне опять волосы заплетает домовой. Не могу выпрямлять [их] (Мысы Гайн.) [Понмарёва 2016: 304 – 305]; *Суседкуыс пө бөра вот или челядьысвись, или өнджаэсвись юр бөрсө юрсисө көс пэ эсті каттьэм...* (Суседко, мол, опять или у детей, или у этих самых на затылке волосы совсем, мол, вот тут спутал...) (Мижужева Куд.) [ПМК];

б) давит/душит спящего человека, прыгает на груди: **ЛЯПӨТӨ**, **ЛЯПКӨТӨ**, **ЛИЧКӨТӨ**; **ДАВИТӨ**; **НЫРЫШТӨ**; **КУТЧИСЬӨ**; **ПУКСЬӨ** (*моросвө*); **ПУКАВӨ**; **ПӨДТӨ**; **ЧЕЧЧАВӨ**; (прижимает (в сл. *ляпөтө* с пометой фольк. 'душить'); давит; хватается/держится (за человека); садится (на грудь); сидит; душит; прыгает (на человеке)): *Мукөдысвись кывви пөриссесвись, моросвө пө пуксьө да өнджа керө, давитө кыдзи мороссө* (От некоторых слышал от пожилых, на грудь садится да это самое делает, давит как на грудь) (Ошиб, Куд.) [ПМК];

в) закрывает, зажимает рот человеку, ударяет по губам: (**өмтө**) **КУТӨ**; (**өмтө**) **ТУПКӨ**; **ЗАВАРИТӨ** (*өм кузя*) (зажимает (рот), закрывает (рот); ударяет (по губам)): *...вроде бы, шуө, кыдз бы ог узь и узя эшө, сйя, шуө, кыдз мейм заваритис өм кузям кинкө, дзирьит токо, шуө, воктис. Ме, шуө, синнэөс осьтышти, сйя, шуө, сьөд, шуө, котөртис сэтчин...* (...вроде бы, говорит, как бы не сплю и сплю ещё, он, мол, как мне ударил по губам кто-то, горячо только стало, говорит. Я, мол, глаза открыл, он, говорит, чёрный, говорит, побежал туда...) (Егорово Куд.) [ПМК];

г) разбрасывает что-л. **ШЕНТӨ** (*еннэсө*) (бросает/разбрасывает (иконы)): *Домовик! Енповкавысис тай еннэсө өни шентаввис.* (Домовик! С божницы тай иконы раскидал/бросил недавно) (Плешково Куд.) [ПМК].

д) пугает кур: **ПОВЗЬӨТВӨ** (*курөггезөс*): «*Курөггезэ токо: теньеру-теньеру, – пондасө горыны. Суседкоыс пө ползьөтө* ("Куры начинают кудахтать: теньеру-теньеру-теньеру. Это, мол, суседко пугает")» (Коса Кос.) [Голева 2010: 59].

3) Обнаруживает себя визуально: **ПЕТӨ** (выходит (в знач. 'показывается')): *пэ·талис да тул ы·лас ө·шөччис да ө·шалис, ө·шалис. сэ·с'с'а джо·джас лэ·ччис'ис вөл'и·с'.* <...> Выходил он и на гвоздь повесился и висел, висел. Затем на пол он спустился. (Верх. Будым Гайн.)

[Пономарёва 2016: 347]; *А этён вон, садикас Б. К. ёнджа керис, сторожитис ойнас, да петёма кытшюмкё съод: «Воктё, чочком коккеён динам...»* (А здесь вон, в садике Б. К. это самое делал, сторожил ночью, и вышел какой-то чёрный: «Идёт с белыми ногами ко мне...») (Ошиб, Куд.) [ПМК].

Прогностическую функцию воплощают такие группы действий: звуковое поведение; визуальный контакт с МП; злокозненные действия:

1) Звуковое поведение:

а) с шумом перемещается по дому: ВЕТЛӨТӨ; ТУРС-ТАРС ПЕТӨ; КОТРАСЬӨ (ходит; выходит со стуком, бегаёт): *«кокишы сы лис' кы ли. джо джот вэтлө-тө н'инкө-мөн, турс-тарс өтө рө нэ-тө. на добро си'йа оз мыччас'.* <...> Звук его ног я слышала. По полу ходит в лаптях, стучит [ногами], на улицу выходит. К добру он не показывается <...> (Лобозово Коч.) [Пономарёва 2016: 48];

б) прядёт: ШВЫР-ШВЫР-ШВЫР ПЕЧКӨ; БЫГ КЕРЫШТАС (швыр – изобразит. быстро/со звуком прядёт; со звуком веретено крутит): *Миян мамө мыйкө тай шуввис, что, то ли жениксаяс мунтөдзис, то ли мый, ойнас кывасө, что кинкө швыр-швыр-швыр печкө. Ся суседкоыс пө печкө, а мый одзын ся печкө, может, жениксаяс мунтөдзис ли мый ли.* (Наша мама что-то тай говорила, что, то ли перед замужеством, то ли что, ночью слышали, что кто-то швыр-швыр-швыр прядёт. Это суседко, говорят, прядёт, а перед чем он прядёт, может, перед замужеством или что) (Ошиб Куд.) [ПМК];

в) прыгает, роняет что-либо: ЧЕЧЧӨВТӨ; УСЬКӨТӨ (прыгает; роняет): *Но ся, видимо, сетө предсказаниеэз, но мыйкө умөль ли мый, вот мыйкө керө, творитө, значит мыйкө одзын.* <...> *Мыйкө, пө, токо кам керис! Нөджаа – некин некытөн абу. Ну, этө, значит, ся кытөнкө мыйкө или чеччөвтис, или мыйкө ся уськөтис, а абу эд нем некытөн, а некин абу.* (Но он, видимо, (досл.) даёт предсказания, ну, что-то плохое что ли, вот что-то делает, творит, значит перед чем-то. <...> Что-то, мол, только кам (звукоизобр.) сделало! Осматриваюсь – никого нет. Ну, это, значит, он где-то что-то или спрыгнул, или что-то он уронил, а ведь нет нигде ничего, а никого нет) (Гурино, Куд.) [ПМК].

2) Обнаруживает себя визуально:

а) ПЕТӨ; МЫЧЧАСЬӨ (выходит; показывается): *А вот пө петө, мыччасьө да мый да, шуввисө. [А ся бур одзын или умөль одзын мыччисьө?] Умөль одзын, натьтө.* (А вот, мол, выходит, показывается да что да, говорили. [А она перед хорошим или плохим показывается?]) Перед плохим, наверное) (Ошиб Куд.) [ПМК];

б) ПРИКАШАЙТЧӨ (мерещится): *Мыйкө тай щемаас если умөль мыйкө воө, прикашатчө, шуасө, вот ся эд мыйкө мыччавө... <...> Вот*

тай мыйкө усьö... <...> Но Артемьевнаыс адззыис, да, можот, сiя шогаис ни... кудм одзас, можот, адззыис. Сiдз-тö он адззыа сiйö, домовöйсö (Что-то если в семье плохо будет, может **привидеться**, скажут, вот ведь он что-то показывает... Вот тай что-то падает... <...> Ну вот Артемьевна видела, да, можот, она болела уже... перед смертью, можот, видела. Так-то не видишь его, домового) (Мижужева Куд.).

3) Действия, направленные на человека:

а) мучит человека: **ДАВИТÖ; ЛЯПКÖТÖ; НЫРЫШТÖ** (давит; прижимает; придавливает): «сус'э·тко-то да·витö, то·жö н'э г добру· мэ·нö-то а·чымöс да·витлис ко·ркö нö·рысын о·лигö. куз' йурс'и·а, чики·с'с'эа ны·лка ро·но мэ ды·нö ло·ктис. <...>. “сус'э·душко-ба·т'ушко, до·бро л'и, ку·до л'и?” – мэ сы·лис' йу·ала. “ху·до”, – си·йа шу·ис. шо·ныт пэ·л'ам ло·ктис. а кө·дзытөн кө пö ло·ктас, си·йа пö öд'д'ö·н умö·л'. <...> Домовой-то давит, тоже не к добру. Меня (себя) давил когда-то [домовой], [когда] в [деревне] Мысы я жила. Как будто девушка длинноволосая, с косами ко мне подошла. <...> “Соседушко-батюшка, добро или худо?” – я у него спрашиваю. “Худо”, – он сказал. Теплом дало в моё ухо. А если холодом, мол, даст, это, мол, очень плохо» (Мысы Гайн.) [Пономарёва 2016: 280]; *А көркö нывканым бабушка менö кузь юрсиа нырышитис... А сэсся жöниквам мунi скоро* («А когда-то, девушкой я еще была, бабушка с длинными волосами меня давила... Вскоре после этого я замуж вышла») (Трапезники Куд.) [Голева 2010: 73].

Общепатронажная функция представлена в следующих действиях:

1) Обнаруживает себя звуковым поведением:

а) гремит посудой: **ЖЕЛЛЬÖ (бекöрпань)** (стучит / брякает (посудой): *желльö пö бекöрпаньсö, сэж пö вöгасьö, ли мылли.* (брякает/стучит, говорят, посуду, тогда он злится, что ли) (Ошиб Куд.) [ПМК];

б) опрокидывает, роняет что-л.: **ПÖРÖТÖ (мыйкö); ШЕНТÖ; БЕРГÖТÖ** (опрокидывает (что-то); кидает; переворачивает): *сiя вот токо пöрöтö мыйкö, если мыйкö не сы сьöрти <...> если мыйкö сыö не пö сы сьöрти, сiя пö шентö. Даже вот мукöдыс кыöмась, бергöтö, шентö пö вот, сiйö баитисö сiдз, что вот этö керö, пöрöтö да мый да сэтишöмсö* (он вот только **опрокидывает** что-то, если что-то не по нему. <...> если что-то не по его, он, говорят, **бросает**. Даже вот некоторые слышали, **переворачивает, бросает**, мол, вот, это говорили так, что это он делает, **опрокидывает** да что да) (Гурино Куд.) [ПМК].

2) Действия, направленные на человека и животных:

а) запутывает человеку волосы: **ДЗУГÖ (юрси)** (делает колтун (в волосах)): [*Сiя пö вермас кыйны юрси, ну, кыйны или дзугны?*] *Дзугö. [Мый баитвисö сы йылись?]* Но, что мыйкö оз любит. [*Оз любит сiйö мортсö, көдывись дзугис?*] Да, да, да. («[Он, говорят, может заплести во-

лосы, ну, заплести или колтун сделать?] **Колтун делает.** [Что говорили об этом?] Ну, что что-то не любит. [Не любит того человека, которому колтун сделал?] Да, да, да») (Ошиб Куд.) [ПМК];

б) мучит человека: ДАВИТӢ; ВОДӢ (давит; ложится (на человека): [А вот эшӢ шуӢны давитӢ пӢ]. *ДавитӢ.* <...> *Сія водӢ пӢ, тожо морт, кӢда оз гленитчы <...> сія сыввӢ водӢ и давитӢ.* [МыйвӢ?] *Оз ков сія мортыс.* ([А вот ещё говорят давит, мол]. *Давит.* [Это перед чем? Зачем она давит?] Она **ложится**, говорят, тоже (на) человека, который не нравится <...> она на него **ложится и давит.** [Зачем?] Не нужен этот человек.) (Ошиб Куд.) [ПМК];

в) плетет гриву и хвост лошадям: КЫЙӢ (бурси, чикись, бӢж); ВЕРМӢ ПЕРПУТАТЬ (юрсиэз); КАТТЬӢ (баличчез); (плетёт (гриву, косу, хвост); может перепутать (гриву); заркучивает (косы/гриву)): *вӢллӢ тожӢ бур'и кыллӢ. йэ'сл'и рад'эйтӢ сус'э'ткос, си'йа чики'с' кыллӢ. ос кӢ рад'эйт, врэ'д'итӢ, да'витӢ.* <...> Лошади тоже гриву **плетёт.** Если любит домовой, он косу **плетёт.** Если не любит, вредит, давит (Мысы Гайн.) [Пономарёва 2016: 304 – 305];

г) отбирает корм у не понравившейся скотины; кормит понравившуюся: БОСЬТӢ (турун); НУӢТӢ (мӢдлӢ), СЕТӢ (мӢдлӢ); ВЕРДӢ (турунӢн) (берет (сено); уносит (другому) отдаёт (другому); кормит (сеном)): «*ми'йӢ вӢлйэз ви'дзлим. ко'дйа н'э двор сус'э'ткотлӢ, си'йа о'дзис' бо'с'талас турун'сӢ и ну'ас, мӢ'длӢ с'э'тас, мӢд вӢллӢ. н'э двор кӢ, си'йа оз рад'э'йт скӢ'т'инайэстӢ.* <...> Мы коней держали. Кто не двор [не подходит] домовому, он у него ('из переда') **возьмёт сено и унесёт, другому отдаст коню.** Если не двор [не подходит], он не любит скотину» (Верх. Будым Гайн.) [Пономарёва 2016: 347]; *КӢдӢ любитӢ, дак турун'нас вердыввӢма суседкоыс.* (Которую любит, так **сеном** суседко **кормил**) (о скотине) (Корчевня Куд.) [Голева 2010: 59];

д) гоняет домашних животных: РЕПӢТВӢ (каньсӢ); (гоняет (кота)): *Короче... ойбыт сія каньсӢ репӢтвис нывись, сія... узьны ния эз вермӢ первой времясӢ ойесӢ. Сія сійӢ эз примит, вот. Да ме ветви, гӢснеч пункті сывӢ пызан увтас да баиті ськӢт, чтоб сія сійӢ примитіс.* <...> *СӢ, сӢсся эз понды репӢтвыны каньсӢ.* (Короче... всю ночь их кота он **гонял**, он... спать они не могли в первое время по ночам. Он её не принял, вот. И я сходила, гостинец положила ему под стол и поговорила с ним, чтоб он её принял. <...> **Всё, потом не стал гонять кота**) (Ошиб, Куд.) [ПМК].

з) действия хозяйственного характера: ПЕТКӢТӢ (пизь); ПӢЖНАЛӢ (пизь); ВАЛЯЙТНӢ (нянь); СЮЙӢ (нянь горӢ) (выносит (муку), просеивает (муку), (стала) валять (хлеб); засовывает (хлеб в печь)): «*пис' пэ'ткӢтис.* <...> *зала'вка [1] пунктис с'э'л'н'ичасӢ и та'дзи по'жналӢ. и по'ндис ва'л'айтны н'а'н'сӢ. э'с'а горӢ по'нис с'у'йалны*

н'а·н'сѡ. мэ чэ·ччышти, шу·а: “ка·т'а т'о·тка, ка·т'а т'о·тка! су·с'эткот гѡлбэ·чс'ис нэ·тис, да, ви·дзѡ, н'ан' нѡ·жалѡ”. <...> **Муку** она **вынесла**. <...> На залавок положила она селъницу и так **просеивает** [муку]. И стала *она* **валять хлеб**. Затем **в печь стала засовывать хлеб**. Я встала, говорю: “Тётя Катя, тётя Катя! Домовой из голбца вышел, и, смотри, хлеб печёт” (Верх. Будым Гайн) [Пономарёва 2016: 315].

Таким образом, рассмотренный нами материал показывает, что действия, приписываемые *суседке*, чаще всего осознаются как злокозненные и реализуют «полтергейстную» функцию МП. Прогностическая и общепатронажная функции представлены примерно в равной степени, эти действия интерпретируются то как предвестник какого-либо события (обычно негативного), то как форма недовольства МП в связи с нарушением человеком правил поведения, принятых в традиционном обществе, или правил взаимоотношения человека с МП.

Глаголы, представленные в данном разделе, говорят о тесной связи персонажа с человеком: МП воспринимается органами зрения и слуха, в связи с чем в мифологических текстах много глаголов звучания (*желльыны* ‘брякать’, *стукѡтны* ‘стучать’, *ужйыны* ‘жужжать’) и перемещения в пространстве (*котрасьны* ‘бегать’, *ветвѡтны* ‘ходить’). Кроме того, широко представлен в мифологических текстах следующий мотив: *суседко* приходит к человеку ночью и давит/душит его, прыгает на нем, спутывает волосы и т.п. Этот мотив физического контакта МП с человеком нашел отражение в соответствующей глагольной лексике (*нѡдтыны* ‘душить’, *ляпкѡтны* ‘давить’ *чеччавны* ‘прыгать’, *кыйны* ‘заплетать’).

Набор релевантных действий и функций позволяет наметить основные тенденции в формировании образа персонажа, позволяет опознать его среди других МП. Описанные в настоящей статье функции МП направлены на мир человека и чаще всего трактуются носителями культуры как предвестники какого-либо события (чаще всего отрицательного), служат маркерами нормативного поведения людей. Представленный набор функций не является исчерпывающим. Продолжающийся сбор материала по теме позволит в дальнейшем выявить территориальные особенности МП.

Библиографический список

Виноградова Л. Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М.: Индрик, 2000. 432 с.

Виноградова Л. Н. Мифологический аспект славянской фольклорной традиции. М.: Индрик, 2016. 384 с.

Голева Т. Г. Мифологические персонажи в системе мировоззрения коми-пермяков. [Электронный ресурс] СПб.: Издательство «Маматов», 2010. 272 с.

Климов В. В. Жили-были. Коми-пермяцкие сказки, легенды, сказы, предания, былички и бывальщины на коми-пермяцком языке. Том I. Пермск. кн. изд-во, Кудымкар, 1990. 366 с.

Левкиевская Е. Е. Восточнославянский мифологический текст: семантика, диалектология, прагматика: дис. ... док. фил. наук. 2008. 634 с.

Левкиевская Е. Е. Демонология народная / Под общей ред. Н.И. Толстого // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах. Т. 2. М.: Международные отношения, 1999. С. 51–56.

Левкиевская Е. Е. Мифологические персонажи в славянской традиции. I. Восточнославянский домовой / Отв. ред. С.М. Толстая // Славянский и балканский фольклор. Народная демонология. М.: Индрик, 2000. С. 96–161.

Пономарёва Л. Г. Речь северных коми-пермяков: Монография. М.: Языки Народов Мира, 2016. 514 с.

A.V. Krotona-Garina

Master Student of Philological Faculty
Perm State University

I. I. Rusinova

Associate Professor of Theoretical and Applied Linguistics Department
Perm State University

FUNCTIONS AND ACTIONS OF THE SPIRIT OF THE HOUSE (on the material of Komi-Permian mythological stories)

The main actions and functions of the one of the characters of the Komi-Permian mythological system – the spirit of the house in the modern mythological tradition are considered. It is based on the material of the mythological stories about this character.

Key words: folk demonology; actions and functions of the spirit of the house; house-goblin; Komi-Permian language.

Лобанова Алевтина Степановна
доцент кафедры методики преподавания
русского языка и литературы
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
lobanova@pspu.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ИЗУЧЕНИИ МЕТАФОРИЗАЦИИ КОМИ-ПЕРМЯЦКИХ НАИМЕНОВАНИЙ НАСЕКОМЫХ

*Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ 17-14-59001 «а(р)»
«Фразеология коми-пермяцкого языка в контексте традиционной коми-пермяцкой
культуры»*

Статья выполнена на материале коми-пермяцкого языка и посвящена выявлению мотивационных признаков, реализующих народные представления, связанные с микромиром насекомых. Предпринята попытка обоснования символически нагруженных наименований представителей названного класса (*черань* ‘паук’, *той* ‘вошь’, *серöv* ‘гнида’ и др.). Ономаσιологический анализ энтомологической лексики показывает, что в основе вторичной номинации чаще всего оказываются внешние особенности и физиологические характеристики насекомого.

Ключевые слова: коми-пермяцкий язык, наименования насекомых, этнолингвистика, мотивационный признак.

В настоящей статье попытаемся подвергнуть лингвистической реконструкции коми-пермяцкие народные представления, связанные с микромиром насекомых.

Предметом анализа послужили наименования насекомых, функционирующие в современном коми-пермяцком языке, а также семантические дериваты, образованные на базе энтомологической лексики, устойчивые выражения (сравнения), компонентами которых являются названные обозначения.

Выбор объекта исследования продиктован, в первую очередь, недостаточной изученностью данной лексико-тематической группы; до настоящего времени она редко становилась объектом исследования [Меркушева 2003; Лобанова 2013]. Кроме того, хотелось выяснить, почему в коми-пермяцком языке это одна из самых «не наполненных» групп лексики (по сравнению с подобной группой русского языка, в котором мотивационные модели, связанные с насекомыми, представляют собой большое разнообразие). Следует помнить, что избранная для анализа группа слов пред-

ставляет большой интерес с точки зрения антропологической парадигмы исследования языка, прежде всего, в силу специфического отношения человека к миру насекомых. Насекомые представляют собой особую «касту» среди представителей животного мира, благодаря своей мизерности и осязаемой вовлеченности в мир человека.

Это, казалось бы, должно создавать яркую палитру их наименований в языке и символическую разработанность в народной культуре. Однако лексических единиц, реализующих семантику 'насекомое', в языке коми-пермяков немного, мы насчитали около сорока наименований. Судя по всему, данная группа не отличалась большим разнообразием и в прошлые времена. Так в наиболее полном пермяцко-русском и русско-пермяцком словаре XIX века Н. Рогова (1869) их зафиксировано 29. В словаре Ф. А. Волегова (1833) содержится 13 словарных единиц, касающихся наименований насекомых [Лобанова 2013: 49].

Еще в меньшей степени представлены диалектные лексемы данной группы. Выделяется лишь *божья коровка*, которую в разных ареалах распространения языка называют то *боба* (лит.), то *енбобо* досл. 'божье бобо', то *енкутю* досл. 'божья курочка', то *енгаг* досл. 'божий червь', то *енюшка* досл. 'божий бык'. Незначительное количество наименований насекомых, отсутствие большой лексической вариативности, видимо, связано с тенденцией неразличения отдельных видов насекомых внутри своего класса и с малой значимостью самой реалии.

Лингвисты, занимаясь подобными исследованиями, насекомых внутри класса подразделяют на две группы: «нечистые» и «чистые». К первой группе относят вредных насекомых, тесно смыкающихся с гадами, о чем свидетельствуют их экспрессивно-негативные обозначения, типа *гадина*, *гнусье*, *поганая муха* и др. Вторую группу составляют так называемые «чистые», «богоугодные» насекомые (пчела, *божья коровка*, муравей, светлячок), характеризующиеся положительной оценкой номинатора, что проявляется в наименованиях типа *божий огонек*, *божья угодница*, *божья мушка*, *душа* [Кривошапова: эл. ресурс].

Коми-пермяцкие наименования также можно рассмотреть в этой классификации: *той* 'вошь', *серöv* 'гнида', *зі* 'оса', *сітöсь гут* 'поганая муха' – составляют первую группу; *бабыв* 'бабочка', *енкутю* 'божья коровка', *кöдзыв* 'муравей' – вторую.

Ономасиологический анализ коми-пермяцких энтомосемизмов, который был нами предпринят в статье «Основные способы номинаций насекомых в коми-пермяцком языке» [Лобанова 2013: 48-52], говорит о том, что они в большинстве своем сохранили прозрачную внутреннюю форму или же она (форма слова) подвергается ожидаемой этимологическо-словообразовательной интерпретации в рамках исследуемого языка.

Представляя классификацию мотивационных признаков, участвующих в образовании этой группы, мы выделяли следующие номинации:

1) цвет, превалирующий во внешнем облике насекомого: *сьöd черань* (досл. ‘черный паук’) ‘крестовик’;

2) место обитания; в данной группе выделяли подгруппы: а) вода, где обитают и (или) размножаются насекомые: *ватаракан* (досл. ‘водный таракан’) ‘водомерка’; б) лес, где обитают и (или) размножаются насекомые: *вөрлудык* ‘лесной клоп’; в) растения, на которых обитают и (или) размножаются насекомые: *турунсерёв* (досл. ‘травяная (сенная) гнида’) ‘тля’;

3) свойства и качества, которыми наделены насекомые: *льёмтой* (досл. ‘липучая (прилипающая вошь’) ‘клещ’;

4) внешние признаки насекомого: *борда кёдзыв* (досл. ‘крылатый муравей’) ‘крылатый муравей’;

5) способы, особенности издаваемых ими звуков *чирскан* (от изобр. *чирс-чирс*) ‘кузнечик’ [Лобанова 2013: 49-52]. По сравнению с подобными классификациями наименований насекомых других языков – это очень бедная классификация.

Относительно культурно-мировоззренческой составляющей, связанной с насекомыми, следует сказать, что она присутствует в некоторых обрядах (обряд, направленный на избавление от икоты – где икоту представляют в виде мухи или белой бабочки). С ними связаны некоторые приметы и предостережения: увидишь паука, сползающего по паутине вниз, – к неприятностям, вверх – к добру, успеху; черного паука можно убивать, а коричневого – нет; нельзя убивать муху во время поминок – душа прилетела в этом образе. Пауки и их паутина, мухи также являются своеобразными атрибутами колдунов (с их помощью «напускают» икоту). Относительно последнего момента интересно сказал В. Климов. *Оння коми-пермяцкөй тöдись абу ыджыт вына да авторитета и частожык тöдö роч кёрткыв, но «отсалöны» сылö только комилö тöдса черöшлан, кульчунь, сьöдгыж (частожык — ош гыж), «вына туруннэз» и нельки шойчунь. Вескөтчикö ния «уджалöны» ен нимöн, тшыкөтчикö — куль нимöн (коми язычниклөн кульыс вöвлі тожö ен). Лекарствоён лöны: нянь, сов, ва, лы, чераньвез, кум годён косьмём кольть, гаг ви, дзöдзыв тизь да берсяторыс. Эмось заговорённöй йиэз, кушаккез, чышкөттэз, йөрнös-вешьян, кöднö «суд оз босьт» (Современный коми-пермяцкий колдун не очень силен и авторитетен. Чаще всего он знает русский заговор, но «помогают» ему только коми человеку известные черöшлан (обряд подвешивания топора), камыш, черный коготь (чаще – медвежий), «сильные травы» и даже палец покойника. Их лекарствами являются: хлеб, соль, вода, кость, пау-*

тина, трехгодичной давности высушенное яйцо, масло червей, мука ящериц и всякая всячина) [Климов 1991: 9].

Так же как у всех славян, у коми-пермяков распространены представления о насекомых как образе души: душа покидает тело человека в виде мухи, бабочки. В виде мухи или бабочки посещает родной дом после смерти в дни поминок, с душами живых членов семьи отождествляют зимующих в доме мух.

Известны ритуально-магические способы выведения насекомых. Например, с помощью заговоров пытаются вывести клопов, тараканов. В качестве примера приведем один вариант заговора: *Бытшйӧммез мяян, басӧккез мяян! Эта мында олим ӧтлаын, эта бурна радейтим ӧтамӧд-нымӧс, да колӧ янсӧтчыны: лоис мяянын кӧдзыт, лоис дзескыт. Пуксьӧтимӧ тиянӧс виль каретаӧ да нуӧтамӧ виль патераӧ. А тийӧ нуӧтӧ сьӧраныт деднытӧ-бабнытӧ, айнытӧ-мамнытӧ – быдӧс увтырнытӧ* (Хорошие наши, красивые наши! Так долго жили вместе, так любили друг друга, но надо расставаться: стало у нас холодно, стало тесно. Посадили мы вас в новую карету да увезем в новую квартиру. А вы возьмите с собой своих деда-бабку, отца с матерью – весь свой род) [Климов 1991: 85].

Даже народная загадка может быть посвящена известному насекомому: *Шогмӧм и ӧтпыр еныслӧ абу юрбитӧм, кулӧм и ӧтпыр еныслӧ абу каитчӧм* (досл. ‘Родился и ни разу богу не помолился, умер и ни разу перед богом не покаялся’) [Красный круг по небу катается 2010: 67]. В ней речь идет о вши. Следует отметить, что насекомые в этом фольклорном жанре довольно часто становятся объектом загадывания.

Нельзя сказать, что анализируемые наименования часто встречаются в составе фразеологизмов, тем не менее такие имеются. Так, человека маленького роста могут назвать *ном котомка* (досл. ‘котомка комара’), причем это название может быть адресовано как ребенку, которому еще предстоит вырасти, так и взрослому, который в силу своих физиологических особенностей остался маленького роста. Выражение *номмез вердны* (досл. ‘комаров кормить’) имеет семантику ‘бесполезно, зря проводить время’. *Номмесӧ вердӧв-керим, а делоньм нем эз пет* досл. ‘Комаров очень долго кормили, а дело наше так и не наладилось’. Чаще всего интересующие лексемы подвергаются метафоризации в составе устойчивых сравнений. Именно на них строится данная статья. Здесь лишь отметим, что вне контекста коннотации подвергается энтоним *зи* ‘оса’. Он характеризует злого, неуживчивого человека. *Но тэ и зи* досл. ‘Ну ты и оса (в зн. ‘злой’)’. Остальные наименования при переосмыслении нуждаются в контексте, хотя бы в минимальном лексико-грамматическом сопровождении.

Некоторые насекомые, например, моль (*скӧр*), шмель (*балямош*), стрекоза (*юрсигусь*) представлены в языке (а значит, и в народной культу-

ре) очень скупо. У них либо вообще отсутствуют семантические дериваты, либо минимум фразеологических образований и слабая репрезентативность в фольклорной и обрядовой традиции. Но образы отдельных насекомых, напротив, характеризуются ощутимой лингвокультурной маркированностью и этнолингвистической информативностью. К числу последних можно отнести, например, паука (*черань*), вошь (*той*), муху (*гут*), гниду (*серөв*).

Как отмечает Е. Л. Березович, с точки зрения когнитивного генезиса подобная символическая избирательность этнокультурной информации «связана скорее с работой чувственно-эмпирического мышления, нежели рационально-логического» [Березович 2007: 9].

Отличительной чертой коми-пермяцких наименований насекомых при возникновении ассоциативных образов является практически отсутствующая гендерная привязка, что исключено при подобной ситуации в русском языке.

Одним из самых коннотированно нагруженных наименований является *черань* ‘паук’. Довольно отчетливо вырисовываются (иногда противоположные) мотив богатства, мотив обмана (способность плести интриги), состояние беременности, способность легко перемещаться с места на место. Отобранные лексические материалы демонстрируют следующее: словом *черань* ‘паук’ чаще обозначают беременную женщину, номинация имеет отрицательную коннотацию. Приведем контекст, который очень удачно реализует эту мотивационную нагрузку. *Василисаыс тыра. Кынөмыс ыджыт – нырыс вылө кайис ни, сійө и видзөт, кызд керрес пичкыртасө-нилясө. Жаль инькаыс. Йөзлө жаль, а Митрейыс кутчисис посөдзыс вевдөрө лэбтыны тёс, ыксö: «Черань! Кут тёссö да вөрөтчы! Чөскыта бы сёян, шоныта узьлан, а дышыт петө уджавнытө. Тэрмась!»* (досл. ‘Василиса наполненная (в зн. ‘беременная’). Живот большой – на нос уже полез, того и смотри, бревна ее раздавят. Жалко женщину. Людям жалко, а Митрей затеял поднимать на крыльцо тёс (плахи), кричит: «Паук! Держи плаху да пошевеливайся! Есть хочешь вкусно, спать – тепло, а работать ленишься. Пошевеливайся!») [Федосеев 1991: 52].

Большой живот может явиться причиной применения данного слова и для мужчины. *Ашынас жө нырис Льөминаись вижлок өма, черань кынөма Пороз Миков, вожмөвтис порогсö, кыз кынөмсö дундөтис и горөтчис...* ‘На следующий же день в дом вошел из Льөмина (название деревни – А.Л.) большеротый, с животом паука Пороз Миков, перешагнул порог, выпятил толстый живот и сказал ...’ [Там же: 113].

Если выражение *черань кынөм* досл. ‘паучий живот’ – ожидаемое сравнение, то сравнение *черань кок* досл. ‘паучья нога’ не имеет такой прозрачной мотивации. *Оз кывзисьö черань коккезö, коскө висьö, пельпон-*

нэз дзуртõны, кынõм сималõ, горш косьмõ, сьõлõм гудрасьõ «Не слушаются меня паучьи ноги, поясница болит, плечи скрипят, есть хочется, пить хочется, тошнит» [Там же: 135]. Скорей всего, в данном случае слегка переваливающийся во время движения паук дал повод перенести этот образ на больные ноги.

В устойчивых сравнениях с данным компонентом может реализоваться и способность паука легко перемещаться по своей паутине. *Зонкаыс вичку крышаыс вывсянь черань моз кыссис ни медджуджыт вичку юрыс вылõ, медодз чылис золотõй рõма шарыс дынõдз, сэтõн шоччисис и одзлань пондис веклясьны* «Молодой человек словно паук полз с крыши церкви на самую высокую колокольню. В первую очередь дополз до золотого шара, здесь отдохнул и дальше стал вилять-ползти» [Там же: 57]. Внешние признаки насекомого и его физиологические способности позволили возникнуть обозначенным выше коннотациям.

С этим насекомым ожидаемо выстраивается и мотив обмана, коварства (обвивать, окутывать паутиной). *Морт ме любопытственной... Мыся, поди, эта чераньыс кутас тәнõ аслас везõ* «Человек я любопытный ... Вот думаю, может этот паук сумеет поймать тебя в свою паутину» [Минин 2015: 99].

Как паук вьет паутину, так и человек собирает в свою копилку разные материальные ценности, то есть мотив обогащения также реализуется с помощью этого образа. *Годись годõ богатсялис, кыздз черань, крепитис монастырсõ: донна ликкез õктис, каменнõй вичку строитис, виль музз весõтис, уна вõввез да мõссэз видзис* «Из года в год богател; словно паук, укреплял монастырь: дорогие лики собрал, каменную церковь построил, новые земли расчистил, много лошадей и коров держал» [Там же: 165].

Приведенные выше материалы говорят о том, что образ паука (*черань*) в коми-пермяцкой лингвокультурологии выстраивается в двух плоскостях. С одной стороны, внешние признаки насекомого, с другой стороны, его способности послужили названных мотивов.

Интересные ассоциации возникают с наименованием *той* «вошь». В коми-пермяцкой лингвокультурологии с ним связан, в первую очередь, мотив богатства. Каждый раз, намереваясь приобрести дорогую вещь, можно услышать выражение типа *А тойетõ õктин ни?* «А вши свои уже собрал»? Эту особенность отмечал и В. М. Янович в этнографическом очерке «Пермяки»: «Не иметь вшей – не к добру» [Янович 1903: 11]. Данная мотивационная нагрузка встречается и в художественных текстах. *«Но тэ и богатõй лоõмыт, – мужикыслõ горõtчис инька. – Тойетõ сымда вайõмыт, что паськõмтõ полі миськавны. Лонти банясõ да горас вешьянтõ соти»*. («Ну ты и богатым стал, – ответила мужчине женщина. – Вшей столько принес с собой, что одежду побоялась стирать. Истопила

баню и в печи штаны сожгла' [Федосеев 1991: 178]. Подобные параллели можно обнаружить и в других традиционных культурах. «Мотив богатства в связи со вшами представлен в различных приметах, поверьях и фольклорных текстах. Согласно русским, белорусским, польским и болгарским приметам, на кого нападают вошь или у кого их много, тот будет богатым, получит деньги. У всех славян распространено толкование сна: вши снятся к деньгам, к богатству.

Устойчивые выражения с этим компонентом реализуют еще такие особенности насекомого, как назойливость, медлительность, неповоротливость. Остановимся на некоторых примерах. *Айсö кыдз пондисö сёйны тойез, пондис жöдзны керкуас, сийö и керис видзöтлис öшынöт öтöрö* 'Отца словно стали вши кусать (досл. 'пожирать, есть'), стал метаться по дому, то и делал, что выглядывал через окно на улицу' [Там же: 49]. *Той моз вöрöтчö хозяйкаыс – кыскö кадсö, босьтö пань да бекöр, петö керкусис и посöдзын пондö керавны кын капуста* 'Словно вошь шевелится хозяйка (в зн. 'медлит') – время тянет, берет ложку и чашку, выходит из дома и в сенях начинает рубить мерзлую капусту' [Там же: 85].

Семантически близки к последним приведенным примерам устойчивые сравнения с компонентом *таракан*. *Коккес нильдöны нитшыс вылын, и сия таракан моз педзö öтик местаын* 'Ноги скользят по мху, и он словно таракан топчется на одном месте' [Там же: 156]. Если попытаться продолжить составлять семасиологический «портрет» таракана, то надо отметить, что коми-пермяки обращают внимание на его тонкие ноги, на его паразитизм и довольно низкую живучесть. Например: *Йöрнöссö пыж кынöмат кышав, вешьянсö таракан коккезат кöмав, шапкасö бöб юрыт вылö пукты* досл. 'Рубаху на свой живот-лодку надевай, штаны на свои тараканьи ноги надевай, шапку на свою дурную голову клади' [Там же: 221]. *Кыдз рюмкасис юан, сидз и клин да мох, сэтöн жö таракан моз пезьдан!* досл. 'Как из рюмки выпьешь, так и клин да мох, тут же словно таракан теряешь равновесие' [Там же: 236].

Мотив назойливости характерен и для энтомонима *гут* 'муха'. Надо полагать, что он мог возникнуть под влиянием русской культуры. *Мый тэ синнэтö мöртин морос бердам, кыдз гут маторö лякасис. Мужик эм мужик* 'Что ты уставился своими глазами на мою грудь, словно муха к кусочку меда прилип. Мужик он и есть мужик' [Канюков 1997: 363].

В некоторых комментариях нуждается и наименование *серöv* 'гнида'. В языке коми-пермяков оно ассоциируется с очень маленькими размерами и выступает в составе устойчивого сравнения *серöv ыжда* 'величиной с гниду'. Чаще всего оно применимо для сравнения с семенами, с крупами и другими мелкими предметами. *Серöv ыжда только кушман кöдзысыс, да ог адззы кöдзны* 'Семена редьки размером только с гниду,

поэтому не вижу их сеять'. Получается, что у коми-пермяков гнида не вызывает таких отрицательных ассоциаций, как у русских.

Таким образом, наименования насекомых, функционирующие в языке коми-пермяков, не выделяясь богатой символикой, тем не менее связываются с разными концептами. Их семантическая нагрузка может быть связана с внешними признаками насекомого или его физиологическими свойствами. Невзрачность, надоедливость, маленький размер, неудобство, множество – вот основные символы насекомых.

Описывая регулярные мотивационные модели, реализующиеся в названиях насекомых, можно констатировать, что коми-пермяцкий язык особой вражды и неприязни к насекомым не отражает.

Библиографический список

- Березович Е. Л. Язык и традиционная культура. М.: Индрик, 2007. 600 с.
- Канюков В. И. Чарõtõм пу // Пармалõн шыэз / Голоса Пармы. Проза на коми-пермяцком языке. Кудымкар, 1997. С. 361–364.
- Климов В. В. Кытчõ тийõ мунатõ / Литературно-художественное издание Куда же вы уходите. Т. II. Кудымкар, 1991. 286 с.
- Книгарня (книжные полки по истории мифологии славян) <https://sites.google.com/site/kokorinva/Home/v/vos> (дата обращения: 05.05.2018).
- Красный круг по небу катается / Гõрл гõглян небоõt тарласьõ. Коми-пермяцкие загадки: сборник фольклорных текстов и комментарии. Серия «Фольклор народов России» / В. Н. Бойко, Т. Г. Голева, А. С. Лобанова, А. В. Черных. СПб.: Маматов, 2010. 144 с.
- Кривошапова Ю. А. Русская энтомологическая лексика в этнолингвистическом освещении. URL: <http://cheloveknauka.com/russkaya-entomologicheskaya-leksika-v-etnolingvisticheskom-osveschenii#ixzz5VaqiiSxc> (дата обращения: 05.05.2018).
- Лобанова А. С. Основные способы номинаций насекомых в коми-пермяцком языке // Вестник Пермского университета. Вып. 3 (23). Пермь, 2013. С. 48–52.
- Меркушева Т. Н. Лексика флоры и фауны южного наречия коми-пермяцкого языка: дис. ... кандидата филологических наук. Сыктывкар, 2003. 230 с.
- Минин И. А. Бõрйõм / Избранное. Кудымкар, 2015. 352 с.
- Федосеев С. А. Кусõм бизэз / Потухшие огни. Повести на коми-пермяцком языке. Кудымкар, 1991. 301 с.
- Янович В. М. Пермяки: этнографический очерк. СПб.: Тип. М-ва вн. дел, 1903. 122 с.

A. S. Lobanova

Associate Professor of Teaching Methods
of Russian Language and Literature Department
Perm State Humanitarian-Pedagogical University

THE METAPHORIZATION OF KOMI-PERM NAMING UNITS OF INSECTS IN LINGUOCULTURAL ASPECT

The article is made on the material of the Komi-Perm language and devoted to the identification of motivational characteristics, implementing the folk concepts associated with the microcosm of insects. An attempt is made to substantiate the symbolically stressed representatives of the class (*cheran* 'spider', *toi* 'louse', *serov* 'nit' etc.). Onomasiological analysis of entomological vocabulary shows that the secondary nomination is often based on its external features and physiological characteristics of the insect.

Key words: Komi-Perm language, naming units of insects, ethnolinguistics, motivational characteristic.

Пешина Калиса Сергеевна
магистрант филологического факультета
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
alisapeshina@yandex.ru

ТОПОНИМЫ, МОТИВИРОВАННЫЕ ИМЕНЕМ ИЛИ ПРОЗВИЩЕМ ЧЕЛОВЕКА, В ПРЕДАНИЯХ ПЕРМСКОГО КРАЯ

*Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ,
проект № 16-34-00007-ОГН «История Северного Прикамья в зеркале фольклора
(на материале публикаций XIX – начала XX вв.)»*

Статья посвящена характеристике основных особенностей топонимических преданий, зафиксированных на территории Пермского края. Рассматривается группа сюжетов, в которых топоним мотивируется при помощи указания на имя (или прозвище) человека. Материалом для работы послужили источники XIX в. и записи из фольклорного архива ПГНИУ.

Ключевые слова: топонимия, топонимическое предание, фольклорная антропонимия.

В общем объеме фольклорной исторической прозы выделяется массив топонимических преданий. Как показывает даже самый беглый обзор исследований по теме, тексты данной жанрово-тематической разновидности распространены по всей территории России и являются объектом интереса многих ученых, причем в различных аспектах [Березович 2015; Донгак 2013; Ильина 2006]. Н.А. Криничная относит топонимические предания к группе преданий о заселении и основания края, выделяя топонимический элемент лишь как один из многих, формирующих эту обширную группу: «Мотив происхождения географического названия сложился в рамках цикла о заселении и освоении края, где он иногда играет сюжеттообразующую роль, но чаще занимает периферийное положение. В отличие от других равноправных с ним мотивов он получил в научном обиходе собственное название – топонимический. Этот мотив является одним из способов выражения локальной приуроченности предания, что служит его неотъемлемым жанровым признаком» [Криничная 1991а: 17]. Несмотря на такую «подчиненную» роль топонимических преданий в общем корпусе текстов исторической прозы, мы считаем целесообразным рассматривать их как отдельную, самоценную совокупность, имея в виду довольно большое их количество и разнообразие.

Материалом для нашего исследования послужили тексты, собранные в ходе фольклорной студенческой практики и научных экспедиций филологического факультета ПГНИУ на территории Пермского края (в прошлом – Пермской области) в разное время (1972, 1978, 1983–1993, 1995, 2000–2005, 2010 гг.). Для сопоставления привлекаются данные XIX в. С опорой на «Указатель типов, мотивов и основных элементов преданий» Н.А. Криничной [Криничная 1991б] мы выделили основные группы топонимических преданий, зафиксированных на территории Пермского края, и предприняли попытку охарактеризовать специфику каждой из них. Всего было учтено 165 архивных текстов.

В основу указателя Н.А. Криничной положен следующий принцип: тип топонимического предания определяется в зависимости от того, чем мотивируется топоним, появление которого описано в предании. Наиболее многочисленными в нашем материале оказались три группы: 1) название объясняется через обращение к имени (фамилии, прозвищу) лица (основателя поселения, первого жителя или другого); 2) топоним мотивируется обращением к физическим характеристикам местности; 3) предания с произвольной мотивировкой (по случайному признаку, так называемая «народная этимология»). Здесь мы остановимся более подробно на преданиях первой группы. Они широко распространены по всей территории Пермского края.

Итак, одна из наиболее обширных групп топонимических преданий – та, в которой происхождение названия связывается с именем: *«Один из крепостных строгановских бежал в летнее время, по лесам рыскал, а когда холодать стало, ринулся назад и наткнулся на выходы медной руды здесь. Вот он пришёл, сказал, что есть новое месторождение. И хотя Строгановы не очень хорошо относились к разработкам медной руды, но поскольку здесь в Романове солёных промыслов не было, то решили, пусть медь. А этого поставили управляющим на эти прииски. А звали его Роман. Вот и Романово село»* (Усольский р-н, 2004 г.). Всего текстов, где фигурирует имя, в нашем материале 20. Топоним может связываться с фамилией: *«Приехал издалека мужик по фамилии Меновщиков, стал строиться, семья у него была большая. Земля очень хороший урожай давала, люди с округи потянулись туда строиться. С тех пор и пошло – деревня Меновщики»* (Очерский р-н, 1992 г.). Подобных записей также обнаружено 25. Наконец, в отдельных случаях встречаются прозвища: *«(А за рекой у нас деревня Кочи. Это, наверно, потому что болотистое место, кочки?) Нет, говорят, что туда человек первый пришёл. Коча прозвище ему было. От него и все люди пошли»* (Кишертский р-н, 1984 г.). Прозвища встретилась в 2 текстах топонимических преданий.

Красноречивой нам представляется следующая деталь: некоторые

информанты сами формулируют общий принцип мотивировки топонимов: *«Деревень раньше много было: <...> А деревни так назывались по фамилии первопроходца»* (Красновишерский р-н, 2005); *«(А почему кладбище у вас «Забойкой» называется?) А видно, фамилия была какая-то. У нас и от Шабура местность называлась Шабурной. Все больше ведь по именам давали, то есть по фамилиям»* (Александровский р-н, 2003). Приведенные цитаты демонстрируют убежденность самих носителей фольклора в том, что топоним должен образовываться от какого-либо имени, и можно предположить, что часть из них на этом основании *ремотивируется* населением.

Фольклорная ремотивация топонима – термин, предложенный Е.Л. Березович. Согласно ее формулировке, это «попытка объяснения внутренней формы топонимов с помощью произведений устного народного творчества или в связи с ними» [Березович 1999: 4]. Похоже, что именно так и произошло с названием деревни в Чернушинском районе: *«В этой деревне очень давно жил богатый человек Саул. По его имени и стали называть эту деревню. Правда, потом, через какое-то время название изменилось, стало Есаул»* (Чернушинский р-н, 1991). Прозрачная, на первый взгляд, внутренняя форма современного названия почему-то потребовала усложненной мотивировки, установления связи с неким конструируемым антропонимом.

Наибольшим количеством вариантов в нашем материале представлен сюжет о происхождении двух деревень в Красновишерском районе – Антипина и Паршакова (все тексты записаны в 2005 г.); названия эти соотносятся с именами двух братьев – Антипы и Паршака. В некоторых вариантах сюжета топонимический мотив уходит на периферию, уступая место мотиву выбора места для поселения и часто контаминирующей с ним ситуации спора/соревнования: в споре персонажей выясняется, кто из них будет жить внизу, а кто – наверху (по отношению к течению реки). В фольклорном нарративе спор разрешается состязанием: кто победит, тот выберет предпочтительное место. Само испытание варьирует: кто дальше прыгнет (*«И они поспорили – кто перепрыгнет через камень, тот будет жить наверху, а кто не перепрыгнет, будет жить внизу»*); *«Стали перепрыгивать речку. Антип прыгнул на один камень – стали то селение называть Антипина; а Паршак прыгнул на другой камень, и стали называть то селение Паршакова»*; *«...Кто с камня на камень перепрыгнет, тот будет жить вверху, а кто недопрыгнет, будет жить внизу. Вот Антип прыгнул – перепрыгнул, а Паршак прыгнул – недопрыгнул»*); кто дальше бросит камень (*«Решили два камня кидать... Кто дальше кинет, тот будет дальше, выше жить... Кто ближе – тот здесь будет жить»*); кто победит в драке (*«И решили они выйти в чисто поле и поме-*

ряться силой. Дрались три дня и три ночи, и победил Антип, стал жить на горе, Паршак – под горой, около горы»). Как уже было сказано, герои предания обычно позиционируются как братья, но представлены и другие варианты: «жили два богатыря русских Антип и Паршак», «как-то возвращаются два солдата: Антип и Паршак».

В то же время, как мы отмечали выше, собирателями были записаны и более простые варианты преданий, где есть только указание на имена или фамилии основателей: «Названия деревень Паршакова, Антипина – от имен Парфен (Порфирий) и Антип»; «У нас в Антипина сначала все Антипины были, а в Паршакове все Паршаковы были. Отсюда название деревни пошло», – подобные версии остаются вполне вписанными в ряд типичных преданий с отыменными топонимами.

Количественное сопоставление показывает, что в качестве мотивирующего антропонима информантами немного чаще выбирается *фамилия*, а не имя человека. Впрочем, объяснение происхождения некоторых топонимов в преданиях сохраняет несколько параллельно бытующих вариантов: от имени и от фамилии. Интересно, что в случае с названиями Антипина и Паршакова заметно более активным оказывается вариант с отыменной мотивировкой. Полагаем, что расширение материала, в том числе за счет привлечения текстов XIX и XXI вв., позволит уточнить наши наблюдения в этом отношении и увидеть более четкие закономерности, если они есть.

Нами была замечена еще одна любопытная, на наш взгляд, характерная особенность рассматриваемых текстов. В ряде преданий, мотивирующих название по имени основателя, есть четкие указания на богатство этого первопоселенца: *купец, богатый человек, богач* – такие характеристики встречаются в 8 записях из разных районов края (Пермского, Красновишерского, Оханского и др.), например: «Да, говорят, **богач** какой-то, Мошев, жил» (Сивинский р-н, 1985); «А её Кулаков основал. **Купец**» (Чердынский р-н, 1988); «Да, говорят, **Пылай тут жил, богатый человек**» (Краснокамский р-н); «В этой деревне очень давно жил **богатый человек Саул**. По его имени и стали называть эту деревню. Правда, потом, через какое-то время название изменилось, стало Есаул» (Чернушинский р-н, 1991). Несмотря на то что, по указанию Н.А. Криничной, мотив феодальной колонизации обычно редко проявляется в преданиях о заселении и освоении края [Криничная 1991а: 16], на нашем материале он, кажется, проявляется сравнительно активно.

В качестве основателей поселений на Урале фигурируют также «беглые» разного рода: крестьяне, солдаты, в одном случае зафиксирован даже «беглый царь»: «А вот люди говорили, бежал-де беглый царь, Романов этот, беглый бежал. Отсюда и началось название Романиха» (Крас-

новишерский р-н, 1988 г.). Иногда топоним мотивируется именем не первоначальника, а другого лица, например завоевателя: «...*Родители, старики рассказывали, что мол давненько татарин Опач завоевал деревню. От него и пошло, мол*» (Ординский р-н, 1992 г.); разбойника: «*И Соколий луг есть. А зовут его так, потому что сокол – разбойник там проходил, разбойничал*» (Еловский р-н, 1990 г.); официально признанного местного героя: «*Там, где сейчас Ванькова, туда пришел герой с войны, и была его фамилия Ваньков. И поэтому деревню называют Ванькова*» (Красновишерский р-н, 2005 г.).

Как показала работа с газетой «Пермские губернские ведомости», осуществлявшаяся в фондах Пермского краеведческого музея, предания, возводящие топоним к имени некоего лица, встречались с определенной частотой и в XIX веке. Приведем примеры, попавшие на страницы прессы: «*Название р. Тулвы произошло, как говорят, от богатого татарина, жившего на ее берегах – Тулубая*» [«Переписные Осинские книги...» 1880: 76]; «*Село Архангельское до основания церкви Михайло-Архангельской называлось Карповым, от имени первого поселенца Карпа в этом месте. Впрочем, оно и в настоящее время в народе известно под именем Карпова*» [Шишонко 1883а: 309]; «*Название села Кудымкор, очевидно, нерусское. <...> У жителей есть предание, что какой-то человек, называвшийся Кудымом, был первый житель настоящего села. Указывают даже место жительства его на крутом берегу речки Кувы*» [Шишонко 1883б: 355]. Любопытна подборка топонимов Пермской губернии, связанных с именем Ермака, приведенная в статье, посвященной трехсотлетию завоевания Сибири: несколько Ермаковых городищ, Ермаковский рудник, Ермак-камень и др. [Память о Ермаке в Пермском крае 1881: 370].

В целом, топонимические предания Пермского края отражают специфику истории и культуры региона, что выражается в преобладании преданий, объясняющих название поселения указанием на его основателя. Примечательны также характеристики таких первоначальников: новгородцы, беглые, разработчики медных или других месторождений. Выбор фамилии в качестве мотивирующего антропонима показывает, что на современном этапе именно фамилия воспринимается как наиболее существенное обозначение лица; другим фактором, подвергающимся фольклорному осмыслению, становится преобладание какой-либо фамилии в селе или деревне. Возможно, это более поздняя тенденция, возникшая в условиях, когда «нормальным», типичным становится наличие в поселении множества разных фамилий. В перспективе расширение материала и сопоставление современных записей с текстами, зафиксированными в более ранние и поздние периоды, позволит уточнить наши выводы и, возможно, выявить другие, менее явные, тенденции.

Библиографический список

Березович Е.Л. Топонимия и исторические предания: к вопросу о взаимодействии различных версий этнокультурной информации // Ономастика и диалектная лексика: Сб. науч. трудов. 1999. Вып. 3. С. 3–30.

Березович Е.Л. Топонимическое предание и исторический факт (на материале преданий о разбойниках восточного Вологодско-Костромского пограничья) // Вопросы ономастики. 2015. №1(18). С. 108–133.

Донгак А.С. Сюжетно-тематические циклы топонимических преданий юго-восточной тувы // Всеобщая история. 2013. №3. С. 17–26.

Ильина Г.Г. О некоторых особенностях чувашских топонимических преданий // Вестник Чувашского университета. 2006. №4. С. 396–399.

Криничная Н.А. Предания русского Севера. URL: http://www.kolamar.ru/library/1991_krinichnaya.html (дата обращения: 14.03.2018).

Криничная Н.А. Указатель типов, мотивов и основных элементов преданий. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/krinichnaya1.htm> (дата обращения: 15.03.2018).

Переписные Осинские книги князя Ивана Дашкова 1678 года / поясн. В.Н. Шишонко // Пермские губернские ведомости. 1880. №15. С. 76–77.

Память о Ермаке в Пермском крае (Исторический Вестник) // Пермские губернские ведомости. 1881. №74. С. 370.

Шишонко В.Н. Историко-статистическое описание низших учебных заведений г. Соликамска с уездом его с приложением летописей как городу, так и селам, где имеются учебные заведения // Пермские губернские ведомости. 1883. №59. С. 309.

Шишонко В.Н. Историко-статистическое описание низших учебных заведений г. Соликамска с уездом его с приложением летописей как городу, так и селам, где имеются учебные заведения // Пермские губернские ведомости. 1883. №68. С. 355–356.

K.S. Peshina

Master Student of Philological Faculty
Perm State University

TOPONYMS, MOTIVATED BY A NAME OR A NICKNAME OF A PERSON, IN TOPONYMIC LEGENDS OF PERM REGION

The article is devoted to description and characteristics of the main features of toponymic legends of Perm Region, in which toponyms are motivated by a name or a nickname of a person. Research materials are texts of the 19th century and notes of the 20th century from PSU folklore archive.

Key words: toponyms, toponymic legends, folk anthroponomy.

Подюков Иван Алексеевич
профессор кафедры общего языкознания
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
podjukov@yandex.ru

РУССКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ КОМИ-ПЕРМЯКОВ

Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ №17-14-59001-ОГН «Фразеология коми-пермяцкого языка в контексте традиционной коми-пермяцкой культуры»

В статье исследуются заимствованные из русского языка термины коми-пермяцкой похоронно-поминальной обрядности. Рассматриваются тематические группы заимствований, характер формальных, семантических и функциональных изменений заимствованных терминов, их образный смысл и мотивированность. Делается вывод об активном параллельном употреблении исконных и иноязычных форм, что объясняется, во-первых, билингвизмом носителей языка, а во-вторых, тесной взаимосвязью языкового и культурного аспектов похоронно-поминальной традиции. Выдвигается предположение о сосуществовании в сознании носителей коми-пермяцкой культуры разных языковых картин мира, отражающих круг представлений о смерти.

Ключевые слова: взаимодействие языков, обрядовая лексика и фразеология, термины похоронно-поминальной традиции, мотивированность образных номинаций.

Похоронно-поминальная традиция коми-пермяков и смежные с ней темы в силу своей высокой архаической окрашенности не перестают быть объектом внимания этнографов, фольклористов, этнолингвистов (см. в частности работы последнего времени [Чугаева 2015; Королёва 2014, 2016; Подюков 2016]). Набор атрибутов коми-пермяцкого погребально-поминального комплекса существенно дополняется элементами освоенных от русских соседей христианских обрядов в их народно-православной версии, старообрядческими обрядовыми формами.

Русский лексико-фразеологический материал активно вовлекается в коми-пермяцкую похоронно-поминальную терминологию благодаря тесным этнокультурным и языковым связям коми-пермяков с русскими. В нем хорошо проявляются черты характерного для современных коми-пермяков смешанного билингвизма (владение двумя языками и сравнительно легкий переход от одного языка к другому). Известно, что при этом типе билингвизма формируется общая понятийная система, и одно и то же понятие может выражаться принадлежащими разным языковым системам языковыми знаками; между ними постепенно устанавливается се-

мантическая связь. Установление заимствованного термина нередко затрудняет наличие универсальных образов. Так, обозначение гроба как дома в выражении **кулём горт** («мёртвый дом») вряд ли является калькой, гроб и дом отождествляли и народы коми, и славяне («у ижемских коми сохранились представления о доме и гробе как о тождественных символических единицах в рамках одного архетипа» [Голубкова 2015: 21]). С другой стороны, сочетание **вековой дом** («Умрёт человек, домой же пойдёт. Сё равно в вековой дом уже идёт») (Кебраты Гайн.) следует считать заимствованием (известно как название могилы [НОС 1992 1–111]).

Исследуемые в настоящей статье номинации касаются основных структурных составляющих обряда: его этапов, участников, обрядовых акций и атрибутов. Среди рассмотренного материала выявляются, во-первых, кальки типа выражения **отпевайтны кулёмёс** ‘отпеть покойника’, связанного с православным обрядом над телом умершего (при отпевании читаются молитвы и поются погребальные стихиры). Отмечено также использование полукалек, напр. **прошёной лун** ‘сороковой день, когда душа покидает дом, сороковины’ (Лобозово Коч.); отмечена, впрочем, и форма **прощальный день**: «Поминальный прощальный день с душой в сорок второй день после смерти. Сорок-то дней поминали, а на сорок второй прощаются, выходят, все выходят, и даже занавески сколыхнутся все» (Крохалево Юс.). Сочетанием **покойнишной ва** обозначают воду, которой обмывали умершего: «Воду покойнишную, говорят, колдуны собирают. Этим-ко напоят, потом будет умирать человек. Покойнишной ва. Умирает человек. Сокнет, сокнет, сокнет и умрёт» (Мысы Гайн.); «Надо себя помазать покойнишной водой по телу, чтобы покойника не бояться» (Трифонов Юс.). Эта вода и в коми-пермяцких, и в русских говорах Прикамья иногда называется **мертвой** (в русских говорах отмечены однотипные номинации обрядовых предметов типа **мертвое мыло, мертвая подушка**, которые могут использоваться в магии [СРНГ 18:123]). Название воспринимаемой как магическое средство воды с русским заимствованным компонентом *покойнишный* используется параллельно с собственно коми-пермяцким обозначением **миськаан ва**: *Миськаан ванас юктавасё, мортыс косьмё, кувё* – «Водой, которой обмывали, напоят, человек сохнет, умирает» (В.-Иньва, Куд.).

Значительна по объёму группа похоронно-поминальных терминов, представляющих полные заимствования. Среди них отмечены древние лексемы (типа *яма* ‘могила’), общеупотребительные и диалектные (*кладбище, могильник*). Любопытно восприятие русского диалектного *могильник*, которым в широком употреблении у русских называется древнее *кладбище*, как коми-пермизма: «Здесь *могильник* когда-то был. *Могильник по-пермяцки, по-русски* – *кладбище*» (Они Юс.).

В полной форме заимствуются названия освоенных реалий русской обрядности. Так, сочетание **первѳй встреча**, как и в русских говорах, используется для обозначения особого подаяния первому встречному по пути на кладбище: *«Хлеб некинлѳ оз сетѳ? - А пантасяс, сетѳны. Кре-стаѳны сѳйѳ эшѳ суниснас. И сѳтчѳ пуктѳны десять рублей денъга. Носо-вик пуктѳны эшѳ. Сѳя первѳй встреча»* – *«Хлеб никому не дают? – А встретится, дают. Крестьят его ещѳ ниткой. И туда кладут десять руб-лей денъги. Носовик ещѳ кладут. Это первая встреча»* (В.-Иньва Куд.). В заимствованиях отмечается большое количество фонетических, грамматических, семантических изменений: **панакида** – панихида, церковная служба над телом умершего, **первѳй** вместо первая, сев. **поконник**, **покойнича (поконнича)** – об умершем, **родителлез** – о давно умерших предках (с этим названием связано устойчивое выражение **рѳдителлез мыжѳны**, букв. «родители покарали» ‘о бедах в семье, болезни или про-паже скота’, что связывается с действиями умерших).

В заимствованиях типичны формальные и семантические наруше-ния. Таков глагол **вспоминать, вспоминаться** вместо *поминать*: *«Сорок дѳн ещѳ, тут вспоминают. Сначала вспоминают, потом душу провожа-ют»* (Чураки Кос.); *«Вилками вспоминаться не надо, говорят. В глаза втыкают вилками у покойника, если вспоминают с вилками»* (Казѳнное Юс.). Название небольших поминок **обедок** создано с неверным выбором уменьшительной морфемы: *«Через три дня обедок маленько делают, че-рез шесть дней, через девять, тожно сорок дней собирают уже. Тогда многих собирают родственников»* (Пятигоры Кос.). Нарушение правил наращивания/усечения основы при словопроизводстве очевидно в случаях **гробщик** ‘об изготовителе гробов’, **копщик** ‘о копателе могил’. Наиболее частотный суффикс лица по деятельности привлекается для обозначения того, кому в обряде поручается обмывание умершего: *«Кто крестики на человеке ставил, специальный, мытник называется у нас. Мешочек спе-циально шился, когда всѳ покойнику готовили. Потом его на столе под клееночкой держали в углу у боженьки. Вот рано утром, в четыре, в пя-том мытнику его соберут»* (Кубенѳво Юс.); слово используется наряду с коми-пермяцким **миськалѳсь**. Заимствования активно варьируются, при-чем вариативность носит не только билингвальный характер, а отражает общую неустойчивость слова в русской диалектной среде. Так, **сорочины**, поминки на сороковой день называются **сорокдѳн, сорочина, сорочины, соротины**: *«На сорочины у нас покупают пряники или печенье, подщи-тают все и как бы дают по одной»* (Дмитриева Юс.). Изменения могут быть такими, что в ряде случаев для выявления заимствования нужно использовать специальный этимологический анализ. Название заплетаемой умершей женщине косы **балича** (*«Косичку плетут, только назад, баличу»*

(Мысы Гайн.) отражает древнюю аналогию смерти – брака, т.к. заплетание баличи – обязательный элемент свадебного обряда: *«Две косы заплетут, по темечку прямой ряд пустят. Волосы так скрестят и ко лбу поднесут. Это называли у нас балича. Это значит поверенная мужу до смерти. Так до смерти и носила»* (Кубенёво Юс.). С помощью заплетания косы особым способом (как невесте, но с опущенными вниз и уложенными назад волосами) усопшая «лишается последних признаков принадлежности живым» [Байбурин 1993: 108]. Термин **балича** (реже **балыча**) восходит к звукоподражанию *баля*, которым в русских говорах и в коми-пермяцком языке подзывают (и нередко называют) овец; в слове также очевиден русский суффикс *-ич(а)* с семантикой женскости. Известны и другие сближения невесты и овцы, напр., обрядовое заплетание косы с помощью нитки из овечьей шерсти (*«Верёвку тоненькую делают из овечьей шерсти и этим заплетают, вот когда замуж выйдешь, вокруг головы замотают. Некоторые до сих пор носят»* (Кубени, Юс.)); в Новгородской области существует номинация *ярку загонять* ‘приводить невесту в дом мужа’, в пермских говорах фиксируется формульное объяснение прихода сватов **Овечка потерялась, ищем, не видели?**

Сложный случай освоения демонстрирует слово **двоежила**, которым называют раздвоенную на конце осиновую (реже еловую) ветку, – средство для отваживания «ходящего» покойника: *«Раньше самоубийце елочку тыкали в могилу. Двоежилу. Он по двенадцати родственников тащит за собой. Тыкали, чтоб не утащил. Вот возьмут осину, вилкой и тыкают в могилу»* (Дмитриево Юс.). Слово восходит к русскому *двужилый*, которым характеризуется крепкий, сильный человек, оно связано с восприятием сухожилия как органа, заключающего в себе жизненную силу. Исключительность такого человека «объясняется» удвоением этого жизненного органа: «сильное, выносливое существо живет как бы двумя жизнями, отбирая силу у окружающих его людей или животных» [Журавлев 1985: 78,79]. В коми-пермяцкой среде, как мы видим, отмечен перенос этих качеств человека на дерево, что поддержано устойчивой демонизацией раздвоенного дерева (**вожа пу**): *«Вожя пуэз вот эмось. Бур, басёк вёрас. Сэтиём стройной, вермас не отик кер петны. А несчастной!»* («Развоенные деревья вот есть. Хорошее, красивое в лесу. Такое стройное, может не одно бревно получиться. А несчастное!» (В.-Иньва Куд.).

Русские заимствования фиксируются в ключевых для обряда темах. С православной традицией похорон связано выражение **отдать грехи** ‘исповедаться для отпущения грехов’ (ср. пермское диалектное **грехи сдать**). При этом покаяние умирающего в коми-пермяцкой традиции имеет специфическое оформление: *«Бабушка умирала, она сказала, к березе вот пойду, с березой распрошшаюсь, чтобы грехи отдать. Наговорила – жи-*

вите хорошо, не ругайтесь. Чтобы было все нормально. Грех, говорит, ругаться. На берёзу молилась. И прямо потом спустилась на коленки. Так, говорит, грехи обмаливают берёзе. Каются. Видимо, берёзе токо. Видимо, забирает. Это дерево потом нэ сохнет и падает. И дерево сейчас действительно высохло и упало, и всё. Исповедалась бабушка» (Мысы Гайн.). Моление березе (у коми-пермяков этоосновное ритуальное дерево) объясняется ее связью с культом предков.

Специфические обрядовые манипуляции связаны с заимствованными русскими обрядовыми атрибутами обряда. Особое подаяние для первого человека на пути похоронной процессии **встречный хлеб (каравай, чёлпан)** имеет разнообразные способы оформления: *«Соль, хлеб встречный, нитки. Иголку втыкаешь в катушку. И первому встречному дает это всё» (Бажино Юс.); «Встречный хлеб готовят, первый человек, кто попадает. Булку или ерушник, туда деньги медные положат, ниточкой крест-на-крест свяжут или носовым платком» (Купрос Юс.).*

Обрядовое воплощение характерного для многих погребальных культур осмысления дороги как смерти отражено в термине **дорога / дорожка, подорога**, которым называют либо специально изготовленную длинную салфетку, либо задействованный в обряде *проводин* предмет (особая вязаная лента, нитка; ветка дерева; поминальное блюдо): *«Дорогу ешо, плетут дорожку, чтобы выходить он мог, иголкой вязальной. Два метра. Туда ложишь, к гробу и наверх. Чтобы он мог выходить» (Доег Юс.); «В могилку ниточку опускают и потом на крестик. Это дорогу-то покойнику, чтоб вышел» (Дмитриево Кос.).* С этими предметами связаны разнообразные приемы делания (показывания умершему) символического пути к родному дому: *«Нитки через локоть намотают, дорогу как делают» (Купрос Кос.); «Пихтовые веточки кидают перед гробом – это дорога» (Кубенево Юс.); «Хлеб, булка, туда нитки наматываешь и денежки положишь. Нитка – это дорога, видимо, для покойника» (Рудаково Юс.); «Подорогу небольшую делали, три раза вокруг пальца оборачивали нитку и дарили» (Калинино Юс.); «Когда будут прощаться, дак первому нитки положат. Это дорогу, говорят, покойнику показывают» (Архангельское Юс.); «Открывать дорогу – это кислый кисель. Вот кисель похлебаешь – дорогу ему откроешь, чтоб он с богушкой ушёл, потом остальную еду ешь» (Кубенёво Юс.).*

Активно варьируется и исполнение обряда **выкупа земли (места)** во время похорон: *«Когда могилку выкупаешь, денежку туда бросали» (Они Юс.); «В могилку кидают деньги, желтенькие стараются. Говорят, землю надо выкупить покойнику» (Сивашер Юс.); «В могилку яички бросишь, руки отвяжешь, ноги отвяжешь, деньги бросишь – все, место выкупишь. Чтоб он всегда жил и не тужил» (Ганево Юс.).* Бросание монет в могилу

во время похорон называется **землю брать**: «Хоронят, денежки в могилу кидают – землю берут» (Чураки Кос.); глагол *брать* здесь использован, как и в русских говорах, в значении ‘покупать’.

Поминальная пища, как известно, имеет знаковый характер и выполняет магические функции: как проявление, торжество жизни, она противостоит смерти, отсюда знак сытной загробной жизни – обилие пищи, кутья из цельных зерен, символизирующая воскресение, мед как атрибут рая и бессмертия. Ритуальность угощения во время похорон и поминок у коми-пермяков подчеркивает обязательное использование **трёх яств**: «Пельмени, яички, конфеты – три яства. Душу провожают тремя яствами. Или кисель, оладьи и что-то там ещё. Не меньше трёх блюд, три блюда – это обязательно. Надо де три яства» (Крохалёво Юс.). Ср. в русской традиции: «На поминки надо три перемены: пельмени кислые из квашеной капусты, пельмени грибные, пельмени мясные» (Б. Долды Черд.). Обязательна в обряде «старая» пища (каша-куття, кисели, пироги, блины, шаньги), пища сугубо «природная» (приготовленный на солоде из толченых ягод черемухи кисель **лязгай**, поминальный напиток **травник** («На похороны травник делали – на девятый день, кладут в пиво ветки смородины с листом, настаивается» (В. Язьва Крас.)).

Пироги – одно из обязательных поминальных угощений. Коми-пермяки готовят на поминальный стол пироги с любой начинкой, но обычно закрытые, несладкие и на огне. Распространено поминальное угощение пирожки-**надпыльники**, похожие на *перепечи*: «Надпыльники перед печкой пекли, ими поминали» (Бажино Юс.); название связано с *надпыльник* ‘кожух перед устьем русской печи для вывода дыма’, от *пыл* ‘жар, пламя’. Еще один вид поминальных пирогов – **йёла пирёг** (букв. «молочный пирог»): «На край поминального стола еще йёла пирог положат. Это пироги с крупой, со сметаной, еще картошны пироги были, тоже круг стола» (Зинково Кос.). Поминальной считается приготовляемая из яиц **селянка**: «Селянку из яиц поставят. Это без лука и молока яйцо жареное, как блин, только немного толще» (Новожилово Юс.). Селянка в Сибири, на Русском Севере считается праздничной пищей (часто делается с молоком и маслом, иногда с добавлением рыбы, сухарей).

Обязательное для поминовения блюдо – **шома кисель** (нередко используется кисель трёх видов – кислый, ягодный, молочный): «Кисель был. Шома кисель. Вот клёб пекут, с нево, с этово делают шома кисель» (Мысы Гайн.); «Кислый кисель получается. Вот кисель похлебаешь – дорогу покойному откроешь, чтоб он с богушком ушёл, потом остальную еду ешь» (Кубенёво Юс.). Кислая пища в обрядах, как известно, соотносится со сферой жизни, а пресная, пустая – с темой смерти; кислое значимо и как бродящее, активное, и как испорченное, становящееся непригод-

ным (см. подр.: [Пьянкова 2008]). Параллельно привносит в обряд идею переходности коми-пермяцкий кислый суп **азя шыд** (типа рассольника, на перловой крупе: *«Поминать делают азя шыд»* (Кочево)).

Еще одна группа заимствований – названия обрядовых предметов. Обрядовое печенье **лестовница** (от *лествица* ст.-слав. «лестница»), изготавливаемое к похоронам, символизирует духовное восхождение души праведника в рай: *«На окно ставили лестовницу, выпекут специально из ржаной муки, в день похорон. Она потом стоит сорок дён»* (Иринёво Юс.). Аналогичный смысл имеет вязаная лента **лестница**, один конец которой опускается в могилу а другой укрепляется на кресте: *«Метра два с лишним надо, чтобы кверху ещё осталось. В могилку опустят. Это лестница будет, для души. Ей ведь выходить надо»* (Казённое Юс.).

Русское название **пара** используется для называния нитки длиной в рост оставшегося в живых супруга (кладется в гроб, чтобы покойник на том свете не ждал его): *«Нитку в гробу растягивают, кладут рядом с покойником и говорят, вот тэныт пара, а мэно эн виччись! Вот, мол, тебе пара, а меня, мол, не жди!»* (Коса). Это переосмысленное обозначение двух однородных предметов, а также двух близких друг другу людей специфично для коми-пермяков, хотя и близко к распространенному в русской традиции обряду укладывания в гроб похоронной нитки-смерка, которая воспринимается как опасный двойник умершего (в ряде мест Прикамья используется для колдовства или магических отворотов).

Локализация обряда во времени отражена в заимствованных названиях дней поминовения. Название поминания умершего в день его смерти **памень** является переосмысленным обозначением способности закреплять, сохранять и воспроизводить в сознании информацию, прежние впечатления. Обряд предписывает не бессознательное, непроизвольное воспоминание об умершем, а задаваемое неписанными правилами его чествование: *«Папöлön вöли памень, а мэ миськаси сийа лунö. Кыч поткöтис косам. Не чэччыны, не вöрзёччыны эк понды вэрмыны»* («У папы были поминки «память», а я мыла в тот день. Как ударило в поясницу. Ни встать, ни двинуться не могу») (Мысы Гайн.). По народным представлениям, поминки устраиваются в день рождения, так как, по словам информантов, самоубийц, как и остальных умерших, в этот день отпускают с «того» света на землю, к своему дому: *«Ним вунсö ковö касьтивны, сэтчö пö ведзöны быдöс покойникесö»; «День рождения надо поминать, на него отпускают всех покойников»* [Чугаева 2009]. Этот день смерти и памяти (*Кулан лун*) также называется **мертвый**, или, как и в русских диалектах, **умерший день**: *«Вот у нас в умерший день поминали, каждый год поминали»* (В. Язьва Краснов.). Поминание проводится в третий день (**куимöт лун**), на девятый день (**деветь дён**): *«Кöр деветь дён, мужик кö*

кувис, чтобы мужиккез воктисö перво»; «Когда девять дней, если умер мужчина, чтобы первыми пришли мужчины» (Доег Юс.), в шесть недель (**квaть/шесть недиль**): «Шесть недель – поминка большая. Душа живет в доме шесть недель. Потом уходит на небо» (Федотово Юс.); в **сорок дён**: «Сорок дён-то поминали с народом, а здесь на шесть недель поминают только со своей семьей» (Рудаково Юс.), в **семик** (поминальный день на Троицу): «На кладбище у нас в четверг ходят, Семик называется. А в субботу у нас не ходили, говорили, в субботу ходят кержаки токо» (Ракшино Куд). Отмечается в ряде мест дифференциация этого поминального дня: **Мирской Четверг**, в который умерших поминают только мирские, т.е. православные (Гайны), и **Кержацкой субот** – поминальная суббота у староверов. Выделяется также время активности умерших между Покровской и Дмитриевской поминальными субботамаи **Межсубботы** (**кык субöт колас**, букв. «между двумя субботамаи»): «Меж субботамаи всегда покойники прячут, надо обед сделать. Она обед сделала, потом нашла телёнка, в лесу был, стоит в лесу, как привязанный, еле домой привели, никак не идёт» (Плёсо Гайн.); «До субота верман мöс босьны, верман мый вузасьны, а кык субот коласас даже некинлö нем эз сетасьлö көркö. И кык субот коласас касьтысяннэз керлисö». («До суботы можешь корову купить, можешь что[-то] продать, а между двумя субботамаи даже никогда ничего не давали когда-то. А между двумя субботамаи поминки устраивали» (Чазево Кос.)).

Словарь коми-пермяцкой похоронно-поминальной терминологии, как мы видим, существенно дополнен русскими заимствованиями, которые приобрели свой национальный колорит, частично изменили свою функциональную направленность. Под влиянием русского языка возникают дублетные термины, параллельно употребляется исконная и иноязычная формы, что объясняется, во-первых, билингвизмом носителей языка, а, во-вторых, тесной взаимосвязью языкового и культурного аспектов похоронно-поминальной традиции. Выражая представления коми-пермяков о смерти и смежных с ней понятиях, материал показывает существование в сознании носителей коми-пермяцкой культуры разных языковых картин мира.

Список сокращений

Гайн. – Гайнский район, Кос. – Косинский район, Коч. – Кочевский район, Куд. – Кудымкарский район, Черд. – Чердынский район, Юс. – Юсьвинский район.

Библиографический список с сокращениями

Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 240 с.

Голубкова О. В. Образ дома и его мифических обитателей в традиционном мировоззрении коми-ижемцев. Баландинские чтения. 2015. Т. 10. С. 20–27.

Королёва С. Ю. Обряд «проводов души» с ритуальным заместителем умершего (материалы русско-коми-пермяцкого пограничья) // Антропологический форум. 2014. №23. С. 52–76.

Королёва С. Ю. Леший и мертвец в мифоритуальной традиции Северного Прикамья // Демонология как семиотическая система. Тезисы докладов IV Международной научной конференции (Москва, РГГУ, 15–17 июня 2016 г.) / Сост. и ред. Д.И. Антонов, О.Б. Христофорова. М.: Изд-во РГГУ, 2016. С. 56–59. Совместно с Т.Г.Голевой.

НОС – Новгородский областной словарь. Вып. 1. Новгород, 1992. 157 с.

Подюков И. А. Пение в русской и коми-пермяцкой похоронно-поминальной традиции. // Традиционная музыкальная культура строгановских вотчин. М-лы Всероссийской научно-практической конференции «Строгановские чтения». VIII. Усолье, 2016. С.32–36.

Пьянкова К. В. Лексика, обозначающая категориальные признаки пищи, в русской языковой традиции: этнолингвистический аспект. АКД. Екат., 2008. 23 стр. Журавлев А.Ф. «Русский двуязычный» // Этимология. 1985. М., 1988. С. 78-81.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 18. Л., 1992. 367 с.

Чугаева С. В. Трапеза в поминальной обрядности коми-пермяков. – Ж. Вестник Чувашского университета, Сер. История. Исторические науки. №1, 2009. URL:<http://cyberleninka.ru/article/v/trapeza-v-pominalnoy-obryadnosti-komi-permyakov> (дата обращения: 17.01.2018).

Чугаева С. В. Человек и Смерть (на материале погребальных и поминальных обрядов коми-пермяков): монография. М.: Триумф, 2015. 298 с.

I. A. Podyukov

Professor of General Linguistics Department

Perm State Humanitarian-Pedagogical University

RUSSIAN BORROWINGS IN THE FUNERAL-COMMEMORATIVE RITUALISM OF THE KOMI-PERMYAKS

The article analyzes the terms the funeral-commemorative Komi-Permyk ritualism borrowed from the Russian language. Thematic groups of borrowings, some character of formal, semantic and functional changes of the borrowed terms, their figurative meaning and motivation are discussed. A conclusion about active parallel usage of original and foreign language forms is made; the fact is, firstly, explained by the natural bilingualism of language users, and, secondly, by the close interrelation of the language and cultural aspects of the funeral-commemorative tradition. A hypothesis about the coexistence in the mind of the Komi-Permyak culture-bearers of different linguistic views of the world reflecting some ideas about death is made.

Key words: language interactions, ritual lexis and phraseology, terms of funeral-commemorative tradition, motivation of figurative categories.

Савельева Мария Александровна
магистрант филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
savelyevamari@yandex.ru

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ОПИСАНИЯ НАРОДНЫХ НАЗВАНИЙ РАСТЕНИЙ В ТЕМАТИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ

Лексика тематической группы «Растения» представляет собой специфический для практики лексикографирования материал, преимущественно в силу экстралингвистических факторов, влияющих на состав и особенности лексической системы. В статье определяется круг проблем, связанных с лексикографическим описанием народных названий растений в специальном тематическом словаре.

Ключевые слова: диалектная лексикография; тематический словарь; тематическая группа; дефиниция; названия растений.

Одним из развивающихся сейчас направлений лексикографии является создание тематических словарей, отражающих определенный фрагмент языковой действительности. В центре нашего внимания – народные названия растений в пермских говорах. Большое разнообразие растений, широкое их применение в быту, в лекарственных целях, а также в традиционных сакральных практиках обуславливают богатство лексико-семантической группы «Растения» в речи народа. Данные пермских диалектных словарей и результаты диалектологических экспедиций преподавателей и студентов Пермского государственного университета дают возможность составить тематический словарь, описывающий наименования растений в говорах Пермского края.

Составление тематического словаря подразумевает работу с отобранной лексикой конкретной лексико-семантической группы слов. Такая организация работы обуславливает некоторые особенности семантизации лексики. О преимуществах такого подхода к работе над словарем (в частности, диалектным), при котором лексика рассматривается в контексте всей тематической группы, к которой она принадлежит, писал В.В. Виноградов. В статье 1956 г. «О некоторых вопросах теории русской лексикографии» он высказывает мысль о том, что «недостатки и ошибки в дифференциации значений слов и их оттенков зависят от самой техники и методики лексикографической работы». Вследствие принципа «обособленного рассмотрения

лексических единиц... семантическая обработка отдельных слов происходит изолированно – без учета их соотношения и связи с семантически близкими словами и лексическими группами» [Виноградов 1977: 251].

Развивая мысль В.В. Виноградова, Н.Ю. Шведова отмечает: «для того, чтобы избежать разнобоя в словаре, лексикограф должен работать не с алфавитным списком слов, а с определенными их лексическими группировками». В условиях большого количества различных расхождений в толкованиях однотипных слов и в разграничении значений одной лексемы, работа с тематическими группами создаст условия, при которых «сама систематическая организация материала, сам подбор и соседство слов послужат гарантией единообразных и непротиворечивых решений, устранения ошибок, пропусков и непоследовательностей» [Шведова 1981: 171]. Приведем также утверждение С.Г. Бережана: «такая методика способствует системному восприятию материала, позволяет выявить определенные, присущие данному пласту или данной группе лексики закономерности в толковании их значений, учитывать специфику отдельных единиц на общем фоне остальных однотипных элементов» [Бережан 1988: 57].

На сегодняшний день филологическое описание названий растений в диалектах довольно развито: фитонимам посвящен ряд монографий и статей, известны несколько специальных словарей, описывающих народные названия растений, в частности, «Словарь народных названий растений Урала» Н.И. Коноваловой (2000) и «Словарь фитонимов Среднего Приобья» В.Г. Арьяновой (2006–2008). Исследователи отмечают неизученность ботанической лексики ряда регионов (в том числе, Пермского), которая не позволяет делать выводы о данном фрагменте языковой действительности в русских говорах в целом.

Интересующая нас лексика является одной из самых сложных тематических групп для описания. Все способы толкования значения слова в диалектном словаре можно разделить на две группы: это группа релятивных толкований (толкования, в основе которых лежат системные отношения лексем; таковыми являются, например, толкования посредством синонима, толкование через ссылку на другую словарную статью) и группа описательных толкований. При семантизации названий растений лексикограф сталкивается с комплексом проблем, связанных с обеими группами.

1. Проблемы лексикографического описания названий растений, связанные с соотношением слова, понятия и реалии.

Первая трудность заключается в установлении соответствия описываемого растения реалии и соотнесении реалии с номинацией в

говоре. Не всегда информант способен четко обозначить ту часть реальности, которой приписывается данное наименование. Наиболее полная и точная информация о названии растения в говоре доступна в случае целенаправленного сбора такой лексики диалектологом. Преимуществом будет ситуация, в которой информант может показать растение, и возможность зафиксировать эти данные с помощью фото- или видеосъемки.

Вторая сложность, непосредственно связанная с первой, – недостаточность информации. Лексикографу необходимо решать проблему фиксации единицы, о которой известно, что она является наименованием растения. Информант может указать некоторые особенности растения (например, форму листа, цвет цветков, запах), дающие представление о нем, но недостаточные для идентификации с конкретным растением в ботанической классификации. По нашему мнению, необходимо включить в систему специальных обозначений, используемых в словарных статьях того или иного словаря, указание на неопределенность реалии. Это поможет избежать неадекватности описания лексеме, которая встречается в словарях. Ср., например:

БОРЩ. Трава, пригодная в пищу. *Всяки травы ели: борщ, сосульник.* Комариха Юрл. [СПГ 1: 51].

Недостаточная точность и корректность описания приведенного в качестве примера фитонима приводит к тому, что, основываясь на представленных данных, читатель словаря может заключить, что любое пригодное в пищу растение может именоваться как *борщ*. Однако, вероятнее всего, это не так, и в говоре такое значение слову не приписывается, о чем свидетельствует и представленный пример употребления фитонима.

Проблема отсутствия сведений о наименовании растения иллюстрируется примером из «Словаря говоров Русского Севера», где соседствуют такие фитонимы, как *алый цвет* и *алый цветок*:

АЛЫЙ ЦВЕТ. Травянистое луговое растение. *Пойдешь, думаешь – клевер нарости, расцветиши, а это алый цвет. Листы, а в них цветок* (Чаг, Котово) [СГРС 1: 15].

АЛЫЙ ЦВЕТОК. Травянистое растение. *Алый цветок – от корня отраслей штук пять, одна пуговка* (У-Куб, Большая) [СГРС 1: 15].

Судя по всему, собирателям и составителям не удалось установить, по отношению к одному и тому же или же к разным растениям применяются данные номинации. Вероятно, поэтому составители поместили оба эти фитонима в словарь в разных словарных статьях с развернутым толкованием, а не использовали отсылочное толкование в одной из статей. Отличаются дефиниции тем, что для *алого цвета*

приводится уточняющее определение «луговое», хотя, возможно, оно могло быть включено и в толкование фитонима *алый цветок*.

Указанные особенности лексикографирования диалектных названий растений обуславливают необходимость обращения к специальным ботаническим словарям, справочникам и определителям. Для определения растений Пермского края можно обратиться к «Иллюстрированному определителю растений Пермского края» под редакцией С.А. Овеснова (2007). Кроме того, от лексикографа требуется определенная подготовленность к такой работе, подразумевающая владение терминологией нелингвистической сферы.

2. Проблемы лексикографического описания названий растений, связанные с отношениями внутри лексической системы.

Для диалектной системы характерно, с одной стороны, частичное совпадение номинаций растений с общерусскими названиями (очевидно, здесь возможно некоторое варьирование морфологического, чаще – фонетического плана), с другой – несовпадение объема понятия, обозначаемого лексемой в говоре, с литературным вариантом и в еще большей степени с ботанической классификацией. Для диалектоносителя и его практической деятельности часто оказываются несущественными видовые различия внутри некоторой группы растений, потому все эти растения будут иметь одну и ту же номинацию. В то же время растению могут быть присущи свойства, имеющие функциональное значение для человека, в силу чего он будет выделять данное растение из класса сходных, используя отдельное слово для его обозначения. Поэтому ряд проблем фиксирования народных названий растений объясняется системными связями данной тематической группы лексики. Лексикограф встречается со случаями многозначности слова, когда одно обозначение используется для наименования нескольких разных растений, например:

ЖЕЛТОГОЛОВКА, -и, ж. 1. Травянистое растение лютик едкий.
2. Травянистое растение ромашка [АОС 13: 288].

Дублетность названий растений подразумевает ситуацию, при которой одно и то же растение имеет в говоре несколько параллельных вариантов номинации. Пример:

ЖЕЛЕЗНИК (ЖАЛЕЗНИК), -а, м. 3. Травянистое растение ромашка аптечная. *Matricaria Chamomilla* L. [АОС 13: 274].

ЖЕЛТОГОЛОВКА, -и, ж. 2. Травянистое растение ромашка [АОС 13: 288].

Важным представляется вопрос о включении информации о существующих в говоре системных связях лексики рассматриваемой тематической группы в структуру словарной статьи и способе ее отражения.

3. Проблемы лексикографического описания названий растений, связанные со структурой и объемом дефиниций.

Толкования описательного типа вызывают наибольшие трудности при их формулировании и подаче. Для определения объема и структуры дефиниции необходимо обратить внимание на следующие аспекты толкования.

Прежде всего, нужно отметить, что при работе над тематическим словарем возникает вопрос разграничения и соотношения филологического определения слова и энциклопедического описания реалии. Принадлежность лексики диалектной системе, а также ее тематическая выделенность требуют, на наш взгляд, значительного расширения объема экстралингвистической информации о реалии, обозначаемой фиксируемой лексемой.

Одной из наиболее важных задач при составлении словаря названий растений нам представляется выявление существенных семантических признаков для определения значений лексики тематической группы «Растения» в рамках диалектной системы. Субъективность в этом вопросе, обусловленная отсутствием четких критериев, часто приводит к неупорядоченности, неинформативности или же избыточности словарных дефиниций. При этом следует помнить о том, что объем дефиниции также определяется задачами самого лексикографического произведения, ориентацией на его потенциального читателя (в связи с этим Н.Д. Арутюнова замечает, что «только практическая цель описания и чувство меры подсказывают ему [лексикографу], где поставить предел детализации» [Арутюнова 1980: 202]). Поэтому необходимо выработать единые способы и модели толкования значений лексики рассматриваемой тематической группы.

Проблемным в этом отношении является вопрос о включении латинского названия растения в структуру толкования и обоснование утвердительного его решения. Такой компонент в словарной статье, с одной стороны, может рассматриваться как излишество, нарушение требования краткости описания, как возможно нерелевантный компонент по отношению к тем, кто будет пользоваться лексикографическим произведением. С другой стороны, приведение латинского названия растения обеспечивает точность толкования, а также возможность верного соотнесения номинаций в разных говорах, что может являться задачей специалиста, обращающегося к тематическому словарю.

Таким образом, лексика тематической группы «Растения» представляет собой специфический для практики лексикографирования материал, преимущественно в силу особенностей тех реалий, которые обозначаются такой лексикой, а также фактов жизни человека, влияющих

на состав и особенности лексической системы. При составлении словаря народных названий растений говоров определенной территории могут возникать трудности разного характера – связанные с соотношением лексемы и реалии, структурой словарной статьи, парадигматическими отношениями лексики говора и другими аспектами лексикографируемого материала. Мы попытались выделить наиболее существенные проблемы лексикографирования слов рассматриваемой тематической группы, решение которых принципиально важно для осуществления задачи рационального и лаконичного толкования слов в тематическом словаре.

Библиографический список с сокращениями

АОС – Архангельский областной словарь / под ред. О.Г. Гецовой. М.: Изд-во МГУ, 1980 –.

Арутюнова Н. Д. К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Наука, 1980. С. 156–249.

Бережан С. Г. Разбиение лексических единиц на лингвистически значимые классы как способ унификации их подачи в толковом словаре // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре: сб. статей. М.: Наука, 1988. С. 53–58.

Виноградов В. В. О некоторых вопросах теории русской лексикографии // Лексикология и лексикография: Изб. труды / отв. ред. В.Г. Костомаров. М.: Наука, 1977. С. 243–264.

СГРС – Словарь говоров Русского Севера / под ред. А.К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Ур. ун-та, 2001–.

СПГ – Словарь пермских говоров: в 2 т. / под ред. А.Н. Борисовой, К.Н. Прокошевой. Пермь: Книжный мир. 2000–2002.

Шведова Н. Ю. Однотомный толковый словарь (специфика жанра и некоторые перспективы дальнейшей работы) // Русский язык: Проблемы художественной речи. Лексикология и лексикография. (Виноградовские чтения IX–X). М.: Наука, 1981. С. 166–179.

M. A. Savelyeva

Master Student of Philological Faculty
Perm State University

ON SOME PROBLEMS OF THE DESCRIPTION OF FOLK NAMES OF PLANTS IN THE THEMATIC DICTIONARY

The lexicon of the thematic group "Plants" is a specific material for the practice of lexicography mainly due to extralinguistic factors affecting the composition and characteristics of the lexical system. The article defines the range of problems associated with the lexicographical description of folk names of plants in a special thematic dictionary.

Key words: dialect lexicography; thematic dictionary; thematic group; definition; names of plants.

Свалова Екатерина Николаевна
старший преподаватель кафедры общего языкознания
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
svalova87@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗНЫХ ОСНОВАНИЙ КОМИ-ПЕРМЯЦКИХ ПОСЛОВИЦ

Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ №17-14-59001-ОГН «Фразеология коми-пермяцкого языка в контексте традиционной коми-пермяцкой культуры»

В статье исследуется образность коми-пермяцких пословиц, которая рассматривается не только как черта фольклорной поэтики, но и как значимый элемент семантической структуры устойчивого высказывания. Дается анализ видов образного оформления пословичных выражений (использование природных, хозяйственно-бытовых, телесно-соматических, мифологических и пр. образов), рассматривается воздействие использованного образного средства на оценочные и прагматические возможности пословицы. Делаются выводы об отражении в образном составе пословиц национально-этнического компонента значения, о влиянии образных средств на многозначность паремического высказывания.

Ключевые слова: малые жанры фольклора, этническая специфика пословиц, образная основа пословицы и ее семантика и оценочность.

В пословицах выказывается отношение народа к различным жизненным явлениям, обобщается культурный опыт, формулируется поучительный смысл поведения в непростых жизненных ситуациях. В этих художественных микротекстах значима не только логическая природа и заложенная в выражении абстрактная истина, но и художественный образ, благодаря которому ответ на житейский вопрос делается по-настоящему убедительным и конкретно-осязаемым. Цель настоящей статьи – анализ видов образных оснований коми-пермяцких пословиц. Образы во многом определяют их смысловое своеобразие. В этнических культурах они мотивированы условиями жизни народа, как природными, так и экономическими, связанными с трудовой деятельностью, с традициями, обычаями и верованиями народа.

Темы пословиц могут быть сформулированы как в образном ключе, так и абстрактно, умозрительно. Выделяя необразные и образные паремии, исследователи отмечают, что в необразных пословицах все компоненты выступают в своих обычных, словарных значениях и

сохраняют предметную соотнесенность (см.: [Ясюкевич 2013]). Пословица с ослабленной образностью о том, что человек часто экономит силы там, где этого делать не следует *Бытшöмика керан – öтпырись керан, умöля керан – кыкпöв керан* («Хорошо сделаешь – один раз сделаешь, плохо сделаешь – два раза сделаешь») строится на повторах и антонимических противопоставлениях. Эффективность пословицы обеспечивает также особое звуковое оформление, рифма, ритмическая организация, лаконичность – средства, которые не только позволяют легко ее запомнить, но и придать ей цельность и семантическую слитность: *Кытöн дзескыт сэтöн и чöскыт* («Где тесно, там и вкусно» – слова, которые говорят, когда рады приютить у себя человека); *Тулыснас узян, арнас шогö усян* («Весной проспишь, осенью заболеешь» – соответствие русскому выражению *Весенний день год кормит* ‘о драгоценности благоприятного для сева времени’); *Кык смертьлö не вöвны а öткисис нем повны* («Двум смертям не бывать, а одной нечего бояться» – применяется в какой-либо экстремальной ситуации как призыв не бояться опасности). Рифма организует иронический комментарий хвалебных речей *Ошкан, ошкан да ошö пöртан* («Много будешь хвалить – превратишь в медведя»). В пословице также задействована каламбурная игра этимологически не родственных слов *ошкыны* ‘перехвалить’ и *ош* ‘медведь’, хотя основной выразительный эффект задается упоминанием элементов древнего мифа о превращении людей в медведей, отдаленной отсылкой к обряду (очевидно, славословия, величания: слово *ошкыны* исходно соотносилось с обрядом принесения клятвы [Лыткин, Гуляев 1970: 209]).

Образные паремии в силу своей повышенной иносказательности отличаются действенностью. А.А. Потенбня, сравнивая пословицы *На Бога надейся, а сам не плошай* и *Богу молись, а к берегу гребись*, указывал: «Если обобщение не будет заключать в себе следа своего происхождения от образа, мы получим другой вид пословицы, именно – безобразное изречение нравственного содержания» [Потенбня 1976: 518–519]. В образных высказываниях слова подвергаются семантической трансформации, и в результате посредством образа создается требующее расшифровки обобщение, приложимое к многочисленным ситуациям.

Образные речения коми-пермяцкого, как и любого другого народа, глубоко специфичны и имеют ярко выраженный национальный характер. Передача их формы и содержания средствами другого языка во многом затруднена именно тем, что использованные в них образы укоренены в этнической культуре, и круг связанных с ними ассоциаций в разных культурах может не совпадать. Основой для образных переосмыслений становятся названия животных и растений, явлений природы, предметов быта, номинации из фольклорной и обрядовой сферы. Коми-пермяцкие посло-

вицы касаются всех основных тем человеческого бытия. В них отражены взгляды на жизнь и смерть, отношение к труду и безделью, к родине и чужбине, оценка тех или иных черт характера человека, запечатлены его обычаи и привычки. Нормы и правила жизни при этом нередко формулируются обращением к реалиям, типичным для особенностей условий жизни народа. Как отмечал исследователь коми фольклора Ф.В.Плесовский, поскольку на особенности образного языка фольклора накладывает свой отпечаток специфика природных и культурно-исторических условий жизни народа, коми фольклор отличается особым разнообразием пословиц, связанных с охотничьим и рыболовным промыслами [Плесовский 1973: 6].

Жизнь в лесном крае накладывает свой отпечаток на образный строй языка коми-пермяков. Так, мысль о том, что нужно не терять свой шанс или время, делать что-либо, пока есть возможность, выражена пословицей *Кӧр лыс усьӧ, сэк и лиась* (букв. «Когда камбий сходит, тогда его и снимай»; *камбий* – это мезга, мягкая древесина у коры растения). Аналогична ей пословица *Симӧтсӧ кульӧны, кӧр шедӧ* («Берёсту сдирают, когда она отстаёт»). Береста и лыко имели для коми-пермяков особое значение в производстве обуви, бытовой утвари и посуды, в сооружении построек, поэтому практический опыт заготовщиков коры и был учтен в формулировании жизненной истины.

Образы природного мира в коми-пермяцких пословицах достаточно частотны. При оценке человека, семьи активно используются аналогии с лесом и деревьями. Выражение *Ӧткодь нуэс оз быдмӧ* («Одинаковые деревья не растут») о том, что одинаковых детей не бывает, что каждый человек в своем роде уникален, осознается на фоне древней веры в родство человека и дерева (выражение близко по смыслу к русской метафорической пословице *Дерево дереву рознь*, которая, впрочем, используется и в прямом значении – для подчеркивания особых свойств той или иной древесины при строительстве, деревообработке). Пословица *Гортын и кымӧра лунӧ гажса* (букв. «Дома и в сумрачный день весело») о том, как хорошо дома, на своей родине, содержит сопоставление состояния человека и природного мира, причем понятие дома здесь распространено и на окружающую среду. Близкая по смыслу русская пословица *В гостях хорошо, а дома лучше* (то же в диалектном оформлении *Хорошо, да в людях, худо, да дома*) актуализирует несколько иные смыслы, подчеркивает ценность для каждого человека дома, собственного жилья, семьи и строится на сопоставлении «своего – чужого». Образы животных могут иллюстрировать абстрактное понятие: *Том кадыт – чань, пӧрисыт – сувтӧм вӧв* («Молодость – жеребёнок, старость – стоячая лошадь» – пословица о том, что в молодости много сил и энергии). Выражение строится не только на развертывании идеи движения – жизни, старый человек в нем обозначен

как стоящий у предела земной жизни, поскольку конь в коми-пермяцкой культуре выступает как своеобразный посредник между мирами, с его помощью осуществляется коммуникация человека и божественных сил, связь между миром людей и умерших предков (см. о спектре культурно-символических смыслов коня: [Голева 2009: 206]).

Пословица *Работа не лягуша – ваё оз чеччöвт* (букв. «Работа не лягушка – в воду не прыгнет») о том, что работу, даже если не хочешь, все равно приходится выполнять, содержит соотношение абстрактного понятия с образом земноводного животного. На первый взгляд, пословица, как и другие выражения типа русского *Работа не волк, в лес не убежит*, содержит оправдание отдыха и безделья (см. подробно о заимствованиях этого типа [Свалова 2017]). Фактически же в ней труд представлен как каждодневная необходимость и человеческая участь (в отличие от свободной жизни природного существа).

Заметная черта коми-пермяцкой паремии – **фольклорно-мифологические образы**. Выражение *Чудсö миссьöт эн миссьöт – сё лоас сьöд* («Чуда мой не мой – всё чёрный») используется для характеристики сумасбродного человека, которого ничем нельзя удержать. В нем использовано название мифического темнокожего племени чудь, черных карликовых зооантропоморфных существ, которые в более позднее время были отождествлены с нечистой силой [Лимеров 1998: 79]. В отличие от русского пословичного *черного кобеля* образ мифического народца *чудь* характеризует иррациональность в поведении человека более мотивированно. Выражение *Сизимись ас гöгöрат бергöтчы да эшö думайтышит* («Семь раз повернись вокруг себя, да ещё подумай»), на наш взгляд, связано с магической обрядностью. Как и русское соответствие *Семь раз отмерь, один раз отрежь*, которое скорее всего пошло от портных и связано с невозможностью исправить ошибку при раскрое материи, оно свидетельствует о необходимости всё тщательно обдумать и взвесить, прежде чем действовать. Коми-пермяцкое выражение, скорее всего, опирается на известную разным культурам медитативную технику многократного кружения вокруг себя (считается, что возникающее при этом кружение в голове лишает человека на время мыслей и эмоций; после такого вращения человек получает определенную мыслительную «перезагрузку», его сознание «расширяется»). Исходный ритуальный смысл действия подчеркивается числом *семь*, которое считается управляющим пространством и временем; сакральная окрашенность числа актуализирована использованием его в обрядовом контексте. Организующий пословицу образ кружения выступает как прием магической практики, которая, как считается, позволяет человеку довериться миру, высшим силам и естественному ходу вещей. Впрочем, заметим, что в коми-пермяцком языке употребляется

и калькированная русская пословица *Сизимись меряйт – отпырись вундышит*.

Бытовые и телесно-соматические образы, соотнесения с будничными занятиями часто используются для оценок и комментирования норм и правил жизни. Выражение *Кывнат пессö он поткöт* («Языком дрова не наколешь») содержит осуждение болтовни. Язык в русской языковой культуре сравнивается с оружием (*Не ножа бойся, языка*), с мельницей (*языком молоть*), с мешалкой для сбивания масла (*болтать языком*), персонифицируется, наделяется собственной волей и сознанием [Полиниченко 2004: 14]. Использованное в коми-пермяцкой пословице сопоставление языка с топором (инструментом, обязательным для жителя леса) формирует алогичный образ, усиливающий осуждение праздного времяпрепровождения. Выражение *Синнэт полöны, а киэт керöны* («Глаза бояться, а руки делают») используется для оценки необходимости делать трудное, незнакомое дело и аналогично русскому *Глаза страшатся, а руки делают* с персонифицированием частей человеческого тела, представлением человеческого органа в виде вполне самостоятельного живого существа. Специфична в данном случае для коми-пермяцкой пословицы возможность замены образа рук, с которыми связывается идея работы, на ноги – при обозначении необходимости преодолеть дальнейшее расстояние (*Синнэт полöны, а кокет керöны*).

Промысловая и аграрная образность используется при оценке отношения к труду, его результатов. Выражение *Бöжтö кöтöтан – дак и черисö сёян* (Букв. «Хвост помочишь, так и рыбку съешь») используется в том же значении, что и русская пословица *Без труда не выловишь и рыбку из пруда* (чтобы получить результат, надо приложить усилия). В отличие от русского коми-пермяцкий оборот конкретен и натуралистичен, удовольствие от связанного с напряжением труда выражено психологически достоверно. Пословица *Бöбöтчыны – не тöлöтчыны, син оз ёгьясь* («Врать не врать, глаза не засорятся») с осуждением обманщика содержит мотив ручного веяния зерна (очищения его на ветру от мякины и сора). Этот образ част и в русской паремике (*Чисто врёт – врать не нужно* иронически о лжеце, *Чужую рожь врать – глаза порошить*; здесь выражено осуждение попытки обхитрить, которая оборачивается ущербом для себя). Русские соотнесения ироничны и сравнивают вранье с трудной работой (*Врать не рожь молотить, Врать – не косить, спина не заболит, Врать не мешки ворочать*), тогда как коми-пермяцкое выражение представляет лживого человека резко негативно еще и как берегущего себя. Мысль о том, что обо всех делах судят по их итогу, содержит пословица *Кöр сьюис öксё, сэк и мераыс лоö* («Когда зерно собирается,

тогда и мера определяется»). Полностью соответствуя русскому народному выражению *Когда рожь, тогда и мера*, коми-пермяцкий вариант лишен лаконичности.

Образы в пословицах используются не только для усиления впечатления и облегчения восприятия выражения, они выступают также в качестве инструмента языкового мышления. С их помощью задается глубинный смысл народного изречения, формулируется более общая мысль, программируются дополнительные семантические нюансы и оценочные смыслы, т.е. прагматические качества. В пословицах с помощью национальных кодов культуры получают свое толкование универсальные понятия, при этом различие в образной составляющей близких по смыслу пословиц придает им своеобразие, национальную окраску. В связи с культурной многозначностью одного и того же образа в разных языках имеет место актуализация разных его аспектов, с чем обычно и связаны семантические расхождения внешне сходных пословиц.

Библиографический список

Голева Т. Г. Образы коня, быка и коровы в представлениях коми-пермяков. Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып.5. Пермь, 2009. С. 204–210.

Лимеров П. Ф. Мифология загробного мира. Сыктывкар: Изд-во КНЦ УрО РАН, 1998. 125 с.

Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука, 1970. 385 с.

Плесовский Ф. В. Коми пословицы и поговорки. Коми книжное издательство. Сыктывкар, 1973. 216 с.

Полиниченко Д. Ю. Естественный язык как лингвокультурный семиотический концепт: на материале русского и английского языков: автореф. докт. филол. наук. Краснодар, 2004. 21 с.

Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976. 614 с.

Свалова Е. Н. Русские паремические высказывания в коми-пермяцком освоении. Филологические заметки. 2017, №2. С. 56–63.

Ясюкевич Е. Н. Образно-смысловая организация паремий (на материале русских и английских пословиц и поговорок). // М.В. Ломоносов в истории науки, культуры, университетского образования: м-лы Международной научной конференции (Гродно, 15-16 декабря 2011 г.). Гродно: ГрГУ, 2013. С. 97–103.

E.N. Svalova

Senior Lecturer of General Linguistics Department

Perm State Humanitarian-Pedagogical University

PECULIARITIES OF FIGURATIVE ROOTS OF THE KOMI-PERMYAK PROVERBS

The article investigates the figurativeness of the Komi-Permyak proverbs which is considered to be not only the feature of the folk poetics but also a significant element of the semantic structure of a set utterance. The analysis of types of figurative formulation of proverb expressions (usage of nature, household, bodily-somatic, mythological and other images) is made, the influence of the used figurative device on the evaluative and pragmatic resources of a proverb is discussed. Conclusions about the reflection of the national-ethnic component of the meaning in the figurative content of proverbs, about the influence of figurative devices on the polysemanticism of the paroemic utterance are made.

Key words: Small genres of folk-literature, ethnic features of proverbs, figurative roots of a proverb, its semantics and evaluativity.

ЛИТЕРАТУРА И КУЛЬТУРА

УДК 070+821.161.1

Антипина Зоя Сергеевна
старший преподаватель кафедры журналистики
и массовых коммуникаций
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
afaneor@yandex.ru

ПОЭТЫ ИЗ НАРОДА В ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ГАЗЕТЕ 1860-х гг.: О ЛИТЕРАТУРНОЙ БИОГРАФИИ ПОЭТА-САМОУЧКИ

В статье на материале публикаций пермской периодической печати рассматривается формирование авторского самосознания писателей из народа в середине XIX века. Автобиография поэта-самоучки строилась автором по образцу жизнеописания поэта А. В. Кольцова в статье авторитетного критика В. Г. Белинского и может рассматриваться как пример литературной биографии в понимании Ю. М. Лотмана.

Ключевые слова: история литературы XIX века, провинциальная газета, поэты из народа, поэты-самоучки, литературная биография.

Оживление провинциальной общественной жизни на рубеже 1850-1860-х годов и отражение его в пермской периодической печати уже было описано исследователями дореволюционной журналистики [Бурмистрова 1969; 1985; Литвина 1969а; Литвина 1969б; Кустов 1971]. Однако историко-литературный аспект этого явления гораздо менее изучен. Между тем пристальное внимание образованного российского общества к народной жизни и народному сознанию открыло путь в литературу многим поэтам-самоучкам не только в столицах, но и в провинции. Появление суриковского объединения в 1872 году и последующих кружков писателей из народа было во многом подготовлено обращением массовой печати к тому сословию, которое ранее не мыслилось даже в качестве читателя губернской газеты.

«Пермские губернские ведомости» (далее – ПГВ), как все «Губернские ведомости» Российской империи, имели официально утвержденную программу [Положение... 1831; Положение... 1838], которая запрещала публиковать художественные (функциональные) произведения [Об изменении... 1856]. С началом 1860-х годов, тем не менее, многие газеты сформировали литературные отделы, в которых публиковались библио-

графические заметки, сообщения о литературной жизни, фольклорные материалы. В ПГВ «Учено-литературный отдел» был создан с приходом на должность редактора неофициальной части Самуила Самуиловича Пенна (1828 – после 1889). О нем известно не много, но Пенн был горячим сторонником народнических идей реформенного времени.

В программу новой рубрики газеты вошли путевые заметки, этнографические материалы, библиографические известия, сообщения о культурной жизни города. Кроме того, редакция пригласила к участию в газете «частных сотрудников» [От редакции 1859] с выплатой гонорара за публикации. За три года редакторства Пенна в ПГВ было опубликовано совсем немного литературных материалов, но примечательна последовательность редакционной политики в их отборе и представлении на страницах газеты. Все литературные публикации ПГВ названного периода объединены вниманием к наиболее дискуссионной проблеме общественной жизни конца 1850-х – 1860-х гг. – народному сознанию и народному быту.

Критический отклик на стихотворения Федора Топоркова стал одним из первых материалов газеты, в котором прозвучали программные высказывания редакции [Невьянский поэт 1860]. Стихотворения были присланы автором вместе с автобиографией в ответ на приглашение редакцией «частных сотрудников». Причина, по которой газета опубликовала не стихотворения и автобиографию Федора Топоркова, а развернутую критическую статью, заключалась в резко отрицательной оценке редакцией произведений и литературных амбиций автора из народа. Из процитированной редакцией автобиографии Топоркова следует, что его письмо в газету стало ответом на призыв редакции: «Похвалив редакцию наших “Ведомостей” за прекрасную цель улучшения издания, заключающегося в том, чтобы “способствовать развитию изучения края”, – автор говорит, что эта цель побудила и его “подать публично свой голос”...». Далее как пример «необыкновенного явления в нравственной жизни народа» Топорков приводит свой «природный дар стихотворства». Он пишет о себе в третьем лице: «И неужели ему суждено увеличить собою неугаданных гениев и непонятных талантов, погибнувших в глуши неизвестно. В наш век, век всеобщего образования и гласности, как грешно не подать руку помощи и не подать доброго совета заблудшему, так же грешно не оказать поощрения самобытному гению, не пустить в свет творения юного поэта. Судите сами, добрые люди, о достоинствах и недостатках его стихотворных произведений, но не осуждайте нашего намерения предложить некоторые из его стихотворений на ваш беспристрастный суд». Критик насмешливо комментирует эту цитату: «После этого как же читателю не познакомиться с его произведениями», однако при этом справедливо уга-

дывает в автобиографическом рассказе Топоркова некое «классическое красноречие», которое объясняется тем, что невьянский поэт пользуется банальными характеристиками жизнеописания «самоучки из народа». Некоторые из приведенных газетой реплик отсылают к известной статье В. Г. Белинского о А. В. Кольцове [Белинский 1948]. Так, Белинский пишет о «поэте, до сих пор еще не понятом и не оцененном надлежащим образом», а Топорков называет себя «неугаданным гением и непонятым талантом»; у Белинского читаем: «смотрели на него, как смотрят на заморского зверя, на великана, на карлика», у Топоркова – «обратил на себя внимание не ростом карлика или голиафа». Популярность Кольцова позволяет предположить, что не только его стихи, но и статья Белинского в оригинале или в пересказе для народного чтения могла быть известна служащему уральских заводов. Топорков описывает свою литературную судьбу очевидно по образцу, предложенному авторитетным критиком. И это образец жизни исключительной и тяжелой, той, что Ю. М. Лотман определит как признак литературной биографии, когда человек реализует норму поведения «трудную и необычную, “странную” для других и требующую от него величайших усилий» [Лотман 1992: 366].

Основным объектом внимания в статье, опубликованной в ПГВ, стали стихотворения Топоркова. Следуя принципам «реальной критики», газетный рецензент ищет в стихотворениях невьянского поэта не столько эстетическое совершенство, сколько верность действительности: «...сейчас мы покажем вам стихи крепостного для ознакомления с чувствованиями и мыслями человека из народа», «поищем в его стихах отражение нового времени». Главными недостатками стихотворений Топоркова оказываются фальшь и пошлость: «Выходит на поверку, что нежные чувствования, которые воспеваает в очень плохих стихах г. Топорков, приторны, фальшивы, взяты напрокат из каких-нибудь пошлых романов и романсов, что благородство гражданских убеждений он поставляет между прочим в ругательстве других наций и в превознесении буквально до небес, до чинов ангельских своего помещика...». Прочитав стихотворения, которыми критик подтверждает свои суждения:

Друзья! – открываюся я,
Что Анютины глазки люблю,
Что они поразили, пленили меня.
Друзья! – открываюся я,
Что всечасно терзаюся я,
И, быть может, напрасно себя я гублю.
Друзья! – открываюся я,
Что Анютины глазки люблю

* * *

Батюшка-владелец,
Радость – наше счастье
Барин – наш кормилец,
Не отринь, пожалуй,
Покорнейшей просьбы.
Будь так добр, – послушай
Мужика простого
Вашего вассала.
Речь моя прямая,
Без нарядной лести,
Без хвалы хвастливой,
Отпечаток сердца...

Критик завершает статью решительным отказом Топоркову в поэтическом таланте: «Нет, г. Топорков, самое лучшее, что вы сделаете, так это то, если вы бросите писать стихи». Он увидел некоторые достоинства только в песне «Кукушечка»: «Содержанием своим это стихотворение напоминает нам грустную долю нашей крестьянской женщины»:

Куку, куку, кукушечка!
Кукуешь ты в сыром бору;
Я бедная, несчастная
В чужой стране все слезы лью...

В это же время в ПГВ была опубликована подборка стихотворений другого местного поэта из крепостных служащих – 27-летнего Ильи Калинина из села Ильинского [Калинин 1860]. Стихотворения предварял небольшой пересказ автобиографии поэта-самоучки. В ней повторялись типичные детали: сиротство, черная доля, пренебрежение окружающих, оскорбленные чувства, искренняя страсть к поэзии. Сами же стихотворения – песни и думы – были встречены редакцией благожелательно.

Стилистика народной песни традиционно оказывается наиболее органичной для поэтов из народной среды. Из всех произведений того же Кольцова критики и публика отмечали именно песни и думы. В 1856 г. Н. Г. Чернышевский писал Некрасову, что Кольцов не имел «ровно никакого» «влияния на литературу и публику» [Чернышевский 1949: 315]. Напротив, из публикаций ПГВ мы видим, что влияние Кольцова на низовую литературу и аудиторию в середине XIX в. было ощутимым. Появление в провинциальной газете произведений Топоркова и Калинина, присланных авторами вместе с автобиографиями, можно рассматривать как частный пример зарождения профессионального литературного авторства

в народной среде. Эти служащие уральских заводов не просто осознавали себя поэтами, но претендовали на собственное имя, литературную биографию и – на газетный гонорар. Пермский «случай» дает лишь первые видимые признаки того всплеска народного авторства, которое в полной мере проявится в 1870-е гг., когда оформится литературная группа поэтов-суриковцев.

Библиографический список

Белинский В. Г. О жизни и сочинениях Кольцова // Белинский В.Г. Собрание сочинений в трех томах. Под общей редакцией Ф. М. Головенченко. М.: ОГИЗ, ГИХЛ, 1948. Том III. С. 101–145.

Бурмистрова Л. П. К изучению корреспондентского состава «Губернских ведомостей» Поволжья и Урала (конец 50-х – начало 60-х годов XIX века) // Очерки истории Поволжья и Приуралья. Вып. II–III. Казань, 1969. С. 97–111.

Бурмистров, Л. П. Провинциальная газета в эпоху русских просветителей: губернские ведомости Поволжья и Урала 1840–1850 гг. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 1985. 140 с.

Калинин И. Дума на Каме; Раздумье на Каме; Размахнися, рука молодецкая // ПГВ. 1860. № 49. 2 дек.

Кустов В. А. Фольклорно-этнографические материалы в газете «Пермские губернские ведомости» 1870-х гг. // Ученые записки Пермского педагогического института. Сер. Фольклор и литература Урала. 1971. С. 136–138.

Литвина Ф. А. «Губернские ведомости» как источник для изучения литературных вечеров эпохи падения крепостного права // Очерки истории Поволжья и Приуралья. Вып. II–III. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1969. С. 130–133.

Литвина Ф. А. Пермские литературно-музыкальные вечера 60-х годов XIX в. (организация, программы) // Очерки истории Поволжья и Приуралья. Вып. II–III. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1969. С. 112–129.

Лотман Ю. М. Литературная биография в историко-культурном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора) // Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 365–377.

Невьянский поэт // Пермские губернские ведомости. 1860. № 11. 11 марта.

Об изменении программы «Губернских ведомостей» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXX. Отд. I. СПб., 1856. № 29059. С. 169–170.

От редакции «Пермских губернских ведомостей» // Пермские губернские ведомости. 1859. № 51. 18 дек.

Пермский житель. Святки в Перми // Пермские губернские ведомости. 1862. № 3. 19 янв., № 4. 26 янв.

Положение об издании «Губернских ведомостей» [27 октября 1830] // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. V. 1830. Отд. II. СПб., 1831. № 4036. С. 212–219.

Положение о порядке производства дел в Губернских Правлениях [3 июня 1837] // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XII. Отд. I. СПб., 1838. № 10304, § 86–96. С. 459–462.

Чернышевский Н.Г. Письмо Н.А. Некрасову. 24 сентября 1856 // Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: В 15 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1949. Т. 14. С. 311–317.

Z.S. Antipina

Senior Lecturer of Journalism and Mass Communications Department
Perm State University

**POETS FROM THE PEOPLE IN THE PROVINCIAL NEWSPAPER
OF 1860s: ON THE LITERARY BIOGRAPHY
OF THE POET-SELF-TAUGHT**

In the article, the author's self-consciousness of writers from the people in the middle of the 19th century is considered on the basis of the publications of the Perm periodical press. The autobiography of the self-taught poet was built by the author on the model of the biography of the poet A. V. Koltsov in the article of the authoritative critic V. G. Belinsky and can be regarded as an example of a literary biography in the understanding of Yu. M. Lotman.

Key words: history of the literature of the XIX century, provincial newspaper, poets from the people, self-taught poets, literary biography.

Гордеева Надежда Валентиновна
магистрант филологического факультета
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
Gordeeva.nadya06@gmail.com

МОТИВ ОБОРОТНИЧЕСТВА В «КОРЕЙСКИХ СКАЗКАХ» Н. Г. ГАРИНА-МИХАЙЛОВСКОГО

В статье анализируются «Корейские сказки, записанные осенью 1898 года» Н. Г. Гарина-Михайловского. Впервые подробно рассматривается мотив оборотничества, который характерен для дальневосточного фольклора.

Ключевые слова: Гарин-Михайловский, корейские сказки, оборотничество, фольклор, мотив

Фольклор народов Востока привлекал многих русских путешественников, отправлявшихся в Азию в конце XIX века. Среди них были как ученые-лингвисты, составляющие первые словари и грамматики восточных языков, так и путешественники, изучающие историю, образ жизни и устное творчество народов.

К числу таких путешественников можно отнести и Н. Г. Гарина-Михайловского. В 1898 году писатель присоединяется к экспедиции А. И. Звягинцева, главной задачей которой было исследование сухопутных и водных путей сообщения вдоль северной границы Кореи.

Интерес писателя к фольклору во многом был вызван публикациями фольклористов, собиравших народные сказки. Фольклорные записи Гарин-Михайловский вел в условиях длительного погружения в корейскую народную среду: из дневниковых записей писателя следует, что он целенаправленно искал знатоков фольклора. Собирателем записывал тексты со слов переводчика, российского корейца Петра Кима, который сопровождал писателя во время всей экспедиции. *«По вечерам, когда я возвращаюсь с работ, около меня толпится много корейцев. Один из них <...> прислан ко мне учителем, как человек, Знающий много рассказов из корейской жизни. Он сидит на корточках и со всем жаром художника, весь увлеченный, рассказывает. По временам переводчик П. Н. останавливает его, не надеясь на свою память, передает мне, а я записываю. Все остальные корейцы сидят на корточках и серьезно, внимательно слушают. Если рассказчик сбивается, они поправляют его, и иногда поднимается горя-*

чий спор» [Гарин 1958: 435]. Важно отметить, что записи текстов происходили в привычной для исполнителя атмосфере.

В предисловии Гарин-Михайловский отмечает, что его роль сводилась к фиксации текста со слов переводчика: *«Я быстро, фраза за фразой, записывал, стараясь сохранить простоту речи, никогда не прибавляя ничего своего»*. Из путевых записей писателя следует, что нередко Гарин-Михайловский составлял сводный текст сказок из версий разных рассказчиков. Иногда собиратель производил сокращения, которые были обусловлены представлениями о приличиях: *«Из трёх сказок одну, по совершенной её нецензурности, пришлось не записать, а в одной, относительно верной жены, пришлось опустить по той же причине несколько сильных и злоостроумных мест»* [Там же].

За время путешествия Гариным-Михайловским было записано до 100 сказок, но опубликованы были не все: одна тетрадь с записями была утеряна во время пути, поэтому число сказок сократилось до 64. Впервые они были опубликованы в 1899 году, а позже напечатаны в первом издании путевых записок *«По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову»* (1903 год).

Записи Гарина-Михайловского оказались самым значительным вкладом в корейскую фольклористику. Другие собиратели зафиксировали менее 10 сказок, до публикации сказок Гарина-Михайловского были изданы лишь 2 сказки на русском языке и семь сказок на английском языке.

«В сказках, записанных Н. Гариным-Михайловским, – писал В. П. Пак, – много сюжетов, которые составляют «золотой фонд» корейского фольклора. Некоторые сказки вошли в фольклорные издания, выходившие как в Северной, так и в Южной Корее, – это своеобразная «классика» сказочного эпоса. Есть в записях Н. Гарина-Михайловского сказки, известные во всех провинциях Кореи, но ни в одном из выходивших сборников, к сожалению, не публиковавшиеся. Таким образом, русский писатель сохранил для истории корейского фольклора и культуры неповторимые сюжеты корейской устной литературы в их первоизданном и неповторимом виде» [Пак 1991: 11].

Сказочный репертуар записей Гарина-Михайловского – преимущественно волшебные сказки, которые, по мнению исследователей, близки к бытовым. *«Многие сказки перерастают в целые устные новеллы – новеллистические сказки. Это сказки, которые содержат не один эпизод, а множество, объединенные одним смыслом»* [Никулин 2004: 118-119].

В этих сказках распространен мотив оборотничества, частотный для всего дальневосточного фольклора. Согласно китайским и корейским традициям, оборотнями, которые могут принимать человеческий облик, «мо-

гут стать звери, птицы, являющиеся животными-долгожителями – достигшие более чем 500-летнего возраста лисицы, волки, шакалы, а также змеи, крысы и др.» [Там же].

По нашим подсчетам, в семи волшебных сказках, записанных писателем, содержится мотив оборотничества. Мотив магической перемены облика человека или животного представлен в сказках в нескольких вариантах, среди которых нами были выделены две группы оборотней:

– женские персонажи: женщина-тигрица, женщина-тысяченокка, женщина-курой (женщина-змея) и женщина-рыбка;

– мужские персонажи: мужчина-тигр и мужчина-курой (мужчина-змея).

Следует отметить, что женщины-оборотни встречаются в текстах сказок намного чаще, чем мужчины. Как правило, женщина-оборотень выступает в сказках в роли спутницы главного героя, его помощницы и советчицы, поэтому наделяется также чертами праведной, верной и любящей жены. Такие жены помогают герою-мужу добиться признания в обществе и получить более высокий социальный статус.

В сказке «Кошки» присутствует образ тигров-оборотней, которые изображены злыми, опасными существами. Они представляют угрозу для жителей города, поэтому должны быть убиты главным героем. *«Это не люди, это дикие люди, – если ты не убьешь их, они съедят всех»* [Гарин 1958: 500].

Но в то же время жена сказочного героя, тигрица-оборотень, обладает чертами любящей и преданной жены. Она дает герою наказ о том, что он должен сделать, тем самым помогает ему и их детям. *«Когда убьешь их, разрежь грудь того, который ехал на нестром муле. В груди ты найдешь двух зверьков: никогда с ними не разлучайся, – пусть они будут тебе, как дети»* [Там же]. В этом сюжете жена готова пожертвовать жизнью ради своего мужа и детей, что характерно для большинства женских персонажей в «Корейских сказках».

В сказках Гарина-Михайловского также встречается оборотень-тысяченокка, схожий с предыдущим образом по своей коннотации. Этот образ фиксируется в сказках «Уан-чине (Тысяченокка)», «Еще тысяченокка», «Сын тысяченокки». В корейских сказках зачастую такой оборотень предстает в образе прекрасной девушки, в наказание обращенной на тысячу лет в тысяченокку. Она вновь может обрести человеческий облик, но для этого ей нужно найти человека, который сможет ее полюбить. *«Слыхал ли ты что-нибудь об Уан-чине (тысяченокке)? Знай же, что это женщина, в наказание обращенная на тысячу лет в тысяченокку. За три месяца до срока ей дается право принимать по временам вид женщины. В это время она должна найти человека, который полюбил бы ее.*

Но человек этот, до срока, не должен знать, кто она» [Гарин 1958: 493]. В сказке «Уан-чине (Тысяченожка)» любопытство мужа помешало оборотню переродиться в человеческом облике, поэтому тысяченожка мстит мужу за его действия. «Ты не исполнил моей просьбы <...> Мне оставалось только еще один день быть тысяченожкой. Теперь же я останусь ею еще тысячу лет. <...> Но и тебе оно даром не пройдет <...> Дома ждало его горе: единственный сын его умер. А когда Ким-нон-чи уснул, приползла тысяченожка и, желая поцеловать, укусила его, и он так и умер, не проснувшись» [Там же].

Данные сказки фиксируют известный сюжет о зооморфном брачном партнере, «который сбрасывает звериную (птичью, рептильную и др.) личину ночью (временной рубеж) и совсем отторгает ее при окончательном утверждении в новом статусе» [Неклюдов 2015: 8].

В сказке «Еще тысяченожка» оборотень имеет другие черты. Тысяченожка показана как благодарная, способная на сопереживание героиня, готовая прийти на помощь человеку. Здесь, как и в предыдущей сказке, вводится мотив запрета, но нарушения его не происходит. Женщина-тысяченожка в благодарность за добро делает род мужа самым богатым в Корее.

В этой же сказке присутствует и другой оборотень – мужчина-курей (змей). Обманом он пытается помешать тысяченожке стать человеком: «Я твой дед, – сказал дух, – и явился, чтобы предупредить тебя: та, которую ты любишь, не женщина, а тысяченожка. Если хочешь в этом убедиться, пойди, отвори дверь, и ты увидишь не свою возлюбленную, а тысяченожку». Но тысяченожка разоблачила его обман: «Это не дед твой, а мой враг – змей, курей – мой бывший муж. Кому-нибудь из нас суждено было в этот вечер сделаться человеком. Время назначено было как раз то, когда ты постучал в мою дверь» [Гарин 1958: 494].

В данных сказках явно прослеживается связь мотива оборотничества с переходными обрядами, связанными с переменой состояния человека. Подобная перемена «интерпретируется как смерть в одном статусе и рождение в другом, что может сопровождаться пересечением пространственных и временных рубежей» [Неклюдов 2015: 8].

Следует заметить, что мужчины-оборотни в сказках Гарина-Михайловского во всех случаях являются отрицательными: они вступают в противоборство с женщиной-оборотнем, пытаясь хитростью не дать ей получить желаемое.

В следующей сказке «Сын тысяченожки» оборотню также удастся превратиться в человека. В данном сюжете тысяченожка выступает в качестве матери главного героя сказки, передавая ему «необычную судьбу». По корейским поверьям, ребенок, родившийся от «волшебной» матери,

как правило, наследует ее чудесные способности. В иных случаях, по словам сказителя, его жизнь будет особенной: *«Судьба таких детей от матери, бывшей тысяченожкой, всегда необычайна»* [Гарин 1958: 536]. Героиня также выступает в качестве помощника, она помогает сыну, предсказывая ему будущее.

В этой же сказке присутствует еще один оборотень – рыбка, дочь морского царя. Рыбка также представлена как мудрая и любящая жена, которая помогает мужу проходить испытания в благодарность за спасение. Интересно, что оборотень даже в зооморфном облике наделяется человеческими способностями – он может плакать. *«По дороге, на берегу одной реки, он увидел, что мальчики поймали хорошенькую рыбку и спорили о том, кому она принадлежит. Тон подошел, взял рыбку в руки и вдруг увидел, что из глаз ее текут слезы»* [Там же: 537]. Именно эта особенность позволяет ей остаться в живых, так как герой, увидев слезы рыбки, спасает ее в опасной ситуации.

Только в одной сказке – «Курей» – присутствует опасная женщина-оборотень – женщина с головой змея: она представляет большую опасность для монастыря, так как поедает каждого, кто подходит к обители: *«поселился злой курей (змея) и поедал каждого корейца, кто приходил молиться в монастырь»* [Там же: 517]. В сказке представлен сюжет избавления от опасности – монахи убивают змея. Здесь зафиксирован способ освобождения святого места от врага.

Мужчина-змея является главным героем в другой сказке «Змей». Оборотень принимает облик красивого молодого парня, который привлекает девушек своей красотой. В сказке представлен сюжет о змеелюбовнике: *«девушка подчиняется мифическому существу и вступает с ним в любовные отношения»* [Козлова 2000: 10]: *«Змей любит самых красивых девушек. Он обольщает красавиц, и они, думая, что имеют дело с парнем, отдаются ему. И тогда только они узнают ужасную истину. Но поздно: змей точно прирастает к ним. Так и ходят они, нося его на спине. Задними лапами он обнимает их за талию, а передние держит на плече девушки»* [Гарин 1958: 548]. Также здесь реализован сюжет, представленный ранее в сказке «Курей». Сюжет фиксирует известный в корейской народной культуре способ избавления от мифического существа. *«Чтобы избавиться от змея – одно средство: сделать из дерева его изображение и осторожно показать его головку змею. Тогда, думая, что это его настоящая подруга, змей поползет к ней и освободит таким образом девушку»* [Там же].

Представленный в «Корейских сказках» мотив оборотничества достаточно распространен в народной традиции. В большинстве рассмотренных сказок корейские женщины-оборотни, как правило, являются по-

ложительными персонажами и имеют совокупность устойчивых характеристик: прекрасная девушка, мудрая, верная и любящая жена, готовая во всем помогать мужу и направлять его. Мужчины-оборотни, как правило, наделены отрицательной коннотацией. Они часто противопоставлены женщинам-оборотням: преследуют личные корыстные мотивы и цели, не способны к сопереживанию и самопожертвованию.

В «Корейских сказках» Н. Г. Гарина-Михайловского представлены оригинальные национальные варианты универсальных мифологических сюжетов.

Библиографический список

Гарин-Михайловский Н. Г. Собрание сочинений в пяти томах. Т.5. М.: Худож. лит., 1958. 721 с.

Козлова Н. К. Восточнославянские былички о змее и змеях. Мифический любовник Указатель сюжетов и тексты/ под. ред. Ю. И. Смирнова. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000. 260 с.

Неклюдов С. Ю. Откуда берутся оборотни // Оборотни и оборотничество: стратегии описания и интерпретации. Материалы международной конференции (Москва, РАНХиГС, 11–12 декабря 2015)/ Отв. ред. и сост. Д. И. Антонов. М.: Издательский дом «Дело», 2015. С. 7–13.

Неклюдов С. Ю. Оборотничество // Мифы народов мира. Энциклопедия в двух томах. Электронное издание, М.: 2008. С. 739–740.

Никулин Н. И. Н. Г. Гарин-Михайловский как собиратель корейского повествовательного фольклора // Восток в русской литературе XVIII – начала XX века. Знакомство. Переводы. Восприятие. – М.: ИМЛИ РАН, 2004. С. 101–128.

Пак В. П. Корейская народная сказка. (Опыт исследования национального своеобразия на публикациях конца XIX-середины XX вв.). Автореф. дисс. ... к. филол. н. М.: 1970. 21 с.

Пак В. П. Предисловие // Феи с Алмазных гор: Корейские народные сказки: Пер. с корейс./ Сост. и вступ. ст. В. Пака. М.: Худож. лит., 1991. С. 5–15.

N.V. Gordeeva

Master Student of Philological Faculty
Perm State University

MOTIF OF TURNSKINS IN "THE KOREAN FAIRY TALES" BY N.G. GARIN-MIKHAILOVSKY

This article analyzes «Korean fairy tales, recorded in the autumn of 1898» by N.G. Garin-Mikhailovsky. For the first time the motif of turnskins, which is typical for Far Eastern folklore, is considered in detail.

Key words: Garin-Mikhailovsky, korean fairy tales, turnskin, motive, folklore.

Зырянова Анна Ивановна
аспирант кафедры новейшей русской литературы
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
ann506343@yandex.ru

ПЕРМСКАЯ СКАЗКА В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

В статье речь идет о функционировании сказки в современной культуре вообще и в локальном пространстве Пермского края в частности. Показано, что универсальность жанра позволяет сказке обретать сегодня новые, прагматически ориентированные формы бытования: сказка-альбом, сказка-терапия, сказка-акция и т.п. В то же время сказка сохраняет «память жанра»: современные пермские авторы придерживаются в текстах традиционной для фольклорной сказки композиции и «функций» персонажей, выявленных В.Я. Проппом.

Ключевые слова: литературная сказка Пермского края, пространство культуры, сказкотерапия.

Сказка, один из самых древних жанров литературы, живет сегодня в книжном и некнижном форматах: в кино, мультфильмах, в театре. В Пермском крае сегодня очевидно нарастание интереса к сказке в новых формах ее бытования. В настоящей работе анализируются сказки молодых пермских авторов: «Сказка о Пермской земле» Зины Суровой (2013), «Всамделишные сказки» Ольги Арматынской (2016) и «Навстречу миру природы. Экологические сказки для детей и взрослых» Веры Эршон (2017). Также нас интересует и функционирование сказки в популярных сегодня психологических занятиях по сказкотерапии.

Согласно определению Л.Ю. Брауде и других исследователей жанра (И.П. Лупановой, Т.Г. Леоновой, М.Н. Липовецкого), для литературной сказки характерно использование типичных для народной сказки особенностей поэтики и языка, «функций» персонажей. Поэтому тексты выбранного периода анализируются с точки зрения функционального подхода, предложенного В.Я. Проппом в книге «Морфология волшебной сказки» [Пропп 2001].

В 2013 году в Перми вышла книга «Сказка о Пермской земле» Зинаиды Суровой с ее же иллюстрациями. «Иллюстратор по образованию и профессии, Сурова – автор более 15 детских книг: среди них «Находилки» (2015), «Занималки» (2015), «Лето в деревне» (2015) и другие проекты, которые Зинаида воплощает совместно с мужем – дизайнером Филиппом

Суровым [Сурова: эл. ресурс]. В иллюстрациях она использует самые разные материалы и техники: тушь, восковую пастель, карандаши, акриловые и масляные краски, глину, дерево, Иллюстрации к книге «Сказка о Пермской земле» выполнены в технике коллажа. Это книга об истории культуры, искусства Пермской земли. По словам писательницы (цитирую интервью), «тексты возникали в процессе создания коллажей для книги, одновременно с картинками» [Беседа автора статьи с З. Суровой 2017].

Нас интересуют новые аспекты прагматического бытования сказки, превращающейся в арт-объект. Презентация книги Суровой проходила в Пермской художественной галерее, где иллюстрации книги были представлены не только как картины. На стене было создано огромное игровое пространство – Пермская земля, которую маленькие посетители и читатели могли населять игрушками-животными Пермского края. Сурова говорит: «Представьте, что вы идёте с ребёнком по музею и разглядываете уникальные скульптуры. Вам захочется не просто называть героев: сразу вспомнятся рассказы о святом Стефане Пермском, о том, как местные жители начали делать храмовые скульптуры... Если рассказывать обо всем этом простым языком, то музейная коллекция перестанет быть просто экспонатами, которые нельзя трогать. Это будет правдивая сказка, близкая ребёнку» [Беседа с З. Суровой, 2017]. История о заселении Пермской земли в тексте представлена как сказочное повествование об испытаниях героев (пермских святителях), которые должны в результате обряда инициации (терминология Проппа [Пропп 1998:79]) найти и принести Пермской земле и ее обитателям заветное благо – христианство и искусство, появившееся с ним. Героями-антагонистами (терминология Проппа) в данном случае становятся язычники, которые пытаются помешать действиям главных героев. Пожалуй, иллюстрации к книге дают больше информации о Пермской земле, чем сопутствующий им текст. Рассматривая страницу за страницей, читатель может познакомиться не только с искусством родного края, но и узнать реальные факты из истории Пермской земли и Москвы (крещение языческих народов, развитие мастерства резьбы по дереву). То есть иллюстрации имеют собственную – познавательную – фабулу, параллельную фабуле сказки.

Презентация книги Ольги Арматынской «Всамделишные сказки» состоялась 14 декабря 2016 года в Центральной городской библиотеке. Иллюстрации к книге были представлены отдельно, как выставка картин. Особенный акцент был сделан на нетрадиционной для сказочного издания технике выполнения иллюстраций – это выжигание. Автор, ижевская художница Анастасия Фертикова, создает картины из подручных материалов: ткани, дерево, бижутерия» [Фертикова 2015]. Картины для текста художница сначала выжигала на настоящих дощечках, затем их фото-

графировала – получились иллюстрации. Текст и картины как будто не соотнесены друг с другом. Перед читателем как будто две книги в одной: сказки, основанные на местном фольклоре, и вполне реальные картины природы уральского края, предметы быта, которые в сознании читателя ассоциируются с родными местами. В основе фабулы каждой сказочной истории – рассказ одной из главных героинь тетки Агафьи о каком-нибудь чудесном случае, произошедшем в деревне Грибушино. Сказочные герои выполняют в тексте «функцию» помощника или дарителя (Русалка дарит гребешок для удачной рыбалки, домовые помогают художнику по печкам). Герои, представленные в сюжете фантастическими существами, на иллюстрациях выглядят вполне реалистично. Волшебных фольклорных образов сказок Арматынской – домовых, половинного человека – читатель на иллюстрациях не увидит. Художница Фертикова, по словам Арматынской, «постаралась передать в иллюстрациях мысль о том, что высохшее на солнце свежее белье во дворе или зеленая трава родного села под босой ногой – не менее чудесная штука, чем явление домового» [Беседа с О. Арматынской 2017]. Таким образом, в книге Ольги Арматынской рисунки создают совершенно не сказочную, а вполне реальную картину образов деревни Грибушино, поддерживая при этом идею о том, что все удивительное в жизни заключается в обыденных вещах.

Примечательно, что жанр сказки становится формой для социально ориентированных акций. В 2017 году в Перми издательство «Год экологии в России» выпустило сборник пермской писательницы, педагога Веры Эршон. «Сказки изданы региональным отделением общероссийского “Центра экологической политики и культуры” на средства, выделенные городским управлением по экологии и природопользованию, и при поддержке российского филиала крупного мирового химического концерна» [Природа города Перми 2018]. По словам Эршон, «сказки помогают нам разбудить чувства детей. Образы, эмоционально окрашенные ситуации придают нравственный вектор знаниям» [Эршон 2017: 4]. Актуальные сегодня социальные и экологические проблемы (вырубка леса, стихийная свалка, лесные пожары) в тексте раскрываются в фабуле, которая строится на поступках и действиях персонажей, характерных для волшебной народной сказки – традиционных «функциях» (терминология Проппа): главный герой, герой-даритель, герой-помощник и герой-антагонист. Сочетание двух пространств (реального и фантастического) помогает автору в доступной сказочной форме говорить о развитии экологической культуры у детей и взрослых. Релиз текстов быстро разошелся по городу: поступил в библиотеки, общественные центры, учреждения основного и дополнительного образования. Таким образом, книга сказок Эршон приобрела

функцию акции, которая направлена на решение масштабных проблем окружающей среды.

Новое бытование сказка обрела сегодня на занятиях по сказкотерапии. По определению психолога А.А. Осиповой, «сказкотерапия как метод, использующий форму для интеграции личности, развития творческих способностей, расширения сознания» [Осипова 2002: 25] активно используется в работе психологов, педагогов и врачей.

Существуют разнообразные формы работы со сказками: прослушивание и обсуждение, рисование и проигрывание сказки, изготовление кукол по подобию персонажей текста, рассказывание и сочинение.

Занимаясь исследованием сказочного жанра, мы решили на практике познакомиться с его функциями в рамках занятий по сказкотерапии. Совместно со школьным психологом автор этих строк провела несколько занятий по сказкотерапии в рамках внеурочной деятельности в 5 «в» классе пермской школы № 101. Опираясь на методологию В.Я. Проппа и исследование психолога, ректора Института сказкотерапии Т.Д. Зинкевич-Евстигнеевой «Практикум по сказкотерапии» [Зинкевич-Евстигнеева 2000: 7], мы проанализировали тексты, которые дети сочинили на одном из последних занятий.

Результатом эксперимента, с точки зрения филологического анализа полученных текстов, стало использование школьниками сказочной модели народной сказки. Многие тексты содержат устойчивые сказочные выражения («жили-были...», «в некотором царстве, в некотором государстве...», «жил да был...», «жили они долго и счастливо...»), постоянные эпитеты (красна девица, добрый молодец) и троекратные повторы. Кроме того, почти во всех сказках персонажи наделены определенными узнаваемыми «функциями» героев фольклорных сказок. Тексты детей сохраняют фабулу народной сказки. Почти во всех работах сохранен традиционный для народной сказки счастливый финал. С точки зрения педагогического эксперимента, занятия по сказкотерапии положительно сказались на развитии отношений в классном коллективе. Результаты различных диагностик, представленных школьным психологом, показали, что за год проводимого курса дети стали более открытыми для общения, в классе снизился уровень тревожности.

Подводя итоги обзора современных способов существования сказки в Пермском крае, можно сказать, что современная сказка становится постфольклорным жанром, выполняющим «неэстетические» задачи. Представленные работы Ольги Арматынской и Зины Суровой стремятся «расширить» с помощью визуального кода привычное пространство художественного текста и привнести в восприятие текста новые смыслы. Картины с иллюстрациями к этим книгам стали самостоятельным явлени-

ем искусства. «Экологические сказки» Веры Эршон выполняют функцию акции. В сказкотерапии жанр выступает психотерапевтическим инструментом.

Итак, сказка, осколок эпоса, была фольклорным жанром, далее активно развивалась как литературная (если говорить о пермских авторах, то в творчестве Евгения Пермяка, Алексея Домнина, Владимира Воробьева, Льва Кузьмина и других авторов). Сегодня можно говорить о постфольклорном ее бытовании в пространстве культуры. Сказка легко визуализируется, драматизируется, вписываясь тем самым в актуальные форматы коммуникации, выполняя и эстетические, и внеэстетические функции. Сказка демонстрирует также связь с местным фольклором и актуальной проблематикой территории.

Библиографический список

Арматынская О.В. Всамделишные сказки. Пермь: Прод. центр «Траектория», 2016. 104 с.

Арматынская О.В. Сказки. URL: <http://www.skazk.ru/catalog/authors/armatynskaja-olga/> (дата обращения: 10.11.2017).

Беседа с О. Арматынской от 21 февраля 2017 года. [Текст беседы] (Публикуется с согласия О. Арматынской).

Беседа с З. Суровой от 7 марта 2017 года. [Текст беседы] (Публикуется с согласия З.Суровой).

Вотякова М. Доброе искусство. URL: <https://www.day.org.ru/news/5870> (дата обращения: 15.03.2018)

Зинкевич-Евстигнеева Т.Д. Практикум по сказкотерапии. СПб.: ООО «Речь», 2000. 310 с.

Осипова А.А. Общая психокоррекция. Учеб. пособие. М.: Сфера, 2002. 510 с.

Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2001. 144 с.

Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 1998. 164 с.

Природа города Перми. В Перми издали экологические сказки для детей // URL: <http://www.priodaperm.ru/news/2018/02/02/3882> (дата обращения: 10.03.2018).

Сурова З. Биография писателя. URL: <http://readly.ru/author/4808957/> (дата обращения: 22.02.2017).

Сурова З. Сказка о Пермской Земле. Пермь, Пермская государственная художественная галерея, 2013. 30 с.

Эршон В.Г. Навстречу миру природы. Экологические сказки для детей и взрослых. Пермь, 2017. 80 с.

A. I. Zyryanova

Postgraduate Student of Newest Russian Literature Department

Perm State Humanitarian-Pedagogical University

PERM FAIRY TALE IN THE SPACE OF MODERN CULTURE

The article deals with the functioning of a fairy tale in modern culture in general and in the local space of the Perm region in particular. It is shown that the flexibility of the genre allows the tale today to find new forms of existence, pragmatically oriented: a story album, a tale-therapy, a tale-action, etc. At the same time, the tale retains a "memory of the genre": modern Perm, authors adhere to of traditional folk tales songs and "functions" of characters, identified by V. J. Propp, in the texts.

Key words: literary fairy tale of Perm Krai, space of culture, fairy tale therapy.

Князева Евгения Александровна
доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
evg-knyazeva@mail.ru

АВТОРСКИЙ САЙТ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ МЕДИАОБРАЗА СОВРЕМЕННОГО ПИСАТЕЛЯ (на материале сайта Виктора Пелевина)

В современном мире писатель, как и читатель, вынужден жить не только в реальном, но и в медийном мире, т.к. все явления сегодняшней действительности оказываются как бы инструментами, каналами медиа. Однако медийность современного автора является симулякром его общественной значимости. Понимая это, многие писатели, например Виктор Пелевин, демонстративно отказываются от медийности, однако их медиаобраз всё равно формируется, и немаловажную роль в этом играют авторские сайты. Данная статья посвящена изучению медиаобраза Виктора Пелевина, представленного на его авторском сайте.

Ключевые слова: медиаобраз, медиаличность, сайт, средства создания медиаобраза, визуальный образ.

Современную культуру всё чаще называют массмедийной, а новейшую литературу – литературой информационного общества, которая в условиях информационной избыточности пытается всеми возможными средствами привлечь внимание читательской аудитории. Вторичность, фрагментарность, коллажность, интертекстуальность, псевдоинтеллектуальность, присущие в 1990-е гг. постмодернизму, начинают действовать на уровне модного стиля, становятся модными клише. На это указывает апологет постмодернизма М. Липовецкий, говоря о том, что постмодернистские дискурсы «переехали» в пространство влияния массмедиа [Липовецкий 2008: 465–466].

Мы живём в эпоху эклектическую и демократическую. Писатель уже не столько духовный лидер мнений, сколько личностная стратегия, и он успешно реализует себя сам или с помощью СМИ, которые создают его образ как «эксклюзивный», но не «глубокий». Литература становится частным делом, а автор – частной персоной с точки зрения влияния на общество. Поэтому он выбирает сам: заниматься творчеством на том уровне, о котором писал А.С. Пушкин («веленью Божию, о муза, будь послушна...»), или стать известной медиаличностью. Но, что бы писатель ни выбрал, он не может существовать вне информационного пространства.

Большую роль в формировании медиаобраза писателя играют авторские сайты. Они являются не только его «представительствами» в Сети, но и своеобразными анкерами, от которых идут многочисленные ссылки на внешние ресурсы, точки общения или «рупоры» в виде социальных сетей, где авторы либо выкладывают на обсуждение, либо ультимативно предъявляют свои мысли, проецируя свой медийный образ в массовое сознание. Под медиаобразом в нашем исследовании мы понимаем закодированное разными средствами ценностное представление автора о себе как медиаобъекте, имеющее полилогический характер и вызывающее ценностную реакцию адресата.

Самым интересным среди существующих в медиапространстве образов писателей, с нашей точки зрения, является образ Виктора Пелевина. Он меньше всего использует возможности Сети напрямую и даже отрицает необходимость Интернета. Об этом он говорит в последнем романе «iPhuck 10» так: «К булькающей в мейнстриме информации следует подходить только в костюме полной биологической защиты и внимательно смотреть – что, откуда и как. А лучше не подходить вообще, довольствуясь наблюдением за подошедшими – например, в соцсетях.<...> Самое главное – не брать с собой ни один из девайсов, зарегистрированных на вас. А поскольку жить вне сети в наше время трудно, надо иметь готовый комплект устройств и аккаунтов, открытых на другое имя, <...> словом, целую запасную личность, ждущую своего часа» [Пелевин 2017].

Пелевин отказался от участия в продвижении собственного имиджа в сети, надев на себя маску скромного затворника, который на публике не появляется, интервью практически не дает. В восприятии обывателя это «мужик в чёрных очках». Были даже версии, что Пелевин не человек и даже не сгусток энергии, а «артель литературных негров», чьи фамилии известны: Покровский, Егазаров, Ляпунов, Емелин, Вавилов, Иванников, Новицкий. Правда, у него есть одноклассники, сокурсники по МЭИ и литинституту, коллеги.

Сайт relevin.nov.ru появился 2 июля 2000 года на сервере компании Зенон Н.С.П. Он сделан поклонниками творчества писателя. На данный момент представлена уже шестая версия. Создатель сайта – Алексей Крехалев – был единственным его владельцем до марта 2015, но передал право собственности группе активных пользователей: УНХ, nobody, Gray Graph, Duck, Ко. Видимо, у них есть какая-то связь с писателем, и Пелевина полностью устраивает сложившаяся ситуация, потому как второй сайт relevin.ru уже 10 лет находится в стадии разработки. На нём под серой картинкой с изображением Ленина, стоящего на зиккурате, располагается подпись: «Витя! Когда найдется время, позвони мне, чтобы доделать

сайт. А то люди ждут, и ничего не происходит. Мой телефон: 926-18-00. Тёма».

Действующий сайт содержит более 3000 страниц общим объемом более 8 гигабайт. Навигация стандартная, удобная. Панель навигации расположена справа от коллажа, изображающего Пелевина. Также элементы меню присутствуют ниже, там, где есть текст. При переходе на любую страницу панель навигации смещается в крайний левый ряд.

Новости пишутся в творческой манере. Например: «25 августа Виктору Олеговичу исполнилось ровно 20000 дней». В новостях сообщается только о добавлениях на сайт (например, новинка – диссертация Матеуша Яворски «Реконфигурация в романной поэтике Виктора Пелевина» или иллюстрация). Иногда говорится о конкурсах (анонс или подведение итогов).

В «Ленте» рассказывается о том, что происходит в большом мире, например о мероприятиях в библиотеках разных городов России, которые проводятся по творчеству Пелевина, или о премиях, полученных писателем, о съёмках фильмов по его произведениям.

В разделе «Общение» прописаны правила общения, необходима регистрация, чтобы войти в чат. В «Форуме» пользователи создают тему, которая их волнует, и могут получить ответ на интересующий вопрос. Также есть литературный «Суши-бар», куда читатели могут выкладывать свои произведения на всеобщий суд.

Самый большой раздел в меню – «Тексты» (рассказы, повести, романы Пелевина), которые можно читать в полном объёме на сайте, но нельзя скачать. Этому есть объяснение: «Мы просим прощения, но копировать тексты отсюда нельзя. Не потому что мы такие, а потому что на это есть десять тысяч внешних причин. Вы можете считать это событие непреодолимой силой Природы, и давайте сделаем вид, что ничего не произошло». Есть четыре книги на английском языке. Здесь же выложены аудиокниги в виде торрент-файлов, которые легко бесплатно скачиваются. Также можно выйти в раздел «Купить», откуда идёт ссылка на внешний ресурс «ЛитРес».

В разделе «Статьи» происходит постоянное обновление: он пополняется не только статьями, но и курсовыми и дипломными работами, рефератами, диссертациями и даже фрагментами учебников для вузов. «Иллюстрации» представлены фан-артом. Есть даже комиксы.

В раздел «Интервью» включены 20 интервью, взятые у Пелевина в разное время. В разделе «Фото» лежат всего 37 фотографий, довольно однообразных, но гарантирующих узнаваемость. В «Ссылках» можно найти адреса сайтов писателей (В. Сорокина, Б. Акунина, Виктора Ерофеева,

Д. Липскерова), электронных библиотек, издательств, творческих объединений.

Под меню находятся четыре ссылки на внутренние страницы сайта: «О проекте», «Карта сайта», «Реклама на сайте», «Контакты». Интерес представляет только последний раздел. В нём сообщается, что с Пелевиным связаться невозможно: у него «нет и никогда не было аккаунтов в социальных сетях». «Любые ссылки в сетях на якобы его аккаунты являются фальсификациями».

Есть открытая статистка сайта – доступна без пароля на сайте LiveInternet.ru и в рейтинге Top.mail.ru.

Любопытно оформление сайта: используется только левая половина экранного пространства, в то время как правая абсолютно пуста, исключение – форум. На странице форума правая сторона функционально задействована, на ней расположена форма ответа на сообщения. Сообщения на левой половине «повисают» в пустоте. Максимальное «количество пустоты» сосредоточено в чате, который является отсылкой к роману «Шлем ужаса», оформленному в виде чат-беседы. Показательной в контексте вышесказанного является реплика героя под ником **Organizm(-:)** «Кажется, это не интернет, а только выглядит как интернет. Отсюда никуда нельзя перейти». Позже происходит такой диалог:

[Organizm(-:)] А вдруг мы просто умерли?

[Nutcracker] Без паники. Мертвые не сидят у мониторов.

[Organizm(-:)] Это, кстати, не факт. Может, это единственное, чем они в состоянии заниматься.

На главной странице сайта Пелевина, в верхнем левом углу, бросается в глаза коллаж из двух картинок: это портрет писателя в зелёных солнцезащитных очках, придуманный специально для него на день рождения «lack of static» и «Рыцарями в Тигровых шкурах», а также графическое изображение очков, продублированное и перевёрнутое на 180 градусов. Справа расположено меню сайта в виде закреплённых скрепками кусочков бумаги: тексты, статьи, иллюстрации/купить, интервью, фотографии, ссылки, общение, форум.

На сайте relevin.pov.ru имеется не только форум, на котором за 10 лет существования сайта открыто более 19000 тем, но и чат для посетителей. Доступ к участию возможен только после короткой процедуры регистрации. Прямого общения с писателем ни в чате, ни на форуме не происходит. После регистрации посетитель также может размещать свои тексты в «Суши баре», созданном для того, чтобы Пелевин обратил внимание на своих фанатов, о чём свидетельствует информационная запись: «Здесь будут размещаться текстовые креативы поклонников Виктора Олеговича, посвященные автору и его творчеству. В принципе, это могут быть даже

произведения эпистолярного жанра, типа открытого письма писателю. Чем чёрт не шутит? А вдруг прочитает? И ответит!!!»

У Пелевина своё видение мира и отношение к поклонникам: «Сколько людей – столько кастрюль с несвежими мозгами. Из каждой чем-то бесплатно пахнет. Зачем снимать крышку?» (роман «iPhuck X», электронная версия).

Итак, подведём итоги анализа сайта. По тому, каким контентом он наполняется, как структурирован, можно считать, что это платформа для коммуникации поклонников творчества писателя, место их свободы самовыражения. Пелевин же – самый «закрытый», немедийный российский автор, который, кроме всего прочего, считает себя литературным алгоритмом, неспособным к коммуникации: «Алгоритм – то есть я – размещает слова и их последовательности в соответствии с правилами языка в стилистике, которую в наше время почитают классической. Принцип организации текста сложен и является коммерческой тайной – но в целом опирается на лучшие образцы русской прозы».

Библиографический список

Липовецкий М. Паралогии: Трансформации (пост) модернистского дискурса в русской культуре 1920–2000-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 848 с.

Пелевин В. iPhuck 10. URL: <https://www.litres.ru/viktor-pelevin/iphuck-10> (дата обращения: 10.05.2018).

E.A. Knyazeva

Associate Professor of Journalism and Mass Communications Department
Perm State University

AUTHOR'S WEBSITE LIKE A WAY OF CREATING THE MEDIA IMAGE OF MODERN WRITER (based on the materials of the website of Victor Pelevin)

In the modern world, both the writer and the reader are forced to live not only in the real world, but also in the media world, because all the phenomena of nowadays' reality are like tools, media channels. However, the media content of the contemporary author is a simulacrum of its social significance. Recognizing this, writers, such as Victor Pelevin, defiantly refuse media, but their media image is being formed to a large degree due to the. This article explores Victor Pelevin's media image presented on his author's website.

Key words: media image, media persona, the site, ways of creating the media image, visual image.

Кутдусов Роман Викторович
магистрант филологического факультета
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
kutovroman@gmail.com

«ХОДИТ ДУРАЧОК ПО НЕБУ»: ПОЭТИКА ЕГОРА ЛЕТОВА

Статья посвящена исследованию поэтики альбома «Прыг-Скок» русского музыканта и поэта Егора Летова. Предпринята попытка определить основные этапы творчества автора, а также место альбома «Прыг-Скок» в творческой эволюции Летова. Анализируется герой лирического цикла, некоторые характерные черты поэтики, а также авторская концепция «потустороннего мира».

Ключевые слова: песенная поэтика; Егор Летов; авангард; лирический субъект.

Исследование поэтического мира Егора Летова – культовой фигуры контркультурного движения рубежа тысячелетий – в академической среде до сих пор не приобрело «регулярного» характера. Научные работы о Летове появляются спорадически и в целом (по глубине проработки и широте охвата) во многом уступают «фанатским» текстам, которые можно встретить на соответствующих форумах или в посвященных музыканту пабликах.

Часть исследователей закономерно рассматривают творчество Е. Летова в контексте рок-музыки: анализируется отношение Летова к рок-культуре [Смирникова 2011], определяется вектор развития его творчества в контексте истории русской рок-музыки [Смирникова 2012]. Собственно литературоведческие проблемы также находят отражение в публикациях последнего десятилетия (отметим – в посмертный для Летова период). Так, А.С. Новицкая делает попытку выделить основные этапы поэтики Летова, реконструировать элементы концептуального пространства его поэзии [Новицкая 2013]. Интерес вызывает иррациональный характер летовской образности: Г.В. Сильченко и А.А. Нененко исследуют эсхатологические мотивы некоторых песен [Сильченко, Нененко 2016], а Н.Ю. Лётин анализирует мифопоэтику Летова [Лётин 2011].

Учитывая некоторую «избирательность» и фрагментарность литературоведческих анализов стихотворного и песенного творчества Егора Летова, мы решили последовательно рассмотреть тексты альбома «Прыг-Скок», выделить в нем концептуальный стержень и конструктивные принципы поэтики.

В отношении музыкальной стилистики часть музыкальных альбомов Е. Летова принадлежит советскому андеграунду (до «переворота» 1993 года), другие, определенно, ориентированы на панк-рок, некоторые – на психоделический рок. Тематически же можно условно выделить несколько периодов развития летовской лирической системы: (1) ранняя контркультурная лирика с выраженным антисоветским пафосом, (2) философская лирика альбомов «Гражданской обороны» начиная с 1989 года, (3) преимущественно гражданская лирика периода после 1993-го, когда значимой для поэта становится идея метафизической революции, а на первый план выходит тема Родины.

Альбом «Прыг-Скок», принадлежащий ко второму периоду творчества Летова, начинается с песни «Про дурачка», которая имеет, как мы стараемся показать, большое значение для выстраивания стратегии и траектории понимания всего цикла.

Автор свидетельствовал, что исходным материалом для песни послужил национальный фольклор: «Связующим звеном явилось несколько переработанное древнерусское заклинание на смерть: “Ходит покойничек по кругу, / Ищет покойничек мертвее себя”» [Альбомография] (здесь и далее цитаты из источников выделены курсивом). Именно парафраз этих стихов становится рефреном песни: «Ходит дурачок по лесу, / Ищет дурачок глупее себя» [Летов 2016: 288]. Ориентация на фольклор и народное творчество в песне, как и в альбоме в целом, направлена на ироническое переосмысление, фольклорные элементы «выворачиваются наизнанку». Очевидно, что ирония здесь носит весьма мрачный, «деструктивный» характер.

Русская обрядовая лирика нередко использует конструкции с безличными глаголами (вроде: «кому вынется, тому сбудется»), например: «Идет смерть по улице, / Несет блин на блюде. / Кому кольцо вынется, / Тому сбудется, / Скоро сбудется, / Не минется» [Калинский 2008: 275]. Аллюзия на этот текст в летовской песне задана в первых стихах: «Идет Смерть по улице, / несет блины на блюде / Кому вынется – тому сбудется. / Тронет за плечо – поцелует горячо. / Полетят копейки из-за пазухи долой, ой!» [Летов 2016: 288].

Первоначально альбом назывался «Прыг-Скок: детские песенки». Вероятно, стилистика альбома изначально предполагала игру с шаблонами детских стишков, а также использование соответствующих пластов лексики. Герой песен альбома надевает на себя маску ребенка с его наивным мироощущением. Возможно, помимо стилистической, такая установка выполняет смыслообразующую функцию: дети и старики – это те категории людей, которые изначально находятся близко к пограничным со-

стояниям, что обусловлено их возрастом и особенностями восприятия действительности.

Следует обратить внимание на героя произведения. «Дурачок» появляется еще несколько раз в цикле: «*На кухне хохотал дурачок, / Смешав колбаску со слюною...*» [Там же: 292], «*Ходит дурачок по небу, / Ищет дурачок глупее себя*» [Там же: 288].

«Дурак» или «дурачок» – это персонаж, характерный для сказочного эпоса («Иван-дурак», «Иванушка-дурачок» и др.). В леговом мире герой не наделен, однако, сказочными функциями искателя или освободителя. Это, скорее, юродивый или, по крайней мере, сумасшедший, который вступил – в логике сюжетов волшебной сказки – в «тридцатое царство», но сошел с ума.

В песнях альбома мы не встретим эпического сюжета – последовательно выстроенной фабулы. В то же время весь альбом можно прочесть как отчет о путешествии по границе нашего и потустороннего миров, куда герой иногда «проваливается» на по ходу развития лирического макросюжета (сюжета цикла) и где в итоге завершается его путь.

Герой песни «Дурачок» встречается с покойниками («*Моя мертвая мамка вчера ко мне пришла / Все грозила кулаком, называла дураком*» [там же: 288]), видит потусторонний мир («*А сегодня я воздушных шариков купил / Полечу на них над расчудесной страной / Буду пух глотать, буду в землю нырять / И на все вопросы отвечать: "Всегда живой!"*» [Там же]), где остановилось время («*Светило Солнышко и ночью и днем...*» [Там же]). Рефрен между куплетами, где герой «*летит над расчудесной страной*» и где «*светит солнышко*», неожиданно меняется на жутковатый стих: «*Ходит дурачок по небу*» [Там же]. Это наталкивает на мысль, что герой всё же заглядывает «по ту сторону».

В середине альбома есть отдельная композиция «Еще раз про дурачка», в которой повторяется лишь одна строчка из первой песни: «*Ходит дурачок по небу, / Ищет дурачок глупее себя...*» [Там же: 289]. Именно этот текст указывает нам, что прогулка «дурачка» продолжается на протяжении всего альбома и что этот сюжет имеет особое значение для понимания концепции цикла. Герой движется на границе с иным миром, хождение дурачка по небу недвусмысленно указывает на мистический, потусторонний характер путешествия.

Все последующие песни тематически сближаются с общей концепцией альбома: своеобразный ролевой герой – наивный субъект, «дурачок», с детской непосредственностью указывает на мир обыденного и выявляет в нём элементы мира «потустороннего», вскрывая страшную природу окружающих вещей.

В «Песенке о святости, мышe и камыше» Летов исследует проявления в мире «неизведанного», трансцендентного; в песне «Про мишутку» герой совершает поход против Бога, или шире – Бытия; в песне «Маленький принц возвращался домой» автор продолжает историю маленького принца А. де Сент-Экзюпери, обыгрывая концовку оригинального произведения: герой обезумел, пока возвращался домой по миру мертвых. В песне «Иваново детство», название которой отсылает к одноименному фильму А.А. Тарковского, Летов – в полном соответствии с эстетикой цитируемого кинопроизведения – рассуждает о войне как о пространстве потустороннего и подчеркивает трагедию детства в этом пространстве.

В песне «Про окурок и курок», а также в стихотворении «Ночь» автор ведет диалог с поэтами, оказавшими на него осязаемое литературное влияние: с Маяковским, Введенским, Сологубом. Кроме того, в песне «Мое описание» он обыгрывает известный рассказ Даниила Хармса «О явлениях и существованиях № 2», где существование героя возможно лишь благодаря тому, что о нем делают суждения (излюбленная тема Хармса, которой посвящены также «Голубая тетрадь № 10» и ряд других прозаических миниатюр). Та же мысль содержится и в следующем летовском тексте (в современной терминологии такие сверхкраткие тексты принято называть «удетеронами»): *«Когда я умер, не было никого, кто бы это опроверг»* [Летов 2016: 239].

Сама эта фраза в контексте альбома констатирует смерть героя, подводит общий сюжет к своеобразной песне «небытия», которая дала альбому название – к поэме «Прыг-Скок».

«Прыг-Скок» имеет демонстративно примитивную музыкальную форму, нарочито дисгармоничную. Слова, в изданном собрании текстов напечатаны прописными буквами (орфография принадлежит поэту), в песне Летов надрывно кричит. Вероятно, с помощью экстатического состояния он пытался добиться эффекта погружения в потусторонний мир.

«Летели качели / Без пассажиров / Без постороннего усилия / Сами по себе...» [Там же: 279]. Вступление к песне отсылает к стихотворению Ф. Сологуба «Качели», на которых «в тени косматой ели» на качелях качался чёрт. Качели в песне – это мистическое проявление обезличенного движения мира мертвых. До конца первого куплета песни, где повествуется, вероятно, о поминках, герой находится еще в нашем мире, но видит потустороннюю реальность.

Рефреном песни становятся различные вариации следующего куплета (строфы): *«ПРЫГ ПОД ЗЕМЛЮ / СКОК НА ОБЛАКО / ПРЫГ ПОД ЗЕМЛЮ / СКОК НА ОБЛАКО»* [Там же].

Детское словечко «прыг-скок» призвано манифестировать и даже, так сказать, «озвучить» смерть. Характерный для Летова прием – говорить

о страшном или великом, низводя его описание до короткой фразы, в которой ужас сочетается с иронией. Здесь имеет место умаление значимости смерти посредством обозначения ее детским лексико-фонетическим комплексом.

Иной мир представляется хотя и непознанным, но невыразимо страшным. Из тяжелой, брэнной реальности («из земной юдоли» [Там же]) герой попадает в не изведанный никем мир, состоящий сплошь из мучительных, болезненных состояний («в неведомые боли» [Там же]). Естественно для альбома стирание границ привычной реальности, распад категорий времени и пространства («прыг – под землю, скок – на облако»).

В первом куплете, как и на протяжении всей песни, поэтическая фраза подчинена структуре русского безличного предложения: объект + действие («тело вынесло, душу вымело» [Там же]) или действие + объект («выбелило волос, голову выжгло» [Там же]). Безличный характер глагола указывает на бессубъектность действия, которое, видимо, совершает нечто, не имеющее человеческих признаков: причинность событий теряется, всеобщим субъектом становится Ничто. Грамматика безличных предикаций (подобные языковые игры Летова подробно описаны в работе: [Черняков, Цвигун 2016]) подчеркивает автономность мира смерти.

С другой стороны, неживые предметы в песне обретают самопроизвольность действия (используются олицетворяющие метонимии вроде: «задрожали усы» [Там же: 280]), констатируется распад времени («прыг – секунда, скок – столетие» [Там же]). «Поседели усы / остановились часы / сгнуло время / выгорело семя / захлебнулась рвота / удавилась икота / скорчился страх / да под телогрейкой...» [Там же]. Как видим, не только неживые вещи проявляют признаки живых, но и процессы (рвота, икота), эмоции и состояния («скорчился страх») обретают субъектность. Иными словами, субъекты действий обнуляются и их место замещают объекты. «Двинулось тело / Кругами по комнате / Без всяких усилий / Само по себе / Само по себе / САМО ПО СЕБЕ!!! / Скрючились пальцы / Чёрной судорогой...» [Там же: 281]

Исполнение песни подчёркивает ужас, испытанный героем. Пугающий, невысказанный в нашем бытии процесс смещения субъектов и объектов в потустороннем мире, по-видимому, нормален и является атрибутом этого мира-наоборот.

Резюмируя, отметим, что потусторонний мир, куда стремится герой на протяжении всего альбома, достигается им самым прямым и естественным способом – через смерть. Песенный цикл «Прыг-скок» можно рассматривать как практику общения с миром смерти. В давшей заглавие альбому песне переход осуществляется непосредственно: герой умирает, попадает в центр иного бытия (или ничто), в который ранее он загляды-

вал, примеряя на себя маску ребенка или «дурачка». Там он наблюдает движение неживого, гротескный облик времени-пространства, в которых все размывается и теряет границы. Подобный тип художественного письма, выражающего «надлом» мировосприятия, Жан-Филипп Жаккар назвал «поэтикой разрыва» – применительно к Хармсу и другим обэриутам (по мысли ученого, русский авангард развивается от поэтики зауми и синтетических форм мировидения к разрыву и абсурду [Жаккар 1995]).

Летов явно тяготеет к художественным кодам русского поэтического авангарда. Концепция альбома продолжает футуристический проект проникновения в трансцендентный мир с помощью языковых и фонетических экспериментов (в случае с Летовым – еще и с помощью музыкального оформления и песенного исполнения).

Альбом «Прыг-Скок» составил веху в творческом пути Егора Летова. Философское осмысление действительности и истории начинается с альбома «Русское поле экспериментов», а в альбоме «Прыг-Скок» достигает выраженной цельности высказывания. С него начинается, если можно так выразиться, «зрелый Летов», обличительный (в прошлом – антисоветский) пафос которого перенаправляется на современность и расширяется до негодования против истории цивилизации и бытия в целом.

Библиографический список

Жаккар Ж.-Ф. Даниил Хармс и конец русского авангарда / Пер. с фр. Ф.А. Перовской. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1995. 472 с.
Калинский И.П. Церковно-народный месяцеслов на Руси. М.: Эксмо, 2008. 476 с.

Лётин Н.Ю. Мифопоэтический контекст поэзии Егора Летова // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 2011. № 12. С. 195–203.

Летов Е. Стихи. М.: Выргород, 2016. 545 с.

Новицкая А.С. Концепт веселья в творчестве Егора Летова // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 2011. № 12. С. 204–207.

Новицкая А.С. Основные этапы творчества Егора Летова // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 2013. № 14. С. 172–179.

Официальная альбомография GrOb-Records. URL: <http://www.gr-oborona.ru/pub/anarhi/1056981293.html> (дата обращения: 27.03.2018).

Сильченко Г.В., Нененко А.А. Эсхатология в поэтике Егора Летова // VIII Кирилло-Мефодиевские чтения «Славянское слово в контексте времени». Ишим: Издательство ИПИ им. П.П. Ершова, 2016. С. 88–95.

Смирникова Е.В. Феномен рок-музыки в понимании Егор Летова // Проблемы музыкальной науки. 2011. № 2. С. 87–91.

Смирникова Е.В. Рок-эволюция Егора Летова // Актуальные вопросы искусствознания: музыка – личность – культура. Саратов: Саратовская государственная консерватория им. Л.В. Собинова, 2012. С. 218–224.

Черняков А.Н., Цвигун Т.В. Грамматика деперсонализации в идиостиле Егора Летова // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2016. № 4. С. 55–61.

R.V. Kutdusov

Master Student of Philological Faculty

Perm State University

«FOOL WALKS IN THE SKY»: POETICS OF YEGOR LETOV

The article is focused on the poetics of the album "Pryg-Skok" by the Russian musician and poet Yegor Letov. An attempt was made to determine the main stages of Yegor Letov's creative work, as well as to find the place of the album "Pryg-Skok" in the context of the poetics evolution of the author. The role-playing character of the album was analyzed, as well as the main poetic methods of Letov and the author's concept of the "world beyond".

Key words: poetics of songs; Egor Letov; avant-garde; lyrical subject.

Михайлов Сергей Сергеевич
научный сотрудник
Музей истории и культуры старообрядчества
mesherdkray@mail.ru

ГИВАРГИЗ ХОШАБА: К БИОГРАФИИ САМОБЫТНОГО АССИРИЙСКОГО ПОЭТА

В статье рассказывается о самобытном ассирийском поэте Гиваргизе Хошаба (1907-1963). Это был яркий представитель ассирийской диаспоры СССР. Оставшись в юности без обеих ног и проработав всю жизнь чистильщиком обуви, он писал стихи и песни на родном языке, которые высоко были оценены деятелями советской литературы.

Ключевые слова: ассириец, поэт, стихи, песни, национальная культура, Москва, диаспора.

Культура многонациональной России включает в себя культуру всех народов: как коренных, так и не коренных, проживающих на территории огромной страны. У каждого российского народа есть свои поэты, писатели, композиторы и т.п. О некоторых таких деятелях национальной культуры, которые в рамках небольшой диаспоры в своем роде могут называться культурными символами народа, было бы интересно знать и вне узких этнических границ. Таковым является и самобытный ассирийский поэт Гиваргиз (Георгий) Шмуил Хошаба (1907–1963), о личности которого нам хотелось бы поговорить.

Хотя этот человек при жизни считался гордостью своих соплеменников, проживавших на территории бывшего СССР, и единственную изданную книжку его стихов до сих пор бережно хранят во многих ассирийских домах, написано о нем крайне мало. В биографическом слове архимандрита (в то время – игумена) Стефана (Садо) фамилия «Хошаба» представлена как «Хошабаев» и, кроме основных дат жизни этого человека, упоминается его книжка и то, что в 1936–1937 гг. его стихи публиковались в советской ассирийской газете «Кохва д'Мадынха» («Звезда Востока») [Садо 2006: 121]. Г. Хошаба посвящена небольшая глава в нашей с В. Фарисом книге об истории московской ассирийской диаспоры [Михайлов, Фарис 2015: 124–130], а также публикация автора в газете «Ассирийские новости» [Михайлов 2017: 8]. В ассирийских газетах, с перепечаткой, была опубликована статья о своем отце сына Г. Хошаба – Х. Хошаба [Хошаба Х. 1995: 2; Хошаба Х. 2006: 2].

Геваргиз Хошаба происходил из села Перзален района (казы) Гявар Ванского вилайета Турции. В Гяваре проживало довольно много ассирийцев, которые представляли собой один из 20 восточно-ассирийских субэтносов (племен), называвшееся гяварная. Последних достаточно много попало в качестве беженцев в города России и Украины, много гяварная, в том числе и из Перзалена (ассир. – «бне-Перзален»), поселилось в Москве. Семья Г. Хошаба принадлежала к отжах (роду) Би-Мышу, из которого происходили и некоторые малик-раисы (нечто среднее между князьком и наследственным старостой) Перзалена. Гиваргиз родился в роде би-малик Давида, к которому в 1914 г. принадлежало 57 человек.

Восьмилетним мальчиком Гиваргиз вместе со своим народом переживает трагедию исхода из родных земель, спасаясь от геноцида 1914-1915 гг., он вместе с родственниками уходит в российскую часть Закавказья, где до 1917 г. живет в с. Койласар в Армении. Из 57 человек до России дошло только 17. После начала 1918 г., когда русские войска ушли из северо-западного Ирана и надежды ассирийцев-христиан на возвращение в родные земли были потеряны, ассирийцы начинают искать места для проживания в новой для себя стране. Мужчины и молодые люди из семей беженцев в качестве «разведчиков» ездят по городам Европейской части страны в поисках приемлемых мест для жилья и работы. Юный Геваргиз также включается в этот процесс. Поначалу семья перебирается в Кутаиси, где живет около семи лет. Однажды он пытается неудачно вскочить на ступеньку уже начавшего движение вагона, соскакивает и попадает обеими ногами прямо под колеса. Четырнадцатилетний юноша становится безногим инвалидом.

Для юноши из традиционной среды такая беда не стала приговором. Кровнородственная среда не дала пропасть оказавшемуся без ног человеку. На это могло повлиять и то, что проживавшие в условиях Востока, в мусульманском окружении, ассирийцы не имели пристрастия к определенным напиткам. Парня женили – а женат он был два раза, и в обоих браках родилось четверо здоровых детей, – он, невзирая на увечье, сам зарабатывал на хлеб для своей семьи. В 1924 г. Гиваргиз перебрался в Москву. По рассказам сына Г. Хошаба Хошаба Хошаба (запись 1992 г.), поначалу в столице его отец зарабатывал спекуляцией на знаменитом Сухаревском рынке, и инвалидность регулярно спасала его во время милицейских рейдов: за плохо говорящего по-русски безногого парня моментально вступались окружающие, когда у него пытались конфисковать товар.

Через какое-то время Г. Хошаба начинает работать, как почти все мужчины ассирийцы-беженцы того времени, чистильщиком обуви. Ему выделяют «стоянку» при входе на небольшой Зацепский рынок, распола-

гавшийся возле Павелецкого вокзала. На ней, сначала просто с ящиком, потом у специализированного шкафа, а под конец и в деревянной будочке, он проработал всю свою дальнейшую жизнь. Кстати, жители соседних домов, знавшие его поколениями, относились к Хошаба как к весьма близкому человеку, обращались к нему за советами (он считался чуть ли не прозорливым), приводили для поучения детей и внуков.

Особенно трепетно, разумеется, относились к его таланту соплеменники-ассирийцы. Безногий поэт вскоре становится одним из наиболее ярких и известных представителей столичной ассирийской диаспоры. Он был уважаемым гостем на праздниках, свадьбах, где его пребывание считалось за честь для хозяев и устроителей. Разумеется, читал он не только свои стихи и песни – Хошаба замечательно исполнял старинные ассирийские народные песни, включая и ныне забытую балладу в несколько десятков куплетов, написанную одним ассирийским священником во время исхода народа в период геноцида в 1915 г., в красках описывающую все беды. В России, к сожалению, эта баллада никем не была записана и ныне утрачена.

История умалчивает о том, как на безногого чистильщика обуви обратили внимание специалисты по народному творчеству народов СССР. С Хошаба знакомится профессор Юрий Матвеевич Соколов, который собственно и дает ассирийскому самородку путь в литературу. Ассирийцы на раннем этапе истории диаспоры были весьма замкнутой группой и не любили впускать в свой мир чужаков. Знакомство Хошаба с русским литератором можно объяснить лишь открытостью поэта-инвалида. Через какое-то время Гиваргиза Хошаба уже хорошо знают такие деятели советской культуры, как Алексей Толстой и Мариетта Шагинян. К сожалению, дети поэта, от которых автор статьи и узнал многие моменты из его жизни, не были свидетелями встреч отца со столпами советской культуры и не могли рассказать подробности об этом общении. Известно лишь, что Хошаба был весьма высоко оценен ими и пользовался покровительством. Он был вхож и в Союз писателей, и в дома деятелей советской литературы.

В 1935 г. выходит тиражом 500 экземпляров его единственная книжка стихов и песен в 31 страницу [Хошаба Г. 1935] Напечатана она была латиницей, на которую вместо традиционного «несторианского» письма советская власть пыталась перевести ассирийцев. Помимо этого, какие-то стихи печатались в ассирийской газете «Звезда Востока» («Кохва д'Мадынха»). Большая же часть произведений поэта так и осталась неопубликованной.

После 1935 г. начинается реконструкция центра Москвы. Уголок Таганки, где жила семья Хошаба, попадает под расселение. Жителей нескольких домов отправляют в поселок Ховрино, тогда еще не входивший

в состав столицы. Безногий поэт со своим семейством также должен сменить центр Москвы на ближайшее Подмосковье. Но здесь помогают связи с М. Шагинян, А. Толстым и другими представителями литературных кругов – за самородка-ассирийца хлопчут, и вместо комнаты в бывшем дачном доме в Ховрино ему дают двухкомнатную квартиру в новом, по тем временам элитном доме на Ленинском проспекте.

Для вступления в Союз писателей было необходимо наличие двух изданных книг. Рукопись второго сборника стихов у Хошаба была уже готова к лету 1941 г. В это время должен был состояться съезд писателей народов Востока в Ростове-на-Дону, и рукопись отправляют туда, но 22 июня начинается война, съезд отменяют, в неразберихе будущая книга бесследно теряется.

Во время войны, а именно в период вражеских авианалетов на Москву, Г. Хошаба наряду с мальчишками дежурил на крыше и тушил бомбы-зажигалки. Когда пришла весть о смерти в ссылке (в Сибири) репрессированного брата Лазаря, также с помощью знакомых литераторов поэт добивается разрешения на возвращение в Москву его семьи. Предупреждения, что хлопоты за родственника, который является «врагом народа», могут плохо закончиться, на смелого человека не действуют. Когда разрешение было получено, через военную неразбериху, которая творилась на железных дорогах, фактически через всю страну, Геваргиз едет за вдовой и детьми в Красноярский край. Он привозит их и прописывает в своей квартире.

К сожалению, в послевоенные десятилетия Хошаба не пытается публиковать свои произведения, и круг почитателей его таланта ограничивается соплеменниками и знакомыми. Видимо, это связано с прекращением прежней политики в отношении нацменьшинств и ликвидацией ассирийской газеты. Уже ушли из жизни и многие покровители поэта-ассирийца из творческой среды – не стало ни Толстого, ни Шагинян, ни многих других, кто в 1930-е годы помогал Хошаба.

Во многих ассирийских диаспорах на территории бывшего СССР, как в России и на Украине, так и в Закавказье, можно встретить людей, кто помнит приезды Г. Хошаба, который, несмотря на свое увечье, часто ездил к своим соплеменникам. Об этом автору в 1990-х гг. рассказывал и его сын, который сопровождал отца в таких поездках.

Геваргиз Хошаба умер в 1963 г. Его семья в это время проживала на ул. Шаболовка, которую на время движения похоронной процессии перекрывали инспекторы – так много ассирийцев и неассирийцев пришло проститься с этим замечательным человеком. Похоронен самобытный поэт на Калитниковском кладбище, где с 1920-х гг. существует небольшой некрополь ассирийцев, проживавших прежде в районе Таганки.

К сожалению, огромный пласт информации о Г. Хошаба, который еще несколько десятков лет назад сохранялся в памяти людей, знавших его, ушел безвозвратно. Еще в 1994 г., когда автор побывал в ассирийских диаспорах ряда городов недалеко от Москвы (Владимир, Брянск, Клинцы, Нижний Новгород), представители старшего поколения помнили безногого поэта и могли что-то рассказать о нем. Если бы кто-то взялся собрать материалы о Хошаба лет тридцать-сорок назад, то их набралось бы на полноценную монографию. Сейчас же в лучшем случае удастся выявлять крупинцы той информации. Все меньше остается и российских ассирийцев, помнящих и знающих про Хошаба. К сожалению, большая часть молодых ассирийцев не знает про поэта-соплеменника и, тем более, не знакома с его произведениями.

Библиографический список

Михайлов С. Гиваргис Хошаба – поэт, человек-легенда // Ассирийские новости (Хабре д'Атураи). Запорожье, 2017. №52. С.8.

Михайлов С., Фарис В. Ассирийцы на новой Родине: русский выбор. М.: Археодоксія, 2015. 264 с.

Садо С. Материалы к биографическому словарю ассирийцев в России (XIX – середина XX века). Издание 2-е исправленное и дополненное. СПб., 2006. 176 с.

Хошаба (Хошабаев) Г.С. Сборник стихов и песен. М., 1935. 31 с. (на ассирийском языке).

Хошаба Х, Ассирийский бард // Ассирийская газета. М., 1995. №2 (8). С.2.

Хошаба Х. Ассирийский бард // Ассирийские новости (Хабре д'Атураи) (на русском языке). Декабрь 2006 г. (без указанного номера). Запорожье, 2006. С.2.

S.S. Mikhailov

Researcher of the Museum
of History and Culture of Old Believers

GIVARGIZ KHOSHAB: THE BIOGRAPHY OF A UNIQUE ASSYRIAN POET

The article tells about the native Assyrian poet Givargiz Khoshab (1907-1963). It was an outstanding representative of the Assyrian Diaspora in the USSR. Having remained in youth without both legs, having all life as cleaner of footwear, he wrote verses and songs in the native language, which were highly appreciated by figures of the Soviet culture.

Key words: assyrians, Moscow, poet, verse, songs, national culture, diaspora.

Пешина Калиса Сергеевна
магистрант филологического факультета
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
alisapeshina@yandex.ru

«РУБИНОВЫЙ» МОТИВ В ЛИРИКЕ Н.С. ГУМИЛЕВА

Статья посвящена одному из мотивов лирики Н.С. Гумилева – мотиву рубина. На материале некоторых стихотворений поэта выявляется совпадение значений рубина в них. Предпринимаются попытки уточнить свойства, приписываемые Н.С. Гумилевым рубину, а также выявить источник такого представления о драгоценном камне.

Ключевые слова: лирика Н.С. Гумилева, мотив, мотивный анализ поэтического текста, символика рубина.

В стихотворениях Н.С. Гумилёва «Русалка» (1904) и «Перстень» (1921), очевидно объединенных образами водной стихии и роковой красавицы, фигурируют рубиновые украшения и, по всей видимости, оказываются в системе каждого отдельного стихотворения более значительными, чем это может показаться на первый взгляд. Если добавить к этому ряду еще одно стихотворение – «Баллада» («Пять коней подарил мне мой друг Люцифер...», 1918), – являющееся повтором фрагмента более раннего произведения («Сказка о королях», 1903–1905), где автором отбирается как наиболее заслуживающий внимания именно сюжет о дарении «золотого с рубином кольца», то значимость этого мотива станет очевидной. Попытаемся выяснить, какую роль поэт приписывает всем этим украшениям.

Наиболее темно значение рубинового перстня в одноименной балладе. По сюжету главная героиня – девушка – уронила перстень в колодец и просит его обитателей вернуть драгоценность:

– Возврати мой перстень, колодец,
В нем красный цейлонский рубин,
Что с ним будет делать народец
Тритонов и мокрых ундин? [Гумилев 1998–2007, Т. 4: 119].

Л.Я. Бобрицких, интерпретируя «Перстень» в рамках анализа фольклоризма в балладах Н.С. Гумилева, пишет со ссылкой на Дж. Фрэзера: «По народному поверью, потерять подаренное кольцо значило освободиться от духовных уз с дарителем. Перстень с цейлонским рубином подчеркивает символическое значение кольца как дара любви (считалось, что

рубин приносит счастье в любви и своей возлюбленной, чтобы любовь была взаимной, следовало дарить рубин)» [Бобрицких 2003]. Обратившись к первоисточнику, мы не нашли тех подробностей, на которые указывает в статье исследовательница, хотя и столкнулись с поверьями некоторых народов, действительно приписывающих кольцам магические свойства. Наряду с узлами и замками они считаются способными защитить от болезней и колдовства, а также удержать дух в теле: «...считается, что, препятствуя ее усилиям покинуть брентную оболочку, кольцо оказывает на бессмертный дух стесняющее воздействие. Другими словами, кольца, как и узлы, действуют наподобие духовных пут. <...> То, что препятствует выходу души из тела, может, напротив, помешать злым духам войти в него. Поэтому кольца используются в качестве амулетов против демонов, ведьм и привидений» [Фрэзер 1983: 234–235]. Однако, как видим, именно рубиновое украшение никак не выделяется в ряду прочих.

В то же время ряд справочных изданий по символике действительно устойчиво соотносит рубин с любовью, страстями человека вообще, а также приписывает ему охранительные и целебные свойства. Некоторые из подобных представлений достаточно интересны, поэтому позволим себе привести развернутые цитаты: «Огонь, страстная любовь. Предохраняет от отравления и стихийных бедствий, помогает при малокровии и упадке сил. [Баешко 2007: 161]; «Один из наиболее почитаемых драгоценных камней; из-за своего красного цвета символически связывался с планетой Марс. <...> Хильдегард Бингенская (1098–1179) еще раньше писала: “По-всюду, где находится карбункул, демоны воздуха не в состоянии исполнить свое дьявольское дело... так этот камень подавляет в человеке все болезни”. Из-за своего красного цвета (цвета жизни) он часто считался средством от меланхолии и хандры, а также от плохих снов. <...> Он считался символом королевского достоинства, страстной любви и жизненной силы» [Бидерманн 1996: 227]; «Рубин – царственность, достоинство, рвение, сила, любовь, страсть, красота, долголетие, неуязвимость» [Купер 1995: 78].

Возможно, действительно перстень был преподнесен девушке как залог любви, неслучайно же она раз за разом ссылается на жениха, предлагая его в качестве жертвы за возвращение украшения. В то же время сама героиня явно расценивает этот предмет как-то иначе, ставя его выше всех других ценностей.

Добавляя к сравнению более раннее стихотворение Н.С. Гумилева «Русалка», мы, возможно, получим ответы на некоторые вопросы. Рубины фигурируют здесь в виде рубинового ожерелья заглавной героини:

На русалке горит ожерелье,
И рубины греховно-красны,

Это странно-печальные сны

Мирового, больного похмелья [Гумилев 1998–2007, Т. 1: 76].

У нас есть основания полагать, что русалка – персонаж нездешнего, потустороннего мира – может обладать неким скрытым, сакральным знанием, тайной, и в данном тексте, по всей видимости, именно этот атрибут – рубиновое ожерелье – является носителем, объективным воплощением этого знания. Значение рубина как символа страсти также вполне укладывается в традиционный образ «водной красавицы», но мы должны заметить, что, несмотря на общее сходство «водных красавиц» раннего Н.С. Гумилева с аналогичными образами К.Д. Бальмонта, рубиновое ожерелье является собственно гумилевским добавлением – индивидуально-авторской деталью. Любопытно также то, что рубин обычно ассоциируется со стихией огня, однако у Н.С. Гумилева является принадлежностью порождения воды.

В ряд сюжетов о рубиновом украшении мы можем включить также «Балладу» («Пять коней подарил мне мой друг Люцифер...», 1918 г.) – похоже, именно это стихотворение Гумилева – первое, разрабатывающее рассматриваемый мотив. Вместе с тем данное произведение одновременно является наиболее проанализированным литературоведами, обратимся к комментариям к этому стихотворению. Подаренное Люцифером кольцо обычно интерпретируется исследователями как творческий дар, о самом сюжете говорится так: «Эпизод с дарением кольца, обладающего чудесными (прежде всего гностическими) свойствами, но приносящего, в конце концов, гибель владельцу, широко распространен в различных мифологических системах. Наиболее актуальной в контексте ПК [Пути конкистадора] является германо-скандинавская мифология (послужившая материалом для сюжета «Кольца Нибелунгов» Р. Вагнера). Речь идет о кольце, которое бог Локи (связываемый в христианской интерпретации с Люцифером) отобрал у карлика Андвари и которое тот проклял. Кольцо это впоследствии досталось Сигурду. Возможно, помимо того, что этот мотив контаминируется с атрибутикой бога Одина – кольцом Драупнир, порождающим себе подобных. Рубин считался камнем солнца» [Гумилев 1998–2006, Т. 1: 357] и далее: «Подарок Люцифера (“золотое с рубином кольцо”) может оказаться и божественным даром, и сатанинским искусом (традиционная для творчества Н.С. Гумилева постановка проблемы: от Бога или от дьявола дается творческий дар)» [Гумилев 1998–2006, Т. 4: 239]. «Золотое с рубином кольцо» отнесено также к «т.н. постоянным образам, используемым Гумилевым» [Гумилев 1998–2006, Т. 1: 357], значит, мы не ошибаемся, расценивая этот мотив как существенный для понимания поэтического мира Н.С. Гумилева.

Гностическими свойствами, по нашему мнению, обладают и рубины в ожерелье русалки. Похоже, что потеря перстня также провоцирует некое «прозрение» девушки. Таким образом, во всех трех текстах обладание рубиновым украшением (перстнем или ожерельем) связывается Н.С. Гумилевым с обладанием некоей тайной, сакральным знанием.

Другие стихотворения Н.С. Гумилева, где так или иначе присутствуют рубины, также поддерживают нашу гипотезу. Первичный поиск в поэтическом подкорпусе НКРЯ (Национального корпуса русского языка) показал, что рубин встречается в 10 стихотворениях Н.С. Гумилева и почти никогда его значение не исчерпывается буквальным обозначением драгоценного камня. Не приводя все контексты, остановимся на наиболее значимых для нас стихотворениях: «Заклинание» (1907) и «Поэт ленив, хоть лебединый...» (1920):

Юный маг в пурпуровом хитоне
Говорил нездешние слова,
Перед ней, царицей беззаконий,
Расточал рубины волшебства [Гумилев 1998–2006, Т. 1: 118].

Поэт ленив, хоть лебединый
В его душе не меркнет день,
Алмазы, яхонты, рубины
Стихов ему рассыпать лень [Гумилев 1998–2006, Т. 4: 105].

Как видим, Н.С. Гумилев в этих произведениях напрямую соотносит драгоценный камень – рубин – и некоторый творческий процесс или, точнее, его результат. По всей видимости «волшебство» в поэтическом мире Н.С. Гумилева близко поэзии, «стихам», так что мы можем объединить эти понятия.

При дальнейших разысканиях нам удалось обнаружить еще круг текстов, где фигурируют рубины. Из этих стихотворений складывается несколько иной комплекс представлений, связанных, главным образом, с некоторыми экзотическими странами. Так, в стихотворении «Конквистадор» (1915) речь идет о мифической стране Эльдорадо, где, как пишет Н.С. Гумилев, «алых рубинов / Возносятся горы» [Гумилев 1998–2006, Т. 3: 90]. Другое произведение изображает Африку, и рубин воплощает одно из расположенных там государств: «Снизу слева кровавые лягут рубины / Это край металлических страннх богов» [Гумилев 1998–2006, Т. 4: 49]. Не исключая, безусловно, прямого предметного значения слова в данных случаях, мы все же считаем рубин здесь не лишенным мистической окраски, поскольку и Эльдорадо, и, конечно, Африка говорят о возможности

такой интерпретации. Н.А. Богомолов указывает, что стремление Н.С. Гумилева в Африку может трактоваться в том числе в связи с представлением о ней как о континенте, «где неисследованные области таят в себе не просто богатства, могущие принести славу и почести, но и некие откровения <...> если не явно мистического свойства, то, во всяком случае, явственно выходящие за пределы современного научного знания» [Богомолов 2000: 116]. Любопытен также один из коллективных текстов, написанный, как считается под руководством и при участии Гумилева – «Дочь змия» (1921) – где мы встречаем «священный рубин» («Питаюсь высокостоящей луною, / Священный рубин еженощно растет») [Гумилев 1998–2006, Т. 4: 148].

Очевидно, что и в раннем, и в позднем творчестве Н.С. Гумилев одинаково осознает рубин как нечто, способное передавать (или обозначать, содержать) некий текст, результат творческого процесса, обладающий, по всей видимости, магическими свойствами. Обладание рубином (или рубиновым украшением, что равнозначно) в таком контексте может означать обладание талантом к словесному творчеству (магии) или обладание некоей тайной. Источник таких представлений поэта пока не установлен. Возможно, приписывание рубину сверхъестественных, магических свойств связано с увлечением Н.С. Гумилева оккультными практиками; известно, что они входили в круг его интересов. Вероятно, изучение эзотерической литературы, имевшей хождение в тот период в кругу Н.С. Гумилева, сможет пролить свет на происхождение «рубинового» мотива в творчестве поэта.

Библиографический список

- Башко Л.С., Гордиенко А.Н., Гордиенко А.Н. Энциклопедия символов. М.: Эксмо, 2007. 304 с.
- Бидерманн Г. Энциклопедия символов. М.: Республика, 1996. 335 с.
- Бобрицких Л.Я. Фольклоризм баллад Н. Гумилева. URL: <https://gumilev.ru/about/163/> (дата обращения: 06.06.2017).
- Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 560 с.
- Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений в 10 тт. М.: Воскресение, 1998–2007. Т.1. Стихотворения. Поэмы (1902–1910). 502 с.; Т.3. Стихотворения. Поэмы (1914–1918). 464 с.; Т.4. Стихотворения. Поэмы (1918–1921). 394 с.
- Купер Дж. Энциклопедия символов. М.: Изд-во Ассоциации Духовного Единения «Золотой век», 1995. 403 с.
- Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь. М.: Издательство политической литературы, 1983. 703 с.

K.S. Peshina

Master Student of Philological Faculty

Perm State University

“RUBY” MOTIVE IN N.S. GUMILYOV’S POETRY

The article is about one of N.S. Gumilyov’s poetry motives – “ruby” motive. Discovering similarity in the meaning of ruby in some Gumilyov’s poems we try to clarify it and find a source of such ideas.

Key words: symbolism of ruby, N.S. Gumilyov’s poetry, motive, motive analysis of the poetic text

Полякова Наталья Александровна
магистрант филологического факультета
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
polyana0105@yandex.ru

КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО В СОВРЕМЕННОЙ ПЕРМСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В статье рассматриваются художественные тенденции изображения культурного пространства в произведениях авторов современной пермской литературы Н. Земсковой, Н. Белоусовой, Г. Вороновой. Анализируются произведения разных жанров, репрезентирующие образ культурного пространства. Особое внимание уделено авторским концепциям в изображении города и его культуры, а также сопоставлению разных точек зрения на роль творческой личности в создании культурного пространства.

Ключевые слова: культурное пространство, хронотоп, интерпретация, образ города, культурная ситуация.

Термин «культурное пространство» является относительно новым для филологической науки и имеет свои определения в социологии, культурологии и философии: «Художественная картина мира эпохи, трансформированная в уникальную картину восприятия мира конкретного Художника, визуализированную символами-образами в художественном тексте и интерпретируемую реципиентом, составляет культурное пространство художественного текста» [Букин 2006: 11]. «Понятие культурного пространства объединяет в себе весь комплекс взаимодействий и соприкосновений пространств культуры. Культурное пространство формирует многообразие культурных текстов, выступает в качестве единства культур того или иного ареала, эпохи, периода, этноса» [Ивлева 2009: 6].

Под культурным пространством понимается тот ареал, в котором протекает жизнь культуры. Это социокультурная область, образующаяся и существующая в неразрывной связи с определенной системой ценностей и идеалов, влияние которой распространяется на различные формы творческой деятельности людей. Культурное пространство – это необходимое условие существования, развития, функционирования различных культурных форм. «В культурных формах выражается, сохраняется и развивается информационно-знаковое содержание общественной жизни» [Быстрова 2004: 39].

Вместе с тем проблема образного преломления социально-культурных особенностей географического пространства именно в художественной литературе приобрела в последнее десятилетие особую актуальность. В русской прозе конца XX – начала XXI веков наблюдается устойчивая тенденция к изображению культурного пространства и осмыслению его роли в жизни того или иного геокультурного ареала. С этой точки зрения интересной может оказаться современная пермская литература с ее устойчивым кругом образов и мотивов, формирующих художественную картину геокультурного пространства.

Наталья Земскова – журналист, театральный критик. Ее роман «Город на Стиксе» рассказывает о сложном выборе художника: провинция или столица? Одна из главных идей произведения состоит в том, что талантливому человеку в современном мире приходится расплачиваться за свой дар подчас ценой собственной жизни. На глазах у героини оживают тайны и легенды провинциального города, и невольно она оказывается втянута в судьбы талантливых людей, живущих в нем. «Город на Стиксе» – это автобиографический роман или, точнее, метароман, главной героиней которого является сама писательница. При этом собственно рассказ о писателе нарочито непритязателен и составляет малую часть текста романа, основное же место в произведении занимает обширный фон этого рассказа, снабженный подробнейшими деталями, погружающими читателя в атмосферу, быт, социальные условия и культурную жизнь Перми конца 1990-х годов. Такая форма повествования наглядно демонстрирует современную тенденцию, когда рассказ о писателе становится лишь поводом, простой условностью, в то время как «фон» разрастается до самостоятельного сюжета.

Весь текст «Города на Стиксе» культуроцентричен и представляет собой целостное семантическое поле с заметно выраженной специфической областью культурных смыслов. Акцент в романе делается на многообразии форм существования культуры в провинции, что дает возможность посмотреть на рассредоточенные в тексте «культурные» значения как на последовательную систему, функционирующую в рамках специфического городского культурного пространства. На примере архетипических образов, «знаков» городской культуры, попробуем выявить художественные закономерности моделирования культурного пространства Н. Земсковой.

Действие происходит в некоем «Городе» (без названия), за которым легко угадывается Пермь с ее культурными приметами: памятником Тагищеву, оперным театром, дягилевской гимназией, балетом Панфилова, художественной галереей и другими культурными «маркерами». Но главной приметой Города является здесь протекающая через кладбище в Раз-

гуляе речка Стикс, имеющая то же название, что и в древнегреческой мифологии река мёртвых. Эта речка становится композиционным и сюжетным центром романа. Вокруг неё разворачивается мистический план повествования. Здесь даже время имеет свойство замедляться или вообще останавливаться: «Я взглянула на часы и не поверила глазам: мы бродили уже три с лишним часа, а показалось сорок минут... А еще – здесь не ловят мобильники...» [Земскова 2013: 47].

Мистический план повествования связан с чередой загадочных смертей заметных представителей пермской культуры, объединенных в сообщество «Белых рыцарей». Главная героиня, Елизавета, мучительно ищет ответ на вопрос, в чем заключается эта роковая закономерность. Иными словами, роман пронизан философским содержанием, что обуславливает внезапные отступления от сюжетной линии, поскольку все главное по-прежнему происходит во внутреннем мире автопсихологического персонажа. Автор словно бы заново проходит начальный отрезок писательского пути, руководствуясь принципом «от простого к сложному», что соответствует естественной хронологии личного духовного пространства героини.

Осмысление роли культурного пространства мотивировано в романе двумя главными составляющими: Москвой и Городом, «стоящим на большой реке». Специфика авторского восприятия культурного пространства обусловлена четкой пространственной дифференциацией, выраженной в оппозиции «центр» (Москва) и «периферия» («Город») и принадлежностью автора к «периферийному» геокультурному ареалу. Все культурное пространство в романе писательница конструирует по принципу: чем ближе к центру – тем официальнее и фальшивее, а все настоящее, истинно талантливое и достойное располагается на периферии.

Город – не только место рождения, но и начало духовной самоидентификации героини, своеобразный нравственный ориентир в ее дальнейшем «путешествии» по жизни. Этот образ, проходя через все произведение, семантически связан с мотивом возвращения героя на свою «малую» родину, к духовным и нравственным истокам. Постоянно повторяясь, он придает повествованию концентрическую структуру и является как композиционным, так и идейным центром романа – центром культуры в широком ее понимании – как духовной сферы жизни. Живой творческий процесс развивается именно на периферии, являющейся для автора носительницей духовной культуры.

Повесть Галины Вороновой «Фыва пролджэ» также основана на автобиографическом материале. Главная героиня – художница со сложной творческой судьбой, далеко не сразу осознающая свой талант и свое призвание: «В окружении людей, всецело поглощенных собственными изыс-

каниями, невольно заражаясь их увлеченностью, она одновременно с этим впервые в жизни на столь долгое время оказалась предоставлена самой себе, тогда как ум ее получал столько новых, не похожих ни на что бывшее впечатлений! И вакуум ее души чудесным образом заполнился» [Воронова 2011: 34].

В силу жизненных обстоятельств героиня оказывается за границей, где неожиданно для себя самой со открывает в себе мощный дар: «Очувтившись в своей комнате, Ирина несколько раз настойчиво повторила: “Холсты и Краски. Холсты и Краски...”. С этой минуты в течение нескольких месяцев она не выходила из своей комнаты. С утра до вечера. И ночами без сна. На какие-нибудь полчаса, как уставшее животное, ложась прямо на пол. Забывая о питье и пище, о личной гигиене – обо всем, что связано с функционированием тела, Ирина рисовала...» [Там же: 39].

Импульсом к творчеству и источником вдохновения становятся для героини воспоминания о родном городе. И не просто воспоминания, а способность перенестись в прежнюю действительность, мир детских переживаний: «Она снова жила, осязала и чувствовала! Ее глаза как будто шире открылись, от холста она отходила лишь на секунду и только для того, чтобы лучше увидеть, и тут же, облизав пересохшие губы, снова окуналась... в утреннюю речную прохладу, в пряный аромат полынных лугов, в свежесть легкого ветерка, в прозрачную тень березовой рощи там на горе.. утоляла жажду прохладной водой прибрежного родничка, дремала, прислонившись спиной к почерневшим, обветренным бревнам старой избышки, видела волшебные сны, открывала глаза и рисовала, рисовала...» [Там же: 45].

Повесть является своеобразным исследованием природы художественного творчества и условий реализации скрытого до времени таланта: «Время шло... И вот уже слух о странной русской, которая ни когда прежде не держала кисти в руках, а после произошедшего с ней загадочного случая вдруг начала писать удивительные, своеобразные, глубокие и очень сильные картины проник на страницы местных газет, а вскоре и солидных художественных журналов» [Там же: 47].

Постоянное обращение к теме искусства происходит в творчестве пермской писательницы Натальи Белоусовой, публикующейся под псевдонимом Сова. Она профессиональный музыкант, выпускница Пермского государственного института культуры. Но, помимо музыкальных образов и мотивов, в ее произведениях важную роль играет культурная атмосфера города, вскормившая ее талант.

Для индивидуального стиля Н. Совы характерна синтетичность художественного образа. В ее рассказах словесный образ строится на основе слияния перцептивных восприятий (звука, запаха, формы, объема, осяза-

ния). Этот синтетизм отражает особенность мировосприятия автора, которое можно определить как импрессионистическое. Для нее важна не фактическая достоверность городского облика, а воссоздание собственных впечатлений и ощущений от него. Причем город в ее произведениях предстает в иносказательном, фантастическом образе.

В рассказе «Здесь, на краю земли» (из сб. «Королевская книга») главный герой олицетворяет стремление к совершенству во всем, что касается творчества: «Ничего-то он не знал, кроме своего зодчества и своих таинственных манипуляций. Западная башня стала теперь в точности такой, какой была задумана, — с высокими, узкими окнами и лестницей, закручивающейся справа налево, а не слева направо, как раньше. Высокие окна выглядели куда лучше прежних бесформенных дыр» [Сова 2005: 59].

Образ вымышленного, овеянного романтикой города ассоциируется в сознании рассказчика с красотой создаваемого Перегрином архитектурного чуда – фортификационной башни, которая, по его замыслу, должна быть не только главным сооружением года, но также настоящим произведением искусства: «Чертил он много, как одержимый, — пером на бумаге, углем и мелом на стенах, прутиком на снегу, щепкой по грязи. Линии были гибкие, тонкие и неправдоподобно ровные. Перегрин оценивающе рассматривал рисунок и либо качал головой и стирал, либо говорил «угу», и лицо его озарялось улыбкой. Один чертеж из тех, что на бумаге, был похож на диковинный цветок. Оказалось, это всего лишь лестница в подземелье главной башни» [Там же: 63].

Лейтмотивами произведения становятся образы чертежа, линии, изгиба, пера, воплощающие драматизм художественных поисков и вечную неудовлетворенность Творца. Тема художественного творчества как чуда, способного преобразовывать мир и человека в нем, – главная в рассказе: «Все в округе считали Перегринна волшебником. Не понимаю, чем ему удалось пронять весь тот сброд, который я согнал на строительство, но они действительно верили, что создают нечто небывалое, волшебное и несказанно прекрасное. Иногда работа и впрямь напоминала магический ритуал, в котором каждое движение и слово таили в себе особый смысл» [Там же: 75]. Конструируя в рассказе вымышленное культурное пространство, Н. Сова корректирует, смещает его художественные доминанты с внешнего пространства на внутреннее духовное пространство созидательной творческой личности.

Культурное пространство в художественной литературе – это социокультурная область, существующая в неразрывной связи с определенной системой ценностей и идеалов, не испытывающих влияния установок идеологизированного общества. Одной из разновидностей изображения культурного пространства является автобиографическая проза – особая

форма саморефлексии и отражения настроений интеллигенции последнего десятилетия XX века, которая представляет ценности, объединяющие персонажей в единое культурное пространство.

Культурная парадигма в прозе конца XX – начала XXI веков испытывает на себе влияние постмодернизма, что находит выражение в «отказе от истины» (идеала), цитатности, пародии, игровой поэтике, гротеске, гиперболизация, игровом моделировании исторических альтернатив. Эти художественные приемы применялись в рамках современной культуры и позволяли выявить спектр ценностей, определяющих жизнь данного культурного пространства, среди которых первое место занимала свобода творчества.

Формы представления культурного пространства в современной пермской прозе разнообразны. Носителем культуры часто выступает образ главного героя-интеллекта, специфически ограниченного пределами собственных творческих или философских поисков и переживаний. Культурная модель может представлять собой ограниченное пространство, характеризующееся подчеркнутой аполитичностью, сосредоточенностью на обыденном, сугубо бытовом. Еще одной формой является «городской миф», представленный как необходимый атрибут поддержания местной культуры. Феномен культурного пространства занимает особое, значительное место в формировании художественных систем представителей современной русской, и в том числе пермской, прозы.

Изображение культурного пространства в произведениях пермских писательниц Г. Вороновой, Н. Земсковой и Н. Белоусовой реализует многоаспектные связи пермской литературы с мировой культурой, обнаруживает точки соприкосновения с традицией создания «городского текста», позволяет читателю более полно интерпретировать множественность семантических оттенков пермской прозы.

Библиографический список

Букин, А. Г. Культурное пространство и пространства культур: региональный аспект: автореферат дис. ... кандидата философских наук: 09.00.13 / Чит. гос. ун-т. Чита, 2006.

Быстрова А. Н. Культурное пространство как предмет философской рефлексии // Философские науки. 2004. №12. С. 39.

Воронова Г. Под знаком Ворона. Пермь: Пермское книжное изд-во, 2011. 105 с.

Земскова Н. Город на Стиксе. М.: АрсисБукс, 2013. 327 с.

Ивлева А. Ю. Культурное пространство художественного текста: От символа-предела к символу-образу: автореферат дис. ... доктора философских наук. Мордовский гос. ун-т. Саранск, 2009.

Сова Н. Королевская книга. М.: Интрада, 2005. 247 с.

N.A. Polyakova

Master Student of Philological Faculty

Perm State University

CULTURAL SPACE IN MODERN PERM LITERATURE

The article considers artistic trends in the image of the cultural space in the works of the authors of contemporary Perm literature N. Zemskova, N. Belousova, G. Voronova. Analyzed works of different genres, representing the image of cultural space. Special attention is paid to author's concepts in depicting the city and its culture, as well as comparing different points of view on the role of the creative personality in creating a cultural space.

Key words: cultural space, chronotope, interpretation, image of the city, cultural situation.

Роготнев Илья Юрьевич
доцент кафедры русской литературы
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
rogotnev05@mail.ru

ПО КРАЯМ САТИРИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ: «ИСТОРИЯ ОДНОГО ГОРОДА» М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

В статье анализируются некоторые черты поэтики романа М.Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города». Архаическая жанровая структура и близость к символическим системам смехового фольклора парадоксальным образом сочетаются с эзотерическими кодами и высокой степенью литературности. Анализ принципов поэтики романа позволяет наметить пути толкования исторической и метафизической концепции автора «Истории одного города».

Ключевые слова: сатирическая поэтика, художественная условность, эстетические категории, смеховой фольклор.

Сатиру, как и все динамично развивающиеся *поэтики*, можно определять не только через устойчивый набор структурных признаков, но и через «края» системы. Для анализа сатирической литературы актуальны, к примеру, различия между следующими эстетическими рядами: сатирой и юмором, сатирой и ужасом, сатирой и абсурдом. Пределы сатирической поэтики, её «окраины» и «приграничные зоны» находят сложное воплощение в романе М.Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города» (1869–1860). Новаторский, «необычный», «пограничный» характер эстетики этого произведения представляется очевидным, однако недооцененным литературоведческой наукой. Собственно поэтика романа, дающая ориентиры к его корректной герменевтике, исследована недостаточно.

К интересующей нас проблеме литературоведы обращались неоднократно. Отечественная наука конца 1970–1980-х годов накопила немало наблюдений над щедринским стилем и методом в целом и над поэтикой «Истории одного города» в частности [Николаев 1977; Бушмин 1984; Бушмин 1987; Николаев 1988]; в последнее десятилетие также появляются попытки описать общие принципы сатирической системы Салтыкова-Щедрина [Роготнев 2010; Павлова 2011]. Наиболее востребованным материалом для исследования щедринской поэтики становится, однако, роман «Современная идиллия»: исследователей привлекает жанровая специфика произведения, конструктивная роль в нем «чужого слова» [Строганова 2001; Строганова 2017], его пародийный, «антиидиллический» характер

[Садовская 2003]. О подобных монографических исследованиях, посвященных поэтике «Истории одного города», нам не известно; разумеется, анализу подвергались некоторые частные аспекты художественной специфики романа, например, его «театральность» [Баумторг 2004] или мифологизм [Назаренко 2002] (причем категории эти в указанных работах весьма широко поняты, что явно не способствует описанию собственно щедринского художественного языка).

Роман о городе Глупове привлекает исследователей не столько поэтической системой, сколько идеологической «открытостью» – кажущейся непроясненностью, неочевидностью основных политических и историсофских интенций его автора (см., например: [Свирский 1991; Головина 1997; Постникова 2014: 110–186] и др.).

Мы не ставим перед собой цели дать роману комплексную трактовку – отметим лишь некоторые черты, которые по каким-то причинам не привлекали внимания литературоведов или не получали развернутых описаний на языке филологической поэтики.

Прероманная структура. Структура крупных произведений Щедрина нередко отсылает к формам, характерным для эпохи рождения, формирования романного эпоса. Известна кумулятивность сюжетов, отличающая книги Салтыкова-Щедрина: они построены как относительно свободный монтаж эпизодов, разыгрываемых в рамках общей ситуации, порядок следования которых не опосредован причинно-следственными связями, а значит, может быть изменен. Романский конфликт (в гегелевском понимании) и романские коллизии щедринским книгам в основном чужды. Такая поэтика сюжета, в пределах которой слабо дифференцируются романы и прозаические циклы (например, роман «Современная идиллия» и цикл «Письма к тетеньке» обладают структурной, тематической и иной близостью), характерна и для «Истории одного города».

Фрагментарность композиции не исчерпывает «прероманного» характера этого произведения. М.М. Бахтин рассматривал роман как последовательное отрицание всех конструктивных принципов эпопеи: «1) предметом эпопеи служит национальное эпическое прошлое, “абсолютное прошлое” по терминологии Гёте и Шиллера; 2) источником эпопеи служит национальное предание (а не личный опыт и вырастающий на его основе свободный вымысел; 3) эпический мир отделен от современности, т.е. от времени певца (автора) и его слушателей, абсолютной эпической дистанцией» [Бахтин 2012: 617]. Роман рождается как своего рода пародия на эпопею, подобно тому как комедия инвертирует и травестирует трагедию. Эта анти-эпопейность подчеркнута в «Истории одного города»: 1) в её внутреннем мире произведено смешение различных временных пластов, описание прошлого пестрит «анахронизмами», следами

настоящего; 2) материалом становится не предание, а пародия на предание, пародийно смещенный летописный стиль: «То, что для старых русских летописей было традиционным приемом описания событий, у Салтыкова-Щедрина превращено в самую суть событий. Летописное изображение времени стало восприниматься как изображение самого существа исторического процесса и обесмысливало его. В этом-то и состоит смысл пародирования летописи...» [Лихачев 1979: 321]; 3) исчезает и эпическая дистанция, эстетическое любование героическим и поучительным прошлым, предстающим в эпопее «и как смысл, и как ценность» [Бахтин 2012: 621] – напротив, Щедрин сатирически обличает изображаемое: «... летописная манера изображения давала неограниченные возможности для сатирического изображения действительности, для подчеркивания глупости и бессмысленности начальственных деяний» [Лихачев 1979: 321].

В жанровом отношении «История» более других щедринских «книг» представляет собой прероман – структуру на пути к роману, отстраивающуюся как пародия на эпопею, деконструирующую прошлое, предание и эстетическую дистанцию.

Вторичный характер художественной условности. Архаичен и способ отражения действительности в щедринском романе/преромане. Тексты смеховой культуры моделируют не реальность (в том или ином понимании «подлинную»), а её обратное подобие, комический дубль реальности, который строится на поэтике «вторичной условности» – «изображении не только того, чего не было, но и того, чего не могло быть» [Трахтенберг 2008: 48].

Смеховой мир в онтологическом отношении символизирует вторую реальность, располагающуюся в маргинальном, периферийном пространстве, возвращающую мир в состояние хаоса и одновременно напоминающую преисподнюю (подробнее см.: [Роготнев 2009: 34–47]). Именно таким предстает и внутренний мир «Истории одного города»: он социально маргинален и политически периферийен, он удваивает российскую историю – и явно тяготеет, как мы покажем, к состоянию хаоса. Последняя же глава романа в большом количестве концентрирует inferнальные мотивы (впрочем, в ней мифологический код смеховой культуры уже почти не работает).

Смеховой мир реализует различные варианты отношений с эстетическим идеалом. Один из них – утопический мир веселой относительности («утопическое царство всеобщности, свободы, равенства и изобилия» [Бахтин 1990: 14]).

Щедринские смеховые миры иногда несут утопическую нагрузку – порой достаточно ощутимую. Чаще всего положительная компонента смеха связана у Щедрина с мотивом «выпадения» какой-то общности из

человеческой цивилизации. В рассказе «Наши глуповские дела» (1861), из которого вырастет замысел «Истории», мотив этот связан с темой сна, город изображен местом, где сладко спится: «Был Селезнев губернатор; этот, как дорвался до Глупова, первым делом уткнулся в подушку, да три года и проспал» (III, 485) (сочинения Салтыкова-Щедрина цитируются по изданию: [Салтыков-Щедрин 1965–1977] – с указанием номера тома и страниц). По-своему утопичен рассказ «Единственный» (1871), в котором «помпадур», прекращая «переписку», погружает вверенный ему край в руссоистскую идиллию естественного существования. Тот же мотив реализован в «Истории одного города» в эпизоде с майором Прыщом.

Между тем, основное аксиологическое значение «вторичной условности» сближает «Историю» с русской сатирой XVII века: «это не прямое высмеивание действительности, а сближение действительности с смеховым изнаночным миром» [Лихачев 1984: 53]. Непонимание публикой этого типа сатиры привело к недоразумениям и необходимости для Щедрина объясниться с критиками и читателями; впрочем, читая разъяснения автора, убеждаешься, что он и сам не отдавал себе отчет в употребленном методе. В ответ на критику писатель проводит противопоставление народа идеального, «воплотителя идеи демократизма», и народа исторического, «то есть действующего на поприще истории» (VIII, 454), и отстаивает свое право оставаться демократом, даже неприглядно изображая «народ исторический». На наш взгляд, «История одного города» изображает своего рода «темную материю» (и энергию) исторического универсума. Изображаемое как бы отвлечено, абстрагировано от диалектики исторического процесса и показано в чистом виде. Глуповцы – не «народ исторический», но темная энергия народных масс. Эту темную сторону вещей, сущность социального зла и удастся изобразить сатирику посредством вторичной условности.

Этот тип художественного мира характерен далеко не для всех щедринских произведений, но он едва ли не преобладает в творчестве рубежа 1860–1870-х годов: в «Истории одного города», в рассказах циклов «Для детей» («Испорченные дети», «Как один мужик двух генералов прокормил», «Пропала совесть», «Дикий помещик» – 1869) и «Помпадуры и помпадурши» («Сомневающийся», «Единственный» – 1871, «Помпадур борьбы, или Проказы будущего» – 1873).

Системные аномалии. Вторичная условность предполагает проникновение в текст элементов фантастики и абсурда, перечислять которые мы не станем, тем более что они прекрасно описаны как образцы гротесковой поэтики в неустаревающей работе Д.П. Николаева [Николаев 1977]. Между тем, щедринская антиреальность не только построена на разрывах причинности, естественности и логических суждений. Щедринские раз-

рывы серийны, они выстроены с определенной последовательностью, которая задана пере-конструированием «категорий культуры» (А.Я. Гуревич). Согласно Д.С. Лихачеву, внутренний мир литературного произведения обладает особым пространством и временем, произведению присущ «психологический мир», «мир социальных отношений» [Лихачев 1968: 77], «нравственный мир» [Лихачев 1968: 78]. Соответственно, антимир «Истории одного города» обладает собственными анти-пространством, анти-временем, анти-психологией и прочими макрохарактеристиками.

Рассмотрим, к примеру, категорию телесности. Основной функцией тела во внутреннем мире романа становится смерть: персонажи умирают в больших количествах, глуповские «Ивашки» дwoятся и множатся, чтобы быть убитыми. Естественно, что в этой системе неживой предмет замещает живое тело – являются градоначальники механические и фаршированные. Не менее показательно извращение сексуальной функции: в щедринском мире адюльтеры и принуждения к сожителъству преобладают над брачно-семейными отношениями; родовая дисфункция воплощается в феноменах трансвестизма (из «Описи градоначальникам»: «Дю Шарико, виконт, Ангел Дорофеевич, французский выходец. Любил рядиться в женское платье и лакомился лягушками. По рассмотрении, оказался девицею» (VIII, 279)) и гомосексуализма. Сатирой на извращенные нравы нам представляется сцена бесславной гибели майора Прыща, «фаршированной головы» (VIII, 369). Подробнее о щедринской концепции тела см.: [Роготнев 2009: 120–122].

Большое значение для художественной концепции романа имеет решение категории времени, которое характеризуется регулярными регрессиями. Создавая образ догосударственной истории глуповцев, Щедрин использует «Русские народные присловья о жителях различных городов и местностей» (изданные в 1841 году И. Сахаровым, на которого ссылается Салтыков в автокомментарии к своему роману (VIII, 453)); писатель контаминирует мотивы «присловий» в едином образе головотяпов: «Началось с того, что Волгу толком замесили, потом теленка на баню тащили, потом в кошеле кашу варили...» (VIII, 279) и т.д. Головотяпы в данном случае выступают как своего рода собирательный трикстер: этот коллективный субъект ведет борьбу с культурой и порядком. Головотяпы отправляются на поиски князя, «которого нет в свете глупее», – коронованного дурака. Путь их проходит через болото – это странствие по маргинальному пространству. Начало Истории предстает отнюдь не как переход из Природы/Хаоса в Культуру/Порядок – головотяпы движутся в прямо противоположном направлении.

В ходе своей «истории» глуповцы постоянно возвращаются в состояние хаоса. В этом аспекте может быть рассмотрен эпизод «Сказание о шести градоначальницах». Глуповское безначалие длилось семь дней, что отсылает как к религиозному преданию, так и к фольклорной традиции: на наш взгляд, семидневное безначалие глуповской истории можно условно сравнить с символизмом масленичной недели, воплощающей возвращение мира в хаос. Любопытно, что стихия хаоса в данном случае персонифицируется в женских персонажах, что также находит параллели в традиционных смеховых текстах.

Глуповцы неоднократно возвращаются в состояние радикального одичания, в докультурное существование. «Не было ни еды настоящей, ни одежды изрядной. Глуповцы перестали стыдиться, обросли шерстью и сосали лапы» (VIII, 355); ср. с состоянием общества, забывшего язык и правила общежития, при Дю Шарьо (VIII, 377). Регрессия художественного времени – «пульсирующее» движение от культуры к природе, повторяющееся возвращение в хаос (так что даже неясно, из какого состояния в хаос возвращаются) – составляет основное качество внутреннего мира «Истории одного города».

Пародийные заместители. Едва ли не конститутивной для персонажной системы романа является функция пародийного замещения, дублирования реальных персон и социальных ролей их комическими двойниками. Иными словами, перед нами не типизированные образы, но мир пародийных заместителей. Автор указывает на функцию дублирования уже в начале романа: «... градоначальники времен Бирона отличаются безрасудством, градоначальники времен Потемкина – распорядительностью, градоначальники времен Разумовского – неизвестным происхождением и рыцарскою отвагою» (VIII, 265). Характерный пример пародийного заместителя конкретного лица: Беневоленский – «товарищ Сперанского по семинарии» (VIII, 279), занятый писанием бессмысленных и безобидных квази-законопроектов («о печении пирогов по праздникам» и т.п.). Герои романа выступают как сниженные двойники исторических деятелей, отбрасывающих в крошечный мир свои тени. Неслучайно упоминание о том, что градоначальник Двоекуров написал сочинение под названием «Жизнеописания замечательных обезьян» (по сути, заглавие, подходящее для самого «Глуповского Летописца»): обезьяна – универсальный пародийный заместитель человека; пародийный просвещенный бюрократ может написать только пародийный трактат.

Движение от комического к ужасному. Щедринская поэтика динамична, мена эстетических доминант – комики на ужас – связана с типологическими свойствами сатиры. В основе обоих эстетических рядов лежит аномалия, то есть их объект в существенной степени родствен, а ино-

гда тождествен. Ключевое различие между комическим и ужасным заключается в регистре эстетического восприятия, который маркирован поэтическим контекстом (и ощущается читателем как «атмосфера»). С нашей точки зрения, главу «Подтверждение покаяния. Заключение» следует прочитывать не как сатиру на грани ужаса, но как ужас с элементами сатиры. Первая фраза эпизода: «Он был ужасен» (VIII, 397) – задает эстетическую доминанту финала. Кроме того, фраза эта аллюзивна и отсылает к «Медному всаднику»: Петр в пушкинской поэме назван в первой же фразе местоимением *он*. Закономерно, что для ужасного финала автору пришлось сконцентрироваться на двойнике первого императора, основателя Петербургского царства.

Параллель «Угрюм-Бурчеев – Петр Великий» уже прослеживалась в литературоведении [Головина 1997: 38; Алякринская 2009; Роготнев 2010: 140–141]: строитель нового города с геометрически прозрачным генпланом, мечтающий о собственном флоте, вступивший в непримиримый конфликт с рекой, запомнившийся глуповцам с топором в руке, Угрюм-Бурчеев имеет с Аракчеевым сходство обманчивое и для обмана же созданное. Эзопов язык в данном случае снабжает образ двойной защитой – шифрованием и ложным кодом.

Думается, при переходе в эстетику ужаса меняются и установленные принципы поэтики. Так, художественное время перестает регрессировать: глуповцы и «идиот» совершают прорыв из хаоса в порядок, из природы в культуру – и внезапно перемещаются в конец времени как такового. Холостое вращение в правремени сменяется эсхатологической временной стрелой. Герой уже не может рассматриваться как пародийный заместитель, он – темная сущность своего прототипа.

Меняется и мифологический код: онтология рождающего хаоса, маргиналий мироздания, веселой преисподней явно не работает в последней главе, полной мистических мотивов. Отметим некоторые моменты. (1) Является «идиот» в разгар сектантски-окультистских радений, которыми увлекся предыдущий градоначальник Грустилов, – является словно ответ на ритуальный зов. (2) Слова Угрюм-Бурчеева: «Идет некто за мной... который будет еще ужаснее меня» (VIII, 397) – по духу своему апокалиптически, «по букве» же они инвертируют слова Иоанна Предтечи: «Идущий за мною стал впереди меня» (Ин 1:15); таким образом, градоначальник объявляет о себе как о предтече антихриста. (3) Возможно, это позволит прояснить образ *Оно* в финале «Истории одного города», при приближении которого гудят колокола, меркнет солнце, «время останавливает бег»; примечательно, что Угрюм-Бурчеев ожидает конец света без трепета и даже с некоторым ликованием: «В эту торжественную минуту Угрюм-Бурчеев вдруг обернулся всем корпусом к оцепенелой толпе и ясным го-

лосом произнес: – Придет...» (VIII, 423). Сам «прохвост» не гибнет, но таинственным образом исчезает. Подобные моменты требуют весьма внимательного чтения и герменевтики совершенно особого рода – вопрос о смысле финала «Истории одного города» трудно считать закрытым.

Со своей стороны, мы хотели бы предложить литературно-мифологическую параллель как к истории Угрюм-Бурчеева, так и к мифу о его прототипе Петре, например, в варианте пушкинского «Медного всадника». Сюжет о градостроителе архетипичен, он движим конфликтом двух демиургов: творец города сталкивается с творцом мира. У Щедрина персонаж, услышав шум реки, произносит вполне метафизическую фразу: «Кто тут?», повествователь же отмечает: «тут встали лицом к лицу два бреда» (VIII, 408). Подобный сюжет в эксплицированном виде мы встречаем в одной из самых загадочных притч из «Книги тысячи и одной ночи» – рассказе о городе Ираме многостолбном, построенном исполином царем Шеддадом и разрушенном Аллахом. Могущественный Шеддад одержим идеей строительства чудного города: «Отправляйтесь в самую лучшую и обширную равнину на земле и постройте мне там город из золота и серебра, и пусть песок в нем будет из топаза, яхонта и жемчуга. И под своды этого города поставьте столбы из топаза, и наполните город дворцами, и над дворцами сделайте горницы...» [Книга тысячи и одной ночи 1959: 33]. «И Аллах наслал на него и на бывших с ним неверных отрицателей вопль с небес своего могущества, и он погубил их всех своим великим гласом, и не достиг Шеддад и никто из бывших с ним этого города, и не подступил к нему, и Аллах стер к нему дорогу» [Там же: 35]. Близость литературного Петербурга (и щедринского Непреклонска) к Ираму видится не только в деталях, но в самом бытии «мифических» градов в эсхатологическом времени. Кстати, конкретный способ расправы Аллаха с лже-демиургом, возможно, в некоторых своих вариантах совпадет и с мотивами «Медного всадника»: М. Б. Пиотровский, анализируя коранический образ Ирама многостолбного, полагает, что описание гибели адитов (царя Шеддада и его народа) связано с библейским преданием о потопе [Пиотровский 1991: 61]. У Щедрина же исход противостояния самым недвусмысленным образом указывает на вмешательство божественной силы.

Таким образом, движение по кромке сатирической поэтики завершено посредством выхода за сатирические края – в сферу мистического ужаса, совершенно для Щедрина, казалось бы, чуждую. Мотивировка введения мистического кода может быть связана с повышенной степенью литературной условности.

Литературность. Еще одной бросающейся в глаза чертой поэтики романа является его избыточная литературоцентричность. Он не только пародирует феномены русской книжной культуры, но и в целом стремится

к тождеству события и высказывания. Герои романа являются его «соавторами»: их тексты включены в состав «Истории». Когда градоначальник Бородавкин читает «Летописец» (т.е. читает, в сущности, роман, персонажем которого является), он испытывает ужас от встречи с какой-то «дикой энергией». Текст творит себя сам, сам себя объясняет и сам с собою встречается. Замкнутое на себя письмо, играющее на условности литературного мира, на знаковой симуляции реальности, весьма напоминает ключевой топос постмодернистского романа – *мир как книгу* (вообще говоря, не исключено, что автор «Хазарского словаря» Милорад Павич вдохновлялся «Историей одного города»). В то же время трактовка щедринской сатиры как своего рода пред-постмодернизма [Кубасов 2011] представляется не только анахроничной, но и уклоняющейся от понимания устройства щедринской поэтики: этот чисто литературный мир призван быть похожим на действительность и в этих сходствах действительность обличать; эффект держится именно на том, что социальная жизнь становится похожа на очевидную «небывальщину» и «литературщину».

В качестве вывода отметим: обсуждаемые черты поэтики «Истории одного города» представляется продуктивным толковать не в терминах генезиса (влияние, заимствование, новация, развитие традиции), но через роль конструктивных принципов. Воздействие на сатирика «народно-смеховой культуры» или, скажем, мифологических нарративов могло происходить по тем или иным каналам передачи традиции – важны, однако, не эти каналы, а те установки, художественные диспозиции, в которых ориентирована поэтика романа. В данном случае смещение сатирической системы в сторону художественного края и эстетической крайности, своеобразного поэтического полураспада определяет возможности широких сопоставлений «Истории одного города» как с текстами традиционного смехового фольклора, так и с литературой так называемого «постмодернизма». Характерны, на наш взгляд, не возникающие в процедуре филологического анализа многочисленные переклички, а те отношения между речью, образностью и идеологией, которые заложены в произведение в качестве его несущих конструкций.

Библиографический список

Алякринская М. А. К проблеме исторического сознания М.Е. Салтыкова-Щедрина // История и культура. 2009. № 7. С. 181–189.

Баумторг Н. Н. Театральная выразительность в романе М.Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города»: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.01. Барнаул, 2004. 198 с.

Бахтин М. М. Роман, как литературный жанр // Бахтин М. М. Собрание соч. Т. 3: Теория романа (1930–1961). М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 608–643.

- Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2-е изд. М.: Художественная литература, 1990. 543 с.
- Бушмин А. С. Художественный мир Салтыкова-Щедрина. Л.: Наука, 1987. 230 с.
- Бушмин А. С. Эволюция сатиры Салтыкова-Щедрина. Л.: Наука, 1984. 342 с.
- Книга тысячи и одной ночи. Том 4. Ночи 270 – 434 / Пер. с араб. М.А. Салье. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. 496 с.
- Кубасов А. В. М.Е. Салтыков-Щедрин как зеркало русского постмодернизма // Филологический класс. 2011. № 26. С. 23–26.
- Лихачев Д. С. Внутренний мир литературного произведения // Вопросы литературы. 1968. № 8. С. 74–87.
- Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд., доп. М.: Наука, 1979. 295 с.
- Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н.В. Смех в Древней Руси. Л.: Наука, 1984. 295 с.
- Назаренко М. Мифопоэтика М. Е. Салтыкова-Щедрина («История одного города», «Господа Головлевы», «Сказки»). Киев, 2002. URL: http://az.lib.ru/s/saltykow_m_e/text_0278.shtml (дата обращения: 25.03.2018).
- Николаев Д. П. Сатира Щедрина и реалистический гротеск. М.: Художественная литература, 1977. 358 с.
- Николаев Д. П. Смех Щедрина: Очерки сатирической поэтики. М.: Советский писатель, 1988. 400 с.
- Павлова А. А. Конструктивные принципы художественного мира М.Е. Салтыкова-Щедрина: дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.01. Ижевск, 2011. 161 с.
- Пиотровский М. Б. Коранические сказания. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1991. 219 с.
- Постникова Е. Г. Тема власти в творчестве М.Е. Салтыкова-Щедрина и Ф.М. Достоевского (мифопоэтический и художественно-философский аспекты: диссертация ... доктора филологических наук: 10.01.01. Магнитогорск, 2014. 465 с.
- Роготнев И. Ю. «Карнавал» и «Сатира» в русской литературе Нового времени (о своеобразии комизма М. Е. Салтыкова-Щедрина) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2009. Т. 2. № 1. С. 118-122.
- Роготнев И. Ю. Художественный мир М.Е. Салтыкова-Щедрина и антимир смеховой культуры. Пермь, 2010. 308 с.
- Садовская Е. Ю. Особенности поэтики романа М.Е. Салтыкова-Щедрина «Современная идиллия»: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Воронеж, 2003. 163 с.
- Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: В 20 т. М.: Художественная литература, 1965–1977. 20 т.
- Строганова Е. Н. «Современная идиллия» М.Е. Салтыкова-Щедрина в литературном пространстве. Тверь: Золотая буква, 2001. 256 с.
- Строганова Е. Н. Роман М.Е. Салтыкова-Щедрина «Современная идиллия»: Диалог с современниками и предшественниками. М.: Флинта, 2017. 200 с.
- Трахтенберг Л.А. Новые тенденции развития русской литературы в пародии XVII – XVIII вв. // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2008. № 1. С. 46–50.

I. Iu. Rogotnev

Associate Professor of Russian Literature Department

Perm State University

**ON THE EDGES OF THE SATYRIC POETICS: “THE HISTORY
OF A TOWN” BY SALTYKOV-SHCHEDRIN**

Some features of the poetics of M.E. Saltykov-Shchedrin’s “The History of a Town” are analyzed in the article. Archaic genre structure and proximity to symbolic systems of comic folklore paradoxically combine with esoteric codes and a high degree of “literariness”. An analysis of the principles of the poetics of the novel allows us to outline the ways of interpreting the author’s historical and metaphysical views in the “The History of a Town”.

Key words: satirical poetics, artistic convention, aesthetic categories, comic folklore.

Туманова Ольга Сергеевна
аспирант кафедры русской литературы
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
Tumanova_os@mail.ru

«СКАНДИНАВСКИЙ ДИПТИХ» А.Н.МАЙКОВА (ПОЭМЫ «БАЛЬДУР» И «БРИНГИЛЬДА»): ДИАЛОГ СО СТАРШЕЙ ЭДДОЙ

Статья посвящена художественному диалогу поэм А.Н. Майкова, условно объединяемых в «скандинавский диптих», с их литературным первоисточником – Старшей Эддой, поэтическим сборником древнеисландских песен о богах и героях, самым крупным и наиболее известным источником представлений о скандинавской мифологии.

Ключевые слова: мифологические образы; скандинавская мифология; мифотворчество; пересечение культурных контекстов; женские образы.

Среди обращений русской поэзии к самой северной из востребованных культурой XIX века мифологических систем – скандинавской – особо стоит отметить «скандинавские» поэмы А.Н. Майкова – «Бальдур» (1870) и «Брингильда» (1888), которые представляют собой весьма качественную переработку отдельных исландских саг и песен «Старшей Эдды». Время создания этих поэм пришлось на период господства прозы. Романтическая традиция воспевания красот холодного Севера, скальдов и опустевших чертогов «внуков Одена», которую можно найти в лирике Е.А. Баратынского, К.Н. Батюшкова и А.С. Пушкина, уходит на периферию литературного процесса, становясь объектом внимания представителей «чистого искусства». А.Н. Майков впервые вводит в поэтический обиход практически весь скандинавский пантеон: Одина, Бальдера, Локи, валькирий, Фригг, а также эпического героя Сигурда – и тем самым задаёт направление дальнейшим интерпретациям образов скандинавских богов и героев. По всей вероятности, именно его поэмы стали основой для индивидуального мифотворчества на базе скандинавской мифологии в Серебряном веке. Поэмы «Бальдур» и «Брингильда» создаются на пересечении сразу нескольких традиций: архаико-эпической, оссианической и былинной. Данное исследование посвящено рецепции русской поэзией Нового времени образов архаической скандинавской культуры, их последующей адаптации и функционированию в качестве героев ролевой лирики, носителей «чужого слова».

Очевидно также, что избрание в качестве ролевых героев мифологических либо мифологизированных персонажей оказывается взаимосвязано с такими специфическими особенностями поэтической культуры, как автотомифологизация и индивидуальное мифотворчество. Выбранный ракурс исследования позволит ответить на вопрос о статусе образа Скандинавии в российском культурном сознании XIX века и возможном включении этого образа в широкий контекст «скандинавского текста» русской литературы.

Обращение А.Н. Майкова к «скандинавской теме» стимулировалось непосредственными впечатлениями Майкова от коммуникации со шведами и норвежцами во время его посещения Норвегии. Пребывание поэта в норвежском городе Арендале и чтение книг народного эпоса, в первую очередь, «Старшей Эдды» (или песенной Эдды), «внушили ему поэму «Бальдур» [Гидони 1972: 117] – песнь о солнце по сказаниям скандинавской Эдды.

Поэма А.Н. Майкова «Бальдур, или Песнь о солнце, по сказаниям Скандинавской Эдды» (1870) построена по принципу «сказания в сказании», вполне характерном для эддических песен. Поэма представляет собой блестящую и вполне логично построенную контаминацию сразу нескольких песен «Старшей Эдды» о богах и героях: «Прорицание вельвы», «Речи Гримнира», «Перебранка Локи», «Речи Сигрдривы» и «Песнь о Сигруде». Вкратце сообщим сюжет: конунг, потерявший единственного сына и тяжело переживающий утрату, встречает бродячего «вещего старца» (судя по всему, скальда, хотя прямая номинация в тексте отсутствует; отметим, что в более поздней поэме «Брингильда» вещий старец приобретёт имя Снорро, вызывающее прямые ассоциации с автором «Младшей Эдды»), который в утешение рассказывает историю о гибели Бальдура, сына Одина. Образ скальда в поэме «Бальдур» организует рекурсивную композицию поэмы, в этом стихотворении данный образ создаётся по древнескандинавскому канону, изображающему поэта как медиатора между мирами Асгарда и Мидгарда, вовремя открывающего смертным общность их судеб с богами-асами. Такой параллелизм сюжетных линий и смешение земного и божественного начал неслучаен: для скандинавской мифологии весьма характерно «сознание общности судеб богов и людей в конфликте с силами, несущими упадок и окончательную гибель всему живому» [Гуревич 1975: 19]. Центральная тема обеих скандинавских поэм А.Н. Майкова прямо совпадает с центральной темой эддических песен, которую можно обозначить как «герой перед лицом судьбы» [Там же]: *«И боги / Сами ждут судьбы своей покорно»* [Майков 2004: 22 784]. Этим подчёркнута непрекращающаяся взаимосвязь (*«Девы битв, Валкириш, возводят / Павших в небо...»*) («Бальдур») [Там же: 22 786]) и родство двух

этих миров перед лицом грядущей гибели – Рагнарёка: «*Он умрет - все в мире пошатнется, / И настанет общее крушенье*» [Там же: 22 788].

Любопытно, что, будучи инспирированной древнескандинавской эпической традицией, поэма попала под влияние и русского архаического эпоса. Образ «вещего старца» навеян русской фольклорной традицией; Бальдер, «добывающий» себе жену Нанну из «терема», стоящего в середине огненного кольца, конечно, вызывает определённые ассоциации с Сигурдом и спящей валькирией, однако русскому читателю того периода этот сюжет больше напомнил бы «королевича» из русских народных сказок; в центре мироздания поэт помещает не ясьень, а дуб (в данном контексте будет полезно вспомнить замечание А.А. Афанасьева: «Предания о мировом древе славяне относили преимущественно к дубу. В их памяти сохранились сказания о дубах, которые существовали ещё до сотворения мира» [Афанасьев 1982: 214]); жена Одина Фригга имеет способность к оборотничеству: «*Фригга, вздев пернатую сорочку / Обернулась лебедью...*» [Майков 2004: 22 795], что снова напоминает одновременно и церевен-лебедей из народных сказок, и валькирий из скандинавского эпоса. Автор аккуратно русифицирует скандинавские мифологические образы, делая их близкими и понятными русскому читателю, не знакомого или же имеющего весьма ограниченное знакомство с миром «Старшей Эдды».

В поэме «Брингильда» (1888) впервые в русской традиции в центре объемного лиро-эпического произведения оказывается образ валькирии. Это своеобразный шедевр поэта, соединивший высокохудожественную интерпретацию одного из наиболее известных сюжетов Старшей Эдды и рельефность изображения «женщины в трагической, но вполне реальной ситуации» [Стеблин-Каменский 1967: 47]. «Брингильда» – это вариация на тему древнегерманской «Песни о Нибелунгах» (выросшей, в свою очередь, из сохранившейся во фрагментах древнескандинавской «Саги о Вэльсунгах» и уцелевших фрагментарно «Песен о Сигурде»). При этом А.Н. Майков, несмотря на значительно большую известность «Песни о Нибелунгах», следует именно древнеисландскому образцу, согласно которому Брингильда – королева-валькирия (*"Крошкой Валькирией" звали тогда уж меня, / После уж "Грозной Валькирией" прозвали...*) [Майков 2004: 22 800], изначально предназначенная в жёны Сигурду, который из-за колдовства забыл невесту и женился на Гудрун.

С сюжетом «Саги о Вэльсунгах» Майков обращается весьма свободно. В поэме отсутствует тема послушания валькирии и ослаблен мотив борьбы с судьбой: героиня сама запирается в замке на горе для того, чтобы облегчить себе выбор мужа: «*Только тот смелый, кто в замке добудет меня, - / Только один он и будет мне муж*» [Там же: 22 805]. Степень влияния русской эпической традиции на текст поэмы близится к нулю, ес-

ли не учитывать полилог пяти королей, напоминающий литературную адаптацию причетания по погибшим мужьям: (*«Знаю, голубонька! Тяжкое горе твое! / Светлый был свет на душе - темна ночь налегла!»*) [Там же: 22 795]. Автор психологизирует образ персонажа Старшей Эдды. Эддическая Брингильда – своего рода, персонаж-функция, лишённый предыстории, являющийся эпизодом на пути становления эпического героя Сигурда. Е.М. Мелетинский отмечал: «Собственно любовные мотивы играют в сагах незначительную роль» [Мелетинский 1983: 478]. Майков же изображает Брингильду как трагического персонажа, эпическую героиню, равнозначную Сигурду, который в поэме возникает лишь в воспоминаниях пяти королей-плакальщиц, вынужденную существовать в мире «малых дел», принадлежать нелюбимому мужчине и участвовать в придворных интригах. Самоубийство Брингильды на погребальном костре Сигурда – не загадочный и необъяснённый поступок существа из иного мира (как в «Саге о Вельсунгах»), а акт воссоединения влюблённых, надежда на обретение счастья: (*«Не здешнее - счастье мое! / Счастье мое - и не здешняя мера ему, / Счастье мое без конца, без предела и - с ним!»*) [Майков 2004: 22 810]. В поэме «Брингильда» Майков усиливает драматическое начало, гармонизирующее и очеловечивающее эпический пафос: монологи королей напоминают солилоквии, а в «Примечаниях для чтения вслух» поэт сообщает: «читайте как прозу, но выразительно, где требуется, и с ударением на тех слова в стихах, на которые следует по смыслу» [Там же: 22 810].

Скандинавский диптих А.Н. Майкова, с одной стороны, может считаться своеобразным вариантом поэтического травелога, с другой стороны, является уникальной и не имеющей аналогов контаминацией сразу нескольких песен «Старшей Эдды» о богах и героях. Хотя мы не сталкиваемся в данном случае с хронологически цельным явлением, которое можно было бы обозначить как самостоятельный «скандинавский» этап творческого пути А.Н. Майкова, но если иметь в виду тенденции его эволюции как поэта, то становится очевидным, что «скандинавская тема» была для него, без сомнений, этапной, значимой и художественно продуктивной.

Библиографический список

Афанасьев А. А. Мировое древо: избранные статьи (под ред. В.П. Кирдан). М.: Современник, 1982. 464 с.

Гидони А. Г. Скандинавская тема в творчестве Майкова // Север. 1972. Вып. 2. С.115–119.

Гуревич А. Я. «Эдда» и сага. М.: Наука, 1979. 192 с.

Майков А. Н. Русская поэзия XVII – XX веков. Электронная библиотека: Шедевры мировой культуры на CD. М.: ДиректМедиа Паблишинг, 2004. 47 156 с.

Мелетинский Е. М. Исландские саги. История всемирной литературы: В 8 томах / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1984. С. 476–478.

Старшая Эдда (вступ. статья А. Гуревича). М.: Художественная литература, 1975. 752 с.

Стеблин-Каменский М. И. Культура Исландии. Л.: Наука, 1967. 182 с.

O. S. Tumanova

Postgraduate Student of Russian Literature Department
Perm State University

“NORSE DIPTYCH” BY A.N. MAYKOV (POEMS ‘BALDUR’ AND “BRUNHILDA”): A DIALOGUE WITH POETIC EDDA

This article is devoted to artistic dialogue of poems (also known as “Norse diptych”) by A.N. Maykov with their literature original source – Poetic Edda, anthology of the Old-Icelandic songs about gods and heroes. Furthermore, Poetic Edda is the greatest and the most famous collection of the notions about Norse mythology.

Key words: mythological types; Norse mythology; myth-making; women types; crossing of culture contexts.

КНИГА В КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ

УДК 801.7:09

Баталова Оксана Александровна
заведующий сектором книжных памятников
Пермский краеведческий музей
pokm6@yandex.ru

ПЕРМСКИЕ СИНОДИКИ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ РОДОВ XVII–XVIII ВЕКОВ

Статья посвящена описанию синодиков – уникальных памятников средневековой книжной культуры. В настоящее время этот тип памятных книг представляет особый интерес для историков, филологов, генеалогов, краеведов, занимающихся изучением региональной истории и культуры. Автор уделяет особое внимание трем синодикам, выявленным на территории Пермского края.

Ключевые слова: Синодик, рукопись, церковь, монастырь, род, фамилия, семья, Пермский край.

В русской книжности под названием «Синодик» понимается памятная книжка, куда записывались имена умерших для поминания их священником во время богослужения. Синодики сопровождались разнообразными предисловиями – статьями о необходимости поминания усопших, рассказами об истории отдельных родов и т.д. В настоящее время они представляют большой интерес как источник изучения родов, фамилий, населенных пунктов, литературных произведений, а также языка самого источника.

В хранилищах Пермского края удалось выявить три ранних рукописных синодика. Два из них принадлежали соликамской Богоявленской церкви. Это Синодик-помянник соликамской Богоявленской церкви кон. XVII – сер. XIX в. (далее – Синодик Богоявленской церкви) из фонда Пермской государственной художественной галереи (ПГХГ Р-5618), а также Синодик-помянник соляного промышленника Максима Григорьевича Суровцева (далее – Синодик М.Г. Суровцева) из фондов Березниковского историко-художественного музея (БИХМ 611) посл. четв. XVII в. – 1710-х гг. Еще один из синодиков составлялся в чердынском Иоанно-Богословском монастыре (далее – Чердынский синодик) в первой четверти XVIII в. и принадлежит в настоящее время Пермскому краеведческому музею (ПКМ 20750/1).

Синодик Богоявленской церкви состоит из 126 л. В предисловии содержатся поучения о поминании душ умерших и спасении собственной души, приводятся высказывания отцов церкви Иоанна Златоуста, Василия Великого о пользе поминания умерших и о спасительной силе молитвы. После предисловия значительный раздел посвящен вечной памяти ревнителям православия. Далее следует поименный список вкладчиков Богоявленской церкви, насчитывающий 446 родов. В список для поминания служителями церкви вносились лица, сделавшие вклад в церковь, о чем свидетельствует наставление: «Не глаголите сего яко не дал вкладу, не пишите его в поминание...» (на л. 9 об. Синодика Богоявленской церкви). Вклад в церковь посадские люди нередко делали землей.

Список вкладчиков Богоявленской церкви был написан в кон. XVII в. и пополнялся до сер. XIX в. Поминальные списки родов, сделанные в XVII и XVIII вв., существенно отличаются друг от друга. В XVII в. семейные записи чаще всего представляли собой перечень мужских и женских имен, никак не связанных между собой, иногда рядом с именем указывалось «схимник», «схимница», «младенец», «девица». В XVIII в. священник старается внести больше сведений о членах рода, указывая в большинстве случаев степень родства членов внутри семьи, фамилии близких родственников семьи, дату смерти и т.д.

География населенных пунктов, зафиксированных в Синодике Богоявленской церкви, весьма разнообразна. Вкладчиками в Богоявленскую церковь были не только жители г. Соликамска и его окрестностей (с. Городище, Новое Усолье, д. Тверетина, Сорокина, Дуброва, Мошева и др.), но г. Чердыни и Чердынского уезда (с. Вильгорт, Искор, Вильва, Пянтег), а также городов других губерний (Хлынов, Кайгородок, Казань). Всего в записях Синодика упомянуто 17 населенных пунктов.

Среди вкладчиков названы бароны, дворяне, воеводы, посадские и служилые люди, священнослужители, купечество, крестьяне. Так, в Синодике Богоявленской церкви записаны известные роды крупных промышленников и землевладельцев Строганова, Демидова, род стольника и воеводы И.А. Сенявина, воеводы А.Б. Борисова. Внесен в Синодик и один из крупнейших предпринимательских родов Урала – Турчаниновы. Фамилия Турчаниновых появляется в Соликамске в XVII в. В этом роду отмечено 36 имен. Первым в списке указан основатель рода – Филипп Трофимович [Пирогова 2008: 14–17]. Из членов семьи Ф.Т. Турчанинова упомянуты жена Пелагея, сын Михаил, дочь Михаила Феодосия с мужем Алексеем, который положил начало новой ветви в династии Турчаниновых. В Синодике прослеживаются и родственные связи по линии сестры Михаила Филипповича – это Пономаревы, по линии второй жены Алексея Федоровича Филициаты – Сушины.

В Синодик Богоявленской церкви были внесены крупные роды соликамских солепромышленников. Среди них род Суровцевых, занимавшийся солеварением не менее чем в пяти поколениях. Поминальный список этого рода служители церкви начали составлять в кон. XVII в. Он насчитывает 84 имени, первым в нем записан Никита, далее его сын Сергей, который стал родоначальником фамилии Суровцевых [Устюгов 1957: 42]. Наибольшую известность в Соликамске в кон. XVII – нач. XVIII в. имели сыновья Ивана Ивановича Суровцева (3-е поколение этого рода) – Иван Иванович Большой и Иван Иванович Меньшой, которые пользовались покровительством Петра I [Берх 1821: 35–40]. Последним из рода Суровцевых, как отмечено в Синодике, был Максим Григорьевич (ум. 14.12.1786).

Представителем другого крупного рода солепромышленников Соликамска, указанного в Синодике Богоявленской церкви, был Александр Васильевич Ростовщиков. Список этого рода был составлен в XVIII в. и насчитывает 24 имени. Именно А.В. Ростовщиков в кон. XVII – нач. XVIII в. сумел скопить значительное состояние. Сохранились «заемные кабалы» 1693–1699 гг., которые свидетельствовали о том, что А.В. Ростовщиков давал деньги под залог земельных угодий, дворовых построек посадским людям Соликамского, Усольского уездов, активно покупал земли и соляные варницы [Материалы для истории 1857: 85–86; Оборин, втор. пол. XX в.: 25–32, 34–35, 38–50, 92–99].

Представителями не менее известного рода солепромышленников были Василий и Иван Анофриевы. В Синодике Богоявленской церкви поминальный список этого рода насчитывает 54 имени (большинство имен записано в кон. XVII в.). О представителях первых поколений рода Анофриевых известно мало, среди более поздних его представителей, упомянутых в Синодике, присутствуют бургомистр и купец Герасим Ильич Анофриев; его дочь, купеческая вдова Параскева Герасимовна Иконникова, принявшая монашество под именем Пульхерия в девичьем штатном монастыре в Вятке, где и умерла в 1796 г. В поминальном списке рода Анофриевых записано немало «схимников» и «иноков».

Среди вкладчиков в Синодике Богоявленской церкви указаны не только жители Соликамска, но и представители богатых семей других городов. Это род московского боярина Василия Ивановича Стрешнева, московского торгового человека мясницкой полусотни Федора Матвеевича Щепоткина [Берх 1821: 19–24], гостей Василия и Федора Шустовых, гостей гостиной сотни Григория Ивановича и Федора Ивановича Черкасовых.

Записано в Синодике Богоявленской церкви 25 родов священнослужителей из церквей и монастырей Соликамска и Чердыни, их них 8 – из Богоявленской церкви. Среди них наиболее известен род попа преобра-

женского и богоявленского (так записано в Синодике) Никифора Белозерова. В роду Н. Белозерова записано три поколения этой династии – это его сын иерей Иоанн, внуки – священник Иосиф Иванович с женой Пелагеей, диакон Никита Иванович с женой Марфой, правнук священник Симеон Никитич с женой Акулиной. С.Н. Белозеров считался одним из лучших живописцев в Соликамске [Летописец Соликамский: 19].

Развитие в Соликамске в XVII – перв. пол. XVIII в. соляных промыслов и кузнечного производства превратило город в крупный населенный пункт Прикамья. Увеличилось количество торговых и пришлых людей из других регионов, их имена вносились в списки «родов прихожих людей», которые были начаты в кон. XVII в. и пополнялись в перв. пол. XVIII в.

Синодик М.Г. Суровцева, созданный в период посл. четв. XVII в. – 10-х гг. XVIII в., состоит из 57 л. Списки родов и имен в Синодике пополнялись на протяжении XVIII в. На обклейке верхней крышки имеется запись: «Память солянова промышленника Максима Григоревича Суровцова Anno d[omi]ni 1752». Синодик, скорее всего, также принадлежал соликамской Богоявленской церкви, о чем свидетельствует схожесть почерков многочисленных дополнений, сделанных священнослужителями этой церкви (в частности священниками из рода Белозеровых).

Благодаря этому Синодику удалось узнать неизвестные ранее сведения о представителях купеческой династии Суровцевых. На с. 54–57 Синодика М.Г. Суровцева помещен список имен рода с указанием даты смерти и дня памяти с 1581 г. по 1721 г. Над каждым именем сделана небольшая приписка красными чернилами – указание на фамилию, степень родства, иногда возраст; черными чернилами указан день памяти.

В начале списка записан родоначальник фамилии Суровцевых «Сергий Суровцов» (ум. 1581 г.), далее его сын «Иоанн Сергиев» (ум. 16.09.1608 г.), жена Параскева (ум. 22.06.1616 г.), дети: Анна (ум. 28.01.1614 г.), Илья (ум. 25.08.1614 г.), дочь Евгения (млад.), Елена (ум. 19.11.1654 г.). Указаны в Синодике и четыре сына Ивана Сергеевича Суровцева с семьями: 1-й сын Федот (ум. 16.10.1680 г.), жена Анна (ум. 29.01.1685 г.), дети: Евдокия, млад. (ум. 12.06.1668 г.), Павел, млад. (ум. 18.07.1665 г.), 2-й сын Гавриил (ум. 5.09.1685 г.), 3-й сын Иван Большой (ум. 5.09.1714 г.), жена Мелания (ум. 4.04.1702 г.), дети: Фекла, девица (ум. 1.07.1688 г.), Андрей, млад. (ум. 24.07.1685 г.), Афанасий, млад. (ум. 6.06.1689 г.), 4-й сын Иван Меньшой (ум. 8.12.1721 г. в возрасте 63 л.), дети: Ирина, млад. (ум. 13.06.1692 г.), Стефан, млад. (ум. 7.07.[1685 г.]). В Синодике М.Г. Суровцева выделены два списка имен детей Ивана Суровцева Большого и Ивана Суровцева Меньшого, умерших в младенчестве.

Всего в поминальный список (кроме рода Суровцева) внесено 94 рода – это купцы, посадские и торговые люди г. Соликамска, именитые люди, священнослужители церквей и монастырей г. Соликамска и его округи, пришлые люди. Среди них встречающиеся в других пермских синодиках роды Г.Д. Строгонова, Елисеева, Ростовщикова, Шустова, Анофриева, Турчанинова и др.

В Синодике М.Г. Суровцева практически не указаны населенные пункты, поэтому сложно судить, являются ли вкладчики жителями только г. Соликамска и его округи или часть из них прибыла из других мест.

Третий синодик был составлен в чердынском Иоанно-Богословском монастыре в первой четверти XVIII в. Чердынский синодик был обнаружен в 1883 г. пермским историком А.А. Дмитриевым у чердынского священника Николая Оболенского [Дмитриев 1901: 78–81]. На 98 л. Чердынского синодика перечислено 305 родов. Среди них: род ратушного бургомистра г. Верхотурья Михаила Максимовича Зитовьева(?), именитого человека Г.Д. Строганова, а также роды купеческие (в том числе их особые представители «гости», «гости гостиной сотни»), посадских людей Чердыни и Соликамска, работников, приказных людей. В Чердынском синодике упомянуто 26 родов священнослужителей из церквей и монастырей, среди них монахи и монахини из мужского Вознесенского и женского Спасо-Преображенского монастырей Соликамска, из верхотурского и пыскорского Спасо-Преображенского монастыря, священники с. Ленвы, Ныроба, Искора, Пянтега и др. В Синодике записан род последнего настоятеля Иоанно-Богословского монастыря – игумена Иова Тукмачева.

В Чердынском синодике, в отличие от других пермских синодиков, были составлены отдельные списки имен вкладчиков мужского и женского пола. Вероятнее всего, это списки людей, пришедших на заработки, так как рядом с именем нередко указан населенный пункт, фамилия. Часть иногороднего населения иногда оседала в Чердыни, о чем свидетельствует, например, запись на л. 60 об.: «Род Дубровского [стана] Парфирия Иевлева сына Кузнецова рождением Тотмы города». Большинство упомянутых родов в Синодике имеют чердынское происхождение.

В записях зафиксировано 70 населенных пунктов, из них 47 – Чердынского уезда (с. Редикор, Ныроб, Вильгорт, Пянтег, Покча, Бондюг, Веретия, Искор, д. Лекмартово, Урол, Крымкор и др.). Ряд из них записан так, как их произносило местное население, например: «Ыскор» (Искор), «Нырыб» (Ныроб), «Вилгорт», «Вигорт» или «Виргот» (Вильгорт). В Чердынском синодике писец попытался выделить вкладчиков, проживающих в Чердыни и Чердынском уезде, других городах и волостях. На основании этого в Синодике удалось выявить 27 чердынских семей, 21 – соликамских, 23 – из строгановского Усолья, несколько семей из Кунгура, Верхо-

турья, Вятки, Москвы, Новгорода, Великого Устюга. Однако большинство семей в списке Синодика являются жителями Чердынского уезда.

Три пермских синодика дополняют друг друга и дают значительную информацию о родах, семьях и фамилиях XVII–XVIII вв. Записи в синодиках помогают определить количественный состав этих родов, степень родства, связи с ближайшими родственниками, социальный статус, возраст, дату смерти; дают возможность проследить, как проходила миграция населения в XVII–XVIII вв. Синодики показывают развитие пермских городов, рассказывают о топонимии севера Пермского края. Пермские синодики обладают значительным информационным потенциалом, нуждаются в более тщательном изучении историков, филологов, генеалогов, краеведов, занимающихся изучением региональной истории и культуры.

Библиографический список

Берх В.Н. Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей. СПб., 1821. [12], 234 с.

Дмитриев А.А. Чердынский Синодик // Труды Пермской ученой архивной комиссии. Вып. IV. Пермь, 1901. С. 78–81.

Летописец Соликамский. Копия с рукописи книги соликамского Истобенского монастыря, правленая А.А. Дмитриевым. Государственный архив Пермского края. Ф. 597. Оп. 1. Д. 7.

Материалы для истории Пермского края // Пермские губернские ведомости. Пермь, 1857, № 24 (14 июня), неоф. ч. С. 84–87.

Пирогова Е.П., Неклюдов Е.Г., Ларионова М.Б. Род Турчаниновых: Культурно-исторические очерки. Екатеринбург: ИД «Сократ», 2008. 352 с.

Оборин В.А. Копии соликамских актов кон. XVII – нач. XVIII в. [Рукопись]. Втор. пол. XX в. (ПКМ 20712/4201). 100 л.

Устюгов Н.В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. М.: Академия наук, 1957. 336 с.

O.A. Batalova

Head of Book Monuments Collection

Perm Regional Museum

PERM SINODIKI AS A SOURCE OF THE XVII-XVIII CENTURIES GENES RESEARCH

The article is dedicated to synodics – unique monuments of medieval orthodox book culture. At present, this type of commemorative books is of special interest for historians, philologists, genealogists, local historians, engaged in the study of regional history and culture. The author pays special attention to the three synodics discovered on the territory of the Perm Region.

Key words: Synodic, manuscript, church, monastery, genus, family, Perm Region.

Белова Лариса Александровна
доцент кафедры «Иностранные языки
и связи с общественностью»
Пермский национальный исследовательский
политехнический университет
lara-belova26@mail.ru

Пупкова Инна Федоровна
сотрудник РЦ «Книжные памятники Пермского края»
Пермская государственная краевая универсальная
библиотека им. А. М. Горького
ifn@gorkilib.ru

АНТРОПОНИМЫ МЕСТНОГО ДЕЛОВОГО ПИСЬМА XVIII ВЕКА В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

В статье описываются результаты изучения антропонимов рукописного памятника местного делового письма «Книга секретных дел главного заводов правления» (1735 г.) из фондов Фундаментальной библиотеки Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Антропонимы характеризуются с точки зрения их состава, происхождения, особенностей графики и фонетики, степени лингвокультурной информативности и других параметров. Лингвокультурологический подход позволяет анализировать антропонимический материал, вписывая его в историкокультурный контекст эпохи и региона.

Ключевые слова: антропонимика, лингвокультурология, Книга секретных дел главного заводов правления, Прикамье, региональная деловая письменность XVIII в., старообрядчество, раскол.

Русская региональная деловая письменность XVIII в. оказала существенное влияние на процессы становления единых норм и формирования стилистической системы национального русского литературного языка. Скорописные деловые памятники Прикамья отражают историю русской письменной культуры первой половины XVIII в. и особенности выражения в ней материальной и духовной культуры региона. В этот период на территории Прикамья активно распространялось раскольническое движение, ставшее важнейшей чертой общественно-политического развития России второй половины XVII – первой половины XVIII веков. Борьба официальной и раскольнической (старообрядческой) церковью приводит к расселению старообрядцев по России, в том числе и по территории Прикамья, поэтому старообрядчество занимает особое место в истории и культуре Пермского края.

Материалом нашего исследования послужил рукописный памятник местного делового письма под названием «Книга секретных дел главного заводов правления» (1735) из фондов Фундаментальной библиотеки ПГГПУ. Сборник включает 135 документов, содержащих материалы о расколе русской церкви и борьбе правительства с движением раскольников и сочувствующих им в Прикамье. Это распоряжения о мерах официальных властей по поимке и высылке раскольников, списки пойманных старцев и стариц, их допросы, распоряжения по поводу их дальнейшей судьбы.

Отличительная особенность изучаемого собрания документов – большое количество содержащихся в нем личных имен, что и обусловило антропонимический аспект исследования. Изучение имен людей, их отчеств и фамилий, прозвищ индивидуальных и групповых, их происхождения и эволюции, а также закономерностей функционирования «...особенно важно с точки зрения лингвокультурологии...», поскольку, отраженные и закрепленные в языке, они рассказывают об истории и культуре народа [Маслова 2001: 6–8]. Считаем, что такой подход углубляет и расширяет наши знания об истории раскола и борьбы с ним в Пермском регионе: возможно по языковым материалам изучать самобытную культуру раскольников.

Первым этапом работы стало составление словника антропонимов методом сплошной выборки. В нем отражены антропонимы из деловых текстов разных жанров – доношений, распоряжений, указов, объявлений, реестров, сказок, расписок, справок, допросов и т. д. (всего 14 жанров). Носителями антропонимов являются раскольники (старцы и старицы), бельцы (сочувствующие расколу), служащие (писцы, канцеляристы, поручики, канониры, подьячие, приказчики, драгуны и т. д. – всего 33 должности), а также крестьяне, представители духовенства и заводчики.

В результате было установлено 234 антропонима; они неравномерно распределены среди носителей.

Статус носителя	Количество употребл.	%
Раскольники	115	49
<i>из них старицы</i>	80	34
<i>старцы</i>	35	15
служащие	76	32,5
бельцы	32	13,5
крестьяне	4	2
представители духовенства	4	2
заводчики	3	1

Как видим, преобладают антропонимы раскольников (115 единиц – 49 %), что объясняется спецификой документов, которые содержат много реестров и списков старцев и стариц.

Далее антропонимы, содержащиеся в «Книге секретных дел...», были разделены на следующие группы: имена, фамилии, отчества, полуотчества, прозвища. При этом необходимо отметить сложность классификации фамилий, отчеств и прозвищ, поскольку процесс их формирования в рассматриваемый период еще не завершен. Деление на группы было осуществлено на основе данных о формировании фамилий, содержащихся в работах крупнейших ученых, занимающихся вопросами антропонимики, в том числе исторической [Бондалетов 1983; Никонов 1974; Полякова 2006].

Имена. В документах было зафиксировано 109 разных имен, которые употребляются в общей сложности 216 раз. Значительная часть имен, широко употребляемых в наших документах, слабо представлена или совершенно отсутствует на других территориях в этот же исторический период. Таковы, например, женские имена *Евпраксия, Досифия, Ираида* и мужские имена *Даниил, Трофим, Родион, Феодосий, Антоний*. Обращает на себя внимание то, что все эти имена принадлежат раскольникам – старцам и старцам. Имена же, широко представленные в наших документах у административного состава – *Иван, Алексей, Федор и Андрей*, – имели широкое распространение на территории всей страны, как показывают данные переписи населения XVIII века, проанализированные В. А. Никоновым, и переписи Пензенской области XVIII века, изученной В. Д. Бондалетовым [Бондалетов 1983; Никонов 1974].

Обращает на себя внимание происхождение имен – значительную часть из них составляют древнееврейские – 68 ед. (31,5 %), это вторая по величине группа имен после традиционно преобладающих греческих. При этом имена старообрядцев древнееврейского происхождения относятся к разряду редких и принадлежат церковно-книжному языку – *Манасий, Иойль, Иов, Иосаф, Иона, Агей, Авраамий* и др. Это позволяет утверждать, что состав имен старообрядцев в XVIII в. на территории России отличался от состава имен среднестатистических граждан – старообрядцев.

Фамилии. Среди фамилий наблюдается большее разнообразие: зафиксировано 134 единицы, которые употребляются 202 раза. Отмечено преобладание *отыменных* фамилий типа *Иванов, Федоров, Филиппов* (54,5 %) над отпрозвищными типа *Воробьев, Хорошавин, Белков*, хотя традиционно процент отпрозвищных выше. Любопытно, что большинство (85 %) преобладающих отыменных фамилий принадлежит старообрядцам. Это позволяет сделать вывод о том, что фамилии старообрядцев стали формироваться уже после того, как окончательно вышли из употребления прозвища и абсолютное большинство стали составлять календарные име-

на (типа *Иван, Алексей, Федор, Андрей*). Поэтому в фамилиях старообрядцев преобладают основы, произошедшие от календарных имен.

Прозвища. В исследуемых текстах нами было выделено 3 формы, схожих с прозвищами – *Сарапулец, Глухой и Подкидыш*. Это соответствует практике оформления документов того периода, из которой подобные антропонимические формы были практически полностью исключены [Полякова 2002: 269].

Отчества. Документы показали почти полное отсутствие отчеств – всего 17 единиц. Преобладают антропонимы двучленной структуры, то есть состоящие из имени и фамилии – 88 %; к началу XVIII века полная трехчленная структура (Ф. И. О.) еще не была сформирована у большей части населения, ее становление завершилось лишь у представителей знати. Наши документы это подтверждают: трехчленная форма зафиксирована только у 6,5 % носителей. Как правило, это представители высшего эшелона власти, например, действительный статский советник Василий Никитич Татищев.

Полуотчества. В изучаемых документах можно выделить так называемые полуотчества – 25 форм. Это переходные формы между отчествами и фамилиями. Особенность данных форм заключается в их структуре, состоящей из двух единиц: основа имени с суффиксом притяжательного прилагательного + слово *дочь* (*Феврония Ефремова дочь*). Полуотчества употребляются в антропонимах женщин, что еще раз свидетельствует о том, что формирование фамилий у женщин происходит позже, чем у мужчин [Полякова 2006: 191].

В графике и фонетике антропонимов «Книги...» наблюдаются процессы, происходящие в начале XVIII века на территории всей страны: использование дублетных букв («И» восьмеричное и «И» десятеричное, например, в графике имени *Иван* и *Иван*), особенности произношения сочетаний звуков (*Феодор* – *Федор*) и др. В.А. Никонов отмечал, что написание и произношение большинства имен XVIII века отличалось от официального, установленного церковью. Непривычные для русского языка звуки и их сочетания заменялись на привычные [Никонов 1974: 45].

Таким образом, по лингвистическим особенностям изучаемых антропонимов можно составить представление об аналогичных общерусских процессах. Однако данные антропонимы имеют и свои особенности, связанные в первую очередь со спецификой старообрядческого движения. Некоторые отличия можно отметить на графическом уровне (например, подписи старцев: не *Илья/Илье*, распространенное в деловых текстах, а церковно-книжное *ИлиѢ*). Очевидно, старообрядцы таким образом пытаются подчеркнуть архаичность, исконность, истинность своей веры.

Выше мы говорили, что все носители антропонимов, зафиксированные в «Книге секретных дел ...», могут быть разделены на две основные группы – раскольники, бельцы и представители административного состава. К первой группе относятся старообрядцы, приверженцы старых традиций, а ко второй – люди, принявшие новый государственный строй, представители новой идеологии. Так возникает очевидное противопоставление двух культур – *старой и новой*, восточной и западной, *исконно русской и привнесенной европейской*. Культурные различия старообрядцев и людей нового времени выражены во всех сферах жизни XVIII века. Очевидны они и в языке этого времени.

Антропонимы старообрядцев и административного состава обладают неодинаковой степенью лингвокультурной информативности. Об этом можно судить по содержащимся в них культурным коннотациям, при оценке которых ведущую роль играет традиция употребления формы имени в данном социуме (разговорная или официальная). Рассмотрим это на примере двух пар антропонимов: *Иван – Иоанн* и *Осип – Иосиф*. Формы *Иван* и *Осип* являются русифицированными, разговорными формами церковных имен *Иоанн* и *Иосиф*. Для нас большое значение имеет тот факт, что формы *Иван* и *Осип* используются в текстах в антропонимах административного состава, а формы *Иоанн* и *Иосиф* – в антропонимах старообрядцев. В первом случае в именах нельзя обнаружить ярко выраженный культурный контекст, они нейтральны. Во втором же случае имена содержат в себе коннотацию церковности, древности [Белова 2010: 24].

Анализ рассмотренных антропонимов еще раз показал, что имена старообрядцев отличаются от имен представителей прочих социальных групп. Отличие заключается, *во-первых*, в использовании очень редких и архаичных имен древнееврейского происхождения (*Иона, Иов, Авраамий, Рахиль* и др.); *во-вторых*, в церковно-книжном звучании давно русифицированных имен (*Иоанн* наряду с *Иван*, *Иосиф* наряду с *Осип*). Совершенно очевидно, что русские православные раскольники не случайно получали иудейские имена. Все вышеперечисленные антропонимы отсылают нас к ветхозаветным сюжетам, то есть практически к истокам христианского вероучения [Белова 2010: 26]. Все древнееврейские имена старообрядцев, содержащиеся в наших текстах, принадлежат либо пророкам (*Аггей, Иойль, Симеон, Иона*), либо людям, которые были пророчески благословенны (*Иаков, Ефрем, Мария*) [Библейская энциклопедия 1990]. Эти имена оказываются знаковыми для религиозного сознания раскольников, поскольку каждое имя приобретает не просто номинативную функцию, а становится неким знаком, маркером их социального и конфессионального статуса. Личное имя – пароль, обозначающий принадлежность носителя к тому или иному общественному кругу [Никонов 1974: 20].

Лингвистический анализ исследуемых антропонимов помог определить их лингвокультурные особенности. Это позволило рассматривать и характеризовать языковой материал «Книги...», вписывая его в культурный контекст России первой половины XVIII века, время конфликта двух культур – восточной и западной, проявившийся как конфликт старой и новой идеологий. Очевидна перспективность подобных исследований, поскольку они дают дополнительный материал для решения проблем лингвокультурологии, исторической антропониимики и других историко-лингвистических дисциплин.

Библиографический список

Белова Л.А. Лингвокультурное описание антропонимов «Книги секретных дел Главного заводов правления 1735 г.» // Лингвокультурное пространство Пермского края: материалы и исследования. Перм. ун-т. Пермь, 2010. Вып. 2. С. 22–33.

Библейская энциклопедия. Москва: Изд. центр «Терра», 1990. 902 с.

Бондалетов В.Д. Русская ономастика. Москва: Просвещение, 1983. 224 с.

Маслова В.А. Лингвокультурология. Москва: Наука, 2001. 208 с.

Никонов В.А. Имя и общество. Москва: Наука, 1974. 278 с.

Полякова Е.Н. Лексика и ономастика в памятниках письменности и в живой речи Прикамья. Избранные труды. Пермь: ПГУ, 2002. 304 с.

Полякова Е.Н. Региональная лексикология и ономастика. Пермь: ПГУ, 2006. 255 с.

L.A. Belova

Associate Professor of Advertising and Public Relations Department
Perm National Research Polytechnic University

I. F. Pupkova

Worker of the Regional Centre «Book monuments of Perm region»
The Perm State Regional Universal Library named after A.M. Gorky

ANTHROPONYMS OF LOCAL FORMAL LETTERS OF 18TH CENTURY THROUGH THE LINGUACULTURAL CONTEXT

The article describes the results of studying anthroponyms of a handwritten monument of local formal letters called «A book of secret things of the plants general authority» (1735) from the fundamental library of the Perm state pedagogical university. Anthroponyms are characterized by its composition, origin, features of graphics and phonetics, the level of linguacultural informativeness and parameters. Linguacultural approach allows analyzing anthropological material and its integration into historical and cultural context of the era and the region.

Key words: anthroponymy, linguacultorology, a book of secret things of the plants general authority, Kama river region, local formal letters of 18th century, old believers, schism.

Бурдинская Ирина Александровна
ведущий библиотекарь Фундаментальной библиотеки
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
library@pspu.ru

ПРИЖИЗНЕННЫЕ ИЗДАНИЯ ПОЭТОВ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА В ФОНДАХ БИБЛИОТЕКИ ПГГПУ

Статья посвящена изданиям Серебряного века и судьбам их авторов. В работе представлен книжный репертуар Фундаментальной библиотеки ПГГПУ. Автор характеризует процесс создания нестандартных изданий данного периода и подчеркивает интересные оформительские решения этих книг.

Ключевые слова: редкая книга, издательское дело, книжный дизайн, обложка, иллюстрации.

В Фундаментальной библиотеке Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета хранится немало книг Серебряного века, многие из этих сборников – первые (нередко единственные) прижизненные издания, настоящие реликвии.

Книга «Старинная любовь» вышла в издательстве «ЕУЫ», организованном в 1920 году Алексеем Елисеевичем Крученых. Оно было задумано как издательство для выпуска небольших литографированных книжек, в которых все свое, вплоть «до последней кляксы», где «буквы летают». Такие издания печатались в большинстве своем маленькими тиражами (300–480 экз.). Книги эти издавались быстро, в веселой атмосфере коллективного творчества. Это был уникальный эксперимент в книгоиздательстве. Свои литографированные книжки члены группы «Гилея» называли «самописьма» (по выражению В.Хлебникова). Художники рисовали не только иллюстрации, но и шрифты, издания были похожи на древние летописи. Алексеем Крученых и Ольгой Розановой, будущей примадонной русского авангарда, было создано несколько легендарных книг, в которых принципы «самописьма» и заумного языка (зауми) получили особенно яркое воплощение.

По словам исследователей Серебряного века, художественные решения Ольги Розановой поражают, прежде всего, своим эмоциональным накалом, динамизмом и глубоким проникновением в тему беспредметного искусства. Талант художницы сформировался в процессе оформления футуристических книг Хлебникова и Крученых – «Старинная любовь. Бух

лесинный», «Взорваль», «Война 1916» и др., где ей удалось сочетать «ужасы кубизма» с «женским лукавством» [Бобринская 2000: 93].

Книга «Старинная любовь», вышедшая в 1913 году, была в основном негативно встречена критикой и оценена как «безнадежное убожество при ухарской позе» [Бобринская 2000: 102]. Разные экземпляры книги «Старинная любовь» сильно отличаются друг от друга – как по составу страниц, так и качеством оттисков. Судьба их также сложилась по-разному: они хранятся в Музее книги Российской государственной библиотеки, в Российском государственном архиве литературы; есть они в зарубежных коллекциях: в фонде американского миллиардера Поля Гетти, в библиотеке Британского музея, в Нью-Йоркской публичной библиотеке.

Большая часть прижизненных изданий Велимира Хлебникова была опубликована при участии Давида Бурлюка; их имена встречаются рядом в сборниках «Студия импрессионистов», «Садок судей», «Ряв!», «Дохлая луна». Сборник стихов, пьес и очерков Хлебникова «Ряв!» открывает заявление о единстве славян, сделанное им в связи с аннексией Австро-Венгрии в 1908 году Боснии и Герцеговины. Издание содержит иллюстрации Казимира Малевича и Владимира Бурлюка. На первой странице напечатано своеобразное кредо футуристов, кратко и емко отражающее их жизненную позицию: «Мы устали звездам выкать, мы узнали сладость рыкать».

Начало XX века – уникальное время, когда живопись и поэзия шли рука об руку, совместно развивались и обогащали друг друга. Д. Сарабьянов отмечает: «Русская живопись новых направлений, развивавшихся в предреволюционное десятилетие, не раз была предметом сопоставлений с поэзией. Важным поводом для такого сопоставления стало то обстоятельство, что живописцы и поэты подчас выступали совместно. Кроме того, многие поэты были одновременно живописцами, а живописцы – поэтами» [Сарабьянов 1971: 52].

По словам современника Бенедикта Лифшица, «для Хлебникова характерно соединение слова и рисунка, и его рукописи – пример тому; иногда, не найдя слова для отображения своей мысли, Велимир заполнял его место рисунком. На пересечении изображения и слова как раз и возникали самые необычные образы. В рукописях Хлебникова рисунок часто предшествует слову, оно словно вылупляется, рождается из него» [Деменюк 2016: 145]. Отразившие дух времени, революционно оформленные, книги Велимира Хлебникова разделили его судьбу – они, как и их создатель, подверглись репрессиям и были изъяты из библиотек.

Книги из редкого фонда требуют изучения истории бытования отдельных экземпляров, это не просто единица хранения, но и часть чьей-то жизни. Все это в полной мере относится к сборнику «Дохлая луна», уви-

девшему свет в 1913 году. Сборник открывается программной статьей Б. Лифшица «Освобождение слова». В ней автор утверждает, что критерий поэтической ценности лежит «не в плоскости взаимоотношений бытия и сознания, а в области автономного слова» [Лифшиц 1913: 8]. Далее следуют три стихотворения Лифшица, одно из которых («Вокзал») набрано шрифтом другого рисунка; два стихотворения Крученых, в том числе «Высоты (Вселенский язык)», состоящее из одних гласных; стихотворения Маяковского; проза и стихи Николая Бурлюка; проза, стихи и «Словоновшество» Хлебникова, в т.ч. «Любовник Юноны», «Госпожа Ленин», «Любхэ»; стихотворения Давида Бурлюка, среди которых «Мертвое небо» и «Каждый молод молод молод...».

Спешка, с которой набирались эти сборники, объясняет наличие многочисленных опечаток в тексте книги, а также некоторые неясности с иллюстрациями. Книга содержит два цветных офорта и 17 литографий Владимира и Давида Бурлюков. Не совсем ясно, кому что принадлежит, наш экземпляр нуждается в изучении и уточнении. Еще больше путаницы возникает с офортами. Экземпляры этого сборника с двумя гравюрами встречаются крайне редко, по словам специалистов, обычно присутствует только один офортный оттиск, который к тому же в каждом издании оказывается либо разным, либо отпечатанным другим тоном. Наш экземпляр содержит два офорта, оттиснутых в тоне сепии, на одном из них – изображение двух женщин и собаки, на другой – всадник в окружении собак. Специалисты отмечают уникальность гравюрных опытов Давида Бурлюка. Собственно, цветной офорт как печать с нескольких досок, Бурлюка не интересовал. Печатая свои листы одной краской, он решал сугубо фактурные задачи.

О процессе издания первой «Дохлая луна» в октябре 1913 года вспоминает Бенедикт Лившиц: «...наше наименование (футуристы – прим. авт.) было санкционировано «отцом российского футуризма», быть может, по сговору с Маяковским, и я был поставлен перед совершившимся фактом: «Дохлая луна», уже сданная в набор и открывавшаяся моей программной статьей, была снабжена шмуцтитлом: сборник единственных футуристов мира!! – поэтов «Гилея». В своих неопубликованных воспоминаниях Давид отрещивается от этого, утверждая, что «кличка была прикреплена нам газетьем, но, разумеется, без прямого участия Бурлюка, полновластно распоряжавшегося нашими изданиями, это не могло произойти никак» [Бурлюк 1994: 167].

Футуристическая «антикнига» разрушала эстетические шаблоны и стереотипы восприятия дешевой бумагой, картонными обложками, небрежной брошюровкой. Маленький тираж футуристических книг, издаваемый «гилейцами», «ручная работа» по их оформлению, возросший,

особенно в последние десятилетия, интерес к футуристической книге за рубежом, сделали эти издания настоящей редкостью.

Библиографический список

Бобринская Е.А. Футуризм и кубофутуризм: Европа. Россия. М.: ОЛМА-Пресс, Галарт, 2000. 176 с.

Бурлюк Д.Д. Фрагменты из воспоминаний футуриста. СПб.: Пушкин. Фонд, 1994. 381 с.

Деменюк Е. Начертательные знаки: Хлебников, Бурлюк, Крученых // Новый мир. 2016. № 7. С. 142–165.

Дохлая луна: Сборник единственных футуристов мира поэтов «Гилей». М.: Гилей, 1913. 122 с.

Лившиц Б. Освобождение слова // Дохлая луна. 1913. С. 5–12.

Сарабьянов Д. Русская живопись кон. 1900-х – нач. 1910-х гг.: очерки. М.: Искусство, 1971. 144 с.

Хлебников В. Ряв! Перчатки, 1908–1914. Пг.: ЕУЫ, 1914. 29 с.

Хлебников В. Старинная любовь, Бух лесиный. СПб.: ЕУЫ, 1914. 40 с.

I. A. Burdinskaya

Lead Librarian of Fundamental library

Perm State Humanitarian-Pedagogical University

LIFETIME EDITIONS OF POETS OF THE SILVER AGE IN THE LIBRARIES OF PERM STATE HUMANITARIAN PEDAGOGICAL UNIVERSITY

The article is devoted to the publications of the silver age and the fate of their authors. The paper presents a book repertoire of the Fundamental library of PSHPU. The author characterizes the process of creating non-standard editions of this period and emphasizes interesting design solutions of these books.

Key words: rare book, publishing business, book design, cover, illustrations.

Власова Елена Георгиевна
доцент кафедры журналистики и массовых коммуникации
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
elena_vlasova@list.ru

**КНИГА КАК ЧАСТЬ КРОССМЕДИЙНОГО НАУЧНО-
ПОПУЛЯРНОГО ПРОЕКТА: СОВРЕМЕННОЕ ПЕРЕИЗДАНИЕ
«ДОРОЖНЫХ ЗАПИСОК НА ПУТИ ИЗ ТАМБОВСКОЙ
ГУБЕРНИИ В СИБИРЬ» П.И. МЕЛЬНИКОВА-ПЕЧЕРСКОГО**

Статья посвящена новому формату книгоиздания, связанному с реализацией кроссмедийного научного и просветительского проекта по литературному картированию краеведческой публицистики. Первое книжное переиздание журнальной публикации «Дорожных записок на пути из Тамбовской губернии в Сибирь» П.И. Мельникова-Печерского («Отечественные записки», 1839–1842, «Москвитянин», 1841) рассматривается как одна из платформ большого электронного проекта Лаборатории политики культурного наследия ПГНИУ. Книга становится частью проектной деятельности, что отражает актуальные тенденции современного книгоиздания, которое все чаще встраивается в процесс создания трансмедийных историй, или вселенных.

Ключевые слова: кроссмедийность в книгоиздании, литературное картирование, современная печатная книга, проектная деятельность.

«Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь» – это цикл путевых очерков о поездке по заводам Северного Прикамья, написанных П.И. Мельниковым во время его ссылки в Пермь, где он работал учителем истории и статистики в течение 1838–39 учебного года. Так сложилось, что «Дорожным запискам» было суждено появиться в самых влиятельных журналах своего времени: «Отечественных записках» (1839-1842) и «Москвитянине» (1841). Подробность и путевых описаний, высокий авторитет публикующей площадки сделали очерки Мельникова настоящим литературным открытием Урала. Все последующие путешественники так или иначе к этому тексту обращались, многие его цитировали. В «Дорожных записках» получили отражение важнейшие сюжеты уральского пространства: сочетание «русского духа» с непривычным горнозаводским укладом жизни, легенды о Биармии и чудских кладах, предания о Ермаке и его оружии, православная история Прикамья и кержачество, оборона Кунгура от пугачевских отрядов, коренные народы Урала, сплав железных караванов по Чусовой и самобытный горный пейзаж.

Самой известной и читаемой версией «Дорожных записок» до сих пор оставалась публикация, подготовленная для Полного собрания сочинений 1909 года [Мельников 1909]. В этой версии «Дорожные записки» были представлены в существенно сокращенном виде, составители избавились от обширных статистических описаний горнозаводского производства и сложных для историко-предметной идентификации фрагментов, связанных с подробными и обстоятельными списками: прикамских городищ, речных топонимов и предметов знаменитой археологической коллекции В.А. Волегова, включая их зарисовки.

История публикации полной версии «Дорожных записок», реализованной коллективом Лаборатории политики культурного наследия кафедры журналистики и массовых коммуникаций ПГНИУ, и послужила предметом осмысления в данной статье. Она интересна как пример использования новых технологических подходов современного книгоиздания, связанных с развитием кроссмедийных коммуникаций.

Кроссмедийность (существование проекта на нескольких медиаплатформах одновременно [Интернет СМИ 2010: 18]) может иметь разные стратегии своей реализации. Самый простой вариант – это кроссмедийное размещение материнской версии издания в целях ее продвижения на рынке или в культурном пространстве. Более сложный связан с концептуализацией кроссмедийности на уровне контента проекта, когда все его воплощения изначально сформатированы под конкретную платформу и являются дополнением друг друга. В этом случае кроссмедийность перерастает в трансмедийный сторителлинг [Jenkins 2003], который сегодня признается одним из самых влиятельных трендов культурной индустрии. В этом случае книга может стать только одним из этапов большого проекта, например, его результатом, как это практикует книгоиздательский сайт Эльвиры Барякиной (<https://baryakina.com>). Впрочем, у трансмедийных проектов, в соответствии с концепцией Джеффри Лонга, также есть свои мягкие, твердые и «жевательные» модификации [Long 2007].

Переиздание «Дорожных записок» стало частью многолетнего научно-исследовательского проекта Лаборатории политики культурного наследия, связанного с подготовкой интерактивных электронных карт-путешествий по Пермскому краю. В рамках этой деятельности были представлены два крупных проекта – «Реки и горы Урала: опыт создания образно-географической карты региона» (РГО, 2014) и «Маршрутами знаменитых первопроходцев: образно-географическая карта Урала в путевых отчетах ученых и писателей XVIII – начала XX в.» (РГНФ, 2015-2016). Теоретико-методологическим основанием проекта послужила концепция литературного картирования, которое понимается, вслед за В.В.Абашевым, как «особый вид функционирования художественного

текста в социуме, при котором сюжеты известных литературных произведений, а также эпизоды биографии писателей становятся полноценным компонентом культурного ландшафта, наполняют его новыми смыслами, определяют новую реальность места» [Абашев 2010: 120].

Помимо научно-исследовательских задач, проект ставил задачи практического использования в туристической и образовательной деятельности. Поэтому он был размещен на общегородском сайте dompasternaka.ru. Иммерсивность и удобный общедоступный формат, привязанный к одной из самых популярных картографических платформ GoogleMaps, делают этот проект привлекательным для знакомства и технологичным для использования в реальном путешествии.

Одним из ключевых литературных источников этих проектов стали «Дорожные записки» П. И. Мельникова-Печерского, которые были представлены в виде отдельного интерактивного маршрута (<http://www.dompasternaka.ru/maps/melnikov/index.html>). Приступая к картированию «Дорожных записок», мы обратились к тексту Полного собрания сочинений, широко представленному в интернете в виде самых разнообразных копий и републикаций. В процессе работы по выстраиванию маршрута наглядно проявились существенные зияния в описании путевого пространства. В результате мы вынуждены были обратиться к журнальному варианту текста и столкнулись с тем, что полная подборка искомым номеров есть далеко не во всех книгохранилищах, а текстового варианта журнальной версии нет вообще. Так, картографическая визуализация текста «Дорожных записок» заставила провести сопоставительный анализ журнальной и книжной версии и привела к необходимости перевода журнального первоисточника в текстовый формат. Эта задача была связана с концепцией самого проекта, который предполагал формирование системы гиперссылок между локусом на карте, фрагментом его описания и полным текстом источника, что позволяло увидеть выделенный локус в контексте целого путешествия как часть пространственно-временной и эмоционально-образной последовательности.

Таким образом, следующим вариантом функционирования текста становится электронная текстовая версия журнальной публикации, размещенная на сайте для последующего встраивания в тело картографического ресурса (www.dompasternaka.ru, рубрика «Пермский архив»). Важно, что на этом этапе обнаружилась необходимость нового форматирования текста первоисточника: впервые разрозненные журнальные статьи были соединены в общую последовательность. Можно сказать, что идея переиздания хорошо известного классического произведения выросла из картографической визуализации текста «Дорожных записок» и стала ее органичным продолжением в качестве необходимого элемента целого.

Книжное издание текста становится очередным этапом развития проекта, еще одной «платформой» его реализации. Благодаря включению в каталоги и базы цитирования книжный формат проекта обеспечивает его продвижение в библиотечной, научной и образовательных сферах. Интересно то, что на этапе подготовки книжного издания количество платформ проекта увеличилось не на одну, а на две позиции. Дело в том, что партнерами издания выступили, с одной стороны, Министерство культуры Пермского края (благодаря конкурсу «Пермская библиотека» был подготовлен электронный макет), с другой – частное издательство «Маматов», которое заинтересовалось презентационной версией бумажного издания.

Таким образом, в рамках научно-исследовательского проекта возникло сразу несколько платформ для публикации текста первоисточника, форматирующих его по своим информационно-коммуникативным и технологическим законам. Книжное издание становится этапом общего движения: может быть, не основным результатом, но одним из ключевых моментов – точкой сборки. Чрезвычайно интересно этот статус печатной книги сформулировал генеральный директор издательства «Директ-Медиа» К.Н. Костюк: «Нечасто обращают внимание на особенность современного медиаландшафта: цифровым в нём может быть лишь то, что является предметным, нецифровым. Произведение искусства, литературы, науки – это предмет. То, что не обрело предметность, в цифре обречено распадаться» [Костюк 2016]. Утрачивая уникальность в качестве источника информации, книга сохраняет целостность формата во многом благодаря своему печатному варианту. Тем не менее тот же Костюк, размышляя о будущем книжного рынка, вынужден констатировать: «Вероятно, книжный сегмент станет дополнением к информационным сервисам IT-гигантов или функциональным придатком комплексных институтов, как это сегодня происходит с университетами» [Костюк 2013].

Уже сейчас издание книги все чаще становится частью проекта, предполагающего разнообразную деятельность по созданию и продвижению историй. Вот что пишет по этому поводу писатель и продюсер Эльвира Барякина: «Безусловно, проекту необходим собственный сайт. Сайт должен выглядеть так, чтобы целевая аудитория почувствовала бы себя в определенном мире и захотела бы узнать, что же это за история, и в конечном счете купить вашу книгу» [Новая модель книгоиздания 2012].

Думается, что опыт представленного в данном исследовании проекта важен как наглядный пример кроссмедийного развертывания истории, в нашем случае – научно-популярной истории-карты, изначально предполагавшей применение информационных технологий. Идея интерактивной карты, размещенной в пространстве интернета и позволяющей создавать параллельные форматы, так называемые слои, органично включила кросс-

смедийные возможности современной коммуникации. Появление книжного формата в составе целого отражает актуальные тенденции современного книгоиздания, которое все чаще встраивается в кроссмедийную проектную деятельность по созданию историй, или вселенных.

Библиографический список

Абашев В.В. Пастернаковский город Юрьян: география, семиотика и прагматика романного образа // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. Вып. 8(98). С.115-121.

Интернет-СМИ: теория и практика: Учеб. пособие для студентов вузов / под ред. М.М. Лукиной. М.: Аспект Пресс, 2010. 348 с.

Костюк К.Н. Точка перелома: рост электронных книг остановился! // Университетская книга. 25.09.2016. URL: <http://www.unkniga.ru/innovation/tehnology/6296-tochka-pereloma-rost-elektronnyh-knig-ostanovilsya.html> (дата обращения: 06.05.2018)

Костюк К.Н. Книга в новой медийной среде // Сайт Российской ассоциации электронных библиотек. 26 февраля 2013. URL: <http://www.aselibrary.ru/blogs/archives/1184/> (дата обращения: 06.05.2018).

Мельников П.И. Полное собрание сочинений в 7 тт. Т.7. Спб.: Товарищество А.Ф. Маркс, 1909. С. 533-573.

Новая модель книгоиздания: самиздат, авторские платформы и магазины электронных книг // Книжная индустрия. 07.11.2012. URL: http://www.bookind.ru/categories/e_book/852/(дата обращения: 06.05.2018).

Jenkins H. Transmedia Storytelling // MIT Technology Review. 2003. January 15. URL: <https://www.technologyreview.com/s/401760/transmedia-storytelling> (дата обращения: 06.05.2018).

Long G.A. Transmedia Storytelling. Business, Aesthetics and Production at the Jim Henson Company. Master Thesis. Cambridge, 2007. 186 p.

E.G. Vlasova

Associate Professor of Journalism and Mass Communications Department
Perm State University

BOOK AS A PART OF THE CROSSMEDIA POPULAR SCIENCE PROJECT: MODERN REPRINTING "ROAD NOTES ON THE WAY FROM TAMBOV PROVINCE TO SIBERIA" BY P.I. MELNIKOV-PECHERSKY

The article is devoted to a new format of publishing associated with the implementation of cross-media scientific and educational project on literary mapping of local history journalism. The first reprinting of the journal publication "Road notes on the way from Tambov province to Siberia" by P.I. Melnikov-Pechersky (Otechestvennye Zapiski, 1839-1842, Moskvityanin, 1841) is considered as one of the platforms of the large electronic project of the Laboratory of cultural heritage policy of Perm State University. The book becomes part of the project activity, which reflects the current trends of modern book publishing, which is increasingly integrated into the process of creating transmedia stories, or universes.

Key words: cross media publishing, literary mapping, modern printed book, project activity.

Каменских Алексей Николаевич
главный библиотекарь отдела комплектования
Пермская государственная краевая универсальная
библиотека им. А. М. Горького
AK3422@yandex.ru

«РЕПЕРТУАР ПЕРМСКОЙ КНИГИ» КАК РЕСУРС ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ПЕРМСКОГО КРАЯ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

В статье дается определение библиографических указателей «Репертуар пермской книги»; рассказывается о целях и об истории их создания, о современном этапе и перспективах работы по составлению указателей, о методике работы с указателем; рассматривается вопрос о том, каким образом можно подходить к изучению Пермского края на основе данных указателей местной печати.

Ключевые слова: репертуар пермской книги, библиографический указатель, библиография местной печати, краеведение, Пермская государственная краевая универсальная библиотека им. А. М. Горького, Пермский край.

Духовное наследие Пермского края находит свое отражение в языке, фольклоре, искусстве и литературе. При этом культурные ценности, зафиксированные на страницах печатных изданий, наиболее доступны для изучения. Книга представляет собой результат долгой кропотливой работы автора или авторского коллектива по ее созданию, публикация книги – событие в культурной жизни региона. Ориентироваться в потоке опубликованных в Пермском крае книг и других документов помогают специальные библиографические указатели, которые называются «Репертуар пермской книги».

«Репертуар пермской книги» – это универсальный ретроспективный библиографический указатель местной печати, отражающий изданные на территории Пермского края (области, губернии) документы за определенный период (чаще всего – за год).

Цели создания таких библиографических указателей, как «Репертуар пермской книги», хорошо описаны А. В. Штолером. «Функциональные нагрузки библиографии местных изданий, – пишет он, – можно дифференцировать в зависимости от внешних связей данного направления библиографической деятельности. Как подсистема социокультурной среды территории она реализует, прежде всего, историко-культурную и мемориальную функции (отражение и сохранение в «свёрнутом» виде информации об уровне культурного, социального развития края); в рамках системы библиотечного краеведения – источниковедческую (в синтетическом виде

– в качестве источниковой базы региональных книговедческих исследований; аналитически – для характеристики различных аспектов жизни края, развития на территории форм общественного сознания – научной, политической, художественной и т. д.)» [Штолер 2013 : 65].

У истоков создания «Репертуаров пермской книги» стоит Нина Федоровна Аверина – пермский книговед, журналист, писатель-краевед. Работа над первым «Репертуаром...» началась во второй половине 1970-х гг., результатом стал указатель книг, выпущенных в Пермской губернии с 1792 по 1912 г. Первоначальный вариант этого указателя набран в единственном экземпляре на печатной машинке в 1993 году (ПГКУБ им. А. М. Горького, Архив отдела краеведения. Ф. 6. Оп. 1. Д. 195). В 2001 году этот указатель был опубликован на электронном оптическом диске [История пермской книги 2001]. Информация о книгах поступала из различных источников, далеко не все приведенные в указателе книги были найдены, поскольку от них осталось лишь упоминание в той или иной статье или книге.

Следующим этапом стало составление «Репертуаров пермской книги», посвященных отдельному году постсоветского периода. Эта работа началась в 2015 году в отделе краеведения. Анной Александровной Уткиной составлен указатель за 2011 год. В феврале 2016 года функции по составлению «Репертуаров...» были переданы отделу комплектования, и работу над указателями начала Екатерина Викторовна Шабалина. В 2016 году составлены еще 6 указателей за период с 2008 по 2014 год. В связи с неоперативностью доставки пермского обязательного экземпляра было принято решение составлять дальнейшие указатели за годы, предшествующие 2008.

На данный момент в печатном виде доступны три «Репертуара...» (за 2010, 2011 и 2012 годы), а в электронном виде на сайте Пермской электронной библиотеки [Пермская электронная библиотека: эл. ресурс] – указатели с 2008 по 2014 годы. Определенной заменой недостающих «Репертуаров...» может стать электронный каталог библиотеки им. А. М. Горького – «orac.gorkilib.ru» [Orac-Global: эл. ресурс], в котором можно настроить все необходимые условия поиска – поиск по месту издания, году, интересующему разделу ББК.

В настоящий период в Пермской государственной краевой универсальной библиотеке им. А. М. Горького ведутся работы по печати опубликованных в электронном виде указателей и совершенствованию качества будущих «Репертуаров пермской книги» – превращение их в полноценные библиографические указатели местной печати, дополнение государственной библиографии. Осуществляются проверка и поиск информации о вышедших в городе Перми и Пермском крае документах в других источ-

никах, помимо фонда краевой библиотеки. В ближайшей перспективе планируется охватить указателями весь период новейшей истории Перми и Пермского края, начиная с 1991 года, а затем перейти к составлению сводного указателя, посвященного советскому периоду. Таким образом, в ближайшее десятилетие будет достигнут определенный результат в деле «воссоздания полного книжного репертуара края (губернии, области)» [Аверина 1989: 5]

Для работы с «Репертуаром пермской книги» полезным будет ознакомление с библиотечно-библиографической классификацией (ББК), на основе которой осуществляется выделение подразделений в основном тексте указателей. В случае если читателя интересует определенная тема, ему следует найти ее в классификации и затем – в содержании указателя. В связи с тем что «Репертуар...» является универсальным библиографическим указателем, его разделы зависят от наличия материала по тем или иным темам, и может оказаться, что необходимое подразделение в указателе не выделено в связи с небольшим количеством публикаций по этой теме. В таком случае стоит обратиться к более общему разделу, а также проверить разделы, близкие к нему по тематике или области знания, в которые могла бы попасть библиографическая запись. Другим способом может стать работа со вспомогательными указателями, которые также называют «ключами». Следует помнить, что «как бы правильно в соответствии с замыслом пособия ни был сгруппирован материал, ни одно расположение никогда не может дать прямой ответ на все разнообразные вопросы, с которыми читатели обращаются к одному и тому же библиографическому указателю» [Брикман 1964: 204].

Для многоаспектного раскрытия информации об опубликованных документах «Репертуар пермской книги» «содержит следующие указатели: именной, географический, указатель организаций» [Репертуар пермской книги за 2012 год 2016: 3]. С помощью именного указателя можно вести поиск необходимой библиографической информации, основываясь лишь на фамилии автора. Вспомогательный географический указатель обеспечивает «поиск документов об отдельных физико-географических, историко-географических, экономико-географических, археологических, административно-территориальных и других объектах края» [Справочник библиографа 2006: 451]. С его помощью, в частности, можно отыскать те документы, которые изданы в различных населенных пунктах Пермского края, например, в Соликамске, Березниках или Кунгуре. Существует возможность поиска по алфавиту организаций, участвовавших в создании тех или иных документов (например, можно найти информацию обо всех книгах, методических и учебных пособиях, выпущенных Пермским государственным университетом за определенный год).

Библиографические указатели «Репертуар пермской книги» могут быть использованы «для изучения истории, теории и практики книжного и издательского дела, журналистики, экономики, культуры края» [Шатохина 2008: 33]. Они предназначены для удовлетворения разнообразных информационных потребностей самых широких слоев населения – библиотечников, краеведов, историков, журналистов и т. д. Полезным обращение к данным указателям будет и для исследователей-филологов, рассматривающих определенные темы в региональном аспекте (например, «Русская провинция в локальных текстах отечественной литературы»). «Репертуар пермской книги» поможет исследователю-филологу сориентироваться не только в работах по лингвистике, фольклористике и литературоведению, но и в тех художественных произведениях, которые были опубликованы в Пермском крае и которые могут стать объектом дальнейшего изучения.

Исследователи уже называют сводные каталоги-репертуары «энциклопедией местного книгоиздания» [Машенцева 2016: 103]. Необходимо расширить это определение: библиографический указатель местной печати – это энциклопедия региона. Такой энциклопедией региона и должен стать «Репертуар пермской книги», чтобы объективно охарактеризовать «состояние и исторические изменения культурного уровня, общественно-политической жизни региона, вклад его жителей в науку, производство, культуру страны» [Руководство по краеведческой деятельности центральной библиотеки субъекта РФ (области, края)]. Пермская государственная краевая универсальная библиотека им. А. М. Горького стремится «не отказывать настоящим и будущим историкам, литературоведам, журналистам, работникам библиотек в пособии, которое облегчает поиск информации о литературных и социальных процессах...» [Коган 1991: 11] Пермского края.

Библиографический список

- Аверина Н. Ф. История пермской книги: очерк. Пермь: Кн. изд-во, 1989. 223 с.
- Брикман М. А., Бронштейн М. П. Составление библиографических пособий: практическое руководство. Москва: Книга, 1964. 300 с.
- История пермской книги / [Перм. гос. обл. универс. б-ка им. А. М. Горького; текст Н. Ф. Аверина; сост. Г. А. Пантелеева; авт. идеи А. Ф. Старовойтов]. Электрон. дан. Пермь: ПГОУБ: ЭЛЛИПС, 2001. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
- Коган Е. И. Кому нужны краеведческие библиографические ресурсы? // Советская библиография. 1991. № 4. С. 11–15.
- Машенцева Л. П. Сводный каталог-репертуар как энциклопедия местного книгоиздания // Библиосфера. 2016. № 3. С. 103–105.
- Пермская электронная библиотека. URL: <http://arch.permculture.ru/> (дата обращения: 26.02.2018).

Репертуар Пермской книги за 2012 год / М-во культуры Перм. края, Гос. краев. бюджет. учр. культуры «Перм. гос. краев. универс. б-ка им. А. М. Горького», Отд. комплектования, Отд. краеведения; [сост. А. А. Уткина, Е. В. Шабалина]. Пермь: ГКБУК «ПГКУБ им. А. М. Горького», 2016. 98 с.

Руководство по краеведческой деятельности центральной библиотеки субъекта РФ (области, края) / Российская библиотечная ассоциация. URL: http://www.rba.ru/content/about/doc/ruk_kraeved2.php (дата обращения: 01.03.2018).

Справочник библиографа / Науч. ред. А. Н. Ванеев, В. А. Минкина. 3-е изд., перераб. и доп. Санкт-Петербург: Профессия, 2006. 592 с.

Шатохина Н. З. Краеведческие библиографические ресурсы областных библиотек // Библиография. 2008. № 2. С. 31–38.

Штолер А. В. Библиографирование местных изданий // Библиография. 2013. № 2. С. 55–68.

Орас-Global : [Электронный каталог Пермской государственной краевой универсальной библиотеки им. А. М. Горького]. URL: <http://орас.gorkilib.ru/орасg/> (дата обращения: 27.02.2018).

A.N. Kamenskikh

Chief Librarian of the Acquisition Department

Perm State Regional Universal Library named after A.M. Gorky

«REPertoire OF THE PERM BOOK» AS A RESOURCE TO EXPLORE PERM REGION: TO THE PROBLEM

The article touches upon the issue of the bibliographic records definition of the «Repertoire of the Perm book»; it describes goals and stories of its creation, the current stage and prospects of indexing, methodological approach to indexing. It also shows how this indexing can help in the process of studying the Perm region.

Key words: repertoire of the Perm book, bibliography, local press bibliography, regional studies, the Perm State Regional Universal Library named after A.M. Gorky, Perm region.

Курбанова Русалина Фанилевна
магистрант филологического факультета
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
lina_k_555@mail.ru

МУЛЬТИМЕДИЙНАЯ КНИГА: ОСОБЕННОСТИ ФОРМАТА И ПРОДВИЖЕНИЯ

Отличительной особенностью мультимедиа является соединение различных носителей информации: текста, фотографий, видео, аудио, анимации, графики и других. Целью статьи является характеристика новой разновидности книжного формата, основанного на мультимедийном объединении вербального текста, визуального ряда и достижений новых информационных технологий. Особое внимание в работе уделено актуальным концепциям определения мультимедийных книг.

Ключевые слова: мультимедийный текст, интерактивный рассказ, электронная книга, мультимедийные технологии, лонгрид.

В условиях распространения мультимедийных технологий трансформируются способы взаимодействия читателя с информацией. Развитие электронных книг в современном медиапространстве привело к появлению мультимедийных книг, получивших широкое распространение в последние годы.

Существует две концепции понимания мультимедийной книги. Первая отражена в ГОСТе Р 7.0.83-2013, где дается следующее определение: «Это электронное издание, в котором элементы различной природы основной информации воспроизводятся взаимосвязанно при помощи соответствующей программной оболочки» [ГОСТ... 2012: 6]. К таким книгам относятся электронные издания, включающие в себя в качестве основного материала аудиовизуальное произведение в виде зафиксированной серии связанных между собой изображений. Кроме этого, в документ включено следующее определение данного явления: «это электронный документ, прошедший редакционно-издательскую обработку, предназначенный для распространения в неизменном виде, имеющей выходные сведения» [Там же: 5]. Нужно отметить, что в государственном стандарте нет понятия электронная книга, только электронное издание.

Вторая концепция отражена в диссертационном исследовании О.П. Сотниковой «Веб-редактирование: содержание и формы деятельности редактора», в котором рассматривается понятие интернет-сайта как «полисемиотичного, мультимедийного, перманентно обновляемого про-

изведения, существующего только в интернет-среде» [Сотникова 2014: 45]. Автор в своей работе практически отождествляет сайт и сетевое издание (электронную книгу).

Существует еще одна точка зрения, соединяющая в себе представленные выше концепции. Е.И. Тулин определяет электронное издание как «законченное, отчужденное от автора или рассказчика информационное сообщение или группу сообщений, протяженных во времени и представленных в электронном виде» [Тулин 2015: 5]. Таким образом из понятия электронного издания исключаются мультимедийные презентации, веб-сайты и компьютерные игры, но в него входят электронные книги, издания для ридеров, а также пограничные формы: книги-фильмы, книги-игры, книги-сайты.

В данном исследовании мы выявили особенности и требования, предъявляемые к мультимедийной книге:

1) *по форме представления:*

– книги, представленные непосредственно в реальной среде. Примером является интерактивная мультимедийная книга с «оживающими» страницами, созданная в Музее истории Екатеринбурга [Музей истории Екатеринбурга: эл. ресурс];

– книги, представленные в интернет-пространстве. Нами были рассмотрены примеры книг-сайтов (в данном исследовании мы придерживаемся рабочего определения – лонгрид). Так, именно книга А.А. Сванидзе «Викинги», написанная в жанре non-fiction, стала источником появления первого «книжного лонгрида», созданного издательством «Новое литературное обозрение». В числе важнейших отличительных признаков отмечается наличие содержательной основы, под которой фактически нужно понимать литературное произведение;

2) *по содержанию:*

– правильно выстроенный лонгрид должен восприниматься как целостная история. Такая мультимедийная книга будет являться полноценным самостоятельным произведением. В данном случае примером служит мультимедийный проект «Живая поэзия», включающий в себя более 700 стихотворений 94 авторов XVII – XX веков;

– наличие нескольких сюжетных линий в содержании продукта (в том числе и выстраиваемых самим пользователем на основе «свободного поиска»);

3) *по формату:*

– представление информации с помощью комбинации множества воспринимаемых человеком сред. Примером служит материал The Guardian, построенный на основе первой главы книги Харпер Ли «Пойди поставь сторожа» [Go Set A Watchman: эл.ресурс];

– наличие нескольких сюжетных линий в содержании продукта (в том числе и выстраиваемых самим пользователем на основе «свободного поиска»);

– художественный дизайн интерфейса и средств навигации. Согласно статистическим и научным данным, тексты с использованием всех мультимедийных форматов содержат большой потенциал для развития творческого воображения, так как имеют неограниченное количество возможностей в выборе форм предоставления содержания книги, вариаций одного и того же сюжета [Динер 2017: 38].

– редакционно-издательская обработка мультимедиа-книги, при которой каждый из элементов будет равнозначен и связан друг с другом в едином смысловом поле. В таком материале становятся важны такие качества, как последовательность изложения и гармоничное сочетание иллюстративного ряда, общей колористики, шрифтов и композиции;

– оформление издания в виде самостоятельного объекта с выходными данными. Это должен быть отдельный сайт с уникальной версткой и дизайном, то есть должен представлять собой законченное произведение. В таком типе историй как правило присутствует рубрикация, деление на главы, содержание и оглавление. Примером в данном случае служит мультимедийное издание «Один Высоцкий», которое было создано в рамках программы «Эхо Москвы» Антоном Орехом [URL: <https://planeta.ru/campaigns/vysotsky>]. Возникает единственный вопрос в связи с выходными сведениями, которые характерны для изданий на материальных носителях. Однако обязательные элементы сайта, такие как знак охраны авторского права, имя автора или название выпускающей организации, а также адресная ссылка, предоставляют читателю необходимую информацию для идентификации – основной функции выходных данных.

В создании мультимедийной книги большое значение приобретает продвижение электронного издания, которое возможно в онлайн- и в офлайн-среде. После создания книги нужно позаботиться, чтобы она дошла до читателя. Основным каналом продвижения могут стать социальные сети и СМИ. К.В. Антипов и Г.В. Кожевников предлагают следующие способы информирования о медиапродукте: библиографическая, рекламная, паблик рилейшнз и поисковая оптимизация (SEO) [Антипов 2016: 30].

Понимание проблем, с которыми сталкиваются книгоиздатели при продвижении мультимедийной книги, будет способствовать повышению качества и эффективности ее использования. Нами были выделены следующие проблемы: 1) в отличие от печатного формата книги, файлы мультимедиа могут со временем исчезнуть или может обнаружиться закрытие доступа к интернет-ссылке. Например, описанный выше проект

«Викинги» сегодня невозможно найти в сети. Остались только описания проекта и публикации в других СМИ; 2) перегруженность книги (автор подаёт слишком много информации, из-за чего у читателя возникает пресыщение материалом); 3) неразработанность системы хранения электронных изданий; 4) отсутствие системной связи между различными модификациями мультимедийных книг (сетевые издания в виде файлов fb2, ePUB, mobi, pdf, а также приложения) приводит к невозможности систематизации и идентификации возникающих пограничных форм.

Многообразие модификаций электронной книги складывается в подвижную, динамически развивающуюся систему, в которой одни элементы перетекают в другие. Мультимедийная книга представляет собой новый шаг в освоении цифровых технологий в книгоиздании. Развитие этого направления зависит от решения тех проблем, с которыми сталкивается мультимедийная книга в процессе распространения. Для его оптимизации необходимо объединение усилий книгоиздателей и государства, которое может создать необходимые организационные, правовые и финансовые (конкурсы грантов) условия для развития новых видов книгоиздания и книгохранения.

Библиографический список

Антипов К.В., Кожевников Г.В. Печатная книга и медиаиндустрия // Библиография и книговедение. 2016. №3. С. 26–33.

ГОСТ 7.0.83-2012. Электронные издания. Основные виды и выходные сведения. М.: 2012. 21 с.

Динер Е.В., Мосунова Л.А. Развитие воображения в процессе чтения электронной книги // Вестник НГПУ. 2017. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-voobrazheniya-v-protssesse-chteniya-elektronnoy-knigi> (дата обращения: 3.04.2018).

Музей истории Екатеринбурга. URL: <https://vimeo.com/72667532> (дата обращения: 3.04.2018).

Тулин Е.И. Проектирование электронных изданий. М.: 2015, 42 с.

Go Set A Watchman. URL: <https://goo.gl/zc225q> (дата обращения: 3.04.2018).

R. F. Kurbanova

Master Student of Philological Faculty

Perm State University

MULTIMEDIA BOOK: PECULIARITIES FORMAT AND PROMOTION

A distinctive feature of multimedia is the connection of various media: text, photos, video, audio, animation, graphics and others. The purpose of the article is to characterize a new type of book format based on a multimedia association of verbal text, a visual series and new information technologies. Particular attention is paid to the current concepts of defining multimedia books.

Key words: multimedia text, interactive story, e-book, multimedia technology, long-grid.

Пигалева Светлана Валерьевна
заместитель директора по научной работе
Пермская государственная краевая универсальная
библиотека им. А. М. Горького
psv@gorkilib.ru

ИЗДАНИЯ XVIII ВЕКА В ПЕРМСКОМ КРАЕ: ВЫЯВЛЕНИЕ И ОПИСАНИЕ

Статья посвящена трансформации культуры книгоиздания в XVIII в., рассмотренной на примере выявленных в музеях, библиотеках и архивах Пермского края книг кириллической и гражданской печати. Репертуар книг и записи на отдельных экземплярах дают значительный материал для изучения особенностей книжных предпочтений читателей XVIII в., показывают последствия развития образования в провинциальном обществе и крепнущую взаимосвязь общероссийских культурных процессов.

Ключевые слова: книгоиздание XVIII в., кириллические издания, гражданская печать, выявление книг, научное описание книжного экземпляра, библиотека, музей, архив, Пермский край.

XVIII в. стал особым периодом в истории России. В первой четверти века, в эпоху правления Петра I, был осуществлен ряд государственных реформ: административного управления, военного дела, культуры, науки и просвещения. В оформлении абсолютизма и создании могучей Российской империи важную роль призвана была сыграть книга. С именем Петра I связано создание русской типографии в Амстердаме, основание Петербургской типографии, введение гражданского шрифта, создание первой русской печатной газеты «Ведомости» и многое другое. Отличительной чертой петровского времени стало ослабление тесной связи культуры с религией и церковью, образование приобрело светский характер. Важнейшими мероприятиями стали реформа русской азбуки и реформа печати, которые были осуществлены на протяжении 1708–1710 гг. Новая гражданская азбука была более легкой для усвоения, удачной в наборе. Ее введение способствовало демократизации чтения и распространению грамотности и просвещения. Не утратив своего национального характера, русская книга гражданской печати стала более близкой западноевропейской книге.

Кириллический шрифт продолжает использоваться в основном для церковных книг, но в течение некоторого времени этим шрифтом продолжали печатать книги учебного характера и наиболее важные известия (ма-

нифесты, указы, постановления, политические трактаты), предназначенные для широкого распространения по всей России, так как в провинцию гражданский шрифт проникал медленно.

К настоящему времени в Пермском крае накоплен значительный материал для изучения особенностей российского книгоиздания и книжной культуры XVIII в. В 21 хранилище Пермского края выявлено 3060 экземпляров книг XVIII в., из них 783 – кириллической печати, 2277 – гражданского шрифта. Результаты выявления и поэкземплярного научного описания книг XVIII в. опубликованы в двух каталогах [Кириллические издания 2008; Редкие книги 2016].

Среди хранилищ изданий XVIII в. больше всего представлены музеи: Березниковский (БИХМ, 152 экземпляра книг кириллической печати / 38 – гражданского шрифта), Добрянский (ДИКМ, 5 – кириллической печати), Ильинский (ИРКМ, 10 / 3), Коми-Пермяцкий окружной (КПОКМ, 5 – кириллической печати), Краснокамский (КМ, 1 – кириллической печати), Кунгурский (КИАХМЗ, 19 / 76), Лысьвенский (ЛМ, 1 – гражданского шрифта), Пермский краеведческий (ПКМ, 60 / 366) и его Осинский филиал (ПКМ О, 16 – гражданского шрифта), Соликамский (СКМ, 38 / 92), Суксунский (СИКМ, 1 – гражданского шрифта), Уинский (УКМ, 2 – кириллической печати), Чайковский (ЧаКМ, 4 / 3), Чердынский (ЧКМ, 253 / 53), Чусовской (ЧуКМ, 1 – кириллической печати), Пермская художественная галерея (ПГХГ, 38 / 1). Значительные фонды сохранены в пермских библиотеках: Пермской краевой библиотеке им. А. М. Горького (ПГКУБ, 167 экземпляров книг кириллической печати / 895 – гражданского шрифта), Фундаментальной библиотеке Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (ПГГПУ, 11 / 620), научных библиотеках Пермского государственного национального исследовательского университета (ПГНИУ, 1 / 100) и Пермского национального исследовательского политехнического университета (ПНИПУ, 12 – гражданского шрифта). Отдельные издания XVIII в. представлены также в Государственном архиве Пермского края (ГАПК, 4 кириллических издания).

Репертуар кириллических изданий XVIII в., сохранившихся в Пермском крае, представлен 138 названиями книг 38 авторов. Он является традиционным: большую его часть представляют наиболее важные с точки зрения отражения истории духовной жизни общества книги Писания и литургическая литература, призванная обслуживать нужды богослужения. Среди таких книг наибольшим числом экземпляров представлены: Минеи в 12 частях (81 экземпляр), Евангелие (40 экземпляров), Октоих в 2 частях (20 экземпляров), Часовник (18 экземпляров), Библия (17 экземпляров), Обиход церковного пения (13 экземпляров), Служебник (13 экземпляров), Апостол (11 экземпляров), Канонник (11 экземпляров), Устав церковный

(11 экземпляров). Наиболее популярными среди чительных (или четых) книг был Пролог в 2 частях (38 экземпляров) и Книга житий святых Дмитрия Ростовского в 4 частях (46 экземпляров). Абсолютным лидером по количеству экземпляров, представленных в Пермском крае, является многофункциональная Псалтирь – книга, используемая в богослужении и обучении грамоте, имеющая чительный и учительный характер (42 экземпляра). В меньшем количестве представлены книги учебные, они активно использовались и до конца «изнашивались» в процессе обучения, тем не менее в Перми описаны известные учебники: Магницкий Леонтий Филиппович. Арифметика (6 экземпляров); Мелетий (Смотрицкий). Грамматика (1 экземпляр); Поликарпов Федор Поликарпович. Букварь славяно-греко-латинский (1 экземпляр) и Лексикон триязычный... (3 экземпляра). Общероссийской особенностью кириллических изданий XVIII в., отразившейся и в пермском собрании, стало появление значительного количества авторских толкований на Писание и поучений, в том числе переводных. В Пермском крае удалось выявить три разыскиваемых издания московской Синодальной типографии и десять изданий, не найденных в опубликованной ранее библиографии, представляющих достаточно редкие и уникальные издания (одно издано в Могилеве, 9 – в Москве).

Как и в других регионах России, безусловным лидером среди используемых населением кириллических изданий являлись книги, выпущенные Московским печатным двором или Синодальной типографией (63,1 % от общего количества экземпляров). Однако широкая география мест издания книг свидетельствует о большей вовлеченности Перми по сравнению с XVII в. в общероссийские экономические и культурные процессы, а также об оперативности реакции пермских жителей на российские события.

Пермская земля в XVIII в. уже не окраина, но все же отдаленная от центра Российского государства территория, местами слабозаселенная и труднодоступная, с многонациональным населением, исповедовавшим разнообразные верования. В связи с этим для старообрядцев Пермская земля была удобным местом жительства и ведения хозяйства. Среди описанных книг XVIII в. велик процент старообрядческих (17,7 % от общего числа) – 138 экземпляров 104 изданий, вышедших в Варшаве, Вильно, Клинцах, Махновке или Янове, Могилеве, Почаеве, Супрасли, Яссах.

Значительный конкретно-исторический материал представлен в записях и маргиналиях на страницах кириллических книг. На книгах XVIII в. удалось точно датировать почти 900 записей, большинство из которых связано с бытованием книги в Пермском крае: книги были объектом купли-продажи (42 купчих записи XVIII в.), активно перемещались от читателя к читателю, от владельца к владельцу, достаточно быстро оседа-

ли и сохранялись в местных книжных центрах. Наиболее активным в распространении московских книг был г. Соль Камская (Соликамск), который можно назвать центром книжной торговли в регионе в XVIII в. [Поздеева 2008: 166].

В книжное чтение, владение, вклады кириллической книги были вовлечены не только священники, но и многочисленные представители купеческих семей, мещане, работники соляных и иных промыслов, крестьяне. Следует отметить значительное число упоминаний женщин, причем не только в качестве матерей, жен, дочерей, но и промышленниц, купчих, самостоятельно принимающих решение о приобретении, владении или вкладе книги в церковь.

В XVIII в. в жизнь пермских городов входит новое явление: книга гражданской печати. К настоящему моменту во всех обследованных хранилищах Пермского края выявлено всего 8 экземпляров книг петровской эпохи, что составляет всего 4,1 % от общего числа книг этого времени. Такое небольшое количество свидетельствует не столько о неразвитости гражданского книгопечатания в 1708–1725 гг. (учтено не менее 882 изданий данного периода) [Быкова, Гуревич 1955], сколько об относительно узком спросе в нестоличных городах на литературу подобного рода.

Тематика и оформление книг первой четверти XVIII в. не случайны: каждое издание 1708–1725 гг. отражало принципы государственной политики в тот или иной момент. Созданию и укреплению национального государства, сильной и дисциплинированной армии, флота, послушного административного аппарата способствовали различные указы, инструкции, уставы, регламенты и другие организационно-административные акты. Среди пермских книг сохранились «Книга Устав воинский...» (Санкт-Петербург, 29.10.1719; ПКМ 16904/306) [Быкова, Гуревич 1955: 267–268. № 388], а также «Регламент о управлении Адмиралтейства и верфи и о должностях коллегии адмиралтейской, и протчих всех чинов при Адмиралтействе обретающихся...» (Москва, 05.04.1724; ПКМ 16904/238, ПКМ НВ 3381/229) [Там же: 442–443. № 794]. На экземпляре «Устава воинского» из фондов ПКМ содержится интересная запись первой четверти XVIII в.: «А принимал и росписывался Иван Батулин 1723 года февраля в 16 день при Котлине острове в военной канторе».

Стремясь идеологически укрепить свою власть и убедить подданных в правильности своей внешней и внутренней политики, Петр I велел печатать книги по истории, которые соответствовали его интересам и планам. Так, «Введение в историю Европы» Самуэля Пуфендорфа (в фондах ПГКУБ сохранилось второе издание: Санкт-Петербург, 07.1723; ПГКУБ РК 09Г I 61967) [Там же: 412–413. № 744] повествует о событиях новой (относительно того времени) европейской истории. Запись на книге пока-

зывает связь экземпляра с пермской историей (единственный случай среди всех записей на пермских книгах гражданской печати петровской эпохи): «Книга о разных европейских государствах Его превосходительства генерал-маеора и ковалера барона Александр Николаевича Строганова служителя Александр Никифорова сына Сивкова куплена на Красной площади, дано за нее денег два рубли 1771 году марта 26-го числа». Возможно, что упомянутый в записи Александр Сивков был служителем усольского правления барона Александр Николаевича Строганова (1740–1789), затем его сына Григория Александровича Строганова (1770–1857) и владельцем значительной библиотеки, о чем свидетельствуют его владельческие знаки и записи конца XVIII – начала XIX в. на книгах, сохранившихся в фондах ПГКУБ и БИХМ.

К числу исторических книг, изданных по личному указанию Петра I, относится «Полидора Виргилия Урбинского осемь книг о изобретателех вещи...» ([Москва], 05.05.1720; БИХМ КП 5098/7) [Быкова, Гуревич 1955: 288–289. № 450], своеобразная историко-биографическая энциклопедия. Ее автор, итальянский гуманист, живший свыше полувека в Англии, сообщал сведения об «изобретателях» различных наук, искусств, ремесел. Едва ли не первым из историков Полидор Вергилий написал об изобретении книгопечатания Иоанном Кутенбергом (Гутенбергом).

Среди книг начала XVIII в. важное место занимали произведения политической тематики, особенно связанные с Северной войной (1700–1721 гг.). Ярким примером такого издания было «Разсуждение какие законные причины Его Величество Петр Великий и проч. к начатию войны против Короля Карола 12 Шведскаго 1700 году имел...», написанное Петром Павловичем Шафировым (в пермских фондах хранится два экземпляра третьего издания: Санкт-Петербург, 1722; ПГГПУ 188274, ПГКУБ РК 09Г I 62806) [Быкова, Гуревич: 398–399. № 719]. «Книга историография...» Мавроурбина – Мауро Орбини (Санкт-Петербург, 20.08.1722; ПГКУБ РК 09Г I 60951) отражала исторический и политический интерес Петра к южнославянским народам [Там же: 384–386. № 699].

Первоначально гражданская книга получает распространение только в дворянско-чиновничьей среде. В первой половине XVIII в. среди большинства жителей провинциальных городов и в сельской округе по-прежнему превалирует кириллическая грамотность. Только со второй половины XVIII в. в жизни русской провинции происходят существенные изменения. Первое десятилетие царствования императрицы Екатерины II было связано с ориентацией на либерализацию монархической системы власти, а также стремлением представить это правление эпохой Просвещения. Все реформы Екатерины II, требовавшие образованных личностей на службе государству, способствовали росту просвещения как в столи-

цах, так и в провинции. После указа от 15 января 1783 г. о вольных типографиях в России наступает расцвет книгоиздательской деятельности. Если до этого времени «лицо» русской книги формировала типография Академии наук в Санкт-Петербурге (основана в 1728 г.), то после указа растет число издательств и типографий, количество книг и их читателей. Бесспорный приоритет в издательском деле принадлежал известному просветителю Н. И. Новикову, который заставил русского читателя полюбить книгу, превратив моду на нее в потребность чтения. С 1779 по 1792 г. в типографии Московского университета, арендуемой Новиковым, было выпущено около 900 изданий [400 лет... 1964: 193].

В конце XVIII в. берет начало российское провинциальное книгопечатание. В Перми типография появилась в 1792 г., и в XVIII в. в ней было напечатано два сочинения практического характера: М. Гамалея «О сибирской язве и о ее народном лечении...» (Пермь, 1792), П. Филипова «Подробное описание типографских должностей...» (Пермь, 1797). К сожалению, ни одно из этих изданий в Пермском крае не сохранилось. Реформы времен императрицы Екатерины II, развитие гражданского образования и появление собственной типографии в Перми способствовали тому, что к концу XVIII в. чтение гражданской книги стало таким же широким, как и книги кириллической. Экземпляры изданий гражданской печати периода 1780–90-х гг. составляют более половины от всего числа выявленных книг XVIII в.

Результаты, полученные в ходе продолжающихся с 2001 г. исследований, позволят активно использовать книги XVIII в. в научной, учебной, культурно-просветительской и экспозиционно-выставочной деятельности библиотек, музеев, архивов. Выявление и поэкземплярное научное описание способствуют оживлению интереса к старопечатной книге, развитию книговедческих исследований, расширению источниковой базы историко-филологических, философско-правоведческих и даже естественнонаучных и физико-математических изысканий в их историческом аспекте. Книга XVIII в. дает значительный материал для изучения особенностей книжных предпочтений читателей того времени, показывает последствия развития образования в провинциальном обществе и крепнущую взаимосвязь общероссийских культурных процессов.

Библиографический список

Быкова Т. А., Гуревич М. М. Описание изданий гражданской печати. 1708–январь 1725 г. Москва – Ленинград, 1955. 628 с.

Кириллические издания XVIII века в хранилищах Пермского края: каталог / под ред. И. В. Поздеевой. Пермь, 2008. 800 с, 24 с. ил.

Поздеева И. В. Книжность и книжная культура Пермской земли в экспозиционной и просветительской работе музея XXI века // Музей в культурном пространстве

XXI века: формирование культурно-исторического наследия и имиджа регионов: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Пермь, 2008. 244 с.

Редкие книги в Научной библиотеке Пермского государственного университета: сборник материалов по истории формирования фонда / Сост. С. В. Пигалева; вступ. статья д-ра физико-матем. наук С. О. Макарова. Пермь, 2016. 250 с., 16 с. ил.

400 лет русского книгопечатания. Москва, 1964. 664 с.

S.V. Pigaleva

Deputy Director for Scientific and Research Activity

Perm State Regional Universal Library n.a. A.M. Gorky

EDITIONS OF THE XVIIIth CENTURY IN PERM KRAI: IDENTIFICATION AND DESCRIPTION

The article is devoted to the transformations of the XVIIIth century's book industry which is regarded through the examples of Cyrillic and civil books founded in museums, libraries and archives of Perm krai. Content of that books and notes on some of them give significant material for the researches dedicated to preferences of the XVIIIth century's readers, demonstrate consequences of educational growth in provincial society and increasing interconnection of all-Russian cultural processes.

Key words: the XVIIIth century's book industry, Cyrillic books, civil books, books' identification, scientific book's description, library, museum, archive, Perm krai.

Шаврина Александра Михайловна
методист отдела научно-исследовательской и методической работы
Пермская государственная краевая универсальная
библиотека им. А. М. Горького
sham@gorkilib.ru

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПЕРМСКОЙ КРАЕВОЙ БИБЛИОТЕКЕ ИМ. А. М. ГОРЬКОГО: БИБЛИОТЕЧНОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ И ЧИТАТЕЛЬСКАЯ АУДИТОРИЯ

Проведение социологического исследования – это многоэтапный процесс. В статье рассматриваются подходы к организации социологических исследований в Пермской краевой библиотеке им. А. М. Горького с 1970-х по 2010-е годы. Акцентируется внимание на значимости разработки программных документов и продвижении полученных результатов.

Ключевые слова: социологическое исследование, библиотека, методы, результаты, Пермская государственная краевая универсальная библиотека им. А. М. Горького.

В любой книге, описывающей этапы проведения исследовательской работы, будет указано, что одной из важнейших составляющих исследования является не сбор информации путем анкетирования или опроса, а подготовка программы исследования – научного документа, составление которого предполагает: постановку проблемы, формулировку рабочих гипотез, разработку стратегического плана, описание методов сбора данных, схемы их анализа и др. [Рабочая книга социолога 1977: 81]. Однако многие современные библиотечные исследователи, если говорить о социологическом подходе к изучению общественных процессов, стремятся скорее «выйти в поле» для сбора статистической информации. В то же время вопросы, связанные с библиотечной деятельностью, не часто попадают в круг интересов профессиональных социологов, а у библиотек не всегда есть возможность прибегать к их помощи.

Пренебрежение подготовительным этапом в научно-исследовательской работе сказывается при анализе и интерпретации данных, препятствует корректировке деятельности для достижения поставленных задач. Содержательный отчет об исследовании «либо вовсе не пишется, либо представляет собой простое перечисление цифр и фактов» [Самохина 2008: 14].

Пермская государственная краевая универсальная библиотека им. А. М. Горького (ПГКУБ) и отдел научно-исследовательской и

методической работы (ОНИМР) имеют многолетний опыт проведения исследований, в том числе и социологического характера. Ввиду спада интереса к проведению исследований и в некоторой степени неподготовленности кадров рассмотрим накопленные библиотекой знания в этой области, опираясь на имеющиеся источники (программы, отчеты, информационные и аналитические справки, статьи).

Высокий уровень методологических основ исследовательской деятельности, внимание к внедрению результатов проведенной работы библиотечная отрасль демонстрирует с 1960-х годов. Тогда началось активное развитие библиотечной социологии. Этот период, по мнению руководителя исследовательского центра «Библиотека. Чтение. Молодежь» Российской государственной библиотеки для молодёжи М. М. Самохиной, длился до 1990-х годов. Исследования имели программу и разработанную методику. В ходе изучения использовался комплекс методов, выступавший гарантом достоверности полученных результатов, которые, в свою очередь, становились надежным обоснованием для разработки нормативных документов и рекомендаций для дальнейшей работы.

При анализе доступных источников становится понятным масштаб научно-исследовательской работы, проводимой специалистами ПГКУБ во второй половине XX века. Программные документы соответствовали всем ранее обозначенным требованиям. При изучении проблемы постоянно применялись статистический метод (анализ читательских формуляров, дневников работы, дневников библиотекарей, библиографических справок, анализ состава читателей), анкетирование и опрос, наблюдение, эксперимент.

С 1969 по 1971 год Пермской областной библиотекой им. А. М. Горького проводилось исследование «Место читальных залов в системе библиотечного обслуживания». Организация работы с читателями в читальном зале была одной из сложных и неразработанных проблем советского библиотековедения. Составители программы отмечали, что в читальном зале работа читателя с книгой проходит на глазах библиотекаря и «даже при очень большой занятости библиотекарь может наблюдать за процессом чтения, профессионально оценивать необходимость консультационной помощи...» [Место читального зала... 1973: 2]. Исследование проводилось по этапам на базе читальных залов районных и городских библиотек. В течение шести дней в двух районных библиотеках было проведено наблюдение. В трех городских библиотеках (Соликамской, Кизеловской и Лысьвенской) и двух районных (Чернушинской и Добрянской) был проведен эксперимент по выборочному учету книговыдачи, чтобы в случае положительного

результата рекомендовать эту технологию всем залам, имеющим открытый доступ. В десяти читальных залах были проанализированы читательские формуляры и данные дневников учета, дневники библиотекарей, планы и отчеты о работе.

Высокую значимость имело и подведение итогов исследования. Минимальный набор итоговых документов – отчет-справка и рекомендации. Нередко проводились научно-практические конференции. Все материалы, собранные в ходе исследования «Место читальных залов в системе библиотечного обслуживания», позволили разработать «Положение о работе читальных залов районных и городских библиотек», «Рекомендации по работе читальных залов» и программу по повышению квалификации работников читальных залов.

Период 1972–1973 годов был посвящен внедрению результатов исследования в практику работы библиотек – были изданы материалы научно-практической конференции и методические материалы, проведены семинары-практикумы для заведующих читальными залами, организована школа передового опыта на базе читального зала Лысьвенской городской библиотеки № 1 и др.

В течение 1970–1980-х годов было сформировано еще около 6-ти программ по изучению имеющихся библиотечных ресурсов и читательской аудитории: «Книга и библиотека в жизни современного села» (1972-1974 гг.), «Формирование читательских контингентов областной универсальной научной библиотеки» (1886–1990 гг.) и др.

К концу XX века, вероятно, в связи с политическим и социально-экономическими изменениями в стране, качество проводимых библиотеками социологических исследований ухудшается. Формируется пренебрежение подготовительным и заключительным этапами. Однако специалисты отдела научно-исследовательской работы и социологии областной библиотеки не утратили наработанных навыков и в течение 1990-х годов в сотрудничестве с отделом по науке вузов и технической политике областной администрации при активном участии муниципальных библиотек провели мониторинг читательского спроса жителей области, результаты которого стали основой издания «Читающее Прикамье на исходе XX века (по материалам социологического исследования 1990-х годов)». Комплексное исследование чтения дало представление о содержании читательских потребностей основных социально-демографических групп. Начиная с 1993 года было проведено три исследования: «Библиотека и общество» (1993–1995 годы), «Литература на национальных языках в чтении и фондах библиотек области» (1996–1997 годы), «Областная библиотека и ее читатели» (1996–1999 годы). Последнее исследование строилось только на анализе

заполненных требований посетителей библиотеки. Первые два использовали уже известный комплексный набор методов. Объектом исследования «Библиотека и общество» стало население Карагайского района, производственные коллективы г. Соликамска, учащиеся 7–9-х классов общеобразовательных школ и учащиеся других учебных заведений. Внимание было уделено экономической и социальной характеристике исследуемых территорий. Например, Карагайский район выбрали, т.к. он отвечал следующим параметрам – сельский район, центром которого является село, где не развита сеть других ведомственных библиотек, кроме школьных [Программа 1993: 4]. Для уточнения объекта исследования использовалась двухступенчатая, районированная выборка со случайным отбором. По итогам исследования были разработаны программы развития библиотечного дела «Читающее Приобье», «Читающий Соликамск», в адрес административных структур области были направлены предложения о корректировке работы. Результаты были доведены до библиотечной общественности в форме выступлений на семинарах и научно-практической конференции «Библиотека в современном обществе». Аналогичное исследование было также проведено в Оханском и Частинском районах.

С 2000-х годов социологические исследования стали носить локальный характер и сосредоточились на изучении потоков пользователей Пермской областной универсальной библиотеки им. А. М. Горького и их запросах (подобные исследования проводились и раньше). В 2006 году прошло изучение читательского спроса на издания фонда основного книгохранения библиотеки. В соответствии с программой исследования 17–30 апреля 2006 года были собраны требования читателей областной библиотеки в следующих отделах: социально-экономическом, естественнонаучной и сельскохозяйственной литературы, патентно-техническом, литературы по искусству, периодики и юношеском. Ежедневно собирались половинки требований, полученные из отдела основного книгохранения – метод сплошного учета спроса через требования, заполненные читателями. Велся учет отказов на документы в зале каталогов. Всего было собрано около 10 тыс. требований. Отдел контроля и учета предоставлял сведения о составе пользователей, запросивших анализируемые документы. Итоговыми документами должны были стать справка о читательском спросе и рекомендации в адрес администрации, отдела основного хранения фондов.

В 2010-е годы изменяется объект в вопросе изучения фондов. Сотрудниками ОНИМР несколько раз инициировались исследования фондов уже не краевой библиотеки, а библиотек Пермского края. В 2015 году состоялось изучение по теме «Издания художественной литературы о

Великой Отечественной войне в фондах муниципальных библиотек Пермского края» (к 70-летию Победы). В 2014 году в рамках акции «Читаем Пермское» проводилось изучение состояния обеспеченности фондов библиотек изданиями (художественная литература) пермских авторов и т. д. Методология таких исследований уже отработана: специалистом ОНИМР разрабатывается лаконичная программа, готовится список имеющихся в фонде ПГКУБ изданий и опросный лист для пользователей библиотек с учетом текущих целей и задач. Документы направляются в муниципальные библиотеки Пермского края. Сотрудники библиотек проводят анализ внутрибиблиотечных документов и опрос. Итоги исследования обязательно публикуются в виде статьи в продолжающихся профессиональных изданиях ОНИМР («Создадим страну читателей», «Библиотекарю в практику работы») и отдельных тематических изданиях. Специалисты ПГКУБ также озвучивают сведения о результатах совместной работы с муниципальными библиотеками на ежегодных краевых консультационных днях в форме выступления.

В 2017 году с целью сбора текущей информации о состоянии чтения взрослого населения, прежде всего книжной продукции в Пермском крае и актуализации такого рода деятельности в муниципальных библиотеках ОНИМР ПГКУБ было проведено изучение чтения и читательских практик жителей населенных пунктов Пермского края, в форме анкетирования. Для определения выборочной совокупности использовалась квотная выборка (квотными признаками стали возраст и род деятельности). Согласно результатам обработки анкет, высокий уровень читательской грамотности демонстрируют «Специалисты», однако группа «Рабочие» более других заинтересована профессиональной помощи со стороны библиотечных специалистов в выборе литературы. Несмотря на ожидания об активном использовании современных электронных технологий в чтении, традиционный формат книги, который можно приобрести в магазине, «взять у друга» или получить библиотеке, является для респондентов более удобным. Лидерами читательских предпочтений, независимо от жизненного этапа, стали: «классическая и современная литература» и «литература развлекательных жанров» [Шаврина 2017: 98–103].

Библиотеки сейчас находятся в условиях, когда для успешной деятельности необходимо вести мониторинг процессов, происходящих в читательской среде, как минимум от этого зависит грамотное комплектование фонда книжной продукцией. Однако на сегодняшний день в Пермском крае наблюдается спад в изучении библиотечных процессов по качеству проработки исследуемой проблемы. Считаем, что ПГКУБ должна продолжить основательные социологические

исследования внутри самой библиотеки и в библиотеках различных территорий, таким образом активизируя их деятельность.

Библиографический список

Место читального зала в системе библиотечного обслуживания населения (Краткие итоги исследования) / Перм. обл. б-ка им. М. Горького, отд. общ. чит. залов; сост. А. Молодцова. Пермь, 1973. 11 с.

Программа социологического исследования по проблеме «Библиотека и общество» / Перм. гос. обл. унив. б-ка им. М. Горького, отд. НИР и социологии; сост. Л. С. Ведерникова; науч. ред. Н. И. Дадали. Пермь, 1993. 21 с.

Рабочая книга социолога / Отв. ред. Г. В. Осипов. Москва, 1977. 352 с.

Самохина М. М. Социолог в библиотеке, или Библиотекарь как социолог: Практическое пособие для тех, кто хочет и любит исследовать / Рос. гос. юнош. б-ка. Москва, 2008. 194 с.

Шаврина А. М. Трансляторы культуры чтения (по итогам исследования «Чтение и читательские практики жителей Пермского края») // Книга в аспекте региональной культуры: материалы Межрегиональной научно-практической конференции (Ижевск, 8 ноября 2017 г.) / Национальная библиотека УР; сост. Е.В. Егорова. Ижевск, 2017. С. 98–103.

A. M. Shavrina

Methodist of Research and Methodical Work Department
The Perm State Regional Universal Library n. a. A.M. Gorky

SOCIAL SURVEYS AT PERM REGIONAL LIBRARY NAMED AFTER A.M. GORKY: LIBRARY SERVICES AND READSHIP

Conducting a social survey is a multi-stage process. The article is devoted to approaches of the organization of social research at the Perm State Regional Universal Library named after A.M. Gorky since 1970s until 2010s. Much attention is given to the importance of the programme documents development and promotion of the obtained results.

Key words: social survey, library, methods, results, The Perm State Regional Universal Library named after A.M. Gorky.

Шпакова Марина Викторовна
заведующий отделом редких книг
Пермская государственная краевая универсальная
библиотека им. А. М. Горького
rfond@gorkilib.ru

Косякина Юлия Сергеевна
ведущий библиотекарь отдела редких книг
Пермская государственная краевая универсальная
библиотека им. А. М. Горького
rfond@gorkilib.ru

ПРИЖИЗНЕННЫЕ ИЗДАНИЯ РУССКИХ АВТОРОВ КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX В. В ФОНДЕ ПЕРМСКОЙ КРАЕВОЙ БИБЛИОТЕКИ ИМ. А. М. ГОРЬКОГО

В статье представлены сведения о наличии прижизненных изданий русских писателей конца XVIII – начала XIX в. в фонде Пермской краевой библиотеки им. А. М. Горького. Репертуар изданий классифицирован по составу основного текста и по способу публикации произведений.

Ключевые слова: русская литература конца XVIII – начала XIX в., прижизненное издание русских писателей, Пермская государственная краевая универсальная библиотека им. А. М. Горького.

Прижизненные издания обладают особой ценностью для понимания культурных и исторических процессов и являются одним из важнейших источников научных исследований. Выявление в фондах библиотек, музеев и архивов прижизненных изданий и информирование о найденных документах является одной из наиболее востребованных функций книгохранилищ.

В ходе специально организованного исследования в Пермской краевой библиотеке им. А. М. Горького (ПГКУБ), крупнейшем и старейшем (основано в 1836 г.) книжном собрании Пермского края, выявлено 51 прижизненное издание русских писателей конца XVIII – начала XIX в.: А. Д. Кантемир (1708–1744) и М. В. Ломоносов (1711–1765) – по одному изданию; В. К. Третьяковский (1703–1769) и Г. Р. Державин (1743–1816) – по два издания; К. Н. Батюшков (1787–1855) – 3; А. П. Сумароков (1717–1777) – 4; В. А. Жуковский (1783–1852), Д. И. Хвостов (1757–1835) и И. И. Дмитриев (1760–1837) – по 6 изданий; М. М. Херасков (1733–1807) – 18 [История русской литературы XVIII века 1968: 13–68]. Кроме того, в

журналах и сборниках выявлено 49 прижизненных публикаций А. С. Пушкина (1799–1837). Поиск осуществлялся по каталогам (каталог отдела редких книг, генеральный каталог) и картотеке периодических изданий. Найденные библиографические записи сверялись с наличием изданий в фонде de visu.

Для упорядочения данных было принято, что найденные в ПГКУБ прижизненные издания подразделяются по составу основного текста на моноиздание и сборник [ГОСТ 7.60-2003: 2], а по способу публикации произведений на: 1) собрания сочинений; 2) многотомные издания; 3) однотомные издания; 4) отдельные издания. По оригинальности содержания – на оригинальные и переводные издания [Там же: 12–13]. Также были учтены сведения о повторности выпусков изданий [Там же: 14].

Собрания сочинений как определившийся вид изданий сформировался в середине XIX в., но уже в XVIII в. предпринимались первые попытки издания собраний отдельных авторов. В июле 1751 г. в типографии Академии наук был напечатан первый том «Собрания разных сочинений в стихах и в прозе Михайла Ломоносова. Книга первая». В 1758 г. было подготовлено второе издание собрания сочинений М. В. Ломоносова в двух томах, в двух вариантах, тиражом 1200 экз. [Ломоносов 1983: 53]. В фонде отдела редких книг ПГКУБ находится первый том второго варианта 2-го издания сочинений (ПГУКБ 09Г II-63144). Это издание было одним из первых напечатанных типографией Московского университета, в него вошло «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке», специально написанное М. В. Ломоносовым. Часть страниц печаталась в типографии Академии наук: «Предисловие», «Слово похвальное Елизавете Петровне», титульный лист и оглавление. Однако этих страниц было отпечатано меньше, чем тех, что составил весь тираж тома, поэтому существует два варианта издания: первый полный и второй, как в ПГКУБ, без дополнений [Ломоносов 1983: 53–54].

Типографией Академии наук в 1752 г. были напечатаны за счет автора два тома «Сочинений и переводов как стихами так и прозою» В. К. Тредиаковского. В каждом томе сочинений размещалась вступительная статья, а в конце – заключительные стихотворения. Поэтические произведения второго тома перекликались с теорией поэтического перевода, помещенной в первом томе. В фонде ПГКУБ имеются оба тома (ПГКУБ 09Г II-63165), сплетенные в одну книгу.

В 1796–1803 гг. типографией Московского университета на средства учредителей типографии было издано 12 томов «Творений М. Хераскова, вновь исправленных и дополненных». В издание входили поэмы «Россиада, поэма эпическая», «Владимир», «Плоды наук», «Вселеная», «Чесмесский бой», «Пилигримы или искатели щастия», «Селим и Селима»,

драматические произведения, оды, прозаические произведения. М. М. Херасков лично отбирал тексты и изъясил из издания басни и небольшие пьесы, объявленные ранее в «Московских ведомостях», которые должны были печататься в седьмой части [Сводный каталог 1966: 331. № 7962]. Материал «Творений» расположен по жанрам, начиная с поэм и заканчивая романом «Нума Помпилий или процветающий Рим». В фонде библиотеки есть части 1–6, 8–11 «Творений М. Хераскова» (ПГКУБ 09Г П-61044, П-61045, П-61057, П-61059, П-61240, П-61270, П-61271, П-61621, П-61773).

Собрания сочинений первой трети XIX в. представлены трудами Г. Р. Державина, И. И. Дмитриева, Д. И. Хвостова. Из «Сочинений Державина» в фонде редких книг ПГКУБ находится часть 2 четырехтомного издания и часть 4 пятитомного издания, выпущенных в 1808 г. (ПГКУБ 09Г П-61433, I-63158). Первые четыре части обоих изданий отпечатаны в типографии И. К. Шнора, а пятая часть пятитомника – в типографии В. А. Плавильщикова (1768–1823). Представлены «Сочинения» И. И. Дмитриева, начиная с самых ранних: часть 3 третьего издания 1810 г. (ПГКУБ 09Г П-61186), части 1 и 3 четвертого издания 1814 г., сплетенные в одном томе (ПГКУБ 09Г П-62089), части 2 и 3 пятого издания 1818 г. (ПГКУБ 09Г П-62090, П-144515). «Полное собрание стихотворений графа Хвостова», изданное на средства автора, представлено в ПГКУБ второй частью, выпущенной типографией Императорского воспитательного дома в 1817 г. (ПГКУБ 09Г I-62017), а также частями 1, 2, 4, отпечатанными в типографии Академии наук в 1821–1822 гг. (ПГКУБ 09Г Ш-62188, Ш-62187, Ш-172493).

В ПГКУБ выявлены многотомные издания. Это издание «Притчей Александра Сумарокова» в трех книгах (ПГКУБ 09Г I-60755), напечатанных в 1762–1769 гг. тиражом 3600 экземпляров [Сводный каталог 1966: 193 № 7026], «Полидор, сын Кадма и Гармонии» М. М. Хераскова в двух частях (сплетены вместе, ПГКУБ 09Г П-61751) 1810 г. [Там же: 331. № 7962], «Стихотворения» В. А. Жуковского в двух томах – том 2 первого издания 1816 г., том 1 второго издания 1818 г., том 2 третьего исправленного и умноженного издания 1824 г. (ПГКУБ 09Г I-62016, П-61751, П-50097) [Сводный каталог 2007: 60 № 2815], «Стихотворения» И. И. Дмитриева – тома 1 и 2 шестого исправленного и уменьшенного издания 1822–1823 гг. (сплетены вместе, ПГКУБ 09Г П-62091) [Сводный каталог 2000: 481 № 2396], «Опыты в стихах и прозе» К. Н. Батюшкова – тома 1 и 2, 1817 г. издания (ПГКУБ 09Г П-148195, П-148196) [Там же: 102 № 468].

Среди однотомных прижизненных изданий интересна «Симфония или согласие на богодуховную книгу псалмов царя и пророка Давида»

А. Д. Кантемира (Санкт-Петербург, Синодальная типография, 1727; ПГКУБ 09К 61710), отпечатанная в 1250 экземплярах, два из которых были преподнесены Петру I и его сестре великой княжне Наталье Алексеевне [Русские писатели 1968: 58]. Труды А. П. Сумарокова, изданные автором и отпечатанные в типографии Академии наук, представляют сплетенные вместе «Две епистолы Александра Сумарокова» 1748 г. [Сводный каталог 1966: 184. № 6953] и «Разныя стихотворения Александра Сумарокова» 1769 г. (ПГКУБ 09Г I-60755) [Там же: 193. № 7029].

Однотомные произведения М. М. Хераскова представлены вторым исправленным изданием «Россияды, поэма эпическая» 1786 г. (ПГКУБ 09Г I-16119) [Там же: 338. № 8025], вторым изданием сочинения «Нума, или Процветающий Рим» 1793 г. (ПГКУБ 09Г II-64211) [Там же: 334. № 7985], изданием 1800 г. «Царь, или Спасенный Новгород, стихотворная повесть» (ПГКУБ 09Г II-60773) [Там же: 339. № 8033]. В ПГКУБ сохранились также издания: Г. Р. Державина «Гимн лиро-эпический на прогнание французов из Отечества 1812 года...» 1813 г. (ПГКУБ 09Г III-173377) [Сводный каталог 2000: 451. № 2245], В. А. Жуковского «Переводы в прозе» 1826 г. (ПГКУБ 09Г II-62060) [Сводный каталог 2007: 58. № 2809].

Переводческие опыты русских писателей представлены В. К. Тредиаковским: в ПГКУБ сохранилось двухтомное издание 1751 г. «Аргенида» Джона Баркли (ПГКУБ 09Г I-62421; 09Г I-62422). Авторы переводов (хоть они и были известны), как и в этом издании, не всегда указывались [Сводный каталог 1962: 74. № 390].

В фонде ПГКУБ найдены 49 прижизненных публикаций стихотворений и отрывков из произведений А. С. Пушкина в журналах и сборниках, в том числе за подписью «А. П.», «Н. к. ш. п.», «Св...чк», «Я». Поиск осуществлялся путем сверки названий из фонда библиотеки по картотеке периодических изданий с библиографическими списками [Приложения к сочинениям А. С. Пушкина 1860: 9–21]. Прижизненные публикации А. С. Пушкина представлены в следующих изданиях: «Северные цветы», «Полярная звезда», «Подснежник», «Сын Отчества», «Невский зритель», «Библиотека для чтения», «Труды вольного общества любителей Российской словесности». Часть отрывков была опубликована Н. И. Гречем во 2-м издании «Учебной книги русской словесности, или избранных местах из русских сочинений и переводов в стихах, прозе, с присовокуплением кратких правил риторики и пиитики и истории русской литературы» (1830).

Таким образом, мы видим, что в фонде ПГКУБ на данный момент среди прижизненных изданий русских авторов конца XVIII – первой трети XIX в. выявлено 22 моноиздания, семь собраний сочинений, 15 многотомных и 10 однотомных изданий.

Несомненно, что для исследователей русской литературы конца XVIII – первой трети XIX в. важно иметь представление о том, как выглядят синхронные издания изучаемых текстов. В ПГКУБ собрана уникальная коллекция книг конца XVIII – первой трети XIX в., работа с которыми дает дополнительные возможности для ведения исследований по различным направлениям, в том числе по книговедению, литературоведению и языкознанию.

Библиографический список

ГОСТ 7.60-2003: Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Издания. Основные виды. Термины и определения. 41 с.

Батюшков К. Н. Сочинения / Вступ. ст. Л. А. Озерова; Подг. текста и примечания Н. В. Фридмана. Москва: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1955. 452 с.

История русской литературы XVIII века. Библиографический указатель / Сост.: В. П. Степанов, Ю. В. Стенник. Под ред. П. Н. Беркова. Л.: Наука, 1968. 500 с.

Ломоносов: Сборник статей и материалов VIII. Ленинград: Наука, 1983. 171 с.

Приложения к сочинениям А. С. Пушкина, изданным Я. А. Исаковым. Библиографический список всех произведений А. С. Пушкина, дополнения, черновые отрывки, не вошедшие в тексты в примечания / Сост. Г. Геннади. Санкт-Петербург, 1860. [8], 114, 171, [5] с.

Русские писатели XVIII и XIX ст. / Под общ. ред. П. А. Ефремова. Санкт-Петербург: Издание И. И. Глазунова, 1868. 514 с.

Сводный каталог русской книги : 1801–1825 / Отв. ред. И. М. Полонская ; Рос. гос. б-ка. М.: Пашков дом. – 25 см. Т. 1: А–Д. 2000. 584 с., 8 л. ил.

Сводный каталог русской книги: 1801–1825. Т. 2: Е–Л / [сост. И. В. Барке и др.]. М.: РГБ, 2007. 551 с., ил.

Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. В 5 т. / М-во культуры РСФСР. Гос. Ордена Ленина б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Б-ка Акад. Наук СССР. Гос. Публ. Ист. Б-ка РСФСР. Науч. Б-ка им. А. М. Горького МГУ. М., 1966–1975. Т. 1: А–И. 1962. 434, [1] с.: ил.

Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. В 5 т. / М-во культуры РСФСР. Гос. Ордена Ленина б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Б-ка Акад. Наук СССР. Гос. Публ. Ист. Б-ка РСФСР. Науч. Б-ка им. А. М. Горького МГУ. М., 1966. Т. 3: Р–Я. 1966. 514, [2] с.: ил.

M.V. Shpakova

Head of Rare Books Department

Perm State Regional Universal Library named after A.M. Gorky

Y.S. Kosyakina

Librarian of Rare Books Department

Perm State Regional Universal Library named after A.M. Gorky

**ANTEMORTEM PUBLICATIONS OF RUSSIAN WRITERS OF THE END OF THE
18TH CENTURY AND THE FIRST THIRD OF THE 19TH CENTURY
IN THE FUND OF PERM REGIONAL LIBRARY NAMED AFTER A.M. GORKY**

The article describes the results of identification of the antemortem publications of Russian writers of the end of the 18th century and the beginning of the 19th century. Repertoire of the works is classified by the composition of the basic tests and methods of organizing the publications. Authors also write about the availability of these antemortem publications in the fund of the Perm State Regional Universal Library named after A.M. Gorky so it can help improving interest and access for these works for researchers.

Key words: Russian literature of the late XVIII – early XIX century, lifetime editions of Russian writers, Perm State Regional Universal Library named after A.M. Gorky

Научное издание

Филология в XXI веке

Выпуск 1(1) / 2018

Корректор *И.И. Разумихина*
Компьютерная верстка *И.И. Русиновой*
Художник *Л.Г. Писорого*
Макет обложки *Т.А. Басовой*

Подписано в печать 24.08.2018. Выход в свет 28.08.2018
Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 18,72
Тираж 500 экз. Заказ 173

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Типография
Пермского государственного
национального исследовательского университета
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Распространяется бесплатно